

АЛЕКСЕЙ ТОЛОЧКО

ОЧЕРКИ НАЧАЛЬНОЙ РУСИ

АЛЕКСЕЙ ТОЛОЧКО

ОЧЕРКИ
НАЧАЛЬНОЙ
РУСИ

КИЕВ · САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
LAURUS
MMXV

УДК 94(477)"08/12"

ББК 63.3(4Укр)41

Т52

Толочко А. П.

Т52 Очерки начальной руси / Алексей Толочко. — Киев ; Санкт-Петербург :
Лаурус, 2015. — 336 с.

ISBN 978-966-2449-68-6

История Киевской Руси возникла как комментированный пересказ летописи. Преимущественно такой она остается и сегодня. Но летопись — Повесть временных лет — была создана в начале XII века. От событий, с которых она начинает свой рассказ, ее отделяют два с половиной века. Ее сообщения по большей части легендарны или вовсе выдуманы, и никакими достоверными источниками, которых мы не знали бы сегодня, летописец не располагал. Его рассказ выстраивается в характерную для средневековых хронистов «повесть о происхождении»: откуда пришла правящая династия и как обрела подвластный ей народ. Это выдающееся литературное произведение, но совершенно недостоверная история. Никаких причин продолжать основывать на нем наши знания о прошлом не существует.

Как могла бы выглядеть начальная история Руси без Повести временных лет? Попыткой ответить на этот вопрос есть новая книга известного украинского историка Алексея Толочко.

УДК 94(477)"08/12"

ББК 63.3(4Укр)41

Литературный редактор *Светлана Гайдук*

Редактор издательства *Николай Климчук*

Художник *Елена Старанчук*

ISBN 978-5-9905583-0-4 (обложка, СПб.)

ISBN 978-5-9905583-1-1 (переплет, СПб.)

ISBN 978-966-2449-68-6 (переплет, Киев)

ISBN 978-966-2449-75-4 (обложка, Киев)

2015 © Алексей Толочко

2015 © Издательство «Лаурус»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
-------------------	---

ГЛАВА ПЕРВАЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ДЕЯНИЯХ РУСОВ

1. Откуда Норманнская земля стала есть	17
2. Повесть временных лет и «предшествующие своды»	20
3. «Память и похвала Владимиру» Иакова Мниха и летопись	35
4. «Начальный свод» и Повесть временных лет	40
5. Что знали в Киеве о древней истории?	43
6. Византийско-русские договоры и их роль в создании летописи	49
7. Хронология Повести временных лет	59
8. История с этнографией	68
9. «Путь из варяг в греки»	81
10. Странствующий княжеский род	92
11. «Съвѣтъ сътвориша Кыяне»	98

ГЛАВА ВТОРАЯ НАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РУСИ: ИСТОЧНИКИ И ГИПОТЕЗЫ

1. «Почтенная Ост-Европейская компания»	103
2. Неуловимый «русский каганат»	112
3. «Конунганат»	124
4. «Каган русов» в источниках	128

5. Русы в источниках	136
6. Утерянный ключ	151
7. Скандинавские древности Восточной Европы: места, числа, интерпретации	158
8. Дальняя торговля скандинавов в Восточной Европе	172
9. Ибн Фадлан и его встреча с русами	181

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КИЕВСКАЯ РУСЬ: ОТ ТОРГОВОЙ КОМПАНИИ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

1. Исторические карты	191
2. О росах, отправляющихся с моносилами из России в Константинополь	195
3. Зимний и суровый образ жизни	214
4. Восточноевропейская работоторговля в кругу аналогий	219
5. «Шелковый путь»	238
6. Росы в Константинополе	256
7. Повесть о трех городах	264
8. Компания: владельцы и служащие	275
9. Город Киев и его обитатели	282
10. Конец восточной торговли и начало Руси	297

ЭПИЛОГ

Черты политической истории киевской руси	305
--	-----

<i>Указатель</i>	316
------------------------	-----

По ріці пливли човни з трикутниками вітрил. Перед тим як рушити через пороги, на берегових кручах з своїм полоном спинявся похмурий, закутий в залізо рудоволосий конунг, князь. Князь — грабіжник — работорговець — крамар — гість.

Берегом він гнав м'язистих широкоплечих парубків і вродливих дівчат, рабів і рабинь, загарбаних по спалених селищах на самотніх річках в цілинній глибині нерубаних лісів. Він віз з собою на лодіях зв'язки хутер, сріблясто-чорні, синяво-димчасті, червоно-жовті коштовні хутра. Дбайливо перев'язані рогожами й ликом лежали паки хрому, юхти, сап'яну, тонко вичинених зелених, червоних, чорних, синіх шкір. В'їдливо й гостро пахли баранячі хутра.

Вертаючи з Візантії, конунг-володар привозив з собою коштовні золототкані тканини, паволоки й оксамити, прозоротонкі барвисті шовки й важку парчу, жовті вузькогорлі конусовидні амфори з міцним і солодким вином, золоті й срібні нашийні кола для своїх жінок, колти з птахом-сирином, а разом з тим незнані доти уявлення про муровані міста, палаци й церкви, про релігію й державу, про Божу владу Церкви й державну владу царя. Конунг мріяв стати басилевсом, царем. з Олафа й Інгвара — Васи́лієм.

Виктор Домонтович. «Без почвы»

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Киевской Руси возникла как комментированный пересказ летописи. Преимущественно такой она остается и сегодня. Но ни в какой другой области наука не оказалась так зависима от летописной повести, как в суждениях о возникновении Киевского государства.

Летопись рассказывает о расселении славян вдоль больших рек, о том, как они были «обидимы» хазарами, как призвали на княжение варяжских князей, освободивших их от чужеземной дани; как Олег захватил Киев, убив Аскольда и Дира, как осаждал Царьград и отомстил неразумным хазарам; как древляне убили князя Игоря, а его жена Ольга жестоко отомстила за то; как ходил в походы Святослав и как крестился Владимир. Ту же историю, но более темным языком, рассказывает наука: о славянской колонизации Восточноевропейской равнины, о призвании скандинавского княжеского рода и заключении с ним «договора», о возникновении государственного образования на севере с центром в Новгороде и объединении его с государственным образованием на юге, вокруг Киева, о расширении территории путем подчинения племенных княжений и внешнеполитическом противостоянии с Хазарским каганатом и Византийской империей. Эти научные проблемы (а на самом деле — эпизоды летописного рассказа) обсуждаются из книги в книгу, с различными, как кажется исследователям, толкованиями, но в порядке и контекстах, предложенных летописью. Даже историки, не склонные просто доверять ее свидетельствам, выстраивают свои аргументы как оппонирование древнему автору. Летописный рассказ, следовательно, служит своего рода стержнем, на который — соглашаясь или оспаривая — историки нанизывают свои интерпретации. Этому же способствует и традиция начинать историографические обзоры едва ли не с трудов XVIII века,

но в любом случае — с толкования перелагателей летописи Карамзина и Соловьева (а в украинской традиции — Грушевского), неизбежно помещающая всякий новый разговор внутри воспроизводимой этими авторами повествовательной структуры летописи. Синтезы ранней истории Руси оказываются попросту переводом летописи на язык науки.

Но летопись — Повесть временных лет — была создана в начале XII века. От событий, с которых она начинает свой рассказ, ее отделяют два с половиной века. Ее сообщения по большей части легендарны или вовсе выдуманы, и никакими достоверными источниками, которых мы не знали бы сегодня, летописец не располагал. Его рассказ выстраивается в характерную для средневековых хронистов «повесть о происхождении»: откуда пришла правящая династия и как обрела подвластный ей народ. Это выдающееся литературное произведение, но совершенно недостоверная история. Никаких причин продолжать основывать на нем наши знания о прошлом не существует.

Как могла бы выглядеть начальная история Руси без Повести временных лет? Попыткой ответить на этот вопрос есть настоящая книга.

Эта книга — не научная монография. Она выросла из курса лекций, который мне в течение ряда лет (2002—2010) довелось читать в Киево-Могилянской академии. Такое происхождение объясняет ряд особенностей этого издания, в научном исследовании выглядевших бы очевидными недостатками: местами «популярный» тон и отсутствие исчерпывающей библиографии. Второе обстоятельство требует объяснения. После двухсот с лишним лет «научной разработки» истории Киевской Руси не осталось такого вопроса или «проблемы», которые не были бы обсуждены в десятках книг и сотнях, а то и тысячах статей. Ни одна книга не в состоянии интегрировать подобный объем историографии без риска превратиться в библиографический справочник. Отсутствие той или иной работы среди ссылок не означает, разумеется, что «автор не учел» или «автору осталось неизвестно». Автору осталось известно. Но всякий исследователь работает только с избранным набором идей и подходов, а следовательно, взаимодействует с ограниченным сегментом историографического предания, добросовестно отражая это в научном аппарате. Тем не менее, перечитывая многие труды во время печатания моей работы, я заметил, что в некоторых

местах высказываю положения, уже обнародованные ранее, а в других — не обратил внимания на противоречащие моим утверждениям мнения. Ставлю это себе в вину.

Идея этой книги достаточно традиционна для отечественной исторической мысли. Она состоит в том, что ведущую роль в экономической жизни Восточной Европы IX–X веков играла работоторговля, вокруг которой сформировался ряд сообществ, несколько комплиментарно именуемых в книге «торговыми компаниями». Именно они были главными историческими персонажами эпохи, именно о них и их деятельности и говорят дошедшие до нас источники. В этом смысле концептуально книга примыкает к тем представлениям о решающей роли торговли в становлении общественных порядков Руси, которые развивал В. О. Ключевский, а также к влиятельным в свое время идеям о значении рабства и работоторговли для экономического и социального развития Восточной Европы.

Эта книга — не очерк истории Восточной Европы. Ее фокус значительно уже: история возникновения и возвышения одной из групп скандинавских работоторговцев, действовавших в Восточной Европе и известных из источников как русы. Это сообщество, в самом конце IX века обосновавшееся в Среднем Приднестровье и наладившее торговые отношения с Византией, а через столетие давшее начало Киевскому государству. В книге поэтому отсутствуют или только в связи с основной темой и очень поверхностно затрагиваются другие, весьма важные и самостоятельные, сюжеты восточноевропейской истории IX–X веков — такие, например, как этнический состав населения Восточноевропейской равнины или социальные, политические и экономические процессы в его среде.

Эта книга не следует какому-то определенному теоретическому подходу и тем более не претендует на вклад в метафизические размышления о происхождении государственности в Восточной Европе. В течение последнего столетия теоретическая мысль была сконцентрирована преимущественно на дискуссиях о том, как традиционная организация и потестарные структуры аграрных сообществ славян Восточной Европы (будь то «племенные княжения», «союзы племен» или «сложные вождества») перерастают в политическую структуру Киевского государства. Ввиду полного и совершенного отсутствия каких-либо сведений о внутреннем устройстве славянского общества

в IX–X веках полемика вокруг этих вопросов носит исключительно отвлеченный характер. Настоящая книга в подобных разговорах не участвует и никакой общей социологической или антропологической модели не развивает. Она лишь показывает, что в Восточной Европе политическая власть возникает не путем эволюции традиционных институтов (пусть даже «сложных вожеств») в государство, но в результате преобразования экономического и организационного доминирования одного из торговых сообществ в политическое господство. В этом не было социологической предопределенности. Вероятно, государственность в Восточной Европе могла возникнуть иным путем и в ином центре. Но так сложились исторические обстоятельства.

Всякий приступающий к изучению новой исторической темы задается тремя вопросами: какие достоверные свидетельства сохранились? что по этому поводу говорит наука? и: как все было на самом деле?

Очередность этих вопросов определила структуру книги. Ее первая глава посвящена главному и самому влиятельному из рассказов о началах Руси — летописной повести. В этой главе предпринята попытка представить, какими сведениями о древнем прошлом, отстоящем от его времени на два с лишним столетия, мог располагать летописец, приступая к написанию Повести временных лет в начале XII века; какие идеи он развивал и какими средствами добивался желаемого эффекта; наконец, наиболее важный вопрос: в какой мере современная критическая дисциплина истории может продолжать основывать свои реконструкции на средневековом литературном произведении, каковым, в сущности, и является летопись в начальной своей части.

Вторая глава — историографическая. В ней представлен критический обзор тем и гипотез, наиболее часто обсуждаемых в новейшей литературе в связи с возникновением и начальной историей Руси. Их, как правило, представляют в качестве альтернативы наиболее легендарным сообщениям летописи. В действительности, оказывается, мы имеем дело с другого рода мифологией — научной.

Наконец, третья глава представляет собой попытку ответить на вопрос, что мы в состоянии сказать о Киевской Руси X века достоверно, без опоры на летописное баснословие и историографические домыслы.

Считаю своим приятным долгом высказать благодарность коллегам, с которыми я обсуждал идеи этой книги в процессе ее написа-

Предисловие

ния, а затем еще и обременил чтением рукописи: Ф. А. Андрощуку, И. Н. Данилевскому, В. М. Рычке, В. И. Ставискому, П. П. Толочко. Не всех и не во всем мне удалось убедить, но их советы и критика немало способствовали улучшению книги. Все ее просчеты, разумеется, принадлежат исключительно мне.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ
И ДѢЯНИЯХ РУСОВ

1. ОТКУДА НОРМАННСКАЯ ЗЕМЛЯ СТАЛА ЕСТЬ

История о происхождении руси и деяниях первых киевских князей впервые была рассказана в Повести временных лет, летописи, завершённой в 1116 году игуменом Выдубицкого монастыря Сильвестром. Вероятно, и ранее этого времени в Киеве бытовали какие-то представления о древнейшем прошлом (например, в виде генеалогической легенды княжеского дома или преданий, сохраняемых в устной памяти), но только Сильвестр собрал воедино эти разрозненные фрагменты, дополнил их вычитанными из византийских хроник известиями и расположил вдоль оси христианской хронологии. Он предварил свой рассказ ветхозаветной историей Вавилонского столпотворения, разделения языков и расселения народов «по лицу земли», определив место своего народа и государства в грандиозной картине истории человечества.

Получившийся таким образом рассказ о народе русь, первоначально проживавшем в Скандинавии, а затем вместе со своими князьями мигрировавшем в Восточную Европу и через Новгород (или Ладогу) достигшем Киева, где — среди славян — устроил себе государство, представляет собой классическое *origo gentis*, жанр средневековых повестей «о происхождении народов». Ценность подобных *origines* для реконструкции прошлого народов невысока, и наука давно научилась обращаться с ними как с культурными артефактами, признавая за ними значение памятников исторического воображения своей эпохи, но в поисках достоверного знания обращаясь к свидетельствам другого рода.

Не так случилось с рассказом Повести временных лет. С XII по XVII век он был растиражирован во множестве летописных компиляций и стал единственной версией происхождения Руси, а с возникновением в XVIII веке светской историографии был естественно по-

ложен в основу изложения древнейшей истории Восточной Европы. В структурно неизменном виде его унаследовала научная историография XIX века, уточнявшая детали, но по сути воспроизводившая все тот же рассказ о призвании варягов, их водворении в Новгороде, походе Олега на Киев, основании здесь нового государственного центра, из которого князья затем совершают походы на соседние славянские племена и на Византию. Летописное повествование стало парадигмой для начальной истории Руси: еще не открыв очередную книгу, мы уже твердо знаем, каких персонажей там встретим, в каком порядке, какие их подвиги будут обсуждаться. Нам известен сюжет этой истории.

Почти за столетие до летописи Сильвестра, в 1015 году, на другом конце Европы был завершен исторический труд, рассказывавший аналогичную историю иного переселенческого народа из Скандинавии. В хронике, озаглавленной *De moribus et actis primorum Normanniae ducum*, Дудо Сен-Катенский отвечал, в сущности, на те же вопросы, что и автор Повести временных лет: откуда пришел и как водворился среди франков народ норманнов, кто были их первые вожди, словом — откуда Норманнская земля стала есть¹. История Дудо движется в направлении, противоположном летописному: первоначально норманны были обитателями Северного Причерноморья даками и жили на границах с Аланией (*сице бо ся звахуть ти урмани даци*). Вследствие внутренних войн и несогласий часть из них под предводительством герцога Ролло погрузилась на шесть кораблей и в поисках новой родины отплыла на север, на остров Сканию, оттуда — в Англию, затем — во Фризию. Всюду Ролло и его даки одерживали множество славных побед, пока наконец не достигли Франции, где нашли обильную и плодородную землю, лежащую в небрежении (*земля велика и обильна, а наряда в ней нет*), и частью силой, частью по договоренности с «королем франков» водворились в ней навсегда. Ролло разделил землю между предводителями своего народа и *седе ту княжа и раздая мужем своим волости*.

Достоверного в рассказе Дудо примерно столько же, как и в рассказе Сильвестра: они принадлежат к одному жанру и одному типу

¹ *De moribus et actis primorum Normanniae ducum auctore Dudone Sancti Quintini decano*, ed. Jules Lair (Caen, 1865).

исторического мышления. Разница — в историографических карьерах. Сегодня невозможно встретить историю Нормандии, основанную на сюжете Дудо. Такой труд не вызвал бы ничего, кроме изумления. Напротив, Повесть временных лет постоянно присутствует в рассуждениях исследователей. Они обсуждают юридические детали «ряда», заключенного Рюриком с призвавшими варягов племенами, или исторические обстоятельства похода Олега из Новгорода на Киев и объединение «южной» и «северной» Руси, или сообщения о многочисленных победах этого князя над «окольными» славянскими племенами и даже их даты, ищут «историческое зерно» в предании об уплате полянами дани хазарам или об убийстве Аскольда и Дира. Постоянное обсуждение этих и подобных сюжетов привело к тому, что в современных изложениях ранней истории Киевского государства мы имеем дело, по сути, с рассказанной «научным языком» летописной легендой.

Историческая реконструкция должна основываться на источниках другого рода: современных событиям и не повествовательных. Таковых, увы, не много в нашем распоряжении: три сохранившихся византийско-русских договора (911, 944 и 971 год) и два сочинения, приписываемых Константину Багрянородному: «Об управлении империей» и «О церемониях византийского двора». Это тексты либо актовые, либо дескриптивные. Для исторического повествования они обладают существенным недостатком: отсутствием сюжета, «движения» истории, а также неизбежной фрагментарностью картины в противовес иллюзорной «полноте» истории в летописи. Эти изъяны вполне компенсируются большей достоверностью. В сущности, именно в этом — отказе от опоры на нарративные источники при реконструкции прошлого — и состояла методологическая революция, произведенная Леопольдом фон Ранке в европейской историографии. Для дисциплины древнерусской истории она прошла незаметно².

Красочная летописная повесть о странствиях народа русь и его князей из Скандинавии в Киев должна быть сдана в архив, туда, где уже больше двух столетий пылятся, вместе с рассказом Дудо Сен-

² Ранке не произвел никакого впечатления на С. М. Соловьева, посещавшего его лекции в Берлине: «Слышал Ранке, коверкавшего на кафедре, как пьяная обезьяна, и желавшего голосом и жестами выразить характер рассказываемого события» (см.: Соловьев С. М. *Мои записки для детей моих, а если можно, и для других*).

Катенского, «тройанские» и «римские» предания о происхождении других европейских народов.

Но, прежде чем распрощаться с летописным рассказом, нужно знать, как «сделана» летопись. Три темы, развиваемые начальной летописью, будут занимать нас прежде всего. Это: 1) летописная «этнография» Восточной Европы; 2) путь «из варяг в греки» и 3) путь княжеского рода и «обретение родины» русью.

2. ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ И «ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ СВОДЫ»

Как ясно из предыдущих замечаний, настоящее изложение исходит из предположения, что Повесть временных лет была первым опытом создания русской истории. Нет сомнения, что и до Сильвестра существовали какие-то записи исторического характера, вероятнее всего, в форме отрывочных анналистических заметок о недавних событиях. Они вошли в летопись, составив ее известия за середину — вторую половину XI века. За пределами этих записей лежала вся древнейшая русская история, от которой не сохранилось никакого письменного отчета. Откуда происходит русь? Как русь оказалась в Киеве? Кто были ее первые князья и какие героические деяния они совершили? Обо всех этих предметах в начале XII века существовало самое смутное представление. А меж тем, только ответы на подобные вопросы о начале и происхождении придавали смысл истории. Воссоздать для руси древнейшее прошлое и соединить его с временами историческими, отраженными в записях или памяти живущего поколения, было первостепенной задачей автора Повести временных лет. Именно здесь впервые появляется *origo gentis russozum*, читаемое ныне в начальных (до второй половины X века) известиях Повести временных лет.

Но в историографии существуют и другие взгляды на возникновение киевского летописания. Наиболее влиятельными оказались воззрения, опирающиеся на сумму гипотез, высказанных на рубеже XIX и XX веков замечательным российским филологом А. А. Шахматовым. В рамках этих представлений, Повести временных лет предшествовал целый ряд летописей, каждая из которых уже содержала свой собственный рассказ о «первых временах». Более того, сочине-

2. Повесть временных лет и «предшествоющие своды»

ние истории началось именно с древнейшего периода, и первые опыты представляли собой не разделенный на погодные статьи рассказ о древних князьях.

Прежде чем говорить о том, как «сделана» Повесть временных лет, следует хотя бы кратко остановиться на том, как делались «предшествоющие ей своды» в научной традиции.

Коль скоро Повесть временных лет вобрала в себя предыдущие летописные произведения, Шахматов полагал, что научная критика в состоянии произвести обратную процедуру: извлечь из ее текста эти древние «своды» и воссоздать их в близком к первоначальному виде. «Извлечению» и «восстановлению» был посвящен самый знаменитый труд крупнейшего исследователя летописей: вышедшая в 1908 году книга «Разыскания о древнейших русских летописных сводах»³. Повесть временных лет в этой работе оказалась подобна матрешке: «раскрыв» ее, Шахматов обнаружил внутри более древнюю летопись, названную им «Начальным сводом». Он был составлен в 1095 году и доводил свое изложение до 1093-го. Внутри «Начального свода» исследователь выявил еще более древний, названный им «Киевопечерским сводом 1073 г.», внутри которого содержался самый древний — «Древнейший свод», созданный в 1039 году по случаю учреждения в Киеве митрополии⁴. Поиски все более древних летописей воспроизвели сказочный сюжет охоты на Кощея, чья смерть «на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кошей как свой глаз бережет».

«Главным результатом» своего труда Шахматов считал восстановленные им тексты трех летописных сводов: «Древнейшего», «Киевопечерского 1073 г.» и «Древнего новгородского». В научности и надежности своих реконструкций он был уверен настолько, что напечатал «воскрешенные» летописи, как будто они были реально дошедшими до нас текстами. Он действительно думал, что дальнейшие суждения о древнейшем прошлом должны теперь опираться на эти открытые строгой научной критикой реконструкции подлинных, еще не иска-

³ Шахматов А. А. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*. СПб., 1908.

⁴ Это не единственная «матрешка» в построениях Шахматова. В «Печерском своде 1073 года» он обнаружил «Новгородский свод 1050 года», в нем — «Новгородский свод 1036 года», в нем — «Новгородскую летопись 1017 года».

женных последующими редакторами, сводов, чья вещественность, материальность представлялась ему едва ли не большей, чем у списков Повести временных лет. Какое-то время, действительно, считалось, что произошел прорыв, и в распоряжении историков оказался целый ряд более древних, чем «поздняя» Повесть временных лет, а следовательно, и более аутентичных источников, позволявших гораздо увереннее судить о событиях отдаленного прошлого. Впрочем, первая же попытка опереться на шахматовские реконструкции — напечатанная в 1913-м книга М. Д. Приселкова — продемонстрировала их сомнительную ценность для практического исследования. Даже сам Шахматов, смущенный результатом, пожурил автора за то, что тот поставил между собственным исследованием и источниками его, Шахматова, «научные фикции», те самые древнейшие своды, восстановление которых считал главным результатом собственного исследования. Еще резче (и точнее) высказался В. З. Завитневич, назвавший исследование, основанное на фикциях, образчиком «научного футуризма».

Оказалось, что никакого практического значения для исторической реконструкции опубликованные Шахматовым тексты не имеют. Даже наиболее пылкие сторонники шахматовских идей впоследствии избегали напрямую пользоваться его «воссозданиями». Этот довольно строгий суд парадоксальным образом не привел к переоценке методологических принципов и исследовательского инструментария, на основании которых был получен такой обескураживающий результат. Прохладно встреченные крупнейшими авторитетами того времени⁵, уже через поколение идеи Шахматова стали безусловным *сredo* в исследовании древнейшего летописания. На то были свои причины, среди которых не последней оказался общий упадок «исторического ремесла» в советской науке. Ослепительный блеск шахматовского дарования и особенная манера изложения, строящегося как последовательная череда трудных головоломок, всякий раз счастливо разгадыва-

⁵ См., например, критические замечания Истрина и Брюкнера: Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания: По поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи. *Известия отделения русского языка и словесности Российской АН за 1921 г. Л.*, 1923, т. 23, 45—102; *Известия... за 1922 г. Л.*, 1924, т. 24, 207—251; Aleksander Brückner. Rozdział z «Nestora». *Записки наукового товариства ім. Шевченка*. Том CXLI—CXLIII. Львів, 1925, 1—15.

емых на глазах у читателя, заворожили не одно поколение. Не всегда понимая существо или качество текстологического аргумента Шахматова, исследователи спешили перелистать книгу в конец, к выводам, стремясь запомнить общую схему и последовательность «древнейших сводов». Преимущественно только этот пласт и оказался освоенным историографией.

Между тем, поскольку практиковавшаяся Шахматовым текстология была весьма «романтического» свойства, то и строгость критики текста не принадлежала к ее определяющим качествам. Чаше всего говорят о «ряде остроумных догадок», что, в зависимости от отношения, бывает то похвалой, то критикой. Для исследователей, воспитанных в иной текстологической традиции, характерные черты шахматовской манеры были очевидны сразу же и не свидетельствовали в пользу достоверности полученных на их основании реконструкций. Весьма емко это выразил в свое время С. А. Бугославский:

А. А. Шахматов [...] исходит чаще всего из анализа смысла, связи, логики автора, нередко усваивая последнему свое мышление. Другими словами, он применяет методы преимущественно конъектуральной критики. Шахматов предъявляет к летописцу чрезмерно повышенные требования строгой логичности, последовательности мышления; он не допускает у него возможности противоречий, забывчивости, неумения синтаксически ясно построить свое изложение. Шахматов предполагает у каждого редактора-переписчика наличие безупречного литературного мастерства, законченности формы, стиля и четких формулировок. Если летописец не отвечает какому-либо из этих требований, Шахматов усматривает в его тексте позднейшую вставку или искажение. [...] Применяя однородные конъектуральные приемы анализа текстов, Шахматов приходит к однотипной характеристике работы летописцев различных эпох. По Шахматову, почти каждый редактор-переписчик свода, копируя свой основной источник, сверял его с другим сводом, выбирал то из одного, то из другого своего источника не только статьи и фактические данные, но отдельные фразы, слова, даже орфографию слов. Такой взгляд на метод работы летописца представляется нам модернизацией; он напоминает скорее кропотливое сличение текстов, подведение вариантов, выполняемые современными филологами, чем творчество летописца⁶.

⁶ Бугославский С. А. «Повесть временных лет» (списки, редакции, первоначальный текст). *Старинная русская повесть. Статьи и исследования*. М.—Л., 1941, 9, 12.

Нескольких примеров «остроумных заключений» будет достаточно, чтобы продемонстрировать метод, которым «сделаны» древнейшие своды.

Твердя о «Древнейшем своде 1039 г.», исследователи мало задумывались над тем, как, собственно, Шахматову удалось определить его окончание, а следовательно, и узнать дату его составления. Из рассуждений Шахматова выходило, что он не мог обнаружить продолжения этого «Древнейшего свода» за пределами 1040 года. А вместе с тем получалось так, что свод должен непременно оканчиваться знаменитым сообщением о строительстве князем Ярославом нового города и сооружением в нем церкви, первым делом — Софийского собора. Но это сообщение твердо датировано 1037 годом. Откуда же 1039-й? Шахматов обратил внимание, что под 1039 годом в Повести временных лет читается сообщение об освящении митрополитом Феопемптом Десятинной церкви. Это сообщение он «поставил в связь» с предшествующим о Софии и «принял», что на самом деле в статье 1039 года говорилось не о Десятинной церкви, но о Софии. Коль скоро так, то и размещалось это сообщение где-то внутри похвалы Ярославу. Его-де «извлек» оттуда составитель «Начального свода» и — заменив якобы первоначальное «си» (т. е. «эта», София) на «церковь святая Богородица юже созда Володимерь отец Ярослава» — переставил зачем-то на новое место. «Само собой напрашивалось предположение», что в исправленном таким образом сообщении речь шла об окончании постройки Софийского собора, и само сообщение читалось в окончании «Древнейшего свода»⁷. Шахматов нашел ему «надлежащее» место внутри статьи 1037 года и опубликовал в таком виде в реконструкции текста «Древнейшего свода»⁸. Оказывалось, что описание строительной деятельности Ярослава состояло из двух статей — 1037 года о закладке и 1039 года о завершении Софии.

Какие же текстологические основания были у Шахматова для этой цепи произвольных предположений? Что могло изначально указывать на статью 1039 года как на перемещенную на ненадлежащее место? Может быть, статья 1039 года чем-то выдавала свою искусственность? Или в ней обнаруживались грамматические следы позднего редак-

⁷ Шахматов А. А. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*, 414–415.

⁸ Шахматов А. А. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*, 583.

тирования? Или, наконец, были какие-то другие, пусть даже и поздние, летописи, где эта статья находилась на предполагаемом Шахматовым месте?

И содержание, и — что важнее — самый текст статьи совершенно прозрачны и не вызывают никаких сомнений. Во всех доступных Шахматову древнейших списках эта статья стоит под 1039 годом и говорит о Десятинной церкви⁹. Никаких других списков, в которых текст говорил бы о Софии или помещался внутри статьи 1037 года, в распоряжении Шахматова не было, как нет и сейчас¹⁰. Словом, с точки зрения критики текста не должно было возникать даже самого толчка к сомнениям и поискам. Как, вероятно, не должно существовать и «Древнейшего свода».

Что же заставило — в отсутствие текстологических оснований — искать начало летописной работы именно в указанных Шахматовым хронологических пределах? Наука времен Шахматова полагала, что со времен крещения при Владимире и до времен Ярослава на Руси не существовало митрополии. Она была основана только в конце 1030-х годов, а известие о постройке Софийского собора («митрополии») и есть сообщением о ее учреждении. Возникновение митрополии и стало «побудительной причиной» к составлению произведения о прошлом территории и народа, оказавшихся в опеке митрополита. Прибывший в новую страну митрополит Феопемпт следовал «освященному на родине своей [т. е. в Византии. — А. Т.] примеру» и «побудил кого-ли-

⁹ Ср. Лавр.: «В лѣтѣ . ꙗꙋ . ѿ . мѣз . [6547 (1039)] Сѣщена быѣ цркви сѣтъна Бѣа . юже созда Володимерь ѿцѣ Ярославль . митрополитомъ Феопомтомъ» (ПСРЛ 1: 153); Ипат.: «В лѣтѣ . ꙗꙋ . ѿ . мѣз . [6547 (1039)] Свѣсна быѣ цркви сѣтъна Бѣа . юже созда Володимерь ѿцѣ Ярославль . митрополитомъ Феопеньтомъ» (ПСРЛ 2: 141). Так же читалась статья и в тех новгородских летописях XV века — Софийской первой и Новгородской четвертой, которые Шахматов привлекал для реконструкции, ср.: «Въ лѣто 6547 священа бысть церкви Святая Богородица митрополитомъ Феопентомъ, иже созда князь великий Владимиръ, отецъ великаго князя Ярослава» (ПСРЛ 5, 1: 128); «Въ лѣто 6547. Священа бысть церкви святыя Богородица митрополитомъ Феопентомъ, юже създа князь Володимерь, отецъ Ярославъ» (ПСРЛ 4: 115).

¹⁰ Шахматов, правда, зачем-то ссылался на Ермолинскую летопись, но и здесь читал: «В лѣто [5]547. Митрополитъ Феопемтъ свяща святую Богородицу, юже великий Владимиръ созда» (ПСРЛ 23: 21).

бо из своих причетников составить первую русскую летопись»¹¹. Эта изящная гипотеза оказалась ошибочной. Как было твердо установлено впоследствии, митрополия была учреждена в Киеве еще в конце X века, не позднее 997 года¹².

Это пример конкретного решения «головоломки», подобных которому в «Разысканиях» множество. Но и в общих своих представлениях о началах летописания Шахматов исходил из соображений, лежащих вне текстологии. Так, например, обмолвившись, что, вообще говоря, анналистический тип летописи должен исторически предшествовать повествовательному «своду» и что эти анналистические записи должны делаться современниками событий, он, тем не менее, решительно настаивал на том, что летописание впервые возникает именно как «свод» — нерасчлененный на погодные статьи связный рассказ о древних временах. Именно таковым Шахматов видел «Древнейший свод», в начальной части которого якобы содержалось всего три, вполне случайных, даты: поездки Ольги в Константинополь — 6463, одного из событий времен Святослава 6477 и начала княжения Владимира 6486, и только с 6489 сообщения начинали снабжаться годовыми номерами более-менее регулярно.

Какие соображения могли навести на такой образ летописи, учитывая, что никаких повествовательных «рассказов о древностях» до нас не дошло, а сохранившиеся летописи свидетельствуют, что в отрыве от христианской хронологии история не мыслилась? Шахматов утверждал, что образцом для имитации автору «Древнейшего свода» послужила некая «болгарская летопись». Исследователь, разумеется, знал, что никаких «болгарских летописей» не существует в природе. Он мог думать, что они были, но не дошли до нас (как по другому случаю он предположил существование «болгарской энциклопедии X века»). Балканские истоки всего древнего — это, конечно, отражение мягкого славянофильства в среде русской университетской профессуры рубежа XIX–XX столетий. Но поразительно, что реальные тексты Шахматов мерил подобным аршином, проверяя их на соответствие воображенному памятнику.

¹¹ Шахматов А. А. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*, 416–417.

¹² Andrzej Poppe. *Państwo i Kościół na Rusi w XI wieku*. Warszawa, 1968, 25–28.

Тем не менее, в «Древнейшем своде» очевидна также и анналистическая струя, в нем есть обычные для летописи датированные сообщения. Чем же объяснить внезапный переход его автора от нарративной манеры изложения (подсказанной болгарским образцом) к анналистической (для которой и образцов-то, кажется, не было)? Ведь автор мог бы без ущерба продолжать свой рассказ и о близких к его времени событиях. Причины смены манеры Шахматов не объяснил. Но он предложил сценарий того, как автор мог бы это сделать. Как быть с очевидной серией анналистических заметок, начинающихся в 1000 году и, за вычетом обширных рассказов о борьбе Ярослава со Святополком и Мстиславом, продолжающихся по 1030-е годы? Это, настаивал Шахматов, есть псевдолетопись, имитация анналистических заметок, составленная задним числом все тем же автором все в том же 1039 году. События близкие к нему, отстоящие не далее чем на двадцать лет, он мог датировать по припоминанию. Для более ранних (а это, за исключением известия под 1007 годом о перенесении мощей святых в Десятинную церковь, все сообщения о смертях в княжеском доме: некой Малфриды и матери Ярослава Рогнеды в 1000 году, Изяслава Владимировича в 1001-м, Всеслава Изяславича в 1003-м, наконец, «цесарицы» Анны в 1011-м) он прибег к княжескому помяннику, выписав из него в ряд имена умерших. Но помянник, как известно, не содержит дат. Как же расположить имена по годам? Для этого летописцу пришлось совершить ученую экскурсию в Десятинную церковь. «Весьма вероятно», утверждал Шахматов, что над похороненными «были высекаемы на плитах [...] надписи с указанием года» смерти. Обследовав эти плиты, летописец списал указанные на них даты¹³. Разумеется, никаких надгробных плит с надписями домон-

¹³ Шахматов А. А. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*, 162. В сущности, Шахматову должно было вполне хватить одних надгробных плит, раз надписи на них содержали все необходимые элементы — и имена, и даты. Аргумент «от помянника» выглядит уже как явный overkill, излишнее и тавтологическое звено доказательства. Избыточность аргументации происходит оттого, что идею княжеского помянника Шахматов позаимствовал из незадолго перед тем вышедшей работы А. А. Куника (см.: Куник А. А. *Известен ли нам год и день смерти великого князя Ярослава Владимировича?* СПб., 1896, 20–22). А. В. Назаренко поправил Шахматова: помянник был не «сугубо княжеским», но вообще синодиком, и происходил не из поздней Десятинной церкви, но «из одного из древних киевских храмов» (надо

гольская Русь не знала. Не было их и в Десятинной церкви. Это было известно уже во времена Шахматова¹⁴. Почтенный академик Шахматов, должно быть, припомнил впечатление от посещения Шахматовым-гимназистом Архангельского собора Московского кремля, где, действительно, над могилами представителей великокняжеской фамилии были сооружены кенотафы, на которых — *pota bene* — указаны лишь имена и даты смерти¹⁵.

Предыдущие — по необходимости фрагментарные — заметки о методе и аргументах Шахматова (конечно же, не исчерпывающие его яркого наследия¹⁶) должны продемонстрировать, на каких шатких основаниях в действительности покоится неколебимая вера в унаследованную от него схему древнейшего летописания. Перефразируя Завитневича, это — текстологический футуризм. Созданные в его рамках «древнейшие своды» суть миражи.

По-своему замечательные, исследования Шахматова блистательно продемонстрировали те пределы, выходя за которые попытки расслосить текст Повести временных лет на хронологически последователь-

думать, мифической церкви св. Ильи). Именно из этого синодика в помяник Десятинной церкви были якобы заимствованы даты смерти княгини Ольги и даже некрещеного Ярополка Святославича (Назаренко А. В. *Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических отношений IX—XII веков*. М., 2001, 379). Новейшая поправка еще более экзотична: летописец якобы обследовал стены Десятинной церкви и переписал размещенные на них поминальные надписи, подобные граффито о смерти Ярослава из Софийского собора (Милютенко Н. И. *Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники* [Библиотека христианской мысли. Исследования]. СПб., 2008, 356–357).

¹⁴ О возникновении традиции надмогильных надписей только на рубеже XIV–XV вв. см.: Беляев Л. А. *Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв.* М., 1996, 246–252; Simon Franklin, “On the Prehistory of Inscribed Gravestones in Rus,” *Paleoslavica* X, 1 (2002), 105–121.

¹⁵ Разумеется, и до сооружения нынешних кенотафов в Архангельском соборе были надмогильные надписи, но их происхождение настолько неясно, а содержание — сомнительно, что исследователи обычно отказываются рассматривать их в качестве достоверных (Беляев Л. А. *Русское средневековое надгробие*, 248).

¹⁶ См. новейшее исследование: Арістов В. Ю. *Раннє літописання в дослідженнях XIX — початку XX ст.: Праці О. О. Шахматова та їхній контекст*. Автореф. дис. канд. історичних наук. К., 2014.

ные пласты и затем скомбинировать из них «предшествоующие своды» превращаются в «дело художественное», по выражению Н. И. Костомарова. Вместе с тем, главный посыл Шахматова — отодвинуть на несколько поколений вглубь первые опыты писания киевской истории — имел под собой серьезные основания в общем стремлении науки к точности и достоверности знания. К концу XIX века стало уже совершенно очевидно, что разрыв между датой создания Повести временных лет (начало XII века) и временем описываемых ею древнейших событий русской истории — IX—X века — слишком велик. Для критической («научной») дисциплины русской истории, каковой она хотела стать наряду с другими разделами исторического знания, это означало, что Повесть временных лет становится источником поздним и потому проблематичным. Позволительно ли, в самом деле, повторять суждения средневекового автора, писавшего через двести — двести пятьдесят лет после событий? Кто может поручиться, что обстоятельства были именно таковы, как описанные в летописи, да и происходили ли эти события на самом деле? Становилось все менее ясно, как в течение двухсот с лишком лет бесписьменного периода передавались знания о прошлом и что, собственно, обеспечивало точность передачи, достаточную для включения этих известий в фонд «научного» знания. Выручавшая историков в течение всего XIX века идея устной трансляции («живое народное предание») все меньше удовлетворяла и, в любом случае, переносила источник знания из разряда исторических документов в область литературы или, хуже того, фольклора.

Было очевидно, что история либо утратит статус научной дисциплины, либо пожертвует древнейшим прошлым (как к тому времени уже поступили европейские медиевисты и классики, а впоследствии поступят и скандинависты, отказавшись от реконструкции древнейшего прошлого на основании саг). Но летописная версия стала уже культурным артефактом, частью национального самосознания, а в историографии оказалась канонизирована в ряде классических трудов. Как быть без этой истории и чем заполнить образовавшуюся пустоту, совершенно неясно, и притом, изъяв эти самые яркие страницы, мы остаемся со скучным списком рождений, смертей и мелких ссор в княжеской династии.

Но если нельзя пожертвовать древнейшим периодом истории, можно попытаться поближе придвинуть к нему единственный источ-

ник — летопись. Сокращение дистанции между событием и его письменной фиксацией существенно повышает достоверность летописи. Ценой оказалась Повесть временных лет, жертва которой представлялась меньшей, чем жертва знания о прошлом. В сущности, это и двигало Шахматовым, как можно заключить из некоторых его замечаний. Отодвинув начало письменной истории на три поколения от Повести временных лет, он в значительной степени возвращал летописи статус документа. Исследователь не смог продвинуться далее 1039 года, но и сделанного было уже довольно:

Начиная с Ярославова княжения [...] свод 1039 г. становится вполне достоверным историческим источником, хотя и то, что сообщено им раньше об Ольге, Святославе, Владимире, Святополке, в значительной части своей не должно быть признано баснословным в виду сравнительно не очень большого промежутка между теми эпохами и моментом составления свода¹⁷.

В наиболее смелых гипотезах Шахматов постулировал существование новгородской летописи, начатой в 1017 году епископом Иоакимом. Эта летопись, правда, вела речь не о древних временах, а о недавних событиях, но сам факт ее существования сдвигал начало письменной истории почти к самому рубежу X и XI веков¹⁸.

Своими впечатляющими разысканиями о древнейших русских летописных сводах Шахматов предложил науке выход из кризиса. Он создал методологическую ситуацию, при которой вновь можно было практиковать «летописную историю» без смущения и внутреннего конфликта.

Но Шахматов открыл ящик Пандоры, и после его «Разысканий» поиски все более древних исторических произведений внутри Повести временных лет стали главной целью любых текстологических исследований и едва ли не единственным мотивом обращения к тексту летописи. Реальный, сохранившийся и доступный исследователям текст Повести временных лет оказался ценен лишь постольку, поскольку сохранял в себе остатки воображаемых более древних летописей. Освобожденная от пут строгого метода, «романтическая текстология» стала производить на свет все новые «научные фикции»:

¹⁷ Шахматов А. А. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*, 530.

¹⁸ Там же, 508—509.

стародавние «сказания», либо вошедшие в «Древнейший свод», либо предшествовавшие ему, либо существовавшие вместо него. Как правило, подобные «сказания» выкраивались из текста летописи путем объединения нескольких ее эпизодов. Критерии оказывались самые разнообразные: «единство темы», сходство сюжетов, «идейная выразительность», интуитивно угадываемая общность «идеологии» и тому подобные. Иногда безнадежно поздней Повести временных лет предпочитался рассказ какой-нибудь летописи XVI века, например Устюжской, каким-то непостижимым образом лучше сохранившей древний текст. Так появились на свет «Сказание о переложении книг на словенский язык» Н. К. Никольского, «Сказание о распространении христианства на Руси» Д. С. Лихачева, «Сказание о первых русских князьях» М. Н. Тихомирова¹⁹.

При этом сам по себе текст, как и прежде, не обнаруживал бесспорных признаков переделок — текстуальных швов, разрывов, наслоений, вызывавших бы к столь радикальным объяснениям. Побудительный мотив этих поисков был все тот же — передвинуть начало летописания на возможно более ранний срок, поближе к описываемым событиям, и тем спасти от «баснословия». В этом иногда сознавались, как, например, Тихомиров:

Вопрос о начале русского летописания — это вопрос не только историографический. Он имеет громадное значение и для характеристики достоверности исторических сведений о древней истории Руси в IX—X веках. Принимая за дату написания первых летописных известий середину или вторую половину XI века, многие историки со странной непоследовательностью вполне серьезно цитировали и комментировали летописные сказания, относящиеся даже к IX веку²⁰.

Дата «первого произведения», предложенная Лихачевым — 1040-е годы, — не удовлетворила Тихомирова, и свое произведение он отнес к самому началу XI века, что показалось слишком поздно для Л. В. Че-

¹⁹ См.: Никольский Н. К. *Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры*. Вып. I, Л., 1930; Лихачев Д. С. *Русские летописи и их культурно-историческое значение*. М.—Л., 1947, 58—76; Тихомиров М. Н. Начало русской историографии. В кн.: Тихомиров М. Н. *Русское летописание*. М., 1979, 46—65 (статья написана в 1960 г.).

²⁰ Тихомиров М. Н. *Начало русской историографии*, 46.

репнина, датировавшего свою летопись 996 годом²¹, а это, в свою очередь, оказалось безнадежно поздно для Б. А. Рыбакова, пытавшегося обосновать существование «летописи Аскольда», то есть хроники, ведшейся еще в конце IX века. Гипотеза Рыбакова по существу совместила начало летописания и начало истории Руси. Степень убедительности, а также историографического успеха подобных попыток «удревнить» летопись оказалась различной. Но в своей совокупности они создавали иллюзию, будто запись о событиях не так безнадежно далеко отстоит от времени самих событий; что Повесть временных лет — не «выдумка»: она в значительной части основана на длительной письменной традиции что древнейшее прошлое Руси стабилизировано и закреплено серией восходящих почти к ее истокам текстов. Начальная история была спасена для критической науки: она подтверждалась — пусть не документальными источниками, а только «сказаниями».

Объем некоторых из этих «сказаний» оказывался настолько мал, что они легко умещались бы на одном-двух листах рукописи большого формата. Их авторы не задумались, в каком виде можно представить себе существование таких миниатюрных произведений: записывались ли они на пустых листах рукописей или на внутренних крышках переплетов, подшивались ли в конце богослужебных книг? Не в виде же листовок ходили по рукам, прежде чем быть собранными воедино и переписанными в «позднюю» летопись. Отсутствие ответа, да и самого вопроса, свидетельствует, что в этой особенной текстологии текст окончательно расстался со своим материальным носителем, перемещаясь в каком-то метафизическом пространстве, но не в реалиях средневековой книжности. Призыв так называемой новой филологии принимать во внимание материальность, вещную сторону средневековой письменности — орудия и материалы письма, условия работы авторов и копиистов, совершаемый ими выбор, продиктованный форматами книг или доступностью оригиналов²², — прошел незамечен-

²¹ Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды. *Исторические записки*, т. 25. М., 1948, 293–333.

²² См., напр.: Keith Busby, ed. *Towards a Synthesis?: Essays on the New Philology* (Amsterdam and Atlanta, GA, 1993). См. также материалы специального выпуска *Speculum*, посвященного новой филологии: Stephen G. Nichols, “Philology in a

ным для изолированной от посторонних влияний дисциплины «летописеведения». Изучатели летописей уже более столетия работают с текстом и содержанием памятников, предполагая, что так же работали и летописцы. Летописи набраны типографским шрифтом и изданы в виде удобного размера книг, доступных всюду и в большом разнообразии. Современному ученому не стоит труда разложить на письменном столе пять-шесть томов Полного собрания русских летописей и сличать их в любой комбинации и последовательности. Отсюда проистекают идеи, что и летописец мог создавать свой текст, компилируя одновременно из трех или четырех источников, выбирая из них лучшие или просто понравившиеся чтения. Из современной научной практики происходит и убеждение, что летописи подвергались мелочной правке: два-три опасных или политически нежеланных пассажа могли легко быть изъяты из «задних лет», а на их место так же легко могли быть вставлены другие имена или события.

Но письменный стол — изобретение новейшего времени, средневековые авторы и копиисты работали с иными приспособлениями для письма, например с попитрами, чья небольшая площадь и вертикальный наклон не позволяли бы разложить в раскрытом виде сразу несколько тяжелых рукописей большого формата. Да и достать эти книги, даже в столичном княжеском монастыре, было делом непростым: рукописи исторического содержания (в отличие от предназначенных для церковной службы) были крайне редки. Наш воображаемый средневековый «редактор», кроме того, дважды подумал бы, прежде чем исправлять что-либо «по мелочам» в существующей книге. Любое подобное вмешательство влекло бы за собой переписывание всей книги целиком или, в лучшем случае, ее расшивку, замену тетрадей и новый переплет. Кроме мороки, это еще и приличные траты: пергамент дорог, а труд каллиграфа должен быть оплачен. Потому книги и изготовляют на заказ, по определенному случаю. Но входить в такие расходы ради двух-трех едва различимых, и то ученому текстологу, правок? (Например, чтобы добавить к имени Святополка Изяславича «и Володимер» в нескольких «выигрышных» эпизодах.) Так редактиру-

Manuscript Culture,” *Speculum*, Vol. 65, 1 (1990), 1–10; Siegfried Wenzel, “Reflections on (New) Philology,” *Speculum*, Vol. 65, 1 (1990), 11–18; Suzanne Fleischman, “Philology, Linguistics, and the Discourse of the Medieval Text,” *Speculum*, Vol. 65, 1 (1990), 19–37.

ют современную рукопись (состоящую из несшитых бумажных листов, нарезанных под единый размер), но не пергаментную книгу. Свободное занятие историческими разысканиями, ради удовольствия или по велению сердца, также идея новейшего времени.

Имея дело исключительно с текстом, можно вообразить себе любые сценарии: авторы и редакторы кроют и перекраивают его канцелярскими ножницами, переставляют любые фрагменты текста на любое место, занимаются стилистической и идеологической правкой, заменяя или изымая мелкие сообщения. В работе с рукописью текстолог лишен подобной размашистости наблюдений. Во всех документированных случаях труд летописца состоял в ведении летописи, в написании продолжения к уже существующему рассказу. Книга пополнялась новыми тетрадами в конце и переписывалась полностью только если приходила в физическую негодность (или по заказу пожелавшего иметь копию). Перемены в этот вековой порядок внесла только «бумажная революция» XV века.

Неудачными оказываются и новейшие опыты определения в составе Повести временных лет некоего древнего ядра, предположительно, осколка исторического произведения, написанного либо «в конце X — начале XI века»²³, либо в 1017 году²⁴.

Если столетние разыскания о древнейших русских летописных сводах и продемонстрировали что-либо твердо, то это тщетность подобных попыток. Быть может, неудачи происходят оттого, что наука не располагает надежным методом и задача оказывается неразрешимой. Но также очевидно и другое: никакие самые изощренные методы не могут обнаружить вещи, никогда не существовавшие.

²³ Развернутую критику одного из таких опытов см.: Ольга Страхова. «Рекоша дружина Игоревы...» К статье А. А. Гиппиуса о лингвотекстологической стратификации Начальной летописи. *Paleoslavica* XVI, 2 (2008), 217–258. О попытках провозгласить вторичные и ошибочные чтения Новгородской первой летописи исходными чтениями этого древнего «Сказания» см.: Ольга Страхова. Как обедал князь Святослав, или Стоит ли грядину городить? *Paleoslavica* XVIII, 2 (2010), 277–288.

²⁴ См.: Константин Цукерман. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи. *Collectanea Borisoglebica*, 1 (Paris, 2009), 185–305; Михеев С. М. *Кто писал «Повесть временных лет»?* М., 2011.

3. «ПАМЯТЬ И ПОХВАЛА ВЛАДИМИРУ» ИАКОВА МНИХА И ЛЕТОПИСЬ

ассказывая под 1074 годом о кончине Феодосия Печерского, летопись упоминает некоего пресвитера Иакова, которого Феодосий предлагал братии избрать в игумены. Об этом Иакове известно, что он пришел в Печерский монастырь «из Летьца» (то есть из монастыря на реке Альте, места убийства св. Бориса), а потому оказался неугоден печерянам и был заменен на Стефана domestika, печерского постриженника. В начале XIX века К. Ф. Калайдович издал «Правило церковное митрополита Иоанна», где в заголовке упоминался некий «Иаков черноризец». Несколько позже М. П. Погодин обратил внимание на агиографический памятник «Память и похвала Владимиру», автором которого, как утверждал заголовок, был «Иаков мних». Погодин отождествил пресвитера летописи, черноризца «Правила» и мниха «Похвалы». Тому же автору, предположил Погодин, принадлежит и «Послание некоего отца духовному сыну», утверждающее, что направлено «чернецом Иаковом» к Дмитрию (в котором исследователь увидел киевского князя Изяслава Ярославича). По косвенным соображениям Погодин приписал все тому же Иакову и анонимное «Сказание о Борисе и Глебе». Так в истории древнерусской литературы появился писатель Иаков Мних, живший в середине XI века²⁵.

Впервые «Память и похвалу» Иакова Мниха с историей летописания связал Шахматов, увидев в ее тексте отражение «Древнейшего свода 1039 года». Собственно анализом исторических известий, приводимых Иаковом Мнихом, и начинается Шахматов свои знаменитые «Разыскания». Если изложение результатов исследования должно хоть в какой-то степени отражать их ход, именно наблюдения над сведениями «Памяти и похвалы» первоначально послужили Шахматову указанием на то, что в древности существовала летопись, резко отличающаяся от дошедших до нас. В любом случае, исследователь считал эту часть своих рассуждений либо риторически наиболее эффектной, либо наиболее убедительной.

25 Подробное о «литературной карьере» Иакова в российской науке XIX века см.: Бугославский С. А. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру. *Известия Отделения русского языка и словесности Российской АН*. Л., 1925, т. 29, 105–131.

Сведения «Памяти и похвалы» о временах Владимира в целом основаны на летописи, притом именно того вида, который представлен Повестью временных лет. За одним исключением: в самом окончании похвалы Владимиру автор приводит краткий итог его деяний — сначала совершенных после крещения, затем — до крещения, в язычестве. Вот как выглядят эти фрагменты:

По сѣмъ же крщїиѣ поживе блѣжи кнѣзъ Володимиръ кѣ лѣтѣ. На дрѣгое лѣтѣ [то] по крщїиѣ къ порогомѣ ходи, на третье Корсоунѣ горѣ^а вѣзѣ, на четвертое лѣтѣ цркви каменѣ стѣи Бѣа заложи, а на пѣтое лѣтѣ Переяславль заложи, въ девѣтое лѣтѣ десѣтинѣ блѣжены хрѣтолюбивыи кнѣзъ Володимиръ вѣдѣ цркви Бѣѣ и ѿ имѣнїи своеи

[...]

И сѣде въ Киевѣ, на мѣстѣ ѿца своего Стослава и дѣда своего Игорѣ. А Стослава кнѣзѣ Печенѣзи оубиша; а Ярополкъ сѣдаше в Киевѣ на мѣстѣ ѿца своего Стослава, и Олгѣ идыи сѣи, оу Вруча града мостъ сѣи ѿблѣи сѣи, и оудаиша Олга въ гребли, а Ярополкъ оубиша въ Киевѣ моужи Володимировѣ. И сѣде в Киевѣ кнѣзъ Володимеръ в ѿсмое лѣтѣ по смрти ѿца своего Стослава, мѣца июна въ аї, в лѣтѣ ҃с. ҃у. ҃пс. Крѣти же сѣи кнѣзъ Володимиръ въ 1 лѣтѣ по ѡбѣнїи брата своего Ярополка. Каашетсѣи и плашетсѣи блѣжи кнѣзъ Володимиръ всего того елико створи в поганьствѣ [...] Оуспе сѣи миромѣ мѣца июла въ еї днѣ, в лѣтѣ ҃с. ҃ф. ҃кг. ²⁶

Вторая серия совершенно очевидно почерпнута из летописи, да и завершается летописной датой смерти князя: 15 июля 6523 года (здесь непонятно только происхождение даты вокняжения Владимира в Киеве²⁷). Напротив, первая серия (события после крещения) весьма своеобразна: в ней присутствует одно неизвестное по летописи сообщение (поход к Порогам), еще одно дано в обратной сравнительно с летописью последовательности (поход на Корсунь на третий год после крещения). Главная, по мнению Шахматова, особенность фрагмента — его отличная от летописной хронология, из которой якобы вытекала дру-

²⁶ Цит. по изданию: Бугославский С. А. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру, 152—153.

²⁷ Но сам Шахматов считал ее не древней, а скомбинированной составителем «Памяти и похвалы» (Шахматов А. А. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*, 26). Ясно, что год он получил, отсчитав от летописной даты смерти Владимира число лет его княжения после крещения — 28 (включающий счет). Месяц и число, как предположил Шахматов, редактор получил, зная день убиения варягов-христиан (12 июля) и справедливо предположив, что вокняжение Владимира состоялось до этого.

гая дата крещения Владимира (987, а не 988 год) и, отсчитывая от которой, все другие события были датированы на год раньше, чем в летописи. Так Шахматов заключил из замечания «Памяти и похвалы» о том, что Владимир после крещения жил двадцать восемь лет, на четвертый год заложил Десятинную церковь, а на девятый год учредил для нее десятину. Это центральное наблюдение оказывается просто недо-разумением. Шахматов не учел так называемого «включающего счета», практикуемого на Руси, при котором все указанные интервалы вполне согласуются с летописными датами (притом же «Память и похвала» явно путает Переяславль с Белгородом: именно его Владимир заложил «на пятое лето» после своего крещения).

Особенности хронологических заметок «Памяти и похвалы» при другом взгляде вполне можно было бы счесть несообразностями, ошибками неосведомленного, невнимательного или позднего автора. Но Шахматов, вслед за наукой его времени, полагал Иакова Мниха одним из первых древнерусских авторов, писавших задолго до составления Повести временных лет. Исследователь поэтому признал в его заметках выписки из более древней летописи и разместил их по своему усмотрению в различных местах реконструированного им текста «Древнейшего свода 1039 г.».

«Русский писатель XI века» Иаков Мних оказался историографическим мифом. В 1925 году С. А. Бугославский опубликовал обстоятельное исследование «Памяти и похвалы», где подверг пересмотру всю предшествующую ученую традицию. Оказалось, что решительно никаких оснований считать Память и похвалу произведением особо древним, тем более середины XI века, не существует. В том виде, как текст дошел до нас, он представляет собой компиляцию из нескольких отдельных сочинений, посвященных св. Владимиру и св. Ольге, чей архетип возник в Новгороде не раньше второй половины XIII века. Иакову Мниху, кем бы он ни был и когда бы ни жил, принадлежит только первое сочинение в подборке. Вторая (похвала Ольге) и третья (содержащая «летописные заметки») части написаны другими авторами. О хронологии составных частей компиляции, настаивал Бугославский, судить не представляется возможным²⁸.

²⁸ Бугославский С. А. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру, 136–141. Но хронологические приметы текст все же содержит. Так, Владимир соверша-

Специально же о третьей части компиляции, содержащей летописные выписки, Бугославский заметил, что она не только разительно отличается от произведения Иакова, но и написана под влиянием Повести временных лет. В самом деле, группируя свои выписки в две серии сообщений и намеренно разделяя их нравоучительными сентенциями, ее автор максимально обнажает главную летописную идею о Владимире: его двух противоположных, разделенных актом крещения, жизней — христианина и язычника.

На «Памяти и похвале» Иакова Мниха пришлось остановиться подробнее по двум причинам. Во-первых, это был единственный текст за пределами Повести временных лет, удостоверявший, хоть в какой-то части, «Древнейший свод». С его устранением исчезает единственная точка опоры всей конструкции. «Предшествующие своды» становятся подобны барону Мюнхгаузену, вытащившему себя за волосы из болота вместе с лошастью.

Во-вторых, предложенная еще в середине XIX века идея, что первые летописные произведения должны были напоминать выписки Иакова Мниха — то есть не содержать абсолютных дат и указывать только на относительную хронологию («на другое лето», «на третье лето»), оказалась удивительно популярной в последующей историографии. Именно к «Памяти и похвале», как правило, апеллируют, пытаясь привести примеры подобных, «предшествовавших летописи», исторических опытов²⁹, угадывая в ее хронологических указаниях какие-то «долетописные» способы обращения со временем. На самом деле ничего «архаичного» или «примитивного» в таком приеме нет. Напротив, он становится возможен только если перед глазами пишущего лежит хронологизированная летопись. Это по ней можно отсчитать, сколько лет прошло между событиями и «на какой год после» нечто случилось.

ет поход на «Серебряных болгар». Это обозначение не встречается в источниках ранее конца XII века. Первым упоминанием есть известие под 1182 г. Ипатьевской летописи (ПСРЛ 2: 625). Ср. поразительное умозаключение Н. И. Милютенко: эта подробность — древняя; болгары названы «серебряными» потому, что из записки Ибн Фадлана, а также из археологической литературы исследовательнице известно, что в X веке русы выменивали свои товары на серебряную арабскую монету в Болгарии (Милютенко Н. И. *Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси*, 66).

²⁹ См. из последних, как можно надеяться, примеров: Милютенко Н. И. *Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси*, 51–92.

Фразы, подобные тем, что находим у Иакова, принадлежат к простейшим техникам переработки анналов в повествование.

Показательным примером (потому что здесь известен и исходный текст, и результат переработки) может служить латиноязычная Хроника Этельварда (970-е — 980-е годы), излагающая историю Англии с древнейших времен до 975 года. Она организована в виде серии датированных сообщений, но промежутки между ними не заполнены непрерывной вереницей годов, как то находим в анналах, а маркируются указаниями на время, истекшее с момента предыдущего события: «через двенадцать лет»; «когда, таким образом, минуло девятнадцать лет»; «на шестой год после этого»; «и еще через два года»; «через восемь лет» и т. д. Хроника Этельварда является сокращенным переводом анналистической Англосаксонской хроники³⁰, и сравнение обеих не оставляет сомнений в том, что Этельвард отсчитывал временные промежутки, пользуясь непрерывной хронологией Англосаксонской хроники. Принятая Этельвардом техника позволила не только успешно сократить обширный текст его источника, но и в какой-то мере приблизиться к повествованию, превращая анналы в хронику³¹. Летописные выписки в «Памяти и похвале» Иакова Мниха, несомненно, представляют собой образчик того же приема.

При том, что концепция «Древнейшего свода» стала наиболее оспариваемой частью шахматовского наследия, допущения, на которых она была воздвигнута, оставили в силе. Теперь предпочитают говорить о «летописчике эпохи Владимира, использованном в Памяти и похвале князю Владимиру Иакова Мниха», полагая, будто таким образом мы «остаемся в кругу реально существующих текстов»³². Реальность этой извлекаемой из «Памяти и похвалы» летописи, надо думать, такова же, как и ее источников: помянника, ведшегося в одной из «дохристианских» церквей Киева, не существовавших лапидарных памятников Десятинной церкви или граффити, уверенно читаемых на стенах храма, разрушенного восемьсот лет назад.

³⁰ E. E. Barker, "The Anglo-Saxon Chronicle used by Æthelweard," *Historical Research*, Vol. 101, 40 (1967), 74–91.

³¹ См.: Wojtek Jeziersky, "Æthelweardus redivivus," *Early Medieval Europe*, Vol. 13, 2 (2005), 159–178.

³² См.: Назаренко А. В. *Древняя Русь на международных путях*, 405.

4. «НАЧАЛЬНЫЙ СВОД» И ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

В предыдущих замечаниях намеренно не была затронута наиболее известная из «научных фикций» Шахматова — «Начальный свод», предположительно составленный в 1090-х годах. Отделенный от Повести временных лет всего двумя десятилетиями, для суждения о киевской истории IX—X веков он не имел бы большого значения. Проблема «Начального свода», однако, важна для ясного ответа на вопрос: с какими материалами приступил Сильвестр к своему труду, располагал ли он готовыми концепциями древнейшего прошлого, должен ли был их учитывать или оппонировать им, или же был совершенно свободен и самостоятелен в том, каким оно выйдет из-под его пера. От этого, в свою очередь, зависят наши представления о манере и способах работы Сильвестра: добывал ли он свои сведения самостоятельно, скажем, связывая воедино названия больших курганов в Киеве с анонимными предводителями разысканного в византийской хронике нападения руси на Константинополь в 860 году, или же унаследовал большинство этих известий от предшествующей летописи и только сгруппировал их другим образом.

Да и что заставило бы его переделывать всю начальную часть переписываемой летописи? Почему бы он мог думать, что она неверна или недостаточно авторитетна? Не просто ведь свойственное всем летописцам XI века в «мире по Шахматову» гипертрофированное чувство авторства понуждало коверкать труд предшественника до полной неузнаваемости. Если Сильвестр узнал что-то из «Начального свода», то почему никак не обозначил источник своих знаний, ведь ссылался же он на то, что «уведал из летописания греческого»? А если противоречил авторитету, то почему смолчал? Ведь автор Повести временных лет — полемист, ищущий случая и с удовольствием вступающий в спор с мнениями, не совпадающими с его собственным (о Кие-перевозчике, о месте погребения князя Олега, о месте крещения Владимира, о материале привезенных из Корсуня скульптур и др.). Поразительно, но ни одному отвергнутому утверждению «Начального свода» он не оппонирует (хотя бы в свойственной ему манере: «иные же несведущие утверждают, но»). Он полемизирует с каким-то другим набором мнений, как будто «Начального свода» не существует.

В «мире по Шахматову» в момент возникновения новой летописи ее источник и предшественник исчезает навсегда и бесследно. Но в реальном мире рукописи, конечно же, не уничтожались, они где-то хранились, ими могли продолжать интересоваться, а авторитет «старой летописи» мог оказываться выше новодела. Пергаментные рукописи не ветшают за двадцать лет, а это значит, что «Начальный свод» и *Повесть временных лет* должны были бы сосуществовать в течение многих десятилетий, в некотором смысле конкурировать. Так же, к слову, должны были храниться в Киеве и рукописи с «Древнейшим сводом», «сводом Никона 1073 г.» и всеми другими «текстологическими фикциями». Странно, что, предпринимая радикальный пересмотр истории, Сильвестр совершенно не оглядывается на них, даже на довольно свежий опыт автора «Начального свода». Сильвестр, похоже, не опасался и не предполагал самой возможности, что кто-нибудь сравнит две летописи и обнаружит между ними вопиющие противоречия. Это было бы возможно, если бы он ничего не знал о существовании «Начального свода». Кроме того, в реальном мире оказывалось бы, что *Повесть временных лет* — рукопись Выдубицкого монастыря, а «Начальный свод» — рукопись, принадлежащая Печерскому. Две книгописных традиции, в силу разных причин — хотя бы простой доступности текстов, — могли существовать параллельно. Как случилось, что печеряне вмиг перестали интересоваться собственной книгой, никогда не переписывали ее и не делали выписок, без сопротивления покорившись традиции, исходящей из соседнего — гораздо менее авторитетного — монастыря? Похоже, в Печерском монастыре тоже не знали о «Начальном своде».

Как известно, Шахматов обосновывал существование «Начального свода» следующим образом. Сравнивая *Повесть временных лет* с текстом Новгородской первой летописи младшего извода (первая половина XV века), он сделал наблюдение (но пишет: «убедился»³³, как будто знал заранее), что в этой последней на отрезке 1017–1052 годов (в кратких извлечениях) и на отрезке 1053–1074 годов (в полном виде) сохранился текст более древней, чем *Повесть временных лет*, летописи. Однако самым важным отрезком, передающим текст этой древ-

³³ Шахматов А. А. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*, 6.

ней летописи, оказалось начало — до 1016 года, где представлена отличная от Повести временных лет картина первоначальной истории Руси. Указанные Шахматовым «отрезки» получились путем «вычитания» текстов другого главного источника Новгородской первой летописи — древнего Синодального списка (XIII–XIV век).

Вот, собственно, и весь текстологический аргумент, в самом сжатом изложении. Он довольно необычен, если вдуматься. Попробуем повторить его в общем виде. Перед нами — поздняя летопись XV века, соединяющая, логично допустить, старый и новый текст. Вычитая из нее заведомо древний источник XIII века, получаем еще более древний. Если полученный таким образом текст несхож с самым древним из сохранившихся (XII век), то, значит, он еще древнее. В любой другой текстологии исключением из позднего текста заведомо древних фрагментов определялся бы как раз текст новый.

Трудно сказать (можно только догадываться), чем именно Новгородская первая летопись младшего извода привлекла внимание Шахматова и почему именно в ее тексте он решил искать отражение «Начального свода». Но одно удобство она бесспорно представляла: ее главный известный источник, Синодальный список, механически утратил всю начальную часть вплоть до статьи 1016 года. Именно на этом участке, до 1016-го, как утверждают, в младшем изводе и сохранился наиболее значительный по объему и ключевой для реконструкции «Начального свода» текст. Отсутствие параллельного текста открывает, разумеется, возможности для самых смелых предположений. Но остается стойкое подозрение, что «Начальный свод», собственно, и возник только благодаря этой утрате. Чаше всего положение пытаются спасти утверждением, что утраченная часть Синодального списка (шестнадцать тетрадей) должна была содержать текст, равный по объему (а следовательно, и содержанию) тексту младшего извода. Но такое (кстати сказать, вполне вероятное) предположение на самом деле есть опровержением всего шахматовского аргумента: он именно не допускал, что в Синодальном списке могли быть фрагменты «Начального свода», и исключением текста Синодального списка определял, что именно в младшем изводе восходит к «Начальному своду». Если же оба извода — и старший, и младший — содержали одинаковую версию начальной истории, это означает, что никакого «Начального свода» вовсе не было, а была новгородская «владычная летопись»,

общая обоим изводам. Но она возникает не ранее середины XII века и заведомо не может быть старше Повести временных лет. Неизвестно, был ли в этой аскетической, написанной почти исключительно в анналистической манере, первоначальной новгородской летописи подробный рассказ о «древних временах». Но несомненно, что в том виде, как он сейчас читается в младшем ее изводе, он представляет собой произведение XV века.

В ряде работ последнего десятилетия было продемонстрировано, что возникновение текста Новгородской первой летописи младшего извода может быть гораздо экономнее, не прибегая к гипотезе о «Начальном своде», объяснено как непосредственное компилирование из двух источников: Синодального списка и Повести временных лет³⁴; что, в свою очередь, процесс создания Повести временных лет может быть понят без учета этой гипотезы³⁵, а взаимоотношения списков Повести временных лет не нуждаются в арбитраже виртуального текста «Начального свода» для определения первоначальных чтений³⁶.

Для нашей темы это означает, что не существует решительно никаких оснований для того, чтобы учитывать в дальнейшем изложении «предшествующие» Повести временных лет своды.

5. ЧТО ЗНАЛИ В КИЕВЕ О ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ?

том, что знали в Киеве накануне создания Повести временных лет о начальной истории Руси, достоверных сведений сохранилось крайне мало. Это и естественно, учитывая чрезвычайную скудость дошедших до нас от XI века источников. Но, видимо, и знали не так много, и не в таком изобилии подробностей, как

³⁴ Вилкул Т. Л. Новгородская летопись и Начальный свод. *Paleoslavica* XI, 1 (2003), 5–35.

³⁵ Русинов В. Н. Летописные статьи 1051–1117 гг. в связи с проблемой авторства и редакций «Повести временных лет». *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. Серия «История». Вып. 2. Нижний Новгород, 2003, III–147; Вилкул Т. Повесть временных лет и Хронограф. *Paleoslavica* XV, 2 (2007), 79–88; Толочко А. П. Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. *Ruthenica* VII (2008), 154–165.

³⁶ Donald Ostrowski, “The Načal’nyj Svod Theory and the Povest’ Vremennyx Let,” *Russian Linguistics* 31 (2007), 269–308.

то позднее представит летопись. Несомненно, помнили, на некоторую глубину, генеалогию правящего княжеского дома. Знали, например, что бабкой Владимира была Ольга и что она приняла крещение в Константинополе, о чем упоминал Иларион в *Слове о законе и благодати* (середина XI века). Тот же Иларион, обращаясь к Ярославу, напоминал ему, что происходит князь из доблестного рода: его отец Владимир был сыном Святослава и внуком Игоря, «иже въ своа лѣта владычествѹюще. мжѣствомъ же и храборѣствомъ прослѣша въ странахъ многих. и побѣдами и крѣпостію поминаются нынѣ и словжуть»³⁷. Быть воинственным и оставить память благодаря победам, разумеется, одна из ожидаемых доблестей вообще всякого правителя, и Иларион не ошибся бы, даже если говорил наугад. Но в его словах можно усмотреть, как кажется, намек на то, что и эта информация имела книжное происхождение: о войнах Игоря и Святослава рассказывается в иноземных источниках («поминаются ныне в иных странах»), скорее всего византийских. Это, между прочим, объяснило бы давнее недоумение исследователей, почему Иларион не обмолвился об Олеге и Рюрике: они неизвестны в византийской хронографии.

В подобном умолчании о родоначальнике киевских князей, какова бы ни была его причина, иногда видели указание, что «варяжская легенда», то есть генеалогическое предание о происхождении княжеской династии из Скандинавии, ко временам Илариона еще не была оформлена или даже изобретена. Если и так, то случилось это довольно скоро. Родившийся в начале 1060-х годов правнук Ярослава (сын Ростислава Владимировича) получил дотоле не встречавшееся в династии имя Рюрик, в честь легендарного основателя рода. Напротив, про Олега, вопреки тому, что позже не могли установить его точное место на генеалогическом древе династии, похоже, никогда не забывали: Святослав Игоревич в 950-х и Святослав Ярославич в 1050-х годах (отметим попутно симметрию имен и дат) называли своих сыновей этим именем. То, что Святослав Игоревич, отделенный лишь одним поколением от Олега, дал его имя своему сыну, должно указывать, как кажется, что, по крайней мере, в его время Олега считали не просто близким родственником, но, может быть, и прямым предком. К нача-

³⁷ Молдаван А. М. *«Слово о законе и благодати» Илариона*. К., 1984, 91–92.

лу XII века этого уже не помнили, и Сильвестр довольно расплывчато определил его как «суца от рода» Рюрикова. Впрочем, к этому времени забыли и о других представителях княжеского дома, например племянниках (а значит, также братьях и сестрах) Игоря и Ольги, упомянутых договором 944 года и Константином Багрянородным. Имена некоторых из них — Игорь, Володислав, Предслава, Улеб, Якун — сохранены договорами. Но из всего довольно многочисленного в середине X века рода (Константин, например, упоминает восемь родственников и шестнадцать родственников Ольги) могли уверенно указать только на все тех же избранных персонажей византийских хроник, что и Иларион: Игоря, Ольгу, Святослава.

Времена более близкие еще сохранялись в памяти немногих очевидцев, и летописцу повезло: в его времена доживал свой век Янь Вышатич. Он умер в 1106 году в возрасте 90 лет; «ѿ негоже и азъ многа словеса слыша⁴. еже и вписа^х в лѣтописаньи семь», отметил при этом случае Сильвестр. Родившийся в 1017 году в семействе, находившемся в центре политических событий³⁸, Янь должен был знать о многом, но наиболее ранней из его историй оказывается рассказ о руско-византийской войне 1043 года, в которой сражался, попал в плен и был ослеплен его отец Вышата.

За горизонтом подобных семейных воспоминаний устная память становилась неопределенной и расплывчатой. Даже о крещении Владимира, события относительно недавнем, одного из очевидцев которого — печерского монаха Еремея — Сильвестр еще застал в живых, ходили различные рассказы: будто бы Владимир крестился в Васильеве (им самим основанном после крещения и названном в честь христианского патрона), или в Киеве, или в Корсуне. Здесь из нескольких вариантов еще можно было выбирать наиболее вероятный или наиболее привлекательный. Но вот о происхождении названия Киев летописец слышал только, что некогда жил-был перевозчик через Днепр по имени Кий, и люди говорили: идем на Киев перевоз. В этом случае летописцу пришлось создать Кию подходящее княжеское жизнеописание, заимствуя для него элементы из биографий князей X века (поход на Византию, попытка поселиться «на Дунае»,

⁴ О возможном родстве его деда Остромира с княжеской семьей см.: Поппэ А. Феодана Новгородская. *Новгородский исторический сборник*. Вып. 6 (16). Новгород, 1997.

«честь» от царя). Об иных князьях Сильвестру удалось разыскать целый ряд преданий (о смерти Олега, о мести Ольги), а другие, похоже, сымитировать (о походе Олега на Константинополь).

И все же пробелы в знании о прошлом оказывались подчас поразительны. Причем именно там, где скорее всего ожидалось бы точное и даже основанное на письменных документах знание. Так, например, Сильвестр ничего не знал о первых иерархах своей собственной церкви и нигде не смог разыскать даже их имена. Первым митрополитом киевским, о котором имелись какие-то известия, был Феопемпт, но и о нем знали только, что в 1039 году он освящал Десятинную церковь³⁹. А вот был ли митрополит в Киеве всего несколькими годами ранее, в 1037-м, когда закладывалась «митрополия» — Софийский собор, Сильвестр никаких сведений не разыскал и предположить участие в этих важнейших событиях Феопемпта не решился. Похоже, Сильвестр, действительно, думал, что митрополия только при Ярославе и была установлена⁴⁰.

Подобные пробелы в знаниях о временах сравнительно недавних заставляют с сомнением относиться к распространенному историографическому убеждению, будто устная традиция могла устойчиво

³⁹ Напротив, Нестор — автор «Чтения о Борисе и Глебе» — знал другого митрополита времен Ярослава Мудрого — Иоанна, о котором прочитал в подборке чудес Бориса и Глеба. Этот Иоанн участвовал в первом перенесении мощей святых из сторевшей церкви св. Василия в некую «клетку» или «храмину» (Бугославський С. *Україно-руські пам'ятки XI—XVIII ст. про князів Бориса і Гліба. Розвідка й тексти*. К., 1928, 158—159, 197—198), а затем в построенную повелением Ярослава церковь. Обычно Иоанна полагают предшественником Феопемпта на киевской кафедре, хотя непреложных оснований к этому нет. Скорее, он наследовал Феопемпту (ведь трудно предположить, чтобы Сильвестр не знал чудес Бориса и Глеба и это не навело его на мысль о митрополитах ранее Феопемпта). Впрочем, из хроники Титмара Мерзебургского положительно известно, что в 1018 г. в Киеве был «архиепископ», вероятно, поставленный еще при жизни Владимира.

⁴⁰ Это незнание Сильвестра впоследствии стало источником многих недоразумений. В средневековое время пробел пытались заполнить легендарными сведениями о якобы первых киевских митрополитах — Леонтии и Михаиле. В последующей историографии отсутствие сведений о киевских митрополитах до времен Ярослава Мудрого истолковывалось то как указание, что только при этом князе митрополия и была учреждена, то — совсем фантазийно — что прежде Ярослава Киевская церковь подчинялась не Константинополю, но, например, Охриду.

сохраняться на большúю глубину⁴¹. Идущие из романтической науки XIX века, с ее верой в предания, исторические песни и седовласых сказителей, эти идеи, в сущности, никогда не имели твердой опоры. Напротив, опыт историков всякий раз подсказывал, что древние авторы, сочиняющие первую историю какого-либо народа, как раз с историческими преданиями и испытывали наибольшие затруднения. Это правда, что Иордан в «Гетике» ссылался на какие-то готские «песни наподобие истории», поминавшие древних королей. Но Иордан сокращал подробную историю предшественника, Кассиодора. А вот тот считал своим огромным достижением, что из долгого забвения добыл деяния готских правителей, разыскав о них сведения в различных книгах⁴². Похоже, с такой же ситуацией столкнулся и Сильвестр. То, что сегодня кажется остатком народной легенды, в гораздо большей степени есть результатом его литературного труда⁴³.

Существовали некоторые топографические ориентиры, позволявшие домыслить стоящие за ними истории. В начале XII века на территории города все еще высились несколько больших курганов, на-

⁴¹ Вот характерный пример, указывающий на обычную «глубину» памяти. Около 1179 г. Ричард Фиц-Нил, лорд-казначей английского короля Генриха II, составил трактат *Dialogus de Scaccario*, или Диалог о казначействе. О происхождении возглавляемого им учреждения — королевского казначейства — автор имел самые смутные сведения и ссылался на авторитетную устную традицию, переданную ему Генрихом из Блуа, внуком Вильгельма Завоевателя и епископом Винчестера (1129–1171), где в ранненорманнский период находилось казначейство. А тот утверждал, что собирать налоги согласно письменным уставам и вести о том записи начали только со времен короля Вильгельма, а до того, при англосаксонских королях, размеры податей были известны только благодаря старожилам, знавшим из рассказов предков, сколько кто должен был выплатить. На самом деле англосаксонские порядки знали развитую систему налогообложения, опиравшуюся на письменную запись. Но всего через сто лет после Норманнского завоевания об этом уже не помнили, как и о хранившейся в казначействе документации (см.: М. Т. Clanchy, *From Memory to Written Record. England 1066–1307*. 3rd ed. (Chichester and Malden, MA, 2013), 27–30).

⁴² О «книжном» характере истории Кассиодора и о вымышленности ссылок на «песни» у Иордана см.: Walter Goffart, *The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon* (Princeton, 1988), 35–39.

⁴³ См.: Данилевский И. Н. *Повесть временных лет: Герменевтические основы источникововедения летописных текстов*. М., 2004.

зываемых «могилами». Курганы были именными: «Олегова могила» на Щекавице, «Аскольдова могила» возле церкви св. Николая в Угорском и «Дирова могила» за церковью св. Ирины. Впечатляющие размеры этих погребальных сооружений, а также то обстоятельство, что, по крайней мере, одно из них — Олегова могила — принадлежало достоверно известному киевскому князю, позволяли думать, что и в двух других — Аскольда и Дира — также покоятся древние киевские правители. То, что их имена неизвестны среди правящей династии, а также то, что они (как уже знал Сильвестр) не фигурируют ни в одном из договоров с греками X века, заставляло отодвинуть их княжения на предыдущее, до-Олегово, время, и летописец нашел «удачное» подтверждение, что так оно, видимо, и было: в византийской хронике он заметил рассказ о походе руси на Константинополь в 860 году, следовательно, совершили его «киевские князья» Аскольд и Дир. Вероятно, то обстоятельство, что в хронике отыскивался только один поход, не позволило летописцу создать две отдельные «княжеские» биографии для Аскольда и Дира, и пришлось предполагать их совместное правление, совместный поход и одновременную смерть.

Помимо памяти о прошлом в различных ее видах — перечнях князей, названиях местностей, легендарных преданиях — во второй половине XI века были доступны уже и некоторые образцы писания истории. То были произведения византийских историков, переведенные на славянский язык. Они преподавали двойной урок. Краткий хронологический свод, известный как Летописец вскоре патриарха Никифора, давал понять ключевое значение хронологии для христианского понимания истории, а пространные хроники служили образчиками для повествования. Некоторые из них, как Продолжатель Амартола, к тому же содержали важные сведения: например, о нападении руси на Константинополь в 860 году или о войне с Византией в 941-м, которую логично было приписать Игорю. Но эти известия еще только предстояло разыскать и, извлекая из контекста византийской истории, найти им место в истории русской⁴⁴.

Наличие материалов и образцов создает только возможность написания истории. Необходим какой-то толчок, событие, повод, чтобы

⁴⁴ Об источниках Повести временных лет см.: Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники. *ТОДРЛ. Т. 4.* М.—Л., 1940, 9—150.

за написание истории кто-то действительно взялся. Но как написать отчет о прошлом, если оно лежит перед историком аморфной массой неупорядоченного времени? Как выяснить хотя бы главнейшие последовательности: «раньше», «позже», «затем»? Как узнать, насколько «раньше» или насколько «позже»? И чем заполнить это время, чтобы оно из абстрактного течения анонимных годов превратилось в последовательность индивидуальных событий, стало историей?

6. ВИЗАНТИЙСКО-РУССКИЕ ДОГОВОРЫ И ИХ РОЛЬ В СОЗДАНИИ ЛЕТОПИСИ

тверждение, что хронология летописи за IX–X века недостоверна, принадлежит к числу общих мест. Искусственность многих дат Повести временных лет давно стала очевидной исследователям ранней киевской истории. Например, если мы видим, что все три князя: Олег, Игорь и Святослав, заключившие с Византией договоры, умирают на следующий год после этого события, мы вправе сделать вывод, что такая регулярность едва ли могла наблюдаться в реальной жизни. Смерти князей, разумеется, не зависели от дипломатической практики, а их жизни прерывались по воле летописца. Так же скептически мы отнесемся и к другой серии: оказывается, все три князя начинали свою войну с Византией ровно за четыре года до подписания договора (и за пять лет до смерти). Очевидно, что «центром» этих хронологических последовательностей были даты договоров, от которых (дат) летописец отсчитывал назад даты походов на Византию и вперед — даты смерти князей. Уже эти наблюдения наводят на мысль о какой-то особой роли византийско-русских договоров в процессе создания летописи.

Недавно в серии статей В. Г. Лушин обосновал гипотезу о своеобразной «хронологической симметрии», наблюдаемой в Повести временных лет, то есть присутствии в ее тексте серий дат, интервалы между которыми зеркально располагаются («вперед» и «назад») вокруг некой осевой даты⁴⁵. Исследователь предложил таковой считать дату смерти князя Олега — 912 год.

⁴⁵ Лушин В. Г. Некоторые особенности хронологической сегментации ранних известий Повести временных лет. *Историко-археологические записки*, отв. ред. Е. П. То-

По обе стороны от 912 года на ленте времени обозначены эпические периоды в 33 года — это княжения Олега и Игоря: $912 + 33 = 945$; $912 - 33 = 879$. Вслед за этими периодами симметрично расположены два 27-летних периода. Двигаясь по ленте времени вверх, находим, что $912 + 33 + 27 = 972$, где 27 соответствует времени правления Святослава, точнее времени от смерти Игоря до смерти Святослава ($972 - 945 = 27$). Перемещаясь от 912 в обратном направлении, получим следующее: $912 - 33 - 27 = 852$, где 27 — это число лет, прошедших от «прозвания» земли русской до смерти Рюрика (с 852 по 879)⁴⁶.

Дата смерти Олега оказывается центром еще нескольких легко обнаруживаемых симметрий. Прибавив к начальной дате (852) семь лет, получаем дату сообщения о том, что хазары и варяги взымали дань со славян, а отняв те же семь лет от (конечной) даты смерти Святослава, получаем дату его похода на хазар. «Обе “хазарские” даты отстоят друг от друга на 106 лет (965 — 859), разумеется, ровно по середине этого отрезка окажется смерть Олега, противника хазар ($912 + 53 = 965$ и $912 - 53 = 859$)»⁴⁷. Смерть Олега оказывается по центру от двух смертей: $912 - 30 = 882$ (дата убийства Аскольда и Дира); $912 + 30 = 942$ (дата смерти болгарского царя Симеона); и от двух крещений: $912 - 43 = 869$ (летописная дата крещения болгар), $912 + 43 = 955$ (крещение княгини Ольги).

Подобного рода даты могут быть только счетными, а базовым для их расчета оказывается симметрическое построение $852 - 879 - 912 - 945 - 972$ или в интервалах между датами: $27 - 33 - 33 - 27$. Ясно, что Лушин натолкнулся на какой-то фундаментальный для устройства хронологии Повести временных лет принцип. Обратим внимание, что центральная и обе крайние даты оказываются «круглыми», если оперировать собственно летописными, от сотворения мира: $6360 - 6420 - 6480$.

карева. Кн. 1. Зимовники: Зимовнический краеведческий музей, 2010, 22–31; Лушин В. Г. Симметричность летописных дат IX — начала XI в. *Историко-археологические записки*, 33–38; Лушин В. Г. 882 — 862 — 852. *Историко-археологические записки*, 39–44.

⁴⁶ Лушин В. Г. Некоторые особенности хронологической сегментации ранних известий Повести временных лет, 33–34.

⁴⁷ Там же, 34.

Как могла возникнуть подобная структура? Лушин склонен объяснять ее стремлением к символичности, обращая внимание на «эпические» — 33 года — числа лет правления Олега и Игоря. Но дело здесь, вероятно, в другом.

6420/912 год — это не столько дата смерти Олега, сколько дата первого из византийско-русских договоров. Две следующие даты — это тоже даты двух следующих договоров⁴⁸. Таким образом, интервалы в 33 и 27 лет образовались не произвольным желанием летописца, но были заданы ему теми документальными источниками, которые оказались в его распоряжении. Иными словами, базовая хронологическая структура летописи на пространстве X века была размечена датами договоров.

Как показала Яна Малингуди, загадочная и так и не расшифрованная формула «равно дроутаго свѣщания, бывшаго при [тѣхъ же] царях» в начале каждого из договоров представляет собой стандартный «заголовок», каковым в императорской канцелярии снабжали копии дипломатических документов при их внесении в копийные книги. Копиарии были организованы по хронологическому принципу (точнее, в порядке правления императоров), и копии помечались: «список с договора, заключенного при тех же императорах»⁴⁹. Анализ формуляров также свидетельствует, что внесенные в летопись тексты договоров представляют собой экземпляры византийской стороны, то есть те, что оставались после переговоров в Константинополе.

Итак, дошедшие до нас тексты византийско-русских договоров оказываются славянским переводом копий, хранившихся в императорской канцелярии. Прежде чем оказаться в летописи, они были разысканы, выписаны из, предположительно, нескольких копийных книг и переведены на славянский. В каком виде комплект из трех договоров попал на Русь — уже переведенным или же перевод выполнили

■ Впрочем, в случае с договором Святослава Лушин точен: 6480 годом датируется именно смерть Святослава, договор записан в предыдущем году. Но нет сомнения, что летописная датировка гибели князя производна от даты договора, как производны от дат договоров года смерти Олега и Игоря. Летописец, надо думать, сообразился «округлостью» даты 6480.

■ Jana Malingoudi, *Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jhds. aus diplomatischer Sicht* (Thessaloniki, 1994), 79–87.

в Киеве — судить сложно из-за недостатка данных. Как сложно установить и время этой архивной находки⁵⁰.

Но едва ли стоит отодвигать этот момент слишком далеко от даты составления Повести временных лет. Хронологические подсказки можно найти в тексте летописи. Самый древний из включенных в нее договоров — Олега 911 года⁵¹ — сопровождается рассказом о том, как киевских послов после окончания переговоров и подписания договора император Лев VI велел ознакомить с христианской службой и реликвиями, находившимися в Большом дворце:

Црѣ же Леѡнъ почти послы Роуѣскыѣ. дарми. златом. и паволоками. и фо-
фоудьями. и пристави к ним моужи свои. показати им црѣвнѣю красо-
тоу. и полаты златыя. и в них соущаа богатество. злата много. и паволокы.
и камъные драгоѣ. и стрѣти Гѣа. и венець и гвоздїе. и хламидѣ багранѣю.
и мощи стѣх оучаше я к вѣре своеѣ. и показѣюще им истиннѣю вѣроу и тако
ѡпоусти а во свою землю с честию великою⁵²

⁵⁰ Я. Малингуди склонна связывать эти разыскания с византийско-русским мирным договором 1046 г., за которым последовал обмен пленными и брак Всеволода Ярославича с дочерью императора Константина IX Мономаха. Прежние договорные грамоты были разысканы в процессе подготовки нового договора. Это, кроме прочего, объясняло бы давнее недоумение: почему в летописи не читается текст договорной грамоты 1046 г. (Малингуди Я. Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики. *Византийский временник*. Т. 57 (82) (1997), 86).

Впрочем, этому последнему обстоятельству можно предложить и иное объяснение, не настаивая на его преимуществе. Договоры X в. попали на Русь, когда память об этих событиях была совершенно утрачена. Для летописца тексты договоров были единственным удостоверением того, что события произошли. Напротив, для событий руско-византийской войны 1043 г. и последующего договора 1046 г. летописец располагал информацией, с его точки зрения, не менее достоверной и документированной: рассказом Яны Вышатича об отце, как раз и отпущенном вследствие заключенного мира. В отличие от трех предыдущих, текст договора 1046 г., таким образом, не представлял собой ценности для реконструкции произошедших событий, более того, уступал красочному рассказу Яны. Вносить его в летопись не было никакой необходимости.

⁵¹ Договоры с Византией датированы по т. н. «сентябрьскому» стилю, начинавшему год с 1 сентября. В летописании использован преимущественно «мартовский» стиль, начинавший год 1 марта шесть месяцев спустя. Перевод дат от сотворения мира на даты от рождества Христова ориентируется на современный январский год, начинающийся четыре месяца спустя после византийского сентябрьского.

⁵² ПСРЛ 1: 37–38; ПСРЛ 2: 28.

Это вымышленное сообщение, переделка одного из известий Продолжателя Амартола⁵³, примечательно перечислением реликвий «страстей Христовых» — венца, гвоздей и багряницы, — перенесенных в Большой дворец в 1106 году⁵⁴. Летописная история, следовательно, не могла возникнуть ранее 1106 года, но, разумеется, должно было пройти еще какое-то время, прежде чем кто-то из русских паломников или послов, посещавших Большой дворец и его святыни, смог увидеть «страсти Христовы» и принести рассказ о них в Киев. В литературе высказывалось предположение, что копии договоров мог привезти с собой на Русь один из греков-митрополитов, назначавшихся для Киева в Константинополе. Таковым даже предложено считать митрополита Никифора (1104—1121), литератора и человека близкого к киевскому князю Владимиру Мономаху⁵⁵. Это, конечно, только догадка, хотя и не лишенная вероятия. Во всяком случае, некоторые особенности оформления договоров указывают, что их копии были изготовлены в канцеляриях императоров Никифора III Вотаниата (1078—1081) или Алексея I Комнина (1081—1118)⁵⁶.

Архивная находка в начале XII века, да еще и в императорских бумагах, едва ли могла быть случайным открытием. Что за событие дало повод окружению киевского князя заинтересоваться договорами и начать их поиски? И что именно в древних грамотах могло привлечь внимание киевских властей в начале XII века? Абсолютно точного ответа на эти вопросы, конечно, никогда уже не найти. Можно гадать: не решил ли назначенный митрополитом грек, прежде чем отправиться в Киев, что-то разузнать о новой для себя стране и ее истории и не обнаружил ли он при этом грамоты? Не стало ли поводом, например, «византийское» замужество или женитьба кого-либо из Рюриковичей? Или гра-

⁵³ См.: Олексій Толочко. Летописное обрамление руско-византийского договора 911 г. *Dubitando. Studies in History and Culture in Honor of Donald Ostrowski*, ed. by Brian J. Boek, Russel E. Martin, and Daniel Rowland (Bloomington, IN, 2012), 61—66.

⁵⁴ John Wortley and Constantine Zuckerman, "The Relics of Our Lord's Passion in the Russian Primary Chronicle," *Византийский временник* 63 (2004), 67—75.

⁵⁵ Каштанов С. М. К вопросу о происхождении текста русско-византийских договоров X в. в составе Повести временных лет. *Восточная Европа в древности и средневековье: Политическая структура Древнерусского государства: VIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто*. М., 1996, 39—42.

⁵⁶ Там же, 41.

моты византийцы предъявили в ходе какого-то (не отмеченного источниками) посольства в Константинополь? Могли быть другие причины.

Но события одного года — и по совпадению как раз года составления Повести временных лет, 1116-го — привлекают особое внимание. Под 1116 годом летопись сообщает:

В се же лѣто иде Леонь царевич зать Володимерь. на курь. ѿ Олексина цѣа и вдаса городовъ ему Дунаискыхъ нѣколко. и в Дельстрѣ городѣ. лестию. оубиста и два Сорочинина. посланаа цѣмь. мѣца августа въ ѣи днѣ⁵⁷

Зять Владимира Мономаха, называвший себя сыном императора Романа IV Диогена, был несомненно самозванцем. Притом Лжедиогеновичем Вторым, поскольку первый самозванец был схвачен и ослеплен византийцами еще в 1095-м⁵⁸. Каким образом Мономах мог настолько обмануться, чтобы не просто поддержать авантюриста, но и выдать за него дочь, остается совершенной загадкой⁵⁹. После смерти зятя Мономах не оставлял попыток закрепиться на Дунае. В том же году он еще дважды посылал войска на Дунай, вероятно, считая захваченные города своими по праву:

В се же лѣѣ князь великий Володимерь. посла Ивана Воитишича и посажа посадники по Дунаю [...] томъ же лѣѣ ходи Вачеславъ на Дунай с Фомою Ратиборичемъ и пришедь къ Дрьсту и не воспѣвше ничто же воротишаса⁶⁰

Примечательно, что все эти походы имели своим фокусом город Дристр на Дунае. Он уже был когда-то среди владений русских князей — знаменитый Святослав Игоревич владел им и именно здесь, в «Доростоле», заключил свой договор с Византией в 971 году. Договор Святослава — третий и последний в подборке копий, привезенных на Русь. Более поздние договоры с Византией (например, несомненно существовавший договор Ярослава 1046 года, который, к тому

⁵⁷ ПСРЛ 2: 283.

⁵⁸ См.: Alexander Kazhdan, "Rus'-Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries," *Harvard Ukrainian Studies* XII–XIII (1988), 420–422.

⁵⁹ При том что на Руси знали о судьбе первого самозванца: под 1095 г. в Повести временных лет записано: «Идоша Половци на Грькы с Девгеневичемъ . воюваша по Гречьстѣи земли . и цѣрь яша Девгенича . и повелѣ и слѣпипи» (ПСРЛ 1: 226–227).

⁶⁰ ПСРЛ 2: 284. Эти известия, судя по всему, находились уже за пределами Повести временных лет, оканчивавшейся, скорее всего, торжественным описанием перенесения мощей свв. Бориса и Глеба в 1115 г.

же, и найти было проще), судя по всему, не интересовали заказчика. После обнаружения «Доростольского» договора поиски в архиве сочли завершенными — видимо, нашли то, что искали⁶¹.

Копирование византийских договорных грамот не преследовало сугубо антикварный интерес к прошлому, и не «исторический источник» хотели получить в Киеве. Искали подтверждение того, что русские князья имеют исторические права на владение Дристрой. «Доростольский» договор Святослава создавал такой прецедент. Нельзя исключать поэтому, что архивные поиски были предприняты в связи с планируемой византийской войной и попытками ее, так сказать, юридического и идеологического обоснования⁶² (отголоски этого слышим и в летописи: Святослав Игоревич произносит яркую речь в том смысле, что на Дунае будет отныне центр его державы)⁶³. Что договоры стали приобретением еще и для историографии, оказалось непредвиденным, но счастливым следствием.

Каковы бы ни были обстоятельства находки, то, что открытие произошло в результате специальных разысканий, да еще и в Константи-

⁶¹ Попытка обосновать подложность договора Святослава, якобы сочиненного самим летописцем, едва ли убедительна (см.: Mikhail Raev, "The Russian-Byzantine Treaty of 971: Theophros and Sveneld," *Revue des études byzantines* 64/65 (2006/2007), 329–340). Но другое предположение исследователя — что сведения о балканских походах Святослава были известны летописцу из какого-то византийского источника, отразившегося также в Хронике Иоанна Скилицы, — не лишено основания.

⁶² Как бы ни возникал проект захвата Дристра, Мономах ли подыскивал для этой цели самозванца, или идея возникла с появлением на Руси Лжелеона, поход на Дунай не выглядит спонтанным. За авантюриста успели выдать княжескую дочь, и она даже родила ему сына (известного из летописи как Василько Леонович или Василько Маричинич). Так что готовили Лжелеона для роли русского вассала заранее. Да и беспрецедентные три похода на Дристр в течение одного года, два из них уже после убийства самозванца, говорят о том, что Дристр был важен Мономаху и безотносительно к планам Лжелеона.

⁶³ Святослав, конечно, обосновывает свои намерения правом завоевателя. Но не только. Читатели летописи знали, что уже самый первый из киевских князей — легендарный Кий — собирался основать государство на Дунае и засвидетельствовал это символическим жестом — основанием здесь собственного «городка»: «приде къ Дунаеви . и възлюби мѣсто . и сруби городокъ малъ . и хоташе сѣсти с родомъ свѣимъ» (ПСРЛ 2: 8). Создание города в летописи всегда означает право на владение (ср. основание городов Рюриком и его боярами).

нополе, свидетельствует об одном крайне важном для нашей темы обстоятельстве: к моменту обретения договоров память о них в Киеве была уже совершенно утрачена. Забыли не только о «пропавших грамотах», но и обо всех обстоятельствах, их окружавших: войнах с Византией, заключении мира и т. д. Самые важные события в жизни каждого киевского князя — поход на Константинополь — не существовали до обретения текстов договоров. Для летописного предприятия их открытие было событием чрезвычайным: в едва различимой мгле прошлого образовалось три ярко освещенных островка. Договоры называли имена князей, их титулы и подвластные им города. Но главное, даты договоров позволяли установить, когда жили эти князья, в каком порядке их нужно расположить, сколько между ними положить лет. Судя по тому, как стремительно летописец обрывал жизни Олега, Игоря и Святослава сразу же после договоров, год их заключения был единственной датой, известной ему из жизни этих князей.

Кроме того, что договоры сообщали, они еще и указывали на стоящие за ними нерассказанные истории: раз был заключен мирный договор, значит, ему предшествовали война, поход, победа или поражение, переговоры, клятвы, выплаты дани. Можно было поискать их описания в письменных источниках (и найти известия о войнах Игоря и Святослава) либо домыслить самостоятельно (не найдя совершенно никаких упоминаний об Олеге).

Даты трех договоров — 6420/912, 6453/945 и 6479/971 — разметили пространство X века. Но как структурировать предшествующее время, для которого подобных хронологических маяков не существовало? Летописец сделал это, развернув, подобно циркульному ходу, всю последовательность вокруг даты первого договора в обратном направлении. Так была выяснена «глубина» и определена структура прошлого. Полученные таким способом сегменты можно было теперь заполнять более дробными событиями.

Утверждение, что первая дата Повести временных лет — 6360/852 год — появилась в результате ретроспективной «хронологической разметки», вступает в противоречие с утвердившимся в литературе представлением, будто летописец не был волен в ее выборе, а заимствовал ее из бывших в его распоряжении источников, например, Летописца вскоре патриарха Никифора. Именно от нее он затем произвел расчет всей хронологии летописи вплоть до собственного времени.

Эта дата выглядит довольно странно, и мотивы выбора именно ее в качестве начала русской истории не очевидны. Она не сообщает ни о каком конкретном событии из истории Руси, только что Русь «стала известна» приблизительно в это время. Занятые поиском происхождения цифры, исследователи не отмечали, насколько странен смысл поясняющего ее текста. Он отсылает к совершенно другой дате — похода Аскольда и Дира на Константинополь (помещенного под «ошибочным» 6374/866 годом). Именно это и было то самое первое упоминание о Руси в византийской хронографии, которое смог разыскать летописец и о котором почему-то решил сказать за четырнадцать лет до него:

В лѣтѣ. 75. т. 3. [6360 (852)] индикта. 61. наченшю Михаилу цѣрьствовати. нача са прозывати Руская земля. ѿ семъ бо оувѣдахомъ. яко прѣ сеѣ цѣри приходиша Русь. на Цѣрьгра^а. яко же пишашеть в лѣтописани Грѣцко^{а64}

Эта дата, кроме того, фактически неверна: император Михаил начал править не в 852-м, а в 842 году. Конкретный механизм возникновения ошибки — дефектность источника, собственные неловкие арифметические действия летописца и т. д. — остается предметом дискуссии. Путем тонких подгонок в рассуждениях исследователям, как правило, удавалось добиться искомого года, исходя даже из противоположных сценариев работы летописца⁶⁵. Но надо признать, что «в готовом виде» ни один из источников летописи такой даты не содержал.

Недавно С. В. Цыб отметил, что сложности расшифровки этой даты «действительно кажутся неразрешимыми». Приуроченный к ней расчет лет от сотворения мира основывается на Летописце вскорѣ, где использована антиохийская эра (полагавшая 5500 лет до рождения), сам же год 6360/852 своим сочетанием с 15-м индиктом выдает константинопольскую эру (5508 лет до рождения)⁶⁶. Это последнее обстоятельство говорит о том, что дата возникла вне контекста хронологических расчетов, заимствованных из Летописца вскорѣ.

Итак, первая дата летописи не только фактически неверна, но, по существу, и не нужна. Русская земля не стала «прозываться» в том году. Она

⁶⁴ ПСРЛ 2: 12.

⁶⁵ См.: Цыб С. В. *Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет»*. СПб., 2011, 101–103, с обзором предыдущей литературы.

⁶⁶ Там же, 101.

стала прозываться в 866-м по летописному расчету. Первый год оказывается фактически «пустым». Кроме символического значения (отмеченной Лушиным «симметрией») у этой даты нет другого предназначения.

Ее символизм, кроме того, подчеркивается дополнением номера года индиктом. Счет пятнадцатилетними периодами, индиктами, при котором указывалось порядковое число года в пределах текущего цикла, имеет византийское происхождение. Индикты, начинающиеся 1 сентября, связаны с византийским «сентябрьским» годом (летописцы, как правило, оперировали годом, начинавшимся 1 марта), что создавало некоторые неудобства пользования и объясняет их сравнительную редкость в летописании. Сильвестр несомненно «подсмотрел» индикты в византийско-русских договорах. Договор Олега 911 года датирован «месяца сентября 2, индикта 15, в лето создания мира 6420», договор Святослава 971 года датирован «месяца июля, индикта 14, в лето 6479»⁶⁷. Подобная манера датировки, как видел Сильвестр, принятая в императорской канцелярии, представлялась престижной и парадной.

Еще историками XIX века было отмечено странное обстоятельство: хронологический расчет до смерти Святополка Изяславича (до 1113 года), так очевидно приуроченный к начальной дате летописи, не соответствует датам годовых статей Повести временных лет, и расхождения оказываются довольно значительными. Иными словами, для разметки хронологической сетки летописи он не имел практического значения. Его назначение, надо думать, было скорее символическим: усилить значимость первой даты и подчеркнуть весомость хронологии в общем задуме: «тѣмже ѿселе почнем. и числа положимъ». Это, в свою очередь, означает, что летописец не совершал расчет лет «вперед» от каким-то образом заданной ему даты 8360/852 год. Она сама явилась результатом счета. Основополагающим для хронологии Начальной летописи были интервалы, определенные датами договоров. Как и всякая другая «длинная история», летописный рассказ конструировался ретроспективно, от настоящего — к прошлому, от известного — к неизвестному.

⁶⁷ ПСРЛ 2: 28; ПСРЛ 1: 37. В обоих главных семействах списков Повести временных лет содержится давняя ошибка: вместо «индикта» читается «недели». К сожалению, договор 944 г. по какой-то причине утратил дату, но нет сомнения, что договорная грамота была датирована, и притом в той же манере, как и две другие.

Со времен обнаружения наукой арабских источников по истории Руси исследователи недоумевали: почему летописец, в деталях описывая походы киевских князей на Византию, ни словом не обмолвился о столь же грандиозных и притом совершенно синхронных походах руси на Каспий, запечатленных в восточных текстах? Например, летописец знает о походе Олега на Византию 907 года, но ничего — о походе руси на Каспий в 909/910; знает о походе Игоря 941 года на Константинополь и не подозревает об экспедиции в Бердаа в 943/944. Как могло получиться, что историческая память оказалась столь избирательной, чтобы сохранить только «византийское досье» и совершенно утратить знание о восточных предприятиях русов? Ответ теперь очевиден: летописец ничего не знал бы и о набегах на Византию, не окажись в его руках тексты договоров, из которых он впервые — с документальной точностью — узнал о мирных трактатах с византийскими императорами и начал разыскания в других источниках о войнах с ними.

Предыдущие наблюдения должны были обосновать, насколько важными во многих отношениях инструментами оказались для летописца византийско-русские договоры и насколько неразрывно они связаны с самим проектом написания русской истории. По существу, он стал возможен только с обретением в Киеве комплекта из трех византийских грамот X века.

7. ХРОНОЛОГИЯ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

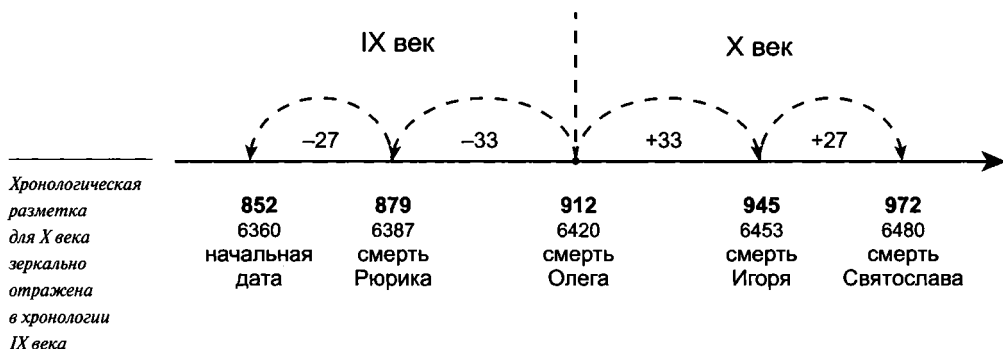
Итак, хронология Повести временных лет не просто ошибочна в каких-то фрагментах, она представляет собой совершенно искусственное образование — по существу, выдумана летописцем. Для реконструкции действительного прошлого IX–X веков это обстоятельство, разумеется, фатально. Мы почти наверняка можем утверждать, например, что Олег не пришел в Киев в 882 году и не отправился на войну с радимичами в 885-м. Но когда произошли эти события, мы не узнаем. Мы даже начинаем сомневаться, произошли ли они в действительности или же возникли из того, что летописцу понадобилось поставить под этими датами некие события. Или даже — определенного разряда события под определенными датами.

Однако искусственность хронологии Повести временных лет оказывается неоченимой в другом отношении. Она позволяет приподнять завесу над чрезвычайно важными вещами: что послужило толчком к созданию летописи? как она возникала? каков был метод работы летописца XII века и как ему удалось воссоздать древнейшее прошлое Руси?

Мы видели, что пространство X века летописец разметил при помощи дат трех византийско-русских договоров — 911, 944 и 971 годов — на более мелкие фрагменты. За пределами дат договоров летописец ничего не знал о дальнейшей судьбе подписавших их князей и решил «убивать» их на следующий же год (+1): 912, 945 и 972. Напротив, походы князей на Византию летописец по какой-то причине решил датировать, отнимая по четыре года от дат договоров (−4): 907, 941 и 967:

Мы видели также, что, «оборотив» заданную договорами структуру вокруг первой из дат (по совпадению, сентябрьский год договора и мартовский год смерти Олега совпадают номером) в прошлое, летописец получил сегментацию предшествующей истории и также «глубину» своей хронологии:

Похоже, что, приняв свои опорные даты, летописец в дальнейшем расставлял события, то прибавляя к ним некое количество лет, то отнимая. В сущности, ему необходимо было расставить по хронологической шкале всего несколько разрядов событий: походы князей на славянские племена, походы на Византию, а также немногочисленные выписки из византийской хроники, которые летописец счел уместными для своего предприятия.

Распределяя их на более-менее равных расстояниях от центральных дат, летописец постепенно заполнял образовавшиеся сегменты времени событиями. Не все его решения одинаково ясны. Очевидно, что ему нравились интервалы кратные трем (либо по соображениям тринитарного символизма, либо потому, что так подсказывал какой-то авторитетный образец⁶⁸), а также «круглые» цифры (например, 6360/852, 6370/862, 6390/882, 6410/902 и т. д.). Также очевидно, что летописец предпочитал обозначать некий четкий центр для правления трех первых киевских князей событием, почерпнутым из византийской хронографии.

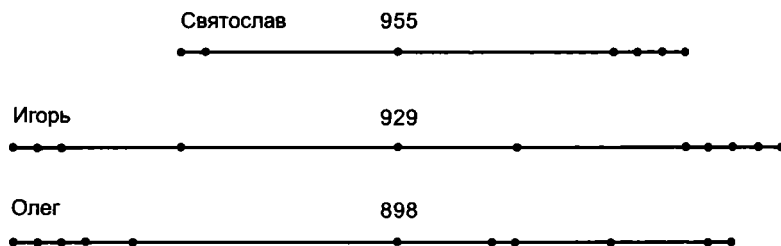
Так, правление Олега (882–912) размечено точно посередине известием миссии Кирилла и Мефодия (898), правление Игоря (913–945) — известием об осаде Константинополя болгарским царем Симеоном (929), правление Святослава до его ухода из Киева (946–967) — известием о поездке княгини Ольги в Константинополь (955). Получаем: 16 — 16⁶⁹; 16 — 16; 9 — 9. То, что это не случайности, доказывается как большими промежутками из «пустых» лет вокруг центральных дат, так и тем, что все они фактически неверны, хотя и заимствованы из продатированных источников: Кирилло-Мефодиевская миссия, конечно же, состоялась не в 898 году, царь Симеон несколько раз осаждал Константинополь, но ни разу в 929-м (он

⁶⁸ Таковым недавно предложено считать Книгу Юбилеев (Малое Бытие), см.: Арістов В. До питання про «хронологічну симетрію» Повісті временних літ. *Ruthenica* XI (2012), 162–165.

⁶⁹ Здесь, правда, летописцу не удалось создать совершенно точный «центр»: Олег правил (по включающему счету 31 год, с 882 по 912), так что интервалы на самом деле распались на 16 и 15. Но летописец, тем не менее, полагал, что «бы^д всѣхъ лѣтъ его княженія . лѣт». Интервал в 33 года симметрично распадался бы на два отрезка по 16 лет с центральной датой.

умер в 927-м); Ольга совершенно точно ездил в Константинополь в другой год, не в 955-й⁷⁰.

Разметка
хронологии
правлений
Олега, Игоря
и Святослава

Символика чисел чрезвычайно важна для древних авторов. Средневековые черпало ее из двух источников: греческой пифагорейской традиции и аллегорической интерпретации чисел в Священном Писании. Кроме предпочтения «круглых» цифр, «нумерология» выступает в средневековой литературе в двух главных формах. Во-первых, числа могут употребляться ввиду их самостоятельного символизма; например, 3 — число ипостасей, 4 — четыре элемента и, следовательно, материальность мира, 6 — шесть дней творения, 7 — семь веков мира, 12 — число апостолов и т. д. Во-вторых, числовой символизм может служить основой архитектоники произведения, для создания симметрических построений (как, например, структура $1 + 33 + 33 + 33 = 100$ в песнях «Божественной комедии» Данте или арифметически правиль-

⁷⁰ Дата поездки княгини Ольги в Константинополь, как известно, является предметом оживленной дискуссии, в которой летописному году — 6463/955 — отводится вполне самостоятельная роль. Вопреки стараниям отыскать ее источник, происхождение даты все еще представляется исследователям неясным (см.: Высоцкий С. А. О дате поездки посольства Ольги в Константинополь. *Древние славяне и Киевская Русь*. К., 1990, 154–161; Назаренко А. В. Еще раз о дате поездки княгини Ольги в Константинополь. *Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы: Тез. докл. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашута*, Москва, 13–15 апр. 1992 г. М., 1992, 47–49). Из сочинения Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора» вытекают две возможные даты приемов Ольги: 946 и 957 гг. Можно предполагать, что летописец знал хронологические приметы поездки Ольги из византийской хронографии (у Скилицы, например, ориентир — патриаршество Феофилакта: 933–956), но ради симметрии «подвинул» дату на год.

ная структура древнеанглийской поэмы «Феникс», высчитанная геометрическими приемами)⁷¹. Судя по всему, в восточнохристианской традиции нумерология не получила того развития и не стала предметом целенаправленной рефлексии, как на латинском Западе, хотя символизм чисел вполне осознавался и очевиден во многих текстах⁷². Так же очевидно, что и автор Повести временных лет понимал библейскую символику числовых значений и давал знать об этом своим читателям. Так что даже если бы оказалось, что его хронология, действительно, обладает некоей симметричностью, это не должно было бы чрезмерно удивлять.

Тем не менее, едва ли нужно прочитывать некий глубокий символизм в его «играх со временем». Скорее всего, симметрия летописной хронологии оказывается непредвиденным результатом довольно простого метода, состоявшего в распределении известий более-менее равномерно вдоль хронологической шкалы.

Подобная манера работы характерна не только для самых первых веков воссоздаваемой летописцем русской истории. Пока в его распоряжении не оказались твердые и несомненные даты, связавшие его свободу, но одновременно и освободившие от лишнего труда — а начинается это только с 1060-х годов, — ему приходилось следовать изобретенной ранее методе.

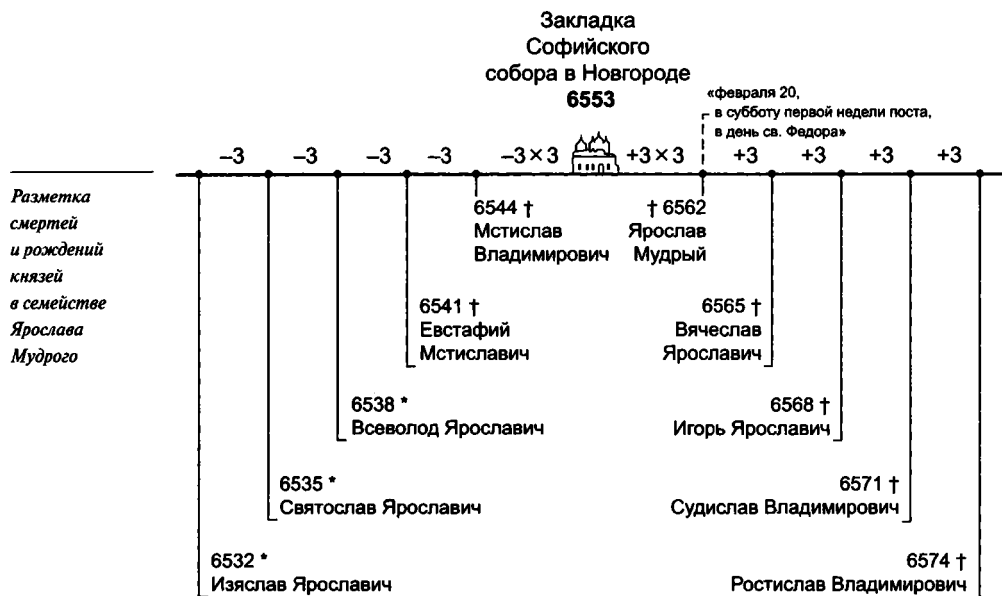
Остановимся на отрезке летописи за начало XI века. Это время, когда — по общему мнению исследователей — летопись из легендарного «баснословия» превращается в надежный и достоверный источник. Это время уже «историческое». Здесь живут и действуют не мифические персонажи Начальной летописи, но реальные представители правящей династии, об этом периоде ко временам Сильвестра уже сохраняется устная память, даже жив кое-кто из очевидцев. И тем не ме-

⁷¹ См. комментированный библиографический обзор «средневековой нумерологии» в: Robert Earl Kaske, Arthur Groos, and Michael W. Twomey, *Medieval Christian Literary Imagery: A Guide to Interpretation* (Toronto and Buffalo, 1988), 164–172. См. также: *Medieval Numerology. A Book of Essays*, ed. by Robert L. Surles (New York and London, 1993); *Essays in the Numerical Criticism of Medieval Literature*, ed. by Caroline D. Eckhardt (Lewisburg, PA, 1980); Vincent F. Hopper, *Medieval Number Symbolism: Its Sources, Meaning, and Influence on Thought and Expression* (New York, 1969).

⁷² См.: “Number Symbolism and Theory,” *Oxford Dictionary of Byzantium*, ed. Alexander P. Kazhdan (New York and Oxford, 1991), 1502.

нее, мы ощущаем, что с хронологией, по крайней мере, части событий за начало XI века что-то глубоко не в порядке.

Рассмотрим, как распределяются даты рождений и смертей в княжеской семье⁷³.

То, что в некоем семействе дети могут рождаться с такой завидной регулярностью, точно через три года, еще как-то можно вообразить, хотя это и необычно. Но то, что представители этого же семейства предпочитают и умирать с той же регулярностью, с трехлетним интервалом друг от друга, бросало бы вызов естественному порядку вещей.

Рождения и смерти в княжеской династии — события чрезвычайно важные. Это не эпизоды семейной жизни — это события государственные. Княжеская династия составляет собой ядро политического устройства Руси, и любые изменения в ее конфигурации — рождение у князя сыновей, смерть его братьев или рождение племянников — ве-

⁷³ Нижеследующие наблюдения основаны на специальном исследовании Т. В. Вилкул, см.: Вилкул Т. В. Даты рождения княжичей: старшие и младшие Ярославичи. *Ruthenica* II (2003), 108—114.

дут к переустройству сложных и деликатно выстроенных отношений, перераспределению столов, а могут привести и к усобным войнам. Во всяком случае, каждое рождение и смерть изменяют будущее. С точки зрения летописца эти события, может быть, самое важное, что он должен был отмечать в истории. И тем не менее, ко времени, когда он стал составлять свой труд в начале XII века, только последовательность (кто вслед за кем) была известна, но даты уже были утрачены.

Вернее, одна дата все же была известна. В отличие от событий, отмеченных только номером года, смерть Ярослава Владимировича Мудрого датирована чрезвычайно полно, с указанием на число месяца и неделю великого поста:

предасть. дѣю свою. мѣца февраля въ. кѣ. в суботу. а. не^а. поста въ сѣго Федора. днѣ^а

Мы можем быть уверены в этой (скорее всего, сентябрьской) дате: она не выдумана и подтверждается поминальной записью на стене Софийского собора в Киеве⁷⁵. Вероятно, только одну эту точную дату и сохраняла традиция. Она и послужила для летописца опорной, создавая возможность рассчитать от нее все остальные.

От нашего внимания не скроется также, что мы имеем дело с двумя сериями событий по пять в каждой серии, то есть конструкцией потенциально симметричной. Они разделены довольно большим промежутком времени. Если мы присмотримся, то обнаружим ее центр — ровно посередине, под 6553 годом, находится известие о закладке Софийского собора в Новгороде, отделенное по обе стороны восьмью (или девятью, если включать собственно дату события) годами от каждой серии. Значение именно этого события, то есть его отношение к двум сериям событий, не очевидно, и о нем можно только гадать⁷⁶.

Разумеется, подобная «стройная» конструкция есть результат выборки, то есть извлечения однотипных сообщений из текста летописи, на самом деле «засоренного» известиями самыми разнообразными

⁷⁴ ПСРЛ 2: 150.

⁷⁵ Высоцкий С. А. *Древнерусские надписи Софии Киевской*. Вып. 1. К., 1966, 39–41.

⁷⁶ Не настаивая категорически, можно было бы предположить, например, следующее объяснение: первая серия состоит из событий, происшедших в семействе Ярослава в то время, когда он преимущественно жил в Новгороде. Вторая серия — события, характеризующие состояние княжеской семьи на юге, в Киеве.

ми, хаотичность которых скрывает первоначальный рисунок. Нет сомнения, что не все даты в этой части летописи были добыты таким же, как описано выше, образом. Напротив, есть все основания полагать, что даты многих событий для этого времени летописец знал определенно (например, наверняка — год похода на Византию (1043) или год поставления митрополитом Илариона (1051)). Но и здесь летописцу порой приходилось считать от известного, чтобы определить год какого-то события⁷⁷, то есть, в сущности, использовать все тот же инструмент: группировать счетные даты вокруг какой-то опорной, «неподвижной».

Кому принадлежит эта хронология, кто ее автор? Иными словами: возникла ли она в Повести временных лет и можно ли ее считать неотъемлемой частью именно этой летописи?

Уже одно то обстоятельство, что древнейшая история рассчитана при помощи дат византийско-русских договоров, позволяет утвердительно ответить на последний вопрос. Такой хронологии попросту неоткуда было заимствовать: ни в одной из ученых интерпретаций ни один из предполагаемых «предшествовавших» сводов не знал о существовании договоров, они стали известны только автору Повести временных лет. Однообразие хронологизаторских приемов, которые прослеживаются и в древнейшей части летописи, и в таком относительно «новом» сегменте, как первая половина XI века, указывает, что на протяжении всей Начальной летописи этим занимался один и тот же человек.

Но можно попытаться протянуть эту нить до самого Сильвестра. Как отмечалось выше, византийские договорные грамоты датированы индиктами. Индиктные датировки достаточно редки в Начальной летописи, да и в летописании вообще. Как правило, их употребляли, чтобы отметить особенное значение события, сообщить читателю некую торжественность, остановить его внимание на дате. Вот полная выборка индиктных датировок Повести временных лет:

⁷⁷ Ср.: «по трехъ же лѣтъхъ миру бывшю . пущень бы^ѣ Вышата в Русь къ Ярославу» в рассказе о походе на Византию под 1043 г.; «на . ѿ . е . бо лѣ^ѣ . пожже Всеславъ градъ» в рассказе о знамении в Новгороде; или расчет даты, когда был посажен в поруб Судислав, в статье о его освобождении Ярославичами: «сидѣ бо . лѣ^ѣ . ѿ . и . ѿ . ».

Распределение индиктных датировок
• Повести временных лет

Как видим, среди них — помимо трех договоров — два события, связанные со св. Феодосием Печерским (смерть и перенесение мощей), три события из семейной жизни Владимира Мономаха (смерть отца — Всеволода, победа сына и смерть жены⁷⁸), а также важнейшее событие самого начала киевского княжения Мономаха — перенесение мощей свв. Бориса и Глеба в новопостроенную церковь в Вышгороде. Все отмеченные торжественными датами известия вполне согласуются с авторством Сильвестра и его положением игумена патронального для Мономаха Выдубицкого монастыря и автора княжеской летописи.

Важно, что Начальная летопись как бы скреплена индиктными датами: именно так маркировано ее начало (первая датированная статья 6360/852) и окончание (последняя годовая статья 6623/1115 о перенесении мощей свв. Бориса и Глеба)⁷⁹. И чтобы ни у кого не оставалось

⁷⁸ Или даже четыре, если добавить к этому списку «пустой» индикт статьи 1112 г., чрезвычайно подробно — с датами месяца — рассказывающей о браке «Володимирей внуки» (дочери Мстислава Владимировича) с Ярославом Святополковичем (ПСРЛ 2: 273).

⁷⁹ В Ипат.: ПСРЛ 2: 280.

сомнений в авторстве, индиктом же скрепил Сильвестр и время окончания своего труда в колофоне:

Игумень Силивестръ ста[†] Михаила. написа^х книгы си Лѣтописецъ. надѣаса ѿ Бѣ мл^ѣтъ приати. при князи Володимерѣ. княжашю юму Киевѣ. а мнѣ в то время игуменащю. оу ста[†] Михаїла. въ. ѿ. ѿ. ѿ. индикта. ѿ. лѣ[†] [...]⁸⁰

Сколь любопытными ни были бы разыскания в хронологии Начальной летописи, для нашей главной темы они имеют, в общем, прикладное значение. Задача их состояла в том, чтобы продемонстрировать: набор событий (то есть собственно текст летописи) возникал одновременно с разметкой ее хронологии и в зависимости от нее. Одно теперь не отделить от другого, они находятся в сплаве.

8. ИСТОРИЯ С ЭТНОГРАФИЕЙ

Водная часть Повести временных лет должна была дать ответ на два крайне важных вопроса — по существу, загадки. Первая: как славяне, мигрируя из своей южной родины, оказались русью, народом северного происхождения. Вторая: почему княжеский род, в историческое время базирующийся в южном Киеве, происходит от северных варягов. В объяснение этих двух головоломок летописец выстраивает две истории переселения: славянского народа и княжеского дома. В точке их встречи начинается русская история.

Историю своего народа летописец начинает, в соответствии с византийскими образцами, с истории ветхозаветной. Два ее эпизода имели принципиальное значение: рассказ о разделении земли между потомками трех сыновей Ноя и рассказ о Вавилонском столпотворении. Первый толковал, как мы сейчас сказали бы, начала этнического многообразия людей, второй — разнообразия лингвистического. Вместе две истории объясняли, почему славяне не только представляют собой особую породу людей, но и отличаются от иных своей собственной речью. Разъяснять эти, казалось бы очевидные, вещи летописца заставляли два обстоятельства. Первое, семантическое: народы,

⁸⁰ ПСРЛ I: 286.

принадлежность к которым можно было выразить только в терминах родства (от рода, от племени), на самом деле разделяются по тому, как они разговаривают. Славянское *языкъ* означало и собственно «язык, речь», и «народ». Происхождение и язык были сущностными характеристиками народа. Они оставались всё те же, как бы не изменялись внешние атрибуты, например, названия народа или место его жительства. Второе обстоятельство было гораздо важнее. Как знал летописец, в случае со славянами *языкъ* был особым образом связан с грамотой, языком богослужения, специально для славян изобретенным святыми Кириллом и Мефодием. В выражении «славянский язык» летописец ощущал уникальное совпадение происхождения, языка и веры.

Ответ, в конечном итоге предложенный летописцем на первый вопрос (о том, как славяне стали русью), звучит почти как загадка:

а Словеньскыи языкъ и Роуѣкыи: ѡдно єѣ. ѿ Варагъ бо прозвашаѣ Роуѣю. а первое бѣша Словене. аще и Полане звахѣса но Словеньскаа рѣѣ бѣ. Полами же прозвани быши. зане в поли седаху, а языкъ Словеѣскї [имѣ] еди⁸¹

Это итог длинного путешествия, начавшегося на Дунае, где летописец размещал прародину славян. Отсюда единый народ славян тремя последовательными волнами стал «расходиться по земле» и «называться своими именами» в зависимости от местности («гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ»), образуя на удивление симметричные группы по пять «племен»⁸². Группы ориентированы на три реки: Мораву, Вислу и Днепр. Первыми летописец перечисляет моравов, чехов, хорватов, сербов, хорутан. Затем — ляхов, «ляхов полян», лютичей, мазовшан и поморян. В третью группу входили поляне, древляне, дреговичи, полочане, словене, северяне. Именно они интересовали летописца в первую очередь, и к ним он возвращается затем неоднократно, при-

⁸¹ ПСРЛ I: 28.

⁸² ПСРЛ I: 5. Нужно оговориться: летопись не употребляет слово «племя» как обозначение этнографической группы или типа социального устройства, предпочитая перечисления названий подвидов славян (см.: Плем'я літописне. *Енциклопедія історії України*. Т. 8. К., 2011, 273). Сложившаяся историографическая традиция именует эти образования «племенами», и, при отсутствии иного обозначения, так будем поступать и мы.

водя еще пять различного объема каталогов «племен»⁸³. Ни один из них не является исчерпывающим, но, в общей сложности, летописец называет двенадцать славянских племен, расселившихся на землях, позднее составивших территорию Руси.

Наука XIX века интерпретировала летописный рассказ о расселении славян в Восточной Европе как своего рода «этнографическую карту». В самом деле, летописный рассказ легко прочитывается как отчет ученого-этнографа, фиксирующего ареалы проживания тех или иных групп, их самоназвания, язык, особенности обычаев, происхождение. Этот «отчет» к тому же легко поддается картографированию (благодаря указанию на реки), и, действительно, карта под названием «Восточные славяне накануне образования Древнерусского государства» издавна является неизменным спутником любого исторического очерка. С замечательным доверием к букве средневекового рассказа она переводит летописные каталоги «племен» на язык картографии, тем самым создавая иллюзию документированности и даже научности. Легко убедиться, что за последние сто пятьдесят лет подобные карты не претерпели существенных коррективов, неизменно указывая все те же племена и на все тех же реках, где их в XII веке разместил летописец.

Поскольку рассказ содержится в недатированной части летописи, буквально до начала истории, предполагалось, что летописная «этнография» отражает доисторическое состояние восточнославянских племен, времен миграции и заселения. Если и предполагали какое-то обоснование такой убежденности, то оно состояло в следующем: в «исторической» части летописи упоминания названий племен очень редки, даже единичны, значит, ко времени создания Повести временных лет все они уже были давно ассимилированы и утратили не толь-

⁸³ Так, например, княжения указаны для шести: полян, древлян, дреговичей, словен, полочан и северян (ПСРЛ I: 8); славянский язык отмечен у семи: полян, древлян, новгородцев, полочан, дреговичей, северян, бужан (волянн) (ПСРЛ I: 8); славянское происхождение («от рода словенска») имеют только четыре: поляне, древляне, радимичи, вятичи (ПСРЛ I: 9); в число «Великой Скуфи» входят девять: поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи, хорваты, дулебы (волянн), уличи, тиверцы (ПСРЛ I: 9–10); нравы описаны для шести «племен»: полян, древлян, радимичей, вятичей, северян, кривичей (ПСРЛ I: 10).

политическую самостоятельность, но и идентичность. Раз так, то летописная панорама расселения должна отражать состояние значительно более древнее. Насколько именно «более древнее», не уточняя, но предполагалось, что «очень, очень древнее». Каким образом монах-летописец мог знать о настолько седой старине, также не уточняя. Предположительно, летописная этнография воспроизводила некую «коллективную память» восточных славян о миграционном периоде, собранную и систематизированную летописцем.

Когда круг дисциплин о славянских древностях пополнился в конце XIX века археологией, казалось, что летописная этнография легко совпадет с «археологическими культурами» Восточной Европы, в которых видели материальные останки жизнедеятельности летописных племен⁸⁴. Усилия, затраченные поколениями ученых, однако, не привели к твердым результатам. Найти соответствия летописной картине в материальной культуре не удавалось. Археологические исследования неизменно обнаруживают иное членение восточных славян — на более крупные общности, не совпадающие территориально с летопис-

⁸⁴ Начало подобных поисков было положено известной статьей А. А. Спицына (Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. *Журнал Министерства народного просвещения*. № 8 (1899), 301–340). В последующей литературе закрепилось убеждение, будто Спицын достиг полного совпадения с летописной картой расселения племен путем картографирования находок височных колец. Это не так. Спицын пытался выявить региональные особенности на основании погребального обряда, и височные кольца играли в его построениях второстепенную роль. Характерный прием — обзор археологических памятников по «землям племен» (которые только еще предстояло выявить) — позволил Спицыну, в конечном итоге, утверждать, что «все показания летописи о расселении древнерусских племен вполне совпадают с археологическими наблюдениями. В собственно русских древностях [...] намечается столько же археологических типов и районов, сколько летопись перечисляет древнерусских племен. Географическое положение этих районов соответствует указаниям летописи о местах расселения племен каждого в отдельности. Вне сомнения, дальнейшее расширение исследований соответственных курганов даст вполне точную карту расселения древнерусских племен времени начальной летописи» (Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным, 339). Тем не менее, Спицын говорил о трех «этнографических группах», выделяемых на основании собственно археологического материала, более крупных, чем отдельные племена.

ными «племенами»⁸⁵. Так, даже «накануне образования» все Правобережье Днестра занято культурой типа Луки-Райковецкой, тогда как Левобережье — Роменско-Боршевской культурой. Попытки расчленить эти массивы на более мелкие составляющие, соответствовавшие бы летописным племенам, исходят не из собственно археологического материала, но из стремления наложить на него летописную карту «племен»⁸⁶. В том, что данные двух карт — археологической и летописной — не совмещались, видели, разумеется, вину археологии: ее инструментарий представлялся недостаточно чувствительным, не всегда улавливал переходные этнографические зоны, а потому и выдавал ложные результаты. Парадоксальным образом достоверность научного результата определялась соответствием (или его отсутствием) средневековой летописной «этнографии»⁸⁷.

Идея отраженной в летописном рассказе «коллективной памяти» славянства достаточно уязвима. Ей невозможно найти аналогии в средневековье. Разумеется, «миграционные мифы» известны, и многие из них, вполне вероятно, основаны на какой-то длительной устной передаче. Но такого рода предания имеют дело с конкретным народом,

⁸⁵ См. новейший обзор материальной культуры восточных славян в связи с летописной «этнографией»: Толочко П. П. *Древнерусская народность*. СПб., 2005, 65–81.

⁸⁶ Ср.: «Имея летописные историко-географические ориентиры, задача эта [т. е. очертить территорию племен. — А. Т.] не кажется непосильной. Однако без них, пользуясь только данными археологии, определить совокупность специфических проявлений культуры того или иного “племени” намного сложнее» (Толочко П. П. *Древнерусская народность*, 68).

⁸⁷ «Племена», впрочем, оказываются неуловимы не только в Восточной Европе. Археология реагирует на это положение диаметрально противоположным образом: либо предполагая, что «племена» как устойчивые социальные и этнографические общности есть создание историографии, но не реальности догосударственного периода (Przemysław Urbańczyk, “Before the Poles: Problems of Ethnic Identification in Polish Archaeology of the Early Middle Ages,” *Archaeology of Identity — Archäologie der Identität*, ed. by Walter Pohl and Mathias Mehofer [Forschungen zur Geschichte des Mittelalters, Band 17] (Wien, 2010), 203–209), либо отрицая самое возможность для археологии идентифицировать этнические группы (Csanád Bálint, “A Contribution to Research on Ethnicity: a View from and on the East,” *Archaeology of Identity — Archäologie der Identität*, 145–182). См., впрочем, взвешенный обзор проблемы: Florin Curta, “Medieval Archaeology and Ethnicity: Where are We?,” *History Compass* 9/7 (2011), 537–548.

именно о его странствиях и обретении родины, о происхождении его конкретного имени они рассказывают. В нашем случае можно представить себе некий «миграционный миф», скажем, полян или уличей. Но всех славян сразу? Фольклор не оперирует такими абстракциями, как «славяне». «Славяне» — то есть объединение народов в некую общность на основании лингвистического родства — есть продукт ученого ума, доступный только человеку книжной культуры.

В самом деле, откуда у летописца XII века идея такой широкой идентичности — славянской, обнимающей огромное количество народов, живущих на необозримых пространствах от Адриатики до Балтийского моря? Разумеется, он не мог узнать о ней путем расспросов или иных разысканий: никакой актуальной «славянской» идентичности, преодолевающей уровень локального (или «племенного», если угодно) самосознания, не существовало. Такие большие общности вообще есть продукт категоризации с точки зрения внешнего наблюдателя (как, например, «немцы» или «варяги»). Как продемонстрировал Флорин Курта, в исторически обозримое время ни одна группа «славян» не использовала это имя в качестве самоназвания⁸⁸. «Славяне» есть ярлык, изобретенный византийскими авторами в попытке систематизации «мира варваров», «скорее конструкция педанта, чем результат длительного межэтнического взаимодействия»⁸⁹. В течение всего Средневековья «славяне» — если и не вполне «ученый», то безусловно книжный термин. Они живут только в византийской (Σκλαβῆνοι) и латинской (Sclavene) исторической и географической литературе. Во всех случаях это — категория, навязываемая извне⁹⁰, «рубрика», под

- Даже если, как предполагают, таково было самоназвание одной из первых групп, вступивших в контакт с Византией на нижнем Дунае в VI в., по имени которой стали называть остальных. Впрочем, этимология имени «славян» неочевидна, см.: Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 3. М., 1987, 464–466.
- Florin Curta, *The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region c. 500–700* (Cambridge, 2004), 350.
- В обоснование противоположного, что славяне было древнейшим самоназванием, обычно приводят факты его бытования в различных частях славянского мира: словаки, словенцы и т. д. Все это, однако, примеры очень поздние, и связаны они со становлением современного самосознания славянских наций. Единственный древний пример — «новгородские словене» Повести временных лет, как увидим ниже, представляет собой фиктивный этноним.

которой зарегистрирован в византийском сознании определенный тип варваров. Сами по себе «славяне», даже те, что длительное время проживают в склавиниях внутри империи (в Македонии, Фессалии, Фракии, Пелопоннесе), предпочитают уклоняться от подобного определения, оставаясь при своих «племенных» названиях.

Повесть временных лет оказывается первым произведением, принимающим этот византийский ярлык в качестве самоназвания. Это — демонстрация Сильвестром своей учености. Узнать о славянах можно было только из текста, созданного в кругу византийских идей и представлений. То, что Сильвестр так настойчиво связывает славянство именно с языком и грамотой, позволяет безошибочно его идентифицировать.

Среди непосредственных источников Повести временных лет давно уже найдены искомые «византийские» тексты. Это так называемые Паннонские жития, описывающие миссию к славянам Константина Кирилла и Мефодия⁹¹. Содержащийся в них рассказ о миссии двух византийских учителей к «славянам» предоставил Сильвестру не только саму идею славянства, но и все географические ориентиры и исторические обстоятельства, позволившие воссоздать картину переселения славян с их дунайской прародины. На основании Паннонских житий летописец сложил довольно пространный рассказ об изобретении грамоты для «Словенской страны», составивший летописную статью 6406/898. Для нашей темы важно, что Сильвестр воспользовался этим поводом, чтобы еще раз (после «этнографического введения») напомнить читателю о происхождении славян, их последующем расселении и отношении к ним нынешних народов, остающихся славянами, но уже «прозавшихся своими именами»⁹². Эти рассуждения обрамляют

⁹¹ О Житии Мефодия как источнике Повести временных лет см.: Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники, 87—90. По очевидным соображениям не обсуждаю виртуального «Сказания о переложении книг на славянский язык», вообразенного Шахматовым на основании Паннонских житий и некоторых поздних источников.

⁹² На связь «этнографического введения» к Повести временных лет со статьей 898 г. указывал еще Шахматов, причем полагал, что помещенный в этой статье рассказ первичен по отношению к введению (Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники, 81).

рассказ о славянской миссии, служа одновременно и введением к ней, и ее уроком. С них и удобнее начать разбор.

Итак, летописец утверждает, что венгры поселились в земле славян и покорили их себе, почему и земля та стала называться «Угорская». Затем они

начаша воевати на Мораву. и на Чехы. бѣ бо единъ языкъ Словѣнскъ. Словѣнѣ же сѣдаху по Дунаю. ихъ же приаша Оугре. и Мѣрава. и Чеси. и Лаховѣ. и Полане. яже нѣтъ зовемаа Русь. симъ пѣрвѣе положены книги. Моравѣ яже⁸ прозваса грамота Словенская⁹³.

Далее следует собственно рассказ о миссии Константина-Кирилла и Мефодия, завершающийся известием о поставлении Мефодия епископом «въ Пании. на мѣстѣ стго апѣла Андроника. единого ѿ. б. оучѣка стго апѣла Павла». Место епископского стола Мефодия дает возможность летописцу заверить читателя, что и св. Андроник, и апостол Павел были «учителями» славян, так как Андроник «Моравы бо доходить» и там же проповедовал Павел: «ту бо баша Словѣни пѣрвѣе. тѣмъ же Словѣнску языку оучитель естъ Павелъ. ѿ негоже языка и мы есме Русь. тѣмъ же и намъ Руси оучитель естъ. Павелъ апѣлъ. поже оучиль естъ языкъ Словѣнескъ»⁹⁴.

Обратим внимание, что в этих комбинациях присутствуют два главных «племен» Руси: словене (впоследствии ставшие новгородцами) и поляне (ставшие киевлянами и русью). Летописец дает понять, что в момент кирилло-мефодиевской миссии и поляне, и словене проживали на Дунае, почему и оказались среди получивших славянскую грамоту⁹⁵.

Где же находится эта «Словенская страна», в которую отправились Константин-Кирилл и Мефодий? Речь в данном случае не о реальной

⁸ ПСРЛ 2: 18.

⁹³ ПСРЛ 2: 20.

⁹⁴ Хронологическое противоречие — рассказ о миссии Константина и Мефодия помещен под 989 г., тогда как и поляне, и новгородские словене должны были уже переселиться на свои восточноевропейские территории, — кажущееся. Сильвестр ясно указывает, что обретение славянской грамоты состоялось в царствование императора Михаила, а под 868 г. он отмечает начало царствования Василия (ПСРЛ 2: 16). Почему летописец решил приурочить рассказ к сообщению о движении угров мимо Киева, неясно.

географии кирилло-мефодиевской миссии и не о том, где в действительности находилась «Великая Моравия», князья которой пригласили византийских учителей, но о том, как Сильвестр воображал это пространство. Разумеется, он хорошо знал, где в его времена проживали упомянутые в рассказе чехи или поляки. Но народы в летописи — движущиеся мишени, сегодня они еще на своей «славянской» родине на Дунае, завтра — на Висле или на Днепре. Более надежные результаты можно получить, ориентируясь на, так сказать, неподвижные географические маркеры. В рассказе упомянуты две реки — Дунай и Морава, а также две бывшие римские провинции — Паннония и Иллирик. За исключением Иллирика, это также и география Паннонских житий⁹⁶. Как бы не комбинировать эти указания, получается, что в представлении летописца все события происходили в довольно компактной зоне среднего течения Дуная, где, следовательно, и должна была находиться «Словенская страна».

Именно отсюда и расселился «словенский язык». Но когда это произошло? Во всяком случае, не в далекие доисторические времена. Сильвестра можно понять так, что расселение случилось во времена правления императора Михаила, а «словене» и «поляне» едва ли не застали, еще на своей прародине, миссию Константина и Мефодия.

Паннонские жития были не просто авторитетными, но и единственными текстами в распоряжении Сильвестра, говорившими о «славянах». Только там фигурировали «славяне» и только в местах, где их нашли Константин и Мефодий — в Иллирике и Паннонии. Нигде больше Сильвестр «славян» не обнаруживал: их не было в доступных ему текстах, а среди современных летописцу народов ни один не называл себя этим именем. «Словенская страна» на Дунае, следственно,

⁹⁶ Это обстоятельство, как известно, вызвало к жизни т. н. «тезис Бобы» о том, что «Моравия», где учили Константин и Мефодий, находилась не к северу от Дуная, в нынешней чешской Моравии, но к югу от Дуная, на севере Балкан (см.: Imre Boba, *Moravia's History Reconsidered: A Reinterpretation of Medieval Sources* (The Hague, 1971)). См. из последних работ: Horace G. Lunt, "Cyril and Methodius With Rastislav Prince of Moravia: Where Were They?" *Thessaloniki Magna Moravia. Proceedings of the International Conference Thessaloniki 16–19 October 1997*, ed. A. A. Tachiaos (Thessaloniki, 1999), 87–112; Florin Curta, "The History and Archaeology of Great Moravia: an Introduction," *Early Medieval Europe* 3 (17) (2009), 238–247 (с исключительным по полноте обзором литературы).

была местом первоначального обитания, а «славяне» — древним названием народа, который, расселившись, забыл его и стал называться «своими именами». То, что славянские народы объединены языком, легко устанавливалось из тех же житий, раз они пользуются изобретенной Константином славянской грамотой и читают переведенные Мефодием славянские книги.

Следствием отождествления ныне населяющих Русь «племен» с древними «славянами» стали два крайне важных для всякого средневекового хрониста (в конечном счете, рассказывающего главную историю — как его народ обрел христианство) обстоятельства. Во-первых, оказывалось, что русь (поляне) и словене (новгородцы) были среди славян, первыми услышавших слово божье на собственном языке. Во-вторых, оказалось возможным соединить непрерывной нитью современный народ русь с еще более важными временами первоначальной апостольской миссии. Житие Мефодия утверждало, что он получил епископский стол в Паннонии, где прежде был епископом ученик апостола Павла Андроник, «апостол от семидесяти». Сам Павел проповедовал в Иллирике. «Славяне», таким образом, были среди народов, первыми услышавших христианскую проповедь, что не могло пройти без последствий для их потомков, руси:

тѣм же и намѣ Руси оучитель естъ. Павелъ апѣль. понеже оучиль естъ языкъ Словѣнескъ. и поставиль естъ епѣпа и намѣстника по себѣ. Андроника Словѣнеску языку. а Словѣнескъ языкъ и Рускый ѡдинъ⁹⁷.

Знакомство с христианским учением еще до окончательного крещения правителя страны и ее народа — известный мотив средневековой историографии. Как увидим ниже, в Повести временных лет он встречается еще раз, в связи с легендой о путешествии апостола Андрея по Днепру.

Разобранная только что статья 898 года удобна тем, что в ней представлен этногенез славян «в самом сжатом очерке». Здесь и источники Сильвестра, и его идеологические мотивы выявляются нагляднее, так как вся «теория» была сформулирована в связи с непосредственными сюжетами этой статьи. В географическом и этнографическом введении к летописи эти мотивы «рассыпаны» между другими сведе-

⁹⁷ ПСРЛ 2: 20.

ниями. Но это все те же идеи: «славяне» вставлены непосредственно после «Иллирика» в каталоге стран, доставшихся Иафету⁹⁸. По этой же причине несколько ниже славяне отождествлены с жителями римской провинции Норик:

ѿ сихъ жѣ. б. и дву языку. быѣ языкъ Словенескъ. ѿ племени же Афетова. нарѣцаемѣи Норци. иже суть Словенѣ. по мнозѣхъ же временѣхъ. сѣлѣ суть Словени. по Дунаеви. кде есть ннѣ Оуторьская земля. и Болгарьская. ѿ тѣхъ Словенѣ. разидошася по земыли. и прозвашася имени своими. кде сѣдше. на которомъ мѣстѣ⁹⁹

Приведенные выше наблюдения должны продемонстрировать, что картина славянской миграции с «Дунайской прародины» и последующего расселения славян представляет собой исключительно книжную, ученую конструкцию. В ней нет никакого припоминания о действительных движениях народов или отражения «коллективной памяти» о переселении.

Откуда же в летописи такая широкая этнографическая панорама? Что это за «племена» и как летописец мог бы узнать их названия и определить территории проживания, если не из «народного предания»?

В том, как Сильвестр «расселяет» славянские «племена» — общей численностью двенадцать — по Восточной Европе, для каждого указывая его территорию и ее приметы (реки, города и т. д.), ощущается влияние ветхозаветного сюжета распределения обетованной земли между коленами Израиля (Нав. 13: 15–33). Однако нет сомнения, что «этнографическая карта» Повести временных лет отражает современную Сильвестру картину этнографического разнообразия Восточной Европы начала XII века. Радимичи, вятичи, кривичи — это не древние «племена» эпохи миграции и «обретения родины», о которых осталось лишь воспоминание, а действительные этнографические группы древнерусского населения¹⁰⁰. Летописец только потому и знал их многочис-

⁹⁸ «Илурикъ . Словене» (ПСРЛ 2: 3).

⁹⁹ ПСРЛ 2: 5.

¹⁰⁰ Совершенно такое же — современное — происхождение имеют и сведения Сильвестра о «племенном» строе Польши. Там он указывает «полян», «ляхов», «лютичей», «мазовшан» и «поморян». Как отметил Пшемислав Урбанчик, не существует никаких оснований предполагать, будто таково могло быть «племенное деление» между Карпатами и Балтикой в предгосударственный период (см.: Przemysław

ленные названия и с легкостью указывал их место на «карте», что то была повседневная реальность. Но впечатление, которое он хотел произвести на своих читателей, должно было состоять в обратном: «племена» суть персонажи древней истории, в ней навсегда и оставшиеся. В самом деле, Сильвестр охотно говорит о «племенах», изображая события IX–X веков, даже составляет целые их каталоги (как, например, в описании походов Олега и Игоря на Византию), но крайне скуп, лишь невольно проговариваясь, упоминает о них в описании событий недавних.

С какого-то момента главные персонажи недатированного введения к летописи почти полностью исчезают с ее страниц. Место кривичей, северян, волынян занимают смоляне, черниговцы, владимирцы. Население Руси в летописи полностью утрачивает свою былую «этничность», превращаясь в единый народ, а прежние племенные идентификации уступают место исключительно территориальным, по главным городам земель. В ученой книге сказали бы, что этническая дифференциация уступила место региональным идентичностям. Собственно, наука так и поступила, и в этот раз прочитав летопись как доклад этнолога о результатах его полевых наблюдений. Стремительность изменений (еще вчера — племена, сегодня — горожане) требовала объяснения, и на роль главного фактора этнического развития было назначено государство: именно с его образованием возникает «лавильный котел», перетапливающий полян, северян, кривичей, словен в киевлян, черниговцев, смолян, новгородцев. Едва возникнув, государство как бы стирает «племена» с карты, накладывая на население свои собственные ярлыки — разумеется, административного порядка. Трудно сомневаться, что власть, действительно, классифицировала своих подданных согласно собственным критериям. Но идея, что средневековое государство было способно в течение жизни одного-

Urbańczyk, *Trudne początki Polski* (Wrocław, 2008), 89). Вообще вся этническая номенклатура Повести временных лет не старше XI в., в том числе, например, «племенное» деление скандинавских народов: благодаря норманнскому завоеванию среди них числятся «англыне», а географическое распространение варягов благодаря другому норманнскому завоеванию достигает Италии. Нет никаких причин утверждать, что именно в восточнославянском разделе «этнография» была «исторической», в то время как в других разделах — актуальной.

двух поколений ассимилировать огромные массы населения, приводя их в соответствие с политическими границами, выглядит слишком модернизаторской. Это цель, к которой стремятся — и не всегда ее достигают — централизованные государства Нового времени. Их средневековые предшественники просто не обладали необходимым инструментарием (государственной школой, пропагандой, бюрократическим аппаратом и т. д.) для выполнения подобных задач.

Что же произошло «в действительности», то есть в летописном рассказе? В чем сам летописец видел причину такого моментального перерождения?

Что, с точки зрения летописца, составляло главную характеристику «племен», в чем он видел их отличие от последующего населения Руси? Главная особенность славянских племен у Сильвестра — разнообразие их «законов» и «обычаев». Каждый народ держался «законов отцов своих», и по большей части это все были обычаи мерзкие, почти животные (древляне «живаху звѣрьскимъ ѿбразомъ»; радимичи, вятичи и северяне «живаху в лѣсѣ яко же всакии звѣрь», и подобным же образом вели себя радимичи)¹⁰¹. Племена позволяли убийство, ели нечистую пищу, сходились на игрища, у них отсутствовал институт брака, а по умершим они творили тризну. Так они и жили по-скотски, потому что каждый сам себе создавал законы («творяху сами себѣ законъ»). В этом они были похожи, утверждает Сильвестр, на всех вообще язычников и, в частности, на современных половцев, также «держащих закон отцов своих», например, «ядуще мѣтвечину и всю нечѣтоту. хомаки и сусолы»¹⁰². Но источником закона должен быть только христианский бог, и этот закон един для всех христиан. Недаром «обычаи» и «законы» племен составлены из стандартных запретов различных поучений против язычников. Иными словами, «этничность» племен, их различия, коренятся в разнообразии ими самими придуманных и культивируемых «законов». Если бы они узнали истинный, единый закон — они превратились бы в единый народ (си же ѿбчаи твораху [...] погании. не вѣдуще закона Бѣиа. но твораху сами себѣ законъ¹⁰³).

¹⁰¹ ПСРЛ 2: 10.

¹⁰² ПСРЛ 2: 11.

¹⁰³ ПСРЛ 2: 10.

Таким образом, для летописца наиболее существенным оказывается противопоставление разнообразного язычества «племен» единообразному христианству нынешних времен:

Но мы же хрѣтиане елико земля. иже вѣрують въ стую Трѣцю. и въ едино крѣщение и въ едину вѣру. законъ имамъ одинъ. елико в Хѣа крѣстихомъса и въ Хѣа ѡблекохомъса¹⁰⁴

Мы поэтому не будем особенно удивлены, обнаружив, что моментом, когда все эти «племена» исчезают, есть день их крещения князем Владимиром. Из случайных обмолвок летописца мы знаем, что если не сами «племена», то, по крайней мере, их названия дожили до XII века. Тем не менее, после 988 года он предпочитает не упоминать о них. Получив крещение, словене, северяне, кривичи превращаются в новгородцев, черниговцев, полочан¹⁰⁵. С точки зрения летописца, новая христианская идентичность стирает племенные различия. «Этничность» оказывается признаком язычества и остается в языческом прошлом. «Христианская русь» предстает единым объединенным народом, созданным фактом крещения.

9. «ПУТЬ ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ»

Итак, Сильвестр манипулировал «этнографической картой» Восточной Европы для достижения необходимых ему целей. Все же его картина «племен» не вполне вымыслена. Описывая в трактате «Об управлении империей» (950-е годы) подвластные руси территории, Константин Багрянородный говорит о подчиненных Киеву славиниях и даже называет их: вервианов, другивитов, кривитинов/кривичей, севериев, лендзанинов, ультинов¹⁰⁶. В некоторых из названий узнаются племена из летописного рассказа: дреговичи,

¹⁰⁴ ПСРЛ 2: 12.

¹⁰⁵ Кроме прочего, Сильвестру, игумену одного из крупнейших монастырей, а впоследствии и епископу, было естественнее воображать пространство Руси как территорию Киевской митрополии, поделенной на епархии с центрами в главных городах.

¹⁰⁶ Константин Багрянородный. «Об управлении империей». Текст, перевод, комментарий. Под ред. Г. Г. Литаврина. М., 1991, 45, 51.

кривичи, северяне, уличи. Вервиан, вероятно, можно идентифицировать как древлян (упомянутых также как дервленины), лендзанины же представляют собой откровенную загадку. Географическая перспектива Константина сходна с летописной: от Новгорода на севере до Киева на юге. Тем не менее, его список существенно (вдвое) короче летописного. Это можно было бы списать на плохую информированность императора. Но вот что странно — Константин совершенно не упоминает два наиболее важные для Повести временных лет «племена»: полян и словен, при том что их центры — Киев и Новгород — выступают у него главными городами Восточной Европы. И в летописном рассказе, и в многочисленных современных интерпретациях именно эти два «племена» составляют ядро возникающего Киевского государства как раз во времена, когда Константин пишет свой трактат. И тем не менее, довольно осведомленный в русских делах информатор императора, судя по всему, ничего не знал о предположительно главных племенах Руси и ничего не смог сообщить ему о славянинах полян и словен. Напротив, Киев и Новгород у Константина тем и отличаются от остальной территории Восточной Европы, что там находятся росы, которых император резко отличал от славян.

Эти два племена — поляне и словене — выглядят довольно странно и в летописном рассказе. Начать с того, что новгородские «словене» — единственные, кто не имеет своего собственного имени. Они, в отличие от других, после переселения не получили названия от мест нового проживания, «кѣде сѣдше. на которомъ мѣстѣ» (хотя само «место» Сильвестр указывает точно: «сѣдѣша ѡколо ѡзера Илмера», и, по идее, должны были бы называться «илмеряне»), но сохранили древнее название, вынесенное с дунайской прародины. Это обстоятельство летописец довольно неловко объяснил тем, что словене «прозвашася своимъ именемъ»¹⁰⁷. Иными словами, Сильвестр не знал никакого особого племенного названия для жителей Новгорода.

Так же подозрительно и название «полян». Впервые мы встречаем их непосредственно после упоминания «полян ляховъ»: «а бѣ тѣхъ Лаховъ прозвашася Полане Лаховѣ [...] тако же и тѣ же Словѣне. пришедше

¹⁰⁷ ПСРЛ 2: 5. Сильвестр хочет сказать, что словене прозвались своим, то есть настоящим им, родовым именем. Однако выше «свое имя» оказывается именно «свое собственное, отличное от других».

сѣдоша по Днепру. и нарѣкошася Полане»¹⁰⁸. Создается впечатление, что — в контраст со словенами — поляне «прозвались» не своим, а чужим именем. Сильвестр не приводит, в своей обычной манере, этимологии их названия, происходящего либо от названия местности, либо от условий обитания. Если древляне назвались так, потому что поселились в лесах, а, например, полочане — потому что осели на р. Полоте, то о местах жительства полян летопись сообщает, что то были либо «горы», либо «лѣсъ и боръ великъ», где поляне «баху ловаще звѣрь» (то есть вполне могли бы назваться «древлянами»). Только много позже, в датированной части летописи, где это было уже не совсем к месту, Сильвестр, словно спохватившись, объясняет их название: «П^олами же прозвашася. занеже в полѣ сѣдаху»¹⁰⁹, в прямом противоречии с собственным тезисом, что названия определяются характером территории.

Поляне и словене любопытны тем, что обитают только в легендарных сообщениях летописи. Там, где летопись становится достоверным источником, то есть в сообщениях XI–XII веков, мы их не найдем. Первыми, задолго до остальных «племен», летопись покидают поляне, словене следуют за ними в скором времени¹¹⁰. В отличие от названий других «племен», сохранявшихся в историческое время либо ставших в XI–XII веках названиями территориальными (например, земли, называемые Вятичи, Дреговичи, Радимичи, Кривичи, Деревя), нет никаких свидетельств историчности полян или словен. В историческое время ни одна группа не называла себя полянами или словенами, нет и региональных названий, образованных от их имен. Так, «Польская земля», т. е. «земля полян» упомянута только в легенде об Аскольде и Дире¹¹¹.

■ ПСРЛ 2: 5.

■ ПСРЛ 2: 20.

■ Если быть точным, то поляне упомянуты в последний раз среди племен, собранных Игорем для похода на Константинополь в 941 г., а словене — под 1018 г. в столь же легендарном списке народов, собранных Ярославом для похода на Киев (ПСРЛ 2: 130, 138). В этих последних сообщениях словене выступают синонимом новгородцев, как и в сообщении под 1036 г., ср.: «Ярослав же собравъ . вою многы Варагы ■ Словены [...] Ярославъ же . выступи из града . исполчи . дружину . и постави Варагы посредѣ . на правѣи странѣ . Кыяны . а на лѣвемъ . крилѣ Новгородцѣ» (ПСРЛ 2: 138).

■ ПСРЛ 2: 15.

Ввиду совершенно исключительного значения, приписываемого в историографии полянам и словенам, попытки обнаружить археологические следы этих племен были особенно настойчивы и последовательны. Они оказались по большей части бесплодными, а «неуловимость» территории полян стала даже общим местом работ о них. Но так же неуловимы и новгородские словене. Предлагаемые ныне археологами решения исходят из убежденности в примате письменных свидетельств: полагая, что территория и время расселения достоверно известны из летописи, «полянскими» или «словенскими» объявляются некие памятники, находящиеся на этой территории и приблизительно соответствующие хронологически¹¹².

Если бы археологи внимательнее читали летописный текст, они обнаружили бы, что мучительные поиски территории для полян и словен совершенно лишены основания и даже заранее обречены на неудачу. В летописи ни поляне, ни словене никакой территорией, собственно, и не обладают. Их особое место среди других восточных славян определяется тем обстоятельством, что только эти два «племени» — еще до прихода княжеского рода — создают свои города и живут в городах.

Словене:

Словѣне же сѣдѣша ѡколо ѡзера Илмера. и прозвашася своимъ именемъ. и сѣдѣлаша городъ. и нарекоша и Новѣгородъ¹¹³

Поляне:

створиша городокъ. во има брата ихъ старѣишаго. и наркоша и Києвъ. и баше ѡколо города лѣсъ и боръ великъ. и баху ловаше звѣрь. бахуть бо мудрѣ и смыслени. и нарицяхуса Полане. ѿ нихъ же суть Полане. Киане и до сего дѣи¹¹⁴

¹¹² Вот характерное высказывание: «География памятников культуры сопок и последующая история ее носителей дают полные основания связывать эти древности со словенскими ильменскими (новгородскими), о которых в летописи сообщается: «Словени же седоша около озера Илмеря, и прозвашася своимъ именемъ»» (Седов В. В. *Древнерусская народность*. М., 1999; Седов В. В. *Славяне. Историко-археологическое исследование*. М., 2005). Археологи приступают к поискам, уже держа в голове летописную «карту» расселения племен и руководствуясь ее подсказками. Ср. названия работ: «Территория древлян по археологическим данным»; «Курганы полян»; «Курганы вятичей»; «Поселения уличей»; «Земля вятичей» и подобные.

¹¹³ ПСРЛ 2: 5.

¹¹⁴ ПСРЛ 2: 7.

Иными словами, для Сильвестра поляне и словене суть жители двух городов — киевляне и новгородцы, и этот синонимизм легко прослеживается в летописи.

Поскольку никакой роли за пределами рассказов о древнейших временах ни полянам, ни словенам не отведено, можно думать, что для Сильвестра они представляли собой, так сказать, повествовательные приемы, при помощи которых он организовывал свое изложение. Как только от конструирования (вымышленного) прошлого Сильвестр перешел к пересказу действительно произошедших событий, оказалось, что, подобно шиллеровскому мавру, поляне и словене сделали свое дело и могут уходить.

В чем же состоит эта роль двух фиктивных племен в летописном рассказе?

Обратим внимание на чрезвычайно важное обстоятельство: города, созданные полянами и словенами, находятся в ключевых точках — фактически начале и конце — русской части Пути из варяг в греки.

Пути из варяг в греки необычайно повезло в историографии. Образ грандиозной торговой и военной артерии, объединяющей мир скандинавских викингов на севере с цивилизациями Средиземноморья и Византией на юге, произвел глубокое впечатление на все опыты осмысления древнерусской истории. Благодаря тому, что его описание помещено Сильвестром в географической экспозиции как элемент заданных самой природой условий, Путь из варяг в греки представал существующим до истории и до государства¹⁵. В самом своем начале

15 С изумительной прозрачностью это убеждение было сформулировано С. М. Соловьевым: «Варягам был давно известен великий водный путь из Балтийского моря в Черное; давно они усаживались между племенами, жившими у его начала; дело невозможное, чтобы, зная начало пути, варяги не стали пробираться тотчас же по нем вниз к Черному морю; летописец указывает путь из Варяг в Греки, прежде нежели начинает рассказ о событиях, непосредственно за рассказом о расселении племен славянских; тут же у него вставлено сказание о путешествии апостола Андрея по этому пути; Аскольд и Дир прямо выпрашиваются у Рюрика в Грецию и идут известною дорогою. Вот почему и прежде согласились мы допустить, что варяги-русь, зная начало великого водного пути ранее прихода Рюрикова, знали и конец его ранее этого времени, что шайки их давно усаживались на берегах Черного и Азовского морей и оттуда опустошали окрестные страны» (Соловьев С. М. *История России с древнейших времен*, гл. 5).

летописная история обнаруживает этот путь в готовом виде и все последующее «движение» легендарной истории осуществляет вдоль него: так продвигаются на юг варяги Аскольд и Дир, чтобы обнаружить Киев и из него совершить поход на Константинополь; так же движется Олег, да и все другие персонажи. Словом, вся событийная история начальной летописи организована вдоль Днепровского пути. Отметим здесь уже ожидаемую особенность: этот путь сходит с летописных страниц тогда же, когда заканчивается легендарная история. Последним летописным персонажем, проделывающим весь путь, оказывается новгородский князь Ярослав Владимирович, при помощи словен-новгородцев захватывающий Киев. Последующий (документальный) рассказ летописи удивительно равнодушен к Пути из варяг в греки.

С тех пор, как канва летописного рассказа была интегрирована в ученые синтезы восточноевропейской истории, Путь из варяг в греки неизменно присутствует во всех теориях возникновения Киевского государства как основополагающая метафора. Вот только несколько выборочных, но показательных примеров. Как и для Сильвестра в начале XII века, для С. М. Соловьева в середине XIX века Путь из варяг в греки был частью природных условий, и он помещает сведения о нем в первой главе своей «Истории», трактующей о «природе Русской государственной области и ее влиянии на историю»:

Древняя собственная Русь (княжества Киевское, Переяславское, Черниговское, Смоленское, Волынское, Туровское) есть область Днепра, главной реки водного пути из Варяг в Греки; этому пути, следственно Днепру преимущественно, Русь была обязана своим соединением с Северо-Западною и Юго-Востошною Европою: из первой явились князья, от второй получено христианство; Днепру преимущественно Русь была обязана и своим материальным благосостоянием: по этой реке шли с своими дружинами князья, которые сосредоточили прибрежные славянские племена, жившие рассеянно; по Днепру же шел и торговый путь из нижних стран в верхние¹¹⁶.

Полвека спустя В. О. Ключевский также утверждал основополагающую роль Пути из варяг в греки. Вдоль этого пути возникла цепь «торговых городов», ставших впоследствии материальным основанием государства:

¹¹⁶ Соловьев С. М. *История России с древнейших времен*, гл. 1.

Довольно беглого взгляда на географическое размещение этих городов, чтобы видеть, что они были созданы успехами внешней торговли Руси. Большинство их вытянулось длинной цепью по главному речному пути «из Варяг в Греки», по линии Днепра — Волхова; только некоторые, Переяславль на Трубеже, Чернигов на Десне, Ростов в области Верхней Волги, выдвинулись к востоку с этого, как бы сказать, операционного базиса русской торговли как ее восточные форпосты, указывая фланговое ее направление к Азовскому и Каспийскому морям¹⁷.

Доминировавшая в течение большей части XX века советская историография также не смогла отказаться от эффектного образа пути, вдоль которого оказались объединены два независимо возникающих очага государственности: «союз племен» во главе с ильменскими словенами и аналогичный союз, возглавляемый днепровскими полянами.

Главное достоинство подобных теорий их сторонники видели в том, что полученная ученым путем картина оказывалась в целом созвучной «данным источников», под которыми понимали преимущественно летопись. Иначе и быть не могло: все эти теории (и в особенности последняя) суть не что иное, как переложение на научный язык летописного рассказа.

Путь из варяг в греки, в том виде, как его понимание закрепилось в историографии, представляет собой недоразумение, возникшее из давней ошибки чтения летописи.

Описание пути и путешествия по нему апостола Андрея читается в летописи между сообщением о постройке словенами Новгорода и полянами Киева. Вот этот фрагмент:

и бѣ путь из Варягъ въ Грѣкъ. и изъ Грѣкъ по Днепру. и вѣрхъ Днѣпра волокъ до Ловоти. и по Ловоти внити въ Илмерь ѡзеро великое. из негоже ѡзера. потечеть Волховъ. и втечетъ въ ѡзеро великое Нево. и того ѡзера вниде[†] оустье в море Вараское. и по тому морю внити доже и до Рима. а ѿ Рима прити по тому же морю. къ Цѣрюграду. и ѿ Царагра[‡] прити в Понтъ море. в неже втече[‡] Днѣпръ рѣка¹⁸

Как видим, вопреки ученой традиции (сложившейся под влиянием сюжетов похода Аскольда, Дира и Олега из Новгорода в Киев и да-

¹⁷ Ключевский В. О. *Курс русской истории*, лекция 1.

¹⁸ ПСРЛ 2: 6. Далее следует описание еще нескольких речных путей: по Двине в «море Варяжское» и по Волге в «море Хвалиское».

лее — на Константинополь), летописец описывает путь в обратном направлении: из «Грек» вверх по Днепру. Отметим эту странность: все остальные речные пути он описывает вниз по течению. Эту часть пути летописец называет «из Грек по Днепру». Путем же «из Варяг в Греки» оказывается совершенно другой участок пути: морской маршрут из Скандинавии вокруг Европы¹¹⁹. Отметим также и идеальную цикличность пути: начав с устья Днепра, летописец после длительного путешествия через Скандинавию, Рим и Константинополь приводит читателя в исходную точку: в «Понтеское море», в которое впадает Днепр («в неже втече[†] Днѣпръ рѣка»). Эти особенности описания дают понять, что мы имеем дело отнюдь не с географическим трактатом и не с прагматическим описанием торговых путей.

Описание кругового пути из Черного моря через Рим и Константинополь в Черное же море составляет единое целое с историей путешествия по этому пути апостола Андрея. Проповедуя по Черному морю, Андрей оказался в Синопе, откуда проследовал в Корсунь. Здесь он «уведал», что неподалеку находится устье Днепра, и ему пришла в голову идея отправиться этим путем в Рим:

и приде въ оустье Днепрѣское и ѿтолѣ поиде по Днѣпру горѣ. и по приключаю. приде и ста подь горами на березѣ. и заоутра въставъ рече к сущимъ с нимъ оученикомъ. видите горы сиа. яко на сихъ горахъ въсияетъ блг^ать Бжиа. иматъ и городъ великъ быти. и цркви многы има[†] Бѣ въздвигнути.

¹¹⁹ Это соответствует реалиям конца XI — начала XII в. В это время обычный путь скандинавов в Византию уже давно не пролегал через Русь, но именно был морским путем вокруг Европы, как его изображает, например, итинерарий «Путешествие в святую землю» (Мельникова Е. А. *Древнескандинавские географические сочинения*. М., 1986, 15–28) или анонимное описание паломничества «О перечислении городов и местах упокоения святых людей» (Мельникова Е. А. Святые Константинополя в древнескандинавском трактате. *Родное и вселенское. Сб. статей к 60-летию Н. Н. Лисового*. М., 2007, 217–237). Сильвестр хорошо знал, что норманны уже прочно освоили и этот путь, и земли вдоль него. В географическом введении он отмечает, что вдоль «Варяжского моря» (под которым, кажется, понимал весь водный массив вокруг Европы) «сѣдять Варази [...] къ западу . до земли Агараньски и до Волошьѣкые», то есть до занятой маврами Испании и Италии (ПСРЛ 2: 4), несомненно указывая на норманнское государство в Сицилии и южной Италии. Существуют многочисленные свидетельства путешествия скандинавов в Константинополь именно таким «круглым» путем, наиболее известное из них — норвежского конунга Сигурда Крестоносца (1108–1110) для участия во Втором крестовом походе.

и вышедъ на горы сиа и блгѣви на. и постави крѣтъ. и помолився Бѹ. и слѣзе съ горы сеа. идеже послѣже бы^е Києвъ¹²⁰

Затем Андрей отправился далее на север, «и приде въ Словены. идеже ннѣ Новѣгоро^а». Дойдя таким образом до Рима, апостол затем возвратился в исходный пункт своего путешествия Синоп, в точности проделав описанный путь «из Грек по Днепру и из Варяг в Греки».

О легенде про путешествие апостола Андрея написано довольно много, главным образом, в связи с идеей позднего и вставного характера отрывка¹²¹. Признаками, выдающими вставку, полагают схожесть фраз, которыми начинается («Поланомъ же живушии^а ѿсо^б. по горамъ симъ») и завершается («Поланомъ же живушии^а ѿ собѣ. и вл^адѣющимъ роды свои^а») описание путешествия Андрея, а также смысловое противоречие с другими утверждениями летописи, что апостолы не проповедовали на Руси («здѣ бо не суть оучѣли ап^ѣли»; «сде не суть оучениа ап^ѣлкаа»¹²²).

С другой стороны, рассказ об Андрее читается во всех доступных списках Повести временных лет, из чего необходимо заключить, что он принадлежал к числу сюжетов ее оригинала. Описание пути, а затем и собственно путешествия апостола Андрея многими нитями связано с другими сюжетами географического и этнографического введения к летописи, оно перекликается с предшествующим каталогом восточноевропейских рек и указаниями, в какую часть света — «жребий Симов» или «племя Хамово» — по какой из них можно добраться. Отметим также и сюжетную уместность рассказа именно в этом месте: пророчество о будущем Киева естественно предшествует легенде о создании города. Маркеры вставочности могут оказаться лишь кажущимися. В этногеографическом введении летописцу приходилось искать баланс между двумя типами писательства: дескриптивным и сюжетным. Отсюда бросающаяся в глаза «лоскутность» повествования, обширные дигрессии, возвращение к уже сказанному и т. д. Переходы от описания к повествованию или от сюжета к сюжету, разумеется, вводятся связующими фразами. Совершенно аналогичной фра-

≠ ПСРЛ 2: 6–7.

≡ Библиографию см.: Подскалки Г. *Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.)*. М., 1996, 17–20.

≡ ПСРЛ 2: 70, 102.

зой («Поланомъ живущимъ ѿ собѣ. Іакоже ркохомъ сущии ѿ рода Словѣньска»¹²³) вводится гораздо ниже отступление о происхождении радимичей и вятичей с последующим обширным трактатом о языческих «законах» славян. Весьма похожим оборотом («Словеньску же языку. іакѡ же ркохо^а живушю на Дунаи»¹²⁴) вводится еще один рассказ: о «насилиях», испытанных славянами на Дунае. Полагая, будто схожие фразы во всех случаях обрамляют вставной текст, мы вынуждены будем признать, что «вставка» о путешествии апостола Андрея также, в свою очередь, содержит вставку: сюжет о посещении им будущей страны полян, ведь он открывается и завершается совершенно тождественно: «и бѣтолѣ поиде по Днѣпру горѣ. и по приключаю. приде и ста подѣ горами на березѣ»; «и слѣзе съ горы сеа. идеже послѣже бы^ѣ Киевѣ. и поиде по Днѣпру горѣ»¹²⁵.

Легенда о хождении апостола Андрея, в самом деле, не до конца согласована с другими утверждениями летописца о том, что на Руси апостолы не проповедовали и даже не бывали («аще бо и тѣломъ апѣли суть. здѣ не были но оучения ихъ. іако трубы гласать»¹²⁶), а их слово распространилось после крещения благодаря церковной проповеди. Впрочем, это последнее рассуждение противоречит еще третьему заявлению все того же летописца, что русь все же слышали апостольскую проповедь, и не чью-нибудь, но апостола Павла. Читателю современной выучки кажется, что подобные утверждения несовместимы в одном тексте, но, вероятно, средневековый автор не рассматривал их как совершенно исключаящие друг друга.

Как кажется, разноречие летописных сообщений несколько преувеличено в историографии. Только очень поздние (XVII век) переделки легенды об Андрее развивают идею, что во время своего путешествия к славянам он проповедовал и даже крестил людей¹²⁷. Повесть

¹²³ ПСРЛ 2: 9.

¹²⁴ ПСРЛ 2: 9.

¹²⁵ ПСРЛ 2: 6–7.

¹²⁶ ПСРЛ 2: 70.

¹²⁷ Так находим, например, в «Палинодии» Захарии Копыстенского (1621–1623), Густынской летописи (1630-е гг.), «Синописе» (1674) и других. Ср., напр., в Густынской летописи: «Такожде и о созданиі града прорече, и люди, яже тамо биша, учи и крести; потомъ же шедъ по Днѣпру горѣ даже до Новгорода Великого, и тамо такожде многія научивъ крести» (ПСРЛ 2: 251). Здесь утверждение связано с разраба-

временных лет нигде не утверждает, что Андрей «учил». Он вообще не вступает в контакт с местными жителями, а на месте будущего Киева даже и не застал никого. Если смысл рассказа о новгородских банях все еще не ясен¹²⁸, то смысл киевского эпизода очевиден и разъяснен самим летописцем: в совершенно пустынном месте апостол высказывает пророчество о великом будущем этой земли и благословляет «горы», на которых будет воздвигнут город и «воссияет благодать божья». Кроме собственных учеников, с Андреем в этот момент нет никого. Он посещает еще не полян, но территорию («идеже послѣже бы^ѣ Киевъ»), на которую им только предстоит прийти из своей «дунайской прародины». Еще не заселенная, эта земля уже слышала слово божье и узнала главный символ христианства — водруженный Андреем крест.

Поляне — особый народ в Повести временных лет, отдельно отмеченный знакомством с христианским словом еще на «словенской земле». В отличие от других язычников, их обычаи и нравы описаны летописцем как квазихристианские еще до христианства. Это мужи «мудрые и смысленые», что, как отметил Игорь Данилевский, отсылает к ветхозаветному рассказу об обретении обетованной земли (Втор. 1: 13–15)¹²⁹. Они-то и оказываются строителями предсказанного апостолом Андреем города, в котором впоследствии будет принято крещение. Таким образом летописец воссоединяет отмеченный народ и приуготовленную для него апостольским благословением землю.

тываемой киевскими православными идеологами идеей пятикратного крещения Руси, где путешествие апостола Андрея выступало первым крещением. Практически все эти памятники ссылаются на «Нестора», под которым следует понимать Повесть временных лет, как на источник. Поводом для такой интерпретации рассказа стала, надо думать, фраза летописи, что в Риме Андрей «исповѣда елико науочи . и елико видѣ». «Научи», однако, в этом случае означает «узнал», то есть апостол рассказывал «что узнал и что увидел».

- 128 Комментаторы колеблются между возможностью увидеть в описании «банных обычаев» новгородских словен намек на их аскетические наклонности («мучение») и противоположным толкованием, предполагающим комизм ситуации и, следовательно, иронию летописца. Оба толкования имеют основание в тексте основных групп списков Повести временных лет (см. в последнее время: Гиппиус А. А. О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет». *Russian Linguistics* 26 (2002), 88).

- 129 Данилевский И. Н. *Повесть временных лет: Терминеветические основы источниковедения летописных текстов*, 366–356.

И поляне, и словене, впоследствии поселившиеся около озера Ильмень, присутствовали при том, как славянам была изобретена в Паннонии грамота и они впервые слышали слово божье. В этом смысле они тоже квазихристиане, еще до крещения пережившие какое-то знакомство с христианством¹³⁰. Об их нравах летописец не говорит ничего положительно хорошего, но и ничего определенно дурного. Из всей словенской этнографии Сильвестр отметил только обычай мыться в бане, экзотический — по видимости, доводят себя до полу-смерти, — но апостолом Андреем в Риме истолкованный скорее положительно: как форма христианского мучения¹³¹, что, разумеется, указывает на природное благочестие.

Поразительно, но только места обитания этих двух племен — полян и словен — невидимых для других наблюдателей, Андрей и заметил во всей Восточной Европе. Он явно путешествовал по определенному плану, не отвлекаясь на мелочи и вместе с летописцем отмечал только самые существенные вещи. Внимание апостола избирательно и, как мы понимаем, преднамеренно. Нам указывают на особую роль, которую Киев и Новгород должны сыграть в деле распространения христианства на Руси.

Но прежде чем будет завершена эта самая главная историческая миссия, полянам и словенам предстоит выполнить еще одну крайне важную задачу: передать — буквально из рук в руки — вдоль Днепровского пути имя скандинавского народа русь.

18. СТРАНСТВУЮЩИЙ КНЯЖЕСКИЙ РОД

о, как летописец конструирует легендарную историю Руси, можно уподобить контрапункту: Сильвестр одновременно развивает несколько самостоятельных мотивов. Два из них — расселение славян и приуготовление их к христианской миссии — мы

¹³⁰ Именно так, в соответствии с буквой летописного рассказа, интерпретировали Кирилло-Мефодиеву миссию позднейшие киевские книжники начала XVII в., каталогизировав событие как «второе крещение русское» (см., например, в Густынской летописи: ПСРЛ 2: 252).

¹³¹ ПСРЛ 2: 7.

уже слышали. Не менее важен и третий: странствия княжеского рода из его исторической прародины где-то в Скандинавии и обретение нового отечества на самом краю восточноевропейских степей.

На рубеже XI–XII веков, когда Сильвестр сочиняет свою летопись, Руской землей или даже просто Русью называлась часть Среднего Приднепровья с городами Киев, Чернигов и Переяславль. Именно жители этих территорий называли себя русью, да и все другие называли их так же. Напротив, жители Суздаля или Новгорода русью себя не считали, — когда отправлялись в Киев, говорили: едем в Русь, а когда до Новгорода доходили известия о ссорах киевских и черниговских князей, там отмечали: «раздърася вся земля Русская».

Руская земля стала так называться, как было очевидно, потому, что представляла собой древнейшее ядро владений княжеского дома, русских князей. Здесь княжеская династия, перефразируя летописца, «стала есть», отсюда она «есть пошла» распространяться по другим землям, и этот статус изначальных владений — в отличие от позднее присоединенных или завоеванных — сохранился надолго. Нигде больше, как знал летописец, название Русь не встречается. Итак, русь — и князья, и их приближенные — со времен незапамятных представляют собой обитателей юга. С юга русь начинает расширять свою власть по Восточной Европе, постепенно продвигаясь на север. Современная летописцу русь говорит на славянском языке, следовательно, представляет собой славян, переселившихся с еще более южных земель, с Дуная. Все в историческом опыте человека начала XII века говорило о том, что Русь — и государство, и его территория, и населяющий ее народ — зародилась на юге. А между тем династическая легенда киевских князей утверждала, что они — варяги, скандинавы, выходцы с самого севера Европы. Да и попавшие в руки летописца договоры руси с Византией подтверждали это, перечисляя почти исключительно скандинавские имена князей и их дружинников.

Как такое могло случиться?

Ответом на эти и подобные недоумения стал рассказ о миграции княжеского рода из Скандинавии через Восточную Европу, который сегодня читаем в летописи. С точки зрения истории фактической Сильвестр «перевернул» процесс возникновения государства, помняв его направление. Если Киевское государство распространяло свое владычество с юга на север, в летописном рассказе княжеский род соз-

дает государство, продвигаясь с севера на юг. Если в действительности Киев был начальной точкой движения, в летописи он стал конечным пунктом назначения. Княжеский род повторил, по существу, тот же путь, что и апостол Андрей, но в противоположном направлении.

Этот рассказ хрестоматийно знаком, и все же напомним его основные моменты.

Расселившись в Восточной Европе, славяне попали в зависимость: живущие на севере словене платили дань «приходящим из-за моря» варягам, живущие на юге поляне — хазарам. «Мудрые и смысленные» поляне предложили хазарам символическую дань мечами, намекая на будущее освобождение от их владычества, но платить продолжали. Северные же словене с окрестными народами однажды изгнали варягов за море, не дали им дани и «стали сами в себе владеть». Это привело к раздорам: «и вѣста родъ на ро^а. и быша оусобищѣ в ни^а. и воевати сами на сѧ почаша»¹³². Выход нашли в том, чтобы пригласить князя, «иже бы володѣль [...] и радиль. по раду по праву». Князя искали все у тех же варягов, за морем, и нашли среди обитавшего там народа русь. Ему и сделали предложение:

рѣкоша. Русь. Чюдь. Словенѣ. Кривичи. [...] земла наша велика. и ѡбилна. а нарада въ неи нѣтъ. да поидете княжи^г и володѣть нами¹³³

(В скобках отметим, насколько похоже это предложение на просьбу дунайских славян о присылке христианского учителя:

послаша къ цѣрю Михаилу глѣще. земла наша крѣщена. и нѣ^б в на^с оучитель. иже бы на^с оучить. и казаль. и протолковаль сѣна книги¹³⁴).

Княжить вызвались три брата «со своими родами». Они взяли с собой «всю русь», пришли к словенам, где «срубили» город Ладогу. Старший из братьев Рюрик сел княжить в Ладоге, Синеус — на Белоозере, Трувор — в Изборске. На третий год Синеус и Трувор умерли, Рюрик покинул Ладогу и переместился несколько южнее — к озеру Ильмень, где «сруби горо^а надъ Волхово^а. и прозваша и Новъгоро^а»¹³⁵. После смерти Рюрика его родственник Олег и сын Игорь покинули Новгород и от-

¹³² ПСРЛ 2: 14.

¹³³ ПСРЛ 2: 14.

¹³⁴ ПСРЛ 2: 18.

¹³⁵ ПСРЛ 2: 14.

правились вниз по Днепру, пока не достигли Киева, в котором и решились остаться навсегда.

Так, за два поколения, княжеский род мигрировал из Скандинавии в Среднее Приднепровье, отмечаясь всё в тех же пунктах, где прежде останавливался и апостол Андрей.

Иноземное происхождение правящей династии, прибытие на трех кораблях и даже призвание князей — это все так называемые «бродячие» сюжеты средневековой историографии³⁶. В этом смысле сказание о призвании варяжских князей принадлежит литературе и могло возникнуть только с опорой на известные образцы. Вполне возможно, что толчком к разработке сюжета послужило припоминание о варяжском происхождении правящей династии, но нет сомнения, что в том виде, как рассказ читается в летописи, это не бесхитростный пересказ генеалогической легенды, а изобретение искусственного литератора.

Рассказывая о странствиях княжеского рода из Скандинавии в Киев, летописец разрабатывает две темы, фундаментально важные для объяснения ранней истории Руси.

Первую мы сегодня сформулировали бы как создание гражданского порядка, права и государства. Ничего этого не существовало, пока не появился княжеский род. Словене, кривичи, чудь и меря находятся в состоянии анархии и беззакония, где царят произвол и насилие («и не бѣ в нихъ правды [...] и быша оусобицѣ в нихъ»). Только князь, как дает нам понять летописец, может привнести в это лишенное основ социальной организации сообщество власть, основанную на законе («иже бы володѣлъ нами и радилъ. по раду по праву»). Сюжетно это выражается в создании городов и учреждении в них княжеского стола по мере продвижения на юг: первоначально Рюрик создает Ладогу и «садится» в ней, затем он создает Новгород и «садится» в нем. Эта тема — создание города и основание в нем княжеского стола — оказывается настолько важна для общего замысла летописца, что он вынужден призабыть: Новгород уже построен самими словенами после переселения. Так что Рюрик фактически основывает город вторично. Затем он раздает своим «мужам» волости и велит в них «города руби-

³⁶ Наиболее близким к Начальной летописи считается сказание о призвании саксов в Британию в изложении хрониста X в. Видукинда Корвейского, см. обзор аналогичных сказаний: Тиандер К. Ф. *Датско-русския изследования*. Вып. 3. Пг., 1915.

ти. ѿвому Польтескъ. ѿвому Ростовъ. другому Бѣлоѡзеро»¹³⁷. Продвигаясь еще дальше на юг, Олег и Игорь не создают новых городов, но учреждают в уже существующих законную власть, сажая там от своего имени посадников (Олег «приа городъ Смольнескъ и посади в не^а мужь свои. ѿтуда поиде внизъ. и пришедъ взъ Любечъ. и посади мужь свои»¹³⁸). В этих городах, как можно понять летописца, до прихода князей не было «власти», и она впервые учреждается Олегом.

Так же, судя по всему, обстояло дело и в городе, избранном Олегом для своей столицы, — Киеве. В нем были жители, но на вопрос, кому принадлежит город, они несколько смущенно отвечали, что, собственно, никому: «они же рѣкоша была су[†]. три братья. Кии. Щекъ. Хоривъ. иже сѣдѣлаша городъ сии. и изъгыбоша. а мы сѣдимъ въ городѣ ихъ. и платимы дань Козаро^а»¹³⁹. Правда, когда в Киев пришел Олег, оказалось, что там уже находятся варяги, но то были Аскольд и Дир, всего лишь «мужи» или «бояре», некогда служившие Рюрику, не князья, ни даже «роду князя». Обратим внимание, как аккуратно летописец выбирает слова. Рюрик «садится» княжить в Ладоге и Новгороде, и также «садится» княжить в Киеве Олег. Напротив, Аскольд и Дир всего лишь «остаются» в Киеве; они не «княжат», но «владеют»:

Аскѣлдъ же и Диръ. ѡстаа в городѣ семь [...] и начаста владѣти Польскою землею. Рюрику же княжащю в Новѣгородѣ¹⁴⁰

Олег не создает Киев заново (как то делал Рюрик с Новгородом). Однако с его приходом прежний «городок на горе» исчезает и возникает нечто совершенно новое:

и сѣде Ѡлегъ. княжа в Киевѣ. и ре^а Ѡлегъ. се буди мѣ(и) городо^а Русьскимъ¹⁴¹

На юге, как и на севере, княжеский род оказывается источником возникающего социального порядка: Олег велит «ставить города» и «уставляет дани».

¹³⁷ ПСРЛ 2: 14.

¹³⁸ ПСРЛ 2: 16.

¹³⁹ ПСРЛ 2: 15.

¹⁴⁰ ПСРЛ 2: 15.

¹⁴¹ ПСРЛ 2: 17.

Вложенное в уста Олега знаменитое утверждение означает, что княжеский род наконец достиг конечной станции назначения: поиски новой родины закончены, и Киев отныне будет центром владений русских князей. Эта же фраза подсказывает нам, что в процессе своих странствий княжеский род выполнил еще одно чрезвычайно важное задание летописца: вместе с ним на юг оказывается перенесено имя руси. Там, где род остановился, возникает Руская земля.

В так называемом «этнографическом» введении к летописи Сильвестр определил место народа русь среди северных обитателей Европы, считая его подвидом варягов (скандинавов) :

Афетово же колѣно и то Варази. Свеи. Оурмане. Готѣ. Русь. Агланѣ¹⁴²

Именно к этому скандинавскому народу русь посылают словене и другие племена, предлагая прислать князей:

идоша за море к Вараго^а. к Руси. сѣе бо звахуть. ты Вар^агы Русь. како се друзии зовутсѧ Свее. друзии же Оурмани. Аньглане. инѣи и Готе. тако и си¹⁴³.

Автору в этом случае пришлось объясняться с читателем: часть варягов некогда называла себя русь так же, как сегодня часть их называет себя свеи, другая — урмане и т. д. Нет ничего невероятного в том, что когда-то был среди них и народ с названием русь. Летописец явно знал, что среди современных северных народов племени с таким названием не отыскать. Но речь шла о временах легендарных, когда всякое возможно, да и объяснение он придумал удачное — призванные на княжение братья вывели из Скандинавии весь свой народ:

и избрашасѧ. трие брата. с роды своими. и поаша по собѣ всю Русь¹⁴⁴

От этих-то варягов, говорит летописец, Руская земля и получила свое название («и ѿ тѣхъ Варагъ. прозвасѧ Руская земля»). Но произошло это не сразу и, конечно же, не на севере Восточной Европы. При том, что, как подчеркивает летопись, варяги-русь «первым делом» пришли к словенам («придоша къ Словѣномъ пѣрвѣе») и поселились среди них, они не передали окружающим племенам своего имени и не со-

❧ ПСРЛ 2: 4.

❧ ПСРЛ 2: 14.

❧ ПСРЛ 2: 14.

ставили с ними единый народ. Варяги создавали города, устанавливали в них свою власть, но так и остались иммигрантами, находниками:

по тѣмъ городомъ суть находницѣ. Варази. пѣрвии наслѣдници в Новѣгородѣ Словенѣ. и в По¹⁴⁵тьскѣ Кривичи. Ростовѣ Меране. Бѣлѣзерѣ Весь. Муромѣ Муромы. и тѣми всѣми ѡбладале Рюрик¹⁴⁵

Совершенно по-другому обстоят дела, когда варяги и словене достигают юга и земли полян. Именно здесь происходит обещанная летописцем метаморфоза: после провозглашения Олегом земли полян владением русских князей, а Киева главным русским городом пришедшие с ним племена принимают новое имя руси:

и ре¹⁴⁶ Ѡлегъ. се буди мѣ(и) городо¹⁴⁶ Ру¹⁴⁶скимъ. и бѣша оу него Словѣни. и В(а)рази. и прочии прозвашася Русью¹⁴⁶

Не только пришельцы, но и аборигены — «Полане. иже нѣтъ зовемаа Русь» — также получают новое имя от варяжской руси:

ѡ Варагъ бо прозвашася Русью. а пѣрвѣе бѣша Словѣне. аще и Полане звахуса. н¹⁴⁷ Словѣньскаа рѣчь бѣ¹⁴⁷

Итак, княжеский род обретает новую родину, дает ей имя, а из двух славянских народов — пригласивших на княжение словен и владевших землей полян — создает себе новый народ, отныне именуемый-ся русью.

На этом, собственно, завершается *origo gentis russorum*, или — словами летописца — повесть о том, «ѡкуду естъ пошла Руская земля [...] и хто в ней почаль пѣрвѣе княжи¹⁴⁸».

11. «СЪВѣТЬ СЪТВОРИША КЫАНЕ»

итатель начальных страниц летописи получал ясный ответ на вопрос о том, как в Руской земле возник существующий порядок вещей. Но если он был любопытен и настойчив и прочитывал Повесть временных лет до конца, ему становился понятен

¹⁴⁵ ПСРЛ 2: 14–15.

¹⁴⁶ ПСРЛ 2: 17.

¹⁴⁷ ПСРЛ 2: 20.

еще один урок рассказа о призвании князей: между временами зарождения истории и переживаемым им реальным временем существует глубокая символическая связь.

Шестнадцатого апреля 1113 года умер киевский князь Святополк Изяславич. Оставшиеся без князя, правившего в течение двадцати лет, и без очевидного преемника, киевляне оказались предоставлены сами себе. В городе вспыхнул мятеж. Вначале разграбили двор тысяцкого Путяты, дворы сотских, затем разорили еврейский квартал. На очереди были дворы вдовы князя, его бояр и многочисленные монастыри города. В этих условиях киевляне «сотворили совет» и послали за Днепр, к Владимиру Всеволодовичу Мономаху, приглашая его на княжение и предупреждая, что только он может унять мятеж. Когда князь вошел в город и сел на столе, «все люде ради быша. и матежъ влеже»¹⁴⁸.

В историографии этот эпизод с приглашением Владимира Мономаха на киевский стол жителями города, как правило, трактуют как первый признак надвигающегося ослабления княжеской власти, падения ее силы и престижа и, напротив, возрастающей влиятельности горожан, чей голос все больше набирает вес в вопросе замещения княжеских столов, о чем прежде князья ни у кого совета не спрашивали. Такой интерпретации, казалось бы, противоречит откровенно триумфальный тон летописца, описывающего вступление князя в добровольно отдавшийся его власти город как момент высшего торжества и безоговорочного признания его власти. Летописец дает понять, что уже само появление князя умиротворило толпу, внесло порядок и закон, отменило мятеж.

Обратим внимание, что рассказ о приглашении Мономаха на княжение расположен в окончании текста Повести временных лет таким образом, что симметричным ему в начале летописи оказывается рассказ о призвании варяжских князей. История начинается с приглашения князя и завершается приглашением князя. Оба эпизода построены по одному сюжетному плану (безначалье — мятеж — призвание князя — восстановление порядка) и, в сущности, говорят об одном: призвание князя есть высшее проявление его власти. Мы не можем

■ ПСРЛ 2: 276.

с абсолютной уверенностью судить, в каком отношении находятся два рассказа: то ли пережитые перед самым началом работы над летописью события приглашения Мономаха подали Сильвестру идею сходным образом описать призвание первых князей, то ли, напротив, уже существующий рассказ о варягах послужит моделью для описания недавних событий (в параллельном тексте Лаврентьевской летописи, например, никакого призвания Мономаха нет). Каковы бы ни были реальные обстоятельства 1132 года, намерения Сильвестра состояли не в том, чтобы умалить репутацию Владимира Мономаха, а, напротив, чтобы донести до читателя мысль об особой природе власти этого князя, его исключительной избранности, выводящей его на уровень тех первых идеальных князей, которые стали основателями государства. Если читатель обладал навыками библейской типологии (то есть символического прочтения текстов), он понимал, что под властью такого князя он живет в лучшую из эпох, сравнимую только с безукоризненностью начал.

Игумен принадлежавшего Владимиру Мономаху Выдубицкого монастыря Сильвестр завершил свой исторический труд на удивление утонченным комплиментом своему покровителю. Если он и выполнял какой-то «политический заказ», то, вероятно, понимал его именно таким образом. Сильвестр оказался великим мастером, создавшим потрясающую историю и замечательное литературное произведение. Но именно незаурядные литературные достоинства этого труда делают его совершенно негодным историческим источником по ранней истории Руси.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НАЧАЛЬНАЯ

ИСТОРИЯ РУСИ:

ИСТОЧНИКИ

И ГИПОТЕЗЫ

1. «ПОЧТЕННАЯ ОСТ-ЕВРОПЕЙСКАЯ КОМПАНИЯ»

Подобно Киевской Руси на рубеже IX—X веков, Компания Гудзонова залива была основана в конце XVII века группой частных инвесторов с целью разведать и освоить богатые пушниной территории Нового света. Как и будущее Киевское государство, Компания Гудзонова залива начала довольно скромно, основав первоначально единственный форт среди огромной и малозаселенной территории, но со временем превратилась в суверена необъятной страны, простиравшейся от Атлантики до Тихого океана. Компания неустанно продвигалась в глубь континента, открывая все новые речные пути, основывая фактории и форпосты, приобретая контроль над территориями и принуждая туземное население признавать ее господство. Она правила сетью укрепленных опорных пунктов и торговых факторий, содержала собственную армию, выпускала собственные денежные знаки и располагала собственными подданными. Служащие Компании — торговые представители и ловчие — были пришлыми чужаками, но они были предприимчивы и стяжательны, готовы рисковать, а главное, обладали технологиями, намного превосходящими те, что были известны туземцам. Именно это, в конечном счете, и предопределило успех Компании. Она успешно собирала урожаи пушнины, а также всего, что можно было переправить в Европу и с прибылью продать на тамошнем рынке. В обмен Компания предлагала туземцам мушкеты, шерстяные одеяла и табак. Когда Компания Гудзонова залива, в конце концов, уступила в 1868 году свои суверенные права Британской короне, она представляла собой третью по величине страну в мире.

Компания Гудзонова залива была образована 2 мая 1670 года королевским дипломом, который гарантировал ей монопольную торговлю пушниной на всех территориях, где реки впадали в Гудзонов залив.

Эти точно не очерченные пространства, которые насчитывали четыре миллиона квадратных километров, стали известны как «Земля Руперта», по имени первого губернатора компании кузена Карла II принца Руперта¹⁴⁹. За эти владения компания обязывалась платить английскому королю дань в виде двух оленьих и двух бобровых шкур в случае, если монарх или его наследники лично (т. е. в «полюдь») будут посещать «Землю Руперта». Между 1668 и 1717 годами Компания Гудзонова залива построила шесть своих опорных пунктов на побережье Гудзонова залива, а в 1774 году была построена первая фактория в глубине континента — Форт Йорк. В течение зимы индейцы и трапперы заготавливали пушнину. Затем они — на лодках или пешком — прибывали к факториям компании и там продавали ей добычу. Пушнину, главным образом шкурки бобра, Компания Гудзонова залива обменивала на различные товары: ножи, бусы, иглы, посуду, но наиболее известным и распространенным (60 процентов оборота) товаром были шерстяные одеяла (так называемые Hudson's Bay point blankets). С конца XVIII века был установлен всеобщий эквивалент, согласно которому вся пушнина — шкурки белки, выдры, лося — оценивалась в единицах счета, называемых *made beaver* (равных стоимости готовой к обработке шкурки бобра высокого качества). Позднее компания ввела монеты с тем же названием для обмена на пушнину и другие товары.

Через сто лет монопольного господства у Компании Гудзонова залива появился серьезный конкурент: образованная в 1784 году Северо-Западная компания с центром в Монреале. Жестокая конкуренция постепенно переросла в настоящую войну, от которой страдали обе компании. В 1821 году они вынуждены были объединиться, создав невиданное по размаху предприятие в торговле пушниной. Вопреки этому объем капитала и количество персонала Компании Гудзонова залива оставались достаточно скромными. Между 1670 и 1863 годами контроль над компанией осуществлял узкий круг людей, принадлежащих к нескольким семьям, и состав этой группы с течением времени изменялся несущественно. В королевском дипломе 1670 года было перечислено семнадцать совладельцев компании, к 1822-му их количество возросло только до шестидесяти четырех. В последующее

¹⁴⁹ Stephen Royle, *Company, Crown and Colony. The Hudson's Bay Company and Territorial Endeavour in Western Canada* (London and New York, 2011), 5.

время количество совладельцев увеличивалось: двести шестнадцать в 1838-м, двести пятьдесят два в 1853-м, но контроль оставался в руках тесно сплоченной группы людей, объединенных длительными связями и родственными отношениями¹⁵⁰. Невелик был и персонал компании. С 1821 года в ней насчитывалось двадцать пять главных факторов и двадцать восемь главных торговцев, получавших доли в прибыли по завершении года. Им подчинялись служащие по контракту, включавшие в середине 1830-х годов 398 европейцев, 283 метиса, 558 канадцев и 55 выходцев из Сандвичевых островов. Полторы тысячи человек обеспечивали торговые операции на территории почти в пять тысяч квадратных километров¹⁵¹. Главным источником рабочей силы для компании были выходцы из Шотландии, в особенности беднота с Оркнейских островов.

Компания скандинавских купцов Киева и Компания Гудзонова залива начали весьма сходно, и в течение первых ста с лишним лет их истории развивались похожим образом. Судьбы, однако, оказались различны. Киев превратился со временем в одно из крупнейших государств христианского мира, от которого ведут свою генеалогию несколько современных наций. Компания Гудзонова залива теперь известна прежде всего как сеть канадских универмагов.

Разительный контраст исторических судеб, однако, не должен заслонять очевидных и отнюдь не поверхностных аналогий, которые было бы весьма полезно учитывать исследователям раннесредневековой Восточной Европы. Вероятно, наиболее важным уроком такого сопоставления оказывается очевидный факт: государства не всегда возникают как изначально политические организации и не обязательно мыслятся, даже самими основателями, как обладающие суверенитетом, проводящие некую осознанную политику или осуществляющие власть над населением либо территориями. На еще не разведанных ничейных территориях, вдалеке от непосредственного контакта с устоявшимися государственными образованиями, могут возникать и длительное время существовать образования, представляющие собой и не государство, и не чисто коммерческое предприятие.

¹⁵⁰ John S. Galbraith, *Hudson's Bay Company As an Imperial Factor 1821–1869* (Berkeley, 1957), 14–15.

¹⁵¹ John S. Galbraith, *Hudson's Bay Company*, 21.

Сердцевиной и смыслом существования подобных образований есть деловая активность, поиски выгоды, экономическая эксплуатация ресурсов и рынков. Как правило, это так называемая «дальняя торговля». Однако само существо подобного рода занятий во фронтальной зоне и необходимость выживания среди местного населения, зачастую враждебного, понуждает прибегать к определенному насилию и принуждению. Тонкий баланс между насилием и взаимовыгодным обменом с туземцами всегда является основанием дальней торговли. Но в случаях, когда в торговлю вовлекаются специфические товары — например, рабы, — военное сопровождение коммерции приобретает все большее значение.

Входя в контакт с устоявшимися государственными традициями, «торговые компании» пытаются объяснить себя в терминах, принятых и приемлемых внутри этих традиций. Их послы при дворе какого-нибудь монарха могут, к примеру, описывать своего вождя как «правителя» и говорить о его «подданных». Однако необходимо длительное воздействие чужеродных идей, чтобы купцы-воины стали всерьез думать о своей экономической зоне как о государстве, о себе — как о князьях, а о своих туземцах — как о подданных.

Компания Гудзонова залива — наиболее яркая аналогия. Она действовала на пространствах, где — подобно Восточной Европе раннего средневековья — не существовало территориальных государств или стабильных центров политической власти. По сути, следствием деятельности компании впервые в истории этой части мира и оказывались подобные структуры. Но так же поучительным может оказаться и ход событий с другими колониальными компаниями Нового времени, в особенности британской и голландской Ост-Индскими компаниями. Официально основанное в 1600 году частными акционерами, товарищество британских купцов, Почтенная Ост-Индская компания, как оно стало впоследствии именоваться, получило привилегию на монопольную торговлю с Ост-Индией. Компания торговала хлопком, шелком, индиго, селитрой, чаем и опиумом. Постепенно она стала править огромными территориями в Индии, осуществляя военную и административную власть, вела экспансионистские войны, собирала подати с подвластного населения, имела свой военный флот и даже флаг. В 1612 году Ост-Индская компания получила позволение от Великого Могола основать свою первую торговую факторию в Су-

рате, а в 1640-м другой индийский правитель разрешил основать еще одну в Мадрасе. К концу XVII века компания получила еще несколько территорий, включая остров Бомбей и факторию Калькутта в устье реки Ганг. Долгое время компания не обладала никакими суверенными правами: ее владения находились в той или иной зависимости от различных правителей субконтинента. Не всегда отношения были дружелюбными. Расширяя свои операции и продвигаясь в глубь Индийского субконтинента, Ост-Индская компания, естественно, встречала сопротивление местных владетелей и вынуждена была преодолевать его военной силой. Распространение владений Почтенной компании осуществлялось либо путем прямой аннексии индийских княжеств, либо благодаря тому, что князья признавали сюзеренитет Компании в обмен на автономию в управлении и военную защиту.

Ост-Индская компания была национализирована в 1858 году, а ее владения («Радж») перешли под прямое управление Британской короны. К этому времени она была *de facto* правительством большей части субконтинента: осуществляла военное и гражданское управление, собирала налоги с подвластного населения, прокладывала железные дороги и устанавливала телеграфное сообщение. При этом Ост-Индская компания никогда так и не стала собственно государством, — серией парламентских актов она была поставлена под контроль и суверенитет Британской короны.

Не менее впечатляющей, в особенности на начальном этапе, была история голландской Ост-Индской компании, возникшей всего двумя годами позже, в 1602-м, для монопольной торговли специями с Молуккским берегом, но со временем ставшей основным торговцем также с Японией и Китаем. В 1603 году был основан ее первый торговый пункт — Бантен на западном побережье Явы, в 1611-м — следующий, Джакарта (Батавия), ставшая впоследствии столицей. В течение следующих двухсот лет компания приобрела дополнительные порты и торговые фактории, а для их защиты реквизировала окружающие территории. Коммерческая выгода (в отличие от территориальной экспансии британцев) была гораздо более существенным компонентом в деятельности голландской Ост-Индской компании. Предприятие было чрезвычайно прибыльным: компания платила акционерам в среднем восемнадцать процентов годовых в течение двухсот лет. Тем не менее, для обеспечения своей торговли и удержания ее монополь-

ного статуса компания также развивала «государственные» институты: вела войны, содержала частную армию и огромный флот (десять тысяч солдат и сорок военных судов в 1669 году), обладала правом заключать международные договоры, чеканить монету и основывать колонии. В своих владениях компания была полным распорядителем жизни и смерти подданных: имела право суда и даже казни преступников. Голландская Ост-Индская компания оказалась также существенным демографическим инструментом: до конца XVIII века она переправила в свои владения около миллиона европейцев. Как и ее британский аналог, голландская Ост-Индская компания, будучи фактическим государством, не обладала полным суверенитетом и, разумеется, так государством и не стала. Когда она обанкротилась и была распущена в 1800 году, ее имущество перешло к правительству, составив основу колониальных владений Нидерландов.

Еще одна голландская компания, Вест-Индская, была образована в 1621 году с правом монопольной торговли с Вест-Индией (т. е. Карибскими островами). Ей, кроме того, была гарантирована юрисдикция над работорговлей между западной Африкой и Америками (Бразилией, Карибскими островами и Северной Америкой). Начальный этап оказался довольно успешным: компании удалось основать многочисленные торговые фактории и колонии на Североамериканском побережье, Антильских островах, в Суринаме, Гвиане и Бразилии. Как и другие колониальные компании, эта также вела войны с конкурентами, захватывала территории, осуществляла юрисдикцию над подданными. Для нашей темы она представляет специальный интерес прежде всего двумя главными своими занятиями: налаживанием работорговли и морским пиратством, которое даже оказалось наиболее выгодным источником ее доходов. Флот компании нападал и брал штурмом береговые укрепления португальцев в Африке и Южной Америке, а наиболее известным эпизодом такого узаконенного пиратства стал захват в 1628 году у берегов Кубы испанского «серебряного флота».

Эти три примера могут показаться довольно далекими от истории средневековой Восточной Европы, да и аналогии, разумеется, можно проводить только до известного предела. Они (примеры), однако, должны утвердить одну мысль: в европейской истории был период, довольно близкий к современности, когда из частных коммерческих предприятий вырастали квазигосударства, ничем фактически не от-

личающиеся от настоящих государственных образований. Конечно, у колониальных компаний не было шансов превратиться в полноправные независимые государства и порвать всякую связь со своими метрополиями. Но, по существу, единственное, чего им для этого недоставало — легитимности. Случись эти истории в раннем средневековье, харизматический род правителей или даже один энергичный завоеватель, ставший во главе компании, могли бы привести к совершенно иному финалу.

Второй урок состоит в том, что подобные «компании-государства» довольно длительное время существуют без территории. Все, что необходимо для их успешного функционирования, это сеть фортов и торговых факторий, над которыми компания осуществляет контроль и которые, по сути дела, являются ее «территорией», а также флот, обеспечивающий надежное и быстрое сообщение между опорными пунктами. Гораздо более существенной для «компаний-государств» оказывается *harvesting area*, зона, где собираются те ресурсы (рабы, пушнина или пряности), которые представляют для «компаний-государств» жизненный интерес. Организация и расширение ресурсной зоны осуществляется не только путем создания экономической заинтересованности у туземного населения, но также заключением союзов с местными племенами или царьками, принуждением их к признанию гегемонии компании или, при необходимости, прямым военным давлением. К созданию протяженных территорий «государства-компании» приступают спустя век-полтора после возникновения и, как правило, в ответ на неизбежно чинимые препятствия или сопротивление.

Следует оговориться. Европейские компании действовали от имени метрополий и в выгодах метрополий, выступая одним из инструментов западного колониализма. Этот колониальный аспект наша аналогия не предполагает. Русы не были эмиссарами некоего «заморского» центра, его коммерческим или военным продолжением. Торговые сообщества Восточной Европы были сами себе и «метрополией», и «колонией» в одном лице.

Колониальные компании Нового времени — намеренно дерзкая аналогия для раннего Киевского государства, призванная максимально резко обнажить его главные черты первых ста лет существования. Но исследователи средневековья не должны быть особенно шокиро-

ваны таким сравнением. Ведь им хорошо известны и военно-политические образования без территории (как, например, береговые государства викингов на Британских островах), и торговые предприятия, переросшие в огромные империи (как, например, Генуя и Венеция). Современному сознанию привычно мыслить государство как непременно сплошную территорию, цветное пятно на карте. Но прежде чем развернуться в территориальные государства, человеческие сообщества, судя по всему, могут принимать различные формы, среди которых «государство» не обязательно есть изначальная. Некоторым из сообществ удастся перешагнуть на следующую ступень, и тогда их первые шаги начинают ретроспективно восприниматься как «образование государства». Другие прекращают существование, так и не освободившись от первоначального назначения (коммерции, пиратства, работорговли), и тогда их истории заносят в иные разделы учебников. Воспринимать все эти ранние образования как «государства», а их повседневную деятельность — торговлю, грабительские набеги — как политические действия, — не более чем привычка ума. Исход еще не предопределен, и нет никакой социологически неумолимой предзаданности в том, что сообщество купцов и разбойников превратится в территориальное государство. Только какие-то особые стечения обстоятельств, иногда даже случайные события, могут послужить переломным моментом, после которого начинается иное развитие, в сторону государства.

В течение IX и большей части X века на территории Восточной Европы успешно действовали различные сообщества скандинавских купцов-воинов, известных из современных источников как русы. Мы крайне мало (если не сказать — ничего) знаем о формах их организации, численности и длительности существования. Нам доступны преимущественно лишь материальные следы их деятельности в виде «скандинавских древностей», которые в археологической литературе теперь принято интерпретировать как сеть факторий, обеспечивавших дальнюю торговлю между Скандинавией и Востоком вдоль главных речных путей Восточной Европы. Вопреки устоявшейся тенденции рассматривать эту сеть как единое целое, уже сам ее масштаб — общая протяженность в тысячи километров, количество «факторий», их изолированность и расстояния между ними — оставляет мало сомнений в том, что люди, населявшие эти пункты, были организованы в сооб-

щества гораздо более локального масштаба, чем принято считать. Вероятно, не существовало единой руси, но в Восточной Европе до поры было достаточно места для различных групп русов, еще не объединенных какой-либо общей властью или целью. Из этих, вероятно, многочисленных сообществ только два попали в поле зрения письменных источников. В 920-х годах арабский путешественник Ибн Фадлан встретил и наблюдал группу русов на Волге. Другая группа русов известна нам из более-менее одновременных византийских документов: сочинений Константина Багрянородного и византийско-русских договоров. Это те, что действовали на Днестре и сделали своим центром Киев. Общее впечатление о них — сходное. И «волжская», и «днепровская» группы представляют собой сообщества сравнительно небольшого размера; состоят из людей «военных», но главным занятием своим считающих торговлю; обе группы уже достаточно «локализованны»: это не мужские сообщества, не армии викингов, но «гендерно симметричные» коллективы, включающие значительное число женщин. Надо думать, сходным образом были построены и те группы русов, о которых современные письменные источники сведений не сохранили, потому что их центры (в Ладого, Приильмене, на Верхнем Днестре) были слишком отдалены от наблюдателей, слишком в глубине континента. Впрочем, династическое предание киевских князей, общему смыслу которого можно доверять, сохранило свидетельство о еще одной самостоятельной группе скандинавов, с центром в Полоцке, просуществовавшей до конца 970-х годов и контролировавшей, по всей видимости, путь «в варяги» по Западной Двине. Летопись даже называет имя их главаря — Рогволд.

Из всех сообществ только киевской группе русов удалось со временем развить военную и политическую организацию, а во второй половине X века подчинить или ликвидировать другие локальные сообщества русов с их автономной дальней торговлей, а также многочисленные славянские «племена» Восточной Европы. Но в первой половине X века подобный итог еще далеко не очевиден и даже труднопредполагаем: все, к чему стремятся киевские русы, это торговля с Византией, и никаких попыток расширить свою территорию за пределы Киева они не предпринимают. Можно спорить, были ли у всех групп русов равные шансы на успех (вероятно, нет), но очевидно, что какое-то время они развиваются сходным образом и только

специфические условия, в которых оказались киевские русы (и только с какого-то определенного момента), стали подталкивать их к тому, чтобы конвертировать свое растущее экономическое и военное преимущество в политическую власть и территориальную экспансию.

2. НЕУЛОВИМЫЙ «РУССКИЙ КАГАНАТ»

 од 839 годом Бертинские анналы сообщают о необычных людях, посетивших в июне того года двор франкского императора Людовика Благочестивого в Ингельгейме. Они прибыли из Константинополя вместе с посольством императора Феофила и заявили, что они — русы¹⁵², но на самом деле оказались шведами (свеонами). Когда их спросили, кто их правитель, они ответили, что его зовут Chasanus¹⁵³.

Ученая литература, написанная в объяснение этой загадочной истории, сегодня может составить небольшую библиотеку. Сообщение считается наиболее ранним документальным упоминанием русов, и по этой причине оно фигурирует во всех обзорах ранней истории Киевского государства. К сожалению, краткая запись Бертинских анналов не вполне удовлетворяет наше любопытство. Всё, что анналист смог сообщить о русах, есть пересказ информации, содержавшейся в письме Феофила, которую при франкском дворе сочли недостаточной или недостоверной. Мы узнаём, что русы были в посольстве в Византию и предлагали тамошнему императору дружбу. Мы также узнаём, что они не могли вернуться из Константинополя тем же путем, которым прибыли, так как не решались повторно пройти через территории каких-то «жестоких» и «варварских» народов. Но русов не

¹⁵² В исторической литературе наиболее употребима именно такая форма названия. Далее, в зависимости от контекста источников, мы будем говорить о русах восточных авторов, о росах византийских источников и о руси славянских текстов. Это различие важно, кроме прочего, для того, чтобы оттенить разницу между несколькими сообществами, именовавшими себя русью, географически локализованными вдоль различных торговых путей Восточной Европы.

¹⁵³ Комментированный перевод на русский язык см.: *Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия*. Т. 4: Западноевропейские источники. Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М., 2010, 17–21.

спросили, или они не смогли объяснить, где лежала их страна. К нашему сожалению, назначив следствие о подозрительных свеонах-русах, Людовик не дождался его окончания и отправился в Вормс, а вместе с ним переместился и рассказ Пруденция (которого считают автором записей за 835–861 годы). Мы поэтому никогда не узнаем, удалось ли выяснить франкам, что за народ Rhos представляли свеоны, позволено ли было русам вернуться в их отечество и, главное для нас, где оно находилось¹⁵⁴.

Мы даже не вполне уверены, были ли свеоны родом именно из Швеции. Картина мира каролингских авторов IX века (под влиянием традиционного этногеографического дискурса и политических обстоятельств эпохи) предполагала, что к северу от земель, подчиненных империи, находятся народы, разделяющиеся на два разряда. Dani (или gens Danorum) непосредственно примыкали к каролингским территориям, постоянно вступали во взаимодействие с империей и потому были лучше известны. Народы, находившиеся севернее и очень мало понятные, описывались совокупно как gens Sueonum. Именно это обстоятельство и установила императорская канцелярия относительно прибывших послов: они явно принадлежали к какому-то другому разряду скандинавов, в отличие от «ближних» и знакомых dani, а потому оказались зарегистрированы под этикеткой свеонов¹⁵⁵.

Также непроясненным остается и отношение послов-свеонов к руси: причисляли ли они себя к этому народу или только выступали от

¹⁵⁴ Впрочем, известно несколько попыток «археологически» определить конечный пункт назначения русов. Туре Арне на основании находки серебряной монеты императора Феофила в Бирке (Швеция) полагал, что именно там они и закончили свой путь (см.: Wladislaw Duczko, *Viking Rus'. Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe* (Leiden and Boston, 2004), 24–33). Джонатан Шепард дополнительно указал на находку в Хедебю (Дания) византийской свинцовой печати патрикия Феодосия (предположительного участника византийского посольства в Ингельгейм), по его мнению трассирующую путь русов (см.: Jonathan Shepard, “The Rhos Guests of Louis the Pious: Whence and Wherefore?” *Early Medieval Europe* 4 (1995), 41–60). В последнее время к ней добавились еще две печати, обнаруженные в датских Рибе и Тисё (Fedir Androshchuk, *Vikings in the East. Essays on Contacts along the Road to Byzantium (800–1100)* (Uppsala, 2013), fig. 31: 5–6).

¹⁵⁵ Ildar H. Garipzanov, “Frontier Identities: Carolingian Frontier and ‘Gens Danorum’”, *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe* (Turnhout, 2008), 117–118.

его имени; хотели ли возвратиться на территорию руси или под «отечеством» имели в виду Скандинавию. Судя по тому, что в Константинополе через двадцать с лишним лет, уже в довольно драматических обстоятельствах внезапного нападения руси на столицу, наново «открыли» для себя этот народ, послы не достигли исходного пункта своей миссии и контакты с Византией не продолжились.

Тем не менее, в письме императора мы все же можем расслышать, хотя и приглушенные двойным переводом, формулы, знакомые нам по будущим договорам руси с греками: свеоны утверждали (в латинском переводе анналов), что они gente Rhos, что точно соответствует формуле договоров «от рода рускаго»; в Константинополь они прибыли, чтобы предложить «дружбу» (*amicitiae causa*) императору, в чем угадывается формула договоров об «установлении любви» с греками.

Таким образом, русы были не случайными людьми и не лазутчиками, за каковых их приняли в Ингельгейме. Они действительно принадлежали к какому-то сообществу, которое именovalo себя русь, и находились в составе посольства, посланного их правителем (*rex*), которого звали (или который именовался) *Chacanus*. Именно эта деталь рассказа, вопреки тому, что современные исследователи раннесредневековой Восточной Европы, как правило, не испытывают с ней особых проблем, представляется наиболее странной и даже загадочной.

Общепринятое теперь мнение утверждает, что под «именем» правителя руси на самом деле скрывается его титул — предводитель скандинавов якобы титуловал себя каганом, так же, как и владельцы степных империй: современного Хазарского каганата, а ранее — Аварского и Тюркского. Это отождествление предложил в начале XVIII века уже первый исследователь, введший Бертинские анналы в круг источников по русской истории, Теодор Байер. Байер был востоковедом, и это, вероятно, определило его выбор. Напротив, ученые, не обладавшие подобной перспективой (например, А. Л. Шлецер, Н. М. Карамзин, М. П. Погодин), видели здесь имя собственное Хакон норманнского предводителя, пославшего посольство¹⁵⁶. Тем не менее, точку зрения

¹⁵⁶ Дополнительную аргументацию в пользу этого мнения см. недавно: Ildar H. Garipzanov, "The Annals of St. Bertin (839) and Chacanus of the Rhos," *Ruthenica* V (2006), 7–11.

Байера поддержал (как сознавался впоследствии, только под влиянием Иоганна Круга) в середине XIX века такой авторитетный ученый, как А. А. Куник¹⁵⁷, позднее еще раз вернувшийся к вопросу и давший наиболее тщательный разбор проблемы¹⁵⁸. В этой последней работе Куник, впрочем, вынужден был признать, что не может сделать выбор между двумя возможностями: шансы равны, что Пруденций упомянул либо титул, либо имя собственное, и второе даже вероятнее¹⁵⁹. Тем не менее, общее мнение склонялось в пользу титула, и Вильгельм Томсен в своем классическом обзоре уже не считал нужным специально обосновывать свою убежденность, что упомянутый в Бертинских анналах Chascanus означает титул «князя народа руси»¹⁶⁰.

Однако почему предводитель норманнской дружины мог присвоить себе титул степного императора, ученые не были в состоянии определить.

Если мы спросим, — писал Томсен, — каким образом византийский двор мог прийти к мысли дать русскому князю этот чуждый титул, то в этом случае для догадок представляется обширное поле. По моему мнению, вероятнейшее объяснение заключается в том, что в глазах греков русы перемешивались в одну массу с хазарами, аварами и другими варварскими народностями севера, почему в применении к князю Руси и мог употребляться титул, принадлежавший собственно царю хазар¹⁶¹.

¹⁵⁷ Ernst Kunik, *Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven* (vol. 2, SPb., 1845), 217–221.

¹⁵⁸ Куник А. А. «Замечания» [на М. Погодин. Г. Геденов и его система]. *Записки Императорской Академии наук* (6, 1864, прилож. № 2), 73–84.

¹⁵⁹ Неучтенной в историографии осталась еще одна возможность — имени, но тюркского. Хроника Продолжателя Феофана сообщает о военачальнике болгарского царя Симеона по имени Хаган (Χαγάνος) (Theophanes Continuatus, Ioannes Caniata, Symeon Magister, Georgius Monachus, ed. by Immanuel Bekker (Bonn, 1838), 401). Любопытно, что в славянском переводе Продолжателя Амартола это имя передано как Каханъ — оно претерпело ту же фонетическую обработку, что и тюркский титул (Истрин В. М. *Книги временные и образные Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь*. Том I: Текст. Пг., 1920, 554).

¹⁶⁰ Томсен В. Начало Русского государства. Три чтения. *ЧОИДР*. 1891, кн. I (156), 39–40.

¹⁶¹ Томсен В. Начало Русского государства, 39–40.

Каламбур Томсена («обширное поле для догадок»), надо думать, был невольным¹⁶². Но даже обширное восточноевропейское поле не смогло вместить всех догадок. Как увидим ниже, в поисках объяснений степного титула ученые не оставили без внимания также и леса, болота и другие экологические ниши Восточной Европы.

Для Томсена титул каган в применении к скандинавской руси был не только «чуждым», но и присвоенным русам по ошибке византийцами. В литературе, однако, возобладала гораздо более комплиментарная для национальной истории догадка антинорманиста С. А. Гедеонова. Титул каган послужил для него указанием, что к 838/839 году (задолго до «призвания варягов») в Восточной Европе уже существовало государственное образование, русский (славянский) каганат. Гедеоновым же был очерчен практически исчерпывающий круг источников и аргументов, с тех пор довольно тавтологично (и, как правило, без указания на первоисточник) воспроизводимых в историографии. Впрочем, Гедеонов полагал, что тот славянский династ, который выслал посольство в Константинополь, был не самостоятельным владельцем, а «второстепенным хаганом» и, скорее всего, «наместником из туземных князей великого хагана Хазарии»¹⁶³.

По понятным причинам, именно эта догадка оказалась наиболее продуктивной в последующей историографии. После Второй мировой войны ее даже усилили и стали полагать, будто «принятием этого титула киевские князья заявляли о своей независимости от хазар и равноправии Руси с Хазарским государством»¹⁶⁴. В условиях патриотического подъема после выигранной войны даже само возникновение государства представлялось героическим и победоносным. Если впоследствии исследователи не всегда готовы были разделить подобный оптимизм, титул каган у русов все же стали рассматривать исключительно в контексте навеянного летописным преданием противостояния руси и хазар, тем самым предполагая в нем узурпацию и вызов Ха-

¹⁶² В английском издании: «a wide scope of guessing» (Vilhelm Thomsen, *The Relations between Ancient Russia and Scandinavia and the Origin of the Russian State* (New York, 1964), 42.

¹⁶³ Гедеонов С. А. *Варяги и Русь. Историческое исследование*. Ч. 2. СПб., 1876, 492.

¹⁶⁴ Артамонов М. И. *История хазар*. Л., 1962, 366.

зари¹⁶⁵. «Русский каганат» начала IX века предлагал весьма достойное начало отечественной истории: в дерзком и успешном соперничестве с крупнейшей империей региона, по существу, вариацию истории Давида и Голиафа. Идея понравилась. Настолько, что ее стали повторять на разные лады из работы в работу. Постепенно «русский каганат» оказался общим местом трудов по ранней истории Киевского государства, и сколько-нибудь обосновывать «общеизвестное» положение уже не считали нужным: роль обоснования выполняла историографическая традиция. Со временем «антинорманистское» происхождение догадки забылось (стало принятым считать Гедеонова — совершенно незаслуженно — дилетантом и не перечитывать), выветрилась и атмосфера послевоенной «борьбы с космополитизмом». Теперь исследователи приступают к вопросу *in medias res*, прямо с выбора наилучшей географической локализации «каганата» и реконструкции исторически осязаемых обстоятельств его взлета. Непосвященному в тонкости читателю подобных работ ниоткуда будет узнать, что вся конструкция покоится, по существу, на *lectio difficilior*, то есть на проблемном чтении Бертинских анналов, не поддающемся однозначной интерпретации. Напротив, в большинстве работ читатель найдет утверждение, что «каган» есть прямым чтением Бертинских анналов.

Но странное дело: когда историки приступают к попыткам точно определить местоположение этой могущественной державы, они указывают на карте самые различные точки. В старой литературе было принято размещать «каганат» либо неопределенно на юге Восточной Европы, либо даже конкретнее — на берегах Азовского и Черного морей (Г. Вернадский). Еще более популярной была точка зрения, согласно которой центр «каганата» находился в Киеве, и в его образе мы, собственно, имеем дело с ранним Киевским государством IX века (М. И. Артамонов, Б. А. Рыбаков, А. П. Новосельцев, А. В. Назаренко и др.). Еще одна гипотеза размещает «каганат» в междуречье Среднего Дона и верхней Оки (В. В. Седов, Питер Голден). Вполне произвольные, эти «южные» локализации, по крайней мере, размещали «кага-

❖ Новосельцев А. П. *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа*. М., 1990, 206–208; см. также: Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя. *История СССР*. 1982, № 4, 150–159, где и основная литература вопроса.

нат» поблизости от Хазарии и, следовательно, объясняли, каким образом скандинавский предводитель руси мог вообразить себя «каганом».

Однако скандинавские древности Восточной Европы расположены преимущественно севернее: в верховьях Днепра (Гнездово), в Поволховье (Старая Ладога, Рюриково городище), в Приладожье и на верхней Волге (Сарское, Тимерево). Поскольку «каганат» — государство, созданное норманнами, его центр и основную территорию стали искать в местах максимального скопления археологических артефактов скандинавского происхождения. Но и в этом случае оказалось, что на роль «столицы» может претендовать слишком много кандидатов. По существу, все перечисленные археологические памятники так или иначе примеряли ее на себя в трудах заинтересованных археологов: Ладога как наиболее ранний центр скандинавского присутствия¹⁶⁶, Рюриково городище как прообраз будущего Новгорода (куда, по летописи, призвали варягов), верхнее Поволжье как наиболее освоенный скандинавами торговый путь на восток. Наличие политической власти в этих центрах, однако, не более чем предположение. Из известных торговых центров восточной Балтики только в шведской Бирке около интересующего нас времени известен какой-то царек (гех), о котором сообщает житие Ансгария. Не удивительно поэтому, что и Бирка всерьез рассматривалась как место пребывания «русского кагана», пытавшегося установить дипломатические отношения с византийским императором в 838 году, а затем (в 860-м) наставшего на него армию пиратов¹⁶⁷.

Обычно столицу «русского каганата» определяют перебором шансов каждого из названных центров, предполагая, что искомый пункт непременно находится среди этих кандидатов, и метод исключения выявляет его вполне надежно. Сделать однозначный выбор, впрочем, оказывается не так легко, ибо ни один из них не обладает полным набором необходимых критериев. Князь известен только в Бирке, но шведская Бирка едва ли может выступать центром восточноевропейских русов. Таким центром могла бы быть Ладога, но, разумеется,

¹⁶⁶ См. недавно: Wladislaw Duczko, *Viking Rus'*, 60–61.

¹⁶⁷ Обзор относительных достоинств предложенных гипотез см.: Simon Franklin and Jonathan Shepard, *The Emergence of Rus. 750–1200* (London and New York, 1996), 27–50; Wladislaw Duczko, *Viking Rus'*, 31–35.

никакого местного князька источники там не знают, да и само место не вполне подходит для столицы могущественного владетеля: скромное открытое поселение без укреплений и других признаков «столичности». Укрепления и «элитарный» характер материальной культуры обнаружены на Рюриковом городище, но, увы, нет никаких признаков существования этого центра ранее второй половины IX века, что, разумеется, уже слишком поздно для столицы «каганата», активно действующего с начала IX века. Эти трудности не укрылись от исследователей¹⁶⁸.

«Северную» локализацию «русского каганата» представляют как необходимое следствие широкомасштабных археологических исследований скандинавского присутствия в Восточной Европе. Нужно помнить, однако, что начало «поискам северного пути» положила еще в 1928 году книга историка П. П. Смирнова, написанная в отсутствие археологического материала и без опоры на него¹⁶⁹.

Тем не менее, идея «северного каганата» остается весьма популярной, преимущественно в среде российских археологов, пытающихся согласовать раскапываемые ими скандинавские древности с общими представлениями о возникновении государственности в Восточной Европе. Итог этих усилий не так давно скомпилировал К. Цукерман, предложивший считать «русский каганат» государственным образованием варягов (с центром либо в Ладоге, либо в Рюриковом городище), не связанным непрерывной линией развития с последующим варяжским государством, возникшим в Киеве. Исследователь также предложил набросок истории этого государства. «Русский каганат», в его интерпретации, контролировал торговлю между Скандинавией и Востоком. Именно его эмиссары появились в Константинополе в 838 году и в Ингельгейме в 839-м. Именно из этого центра был осуществлен поход на Византию в 860-м. «Каганат» просуществовал до

-
- См., напр., замечания Дж. Шепарда (Simon Franklin and Jonathan Shepard, *The Emergence of Rus*, 31–35) и П. П. Толочко (Толочко П. П. В поисках загадочного Русского каганата. Толочко П. П. *Київ і Русь. Вибрані твори*. К., 2008, 29–39).
 - Павло Смірнов. *Волзький шлях і стародавні руси. VI–IX вв.* К., 1928. Именно его идеи развивал О. Прицак (см.: Omeljan Pritsak, *The Origin of Rus'*. Vol. 1. Old Scandinavian Sources other than the Sagas (Cambridge, MA, 1981), 28; Прицак О. *Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія*. К., 2003, 938, 1162, прим. 5).

начала 870-х годов и погиб при невыясненных обстоятельствах. Следующий этап государственности был связан уже с другим центром — Киевом — и другой группой скандинавов, прибывших в Восточную Европу не ранее 895 года¹⁷⁰.

Соединив варяжский «русский каганат» с материальными остатками скандинавского присутствия в Восточной Европе, «северная» гипотеза, однако, утратила весьма важный объяснительный элемент, присутствующий в гипотезе «южной»: непосредственный контакт с Хазарским каганатом, в условиях которого естественно выглядело бы и знакомство со степной титулатурой, и «соперничество» с кочевниками, и заимствования. В самом деле, довольно затруднительно представлять себе предводителя скандинавской дружины, владеющего несколькими болотами и лесами на задворках обитаемого мира, но при этом величающего себя степным императором. С таким же успехом он мог назвать себя и римским императором. Этот комичный персонаж едва ли вызывал бы тот почет среди собственных подданных и соседних народов, к которому его понуждают историки и археологи. Разумеется, «соперничать» с могущественной Хазарией из такого безопасного далека комфортнее, да беда, что противник может не заметить вызова.

Существуют и другие трудности. Предположительно северное государственное образование известно только своей активностью на юге, почему и попадает в поле зрения письменных источников (византийских, латинских, арабских). Более того, ориентированное якобы исключительно на торговлю вдоль Великого волжского пути со странами Востока, это государство настойчиво стучится в двери Ви-

¹⁷⁰ См.: Constantin Zuckerman, “Deux étapes de la formation de l’ancien État russe,” *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*, ed. M. Kazanski, A. Nersessian, C. Zuckerman [Réalités byzantines 7] (Paris, 2000), 95–120 (на русском языке: Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства. *Археология*. 2003, № 1, 76–99). Ср., впрочем, и ранее высказываемые замечания о том, что ориентированные на восточную торговлю скандинавские центры севера Восточной Европы никак генетически не связаны с последующим возникновением Киевского государства и что «киевская группа» скандинавов возникает как политический организм не ранее рубежа IX–X вв. в: Толочко О. П., Толочко П. П. *Київська Русь*. К., 1998; см. также: Oleksiy Tolochko, “Kievan Rus’ in the Tenth Century,” *Europe Around the Year 1000*, ed. by Przemyslaw Urbanczyk (Warsaw, 2001), 123–140.

зантии, в совершенно противоположном направлении. Собственно, оно только тем и известно, что посылает посольство (838 год) и армию (860) в Константинополь и оттуда же (после 860) принимает крещение. Напротив: сумевшее организовать успешное нападение на Константинополь и известное за тысячи миль могущественное прибалтийское государство каким-то образом ускользнуло от внимания тех пусть и немногочисленных, но все же существующих источников, что описывают ситуацию вокруг Балтики в IX веке.

Кроме сомнительной пользы для ладожского властителя от подобных экспедиций, морской поход, стартовавший на Балтике и в непрерывном марше достигший Константинополя, — дело почти невысказанной логистической сложности. Даже в середине XIX века, во время Крымской войны, российские части, направляемые в Севастополь из внутренних губерний страны, поддерживаемые притом всей имперской инфраструктурой (крепости, провиантские магазины, военные склады, сеть дорог) и двигавшиеся по собственной территории, теряли от трети до половины своего состава и прибывали к театру действий в совершенно небоеспособном состоянии. Конечно, путешествовать на судах по рекам и быстрее, и легче, чем в пешем строю. Но и в этом случае препятствия оказываются труднопреодолимыми: противоположное течение рек, многочисленные волоки и водоразделы, местное население, не питающее дружественных чувств, и т. д. Более того, судя по всему, морские суда скандинавов вообще неспособны были преодолевать сеть мелководных речных коммуникаций Восточной Европы. Для этого требовались специальные речные суда. Во всяком случае, как свидетельствует Константин Багрянородный, даже в середине X века росам необходима была база не выше среднего течения Днепра для переоснащения судов и «запуска» морского каравана в Константинополь. Нет ни одного исторического свидетельства о том, что караван судов мог преодолеть расстояние от Балтики до Босфора «в один прием».

Существенны также и методологические проблемы. отождествление варяжского государства со скандинавскими материальными древностями только создает видимость прочного основания гипотезы. На самом деле археология не знает недвусмысленных и бесспорных признаков государственности в материальной культуре. И, разумеется, всё, на чем акцентируют внимание в археологической литературе — нали-

чие нескольких поселений, присутствие в них этнических скандинавов, монетные и вещевые клады, другие следы торговых занятий — не может всерьез обсуждаться в этом качестве. Вероятно, для бесписменных обществ, не попавших в поле зрения соседних традиций, это и вообще — задача, не имеющая решения. Строго говоря, неизвестно, как наличие рудиментарной политической организации должно отражаться в материальной культуре. Но если и можно связывать некие физические останки с действиями государства и проявлениями государственной власти, то таковыми могут выступать либо крупные строительные проекты, требующие коллективных усилий огромных масс населения, приводимых в действие единой волей (например, протяженные оборонительные линии или сети крепостей), либо сооружения, призванные демонстрировать престиж власти и внушать к ней почтение (например, укрепленная резиденция-крепость правителя или выдающихся размеров «дворец»). Часто такие сооружения заведомо неутилитарны, то есть их задача состоит в демонстрации и утверждении особого статуса правителя (например, монументальных размеров гробница или курган, исключительное богатство сопровождающего инвентаря). Ни сравнительная зажиточность поселений, ни присутствие в их слоях или в могильниках «заморских» вещей не могут указывать на тип политической организации населения или даже на само ее наличие. Все это могло попадать в результате торговых обменов или участия в грабительских походах, отнюдь не обязательно предпринимаемых государственной властью. Словом, для обнаружения государства нужно искать что-нибудь очень «высокое», или исключительно «большое», или крайне «роскошное».

Увы, многолетние археологические разыскания не смогли обнаружить ни одного из перечисленных признаков в Приладожье, на Волхове или Верхней Волге. Здесь не найдены связанные со скандинавским присутствием следы «общественных работ», здесь не существует даже укрепленных поселений (то, что в литературе стало обычным называть «городскими центрами», на самом деле — открытые поселения¹⁷¹, чей городской характер является предметом дискуссии), нет здесь и «царских курганов». Известные городища этого времени, а также вытяну-

¹⁷¹ Быть может, за исключением Рюрикова городища, которое, как полагают, было изначально укрепленным поселением.

тые вдоль Ловати и Волхова т. н. сопки могут указывать на наличие у местного населения какой-то организации, способной мобилизовать людские ресурсы в оборонительных или культовых целях. Но во главе ее стояли не скандинавы, а локальные «элиты», никак с дальней торговлей не связанные.

Словом, если «русский каганат» и существовал на этой территории в течение почти всего IX века, он не оставил после себя никаких следов. Вообще, впечатление, будто в IX веке этот регион являлся зоной бурной урбанизации и интенсивного демографического роста, это не более чем оптическая иллюзия, неизбежно возникающая, если долго и пристально всматриваться в какой-либо мелкий предмет на близком расстоянии. Северные окраины Восточной Европы в IX веке представляют собой по-прежнему малолюдные территории, с очень редкими, далеко друг от друга отстоящими и пока не очень значительными центрами торговли среди, в целом, весьма бедного населения. Эти центры, к тому же, выглядят «иностранцами»: они не связаны с окружающей территорией и ориентированы на дальнюю торговлю.

Также весьма сомнительны и археологические признаки «падения» государства, каковыми, в нашем случае, предлагают считать зафиксированные раскопками следы пожаров в Ладоге и на Рюриковом городище¹⁷². Пожары, в том числе значительные, при которых выгорала большая часть города, явление для средневековых деревянных поселений столь же обычное, как и природные катаклизмы — засухи и наводнения, и повторялись они с такой же периодичностью. Интерпретировать слои пожаров непременно как следы военных катастроф — характерная особенность незамысловатых «исторических интерпретаций» в археологии.

Как видно из предыдущего обзора ученых мнений, «русский каганат» оказывается «движущейся мишенью». Он неуловим и непостоянен. Он кочует по всей Восточной Европе, от Керченского пролива до Финского залива. Как только нам начинает казаться, будто очередная гипотеза наконец зафиксировала его в определенном месте, он выскальзывает из наших рук и оказывается в противоположном кон-

¹⁷² Jonathan Shepard, "The Origins of Rus' (c. 900–1015)," *The Cambridge History of Russia*. Vol. 1. From Early Rus' to 1689, ed. Maureen Perrie (Cambridge, 2006), 52–53.

це карты. Государства так себя не ведут. Они, как правило, пребывают на одном месте. Об их местоположении, пускай даже приблизительно, знают соседи. Такое поведение «русского каганата» наводит на мысль: а существовал ли он? Не имеем ли мы дело с еще одним историографическим миражом, которыми так богата историография Восточной Европы?

Весьма вероятно, что на вопрос, «где находился русский каганат?», единственным определенным ответом будет: на страницах ученых трудов.

3. «КОНУНГАНАТ»

 то не опечатка. Только так можно назвать созданный воображением историков каганат, которым правит скандинавский конунг.

Гипотеза о локализации «русского каганата» на севере, в Бирке, Ладогe или Поволховье, которой в предыдущем разделе уделено большое внимание, наименее убедительна из всех до сих пор предложенных. Главным образом потому, что, отрывая «каганат» от степной зоны, где этот титул только и имел бы значение, «ладожская локализация» оставляет без ответа вопрос о, так сказать, культурном механизме заимствования как самого титула, так и связанной с ним идеологии. В самом деле, титул правителя — существеннейший элемент языка власти. Принимая на себя титул и желая быть принятым с этим титулом в сообществе соседних владетелей, правитель сообщает им нечто весьма существенное о природе своего владения, ранге среди других монархов, желаемых способах обращения, о месте своего государства в кругу подобных. Но, разумеется, язык, на котором передаются эти важные сообщения, должен быть общим, понятным. Поэтому, как правило, заимствуют или имитируют титулы из близкой культурной зоны. Не менее важен и язык подданных: именно для них в первую очередь адресовано заложенное в титуле послание о сущности и пределах власти государя. Заимствование титула из чрезвычайно далекой и чуждой культурной среды во многом лишает его смысла. Например, когда королева Виктория стала преемницей империи Великих Моголов, она приняла титул «императрицы Индии», но не

традиционную титулатуру Моголов¹⁷³. Подобным же образом, Иван IV, став обладателем наследия Монгольской империи, принял не традиционный титул ее правителей, а его эквивалент (царь), «конвертируемый» в языках власти христианских народов¹⁷⁴.

Внятного объяснения, как скандинавскому князьку в Бирке ли, Ладоге ли, Рюриковом ли городище могла прийти в голову нелепая идея именовать себя степным императором, не предложено. В литературе, как правило, его подменяют рассуждениями в том смысле, что между Хазарией и скандинавскими центрами Балтики существовали экономические связи. Дирхем достигал Бирки, могли доходить и известия о титуле хазарского кагана¹⁷⁵. Логическая необязательность подобного объяснения очевидна. Бирки достигали и иные импорты, а именно арабская монета понуждала бы скорее задуматься о титуле халифа, а не кагана. Титулатура представляет собой «товар» особого рода и распространяется не вдоль караванных путей. Наш случай был бы единственным в своем роде, когда императорский титул оказался завезен в сундуках странствующих купцов, а местный князек, разбирая заморские гостинцы, примерил бы его на себя вместе с цветистым кафтаном из шелка. Рамки дозволенного в обосновании гипотезы о «руском каганате» выставлены без надлежащей строгости. Но все же и в этих свободных пределах предположение, что титул можно принять только потому, что о нем рассказывают, выглядит экзотично.

Титул каган/хакан представляет еще и дополнительные трудности для заимствования. В отличие от многих других, это титул исключительный, *sui generis*. Многие востоковеды утверждают, что с ним связано не просто представление об имперской сущности власти, но и особая, присущая тюркским народам, идея харизматической природы

¹⁷³ См. об этом: Bernard S. Cohn, "Representing Authority in Victorian India," *The Invention of Tradition*, ed. by Eric Hobsbawm and Terence Ranger (Cambridge, 1983), 165–210 (укр. пер.: Бернارد Кон. Репрезентування влади у вікторіанській Індії, *Винайдення традиції*, за ред. Е. Гобсбаума і Т. Рейнджера. Пер. з англ. М. Климчука (Київ, 2005), 192–242).

¹⁷⁴ См.: Плеханова М. Б. *Сюжеты и символы Московского царства*. СПб., 1995, 171–202 (глава «О природе царства»).

¹⁷⁵ См., напр.: Simon Franklin and Jonathan Shepard, *The Emergence of Rus*, 32.

власти кагана¹⁷⁶. Полагают, что титул каган передавался только внутри рода Хашина, некогда правителей Тюркского каганата VI–VIII веков, получивших «небесный мандат» на власть среди кочевников¹⁷⁷. Именно благодаря родству (действительному или фиктивному) с этим родом, как думают, право на титул каган получили и правители Хазарии. Поэтому для востоковедов идея «узурпации» титула представляется невероятной и они изобретают иные сценарии, призванные объяснить его у русов. Так, Омелян Прицак предположил, что к русам бежал разгромленный хазарский каган, а, например, Питер Голден полагает, что «русский каганат» был образован по воле Хазарии для отражения мадьярской угрозы.

Идея передачи титула только по кровному родству с кланом Хашина подвергалась критике¹⁷⁸. Даже если она и не верна, все же нет сомнений, что неотделимый от имперской идеологии степных народов титул каган выражал претензии на универсальное владычество в степи. Попробуем объяснить это на примере. Аналогом кагана у народов христианского средневековья был титул «римского императора», связанный с идеологией единой универсальной Империи и ее преемства (*translatio*). Невозможно было стать императором, не разделяя соединенной с титулом политической традиции или, более того, не имея о ней представления. Иными словами, невозможно было стать императором не-римским, каким-нибудь «ладожским». Правители (будь то Карл Великий или болгарский царь Симеон), оспаривавшие у византийского василевса его исключительное право на император-

¹⁷⁶ Peter Golden, "Imperial Ideology and the Sources of Political Unity among the Pre-Chinggisid Nomads of Western Eurasia," *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 2 (1980), 37–76; Omeljan Pritsak, "The Pre-Ashkenazic Jews of Eastern Europe in Relations to the Khazars, the Rus' and the Lithuanians," *Ukrainian-Jewish Relations in Historical Perspective*, ed. Petro Potichnyj (Edmonton, 1990), 3–21; Peter Golden, "Irano-Turcica: The Khazar Sacral Kingship Revisited," *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* 60 (2) (2007), 161–194.

¹⁷⁷ Артамонов М. И. *История хазар*, 170–171; Omeljan Pritsak, "The Khazar Kingdom's Conversion to Judaism," *Harvard Ukrainian Studies* II (1978), 261–281; Peter Golden, *Khazar Studies. An Inquiry into the History of the Khazars*, vol. I (Budapest, 1980), 219–221.

¹⁷⁸ См., например: Новосельцев А. П. *Хазарское государство*, 50; Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства, 78–79.

ский титул, оспаривали вместе с тем и его право на обладание римским наследием.

Каган — элемент степного языка власти. Во всяком случае, все достоверные и немногочисленные случаи именования правителя каганом относятся к народам (тюрки, авары, хазары, монголы), сформировавшим свои социальные и политические организации внутри степных структур¹⁷⁹. Для того, чтобы «узурпировать» титул кагана, необходимо не просто соприкоснуться со степью или что-то знать о ней, нужно быть частью степного мира, разделять политическую культуру кочевников, обладать социальными структурами, характерными для степных народов. Но и этого не вполне достаточно. Исторически в каждую эпоху в степи был только один правитель, обладающий титулом каган, так как связанное с ним убеждение в универсальной власти очевидным образом исключало одновременное сосуществование нескольких «каганов». Поэтому, как справедливо отметил Питер Голден, действительная узурпация каганского достоинства была бы возможна только при условии полного уничтожения предыдущего каганата как политической структуры¹⁸⁰. Один русский князь — Святослав Игоревич, предположительно разрушивший в 960-х годах Хазарию, — вполне удовлетворял бы этим условиям, но источники именно его никогда каганом не называют.

Дело осложняется еще и тем, что именно в Хазарии, и именно во времена предположительного заимствования, титул каган оказался соединен с весьма своеобразной структурой верховной власти — дуальной монархией, или диархией. Это «двоецарствие» предполагало,

✎ Не рассматриваем здесь случаи сугубо «литературного» происхождения, как, например, ретроспективное именование в эсхатологических памятниках XI в. «каганом» болгарского царя Михаила-Бориса (см. об этом: Tsvetan Stepanov, "From 'Steppe' to Christian Empire, and Back: Bulgaria from 800 to 1100," *The Other Europe: Avars, Bulgars, Khazars, Cumans*, ed. Florin Kurta and Roman Kovalev (Leiden, 2008), 363–378). Вероятно, в контексте этих текстов, а также славяно-византийских произведений (как, например, Житие Константина Философа) следовало бы понимать не к месту поминаемое в дискуссиях о «руском каганате» величание киевских князей Владимира и Ярослава «каганами» в «Слове о законе и благодати Илариона» (XI в.).

✎ Peter Golden, "The Question of the Rus' Qaganate," *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 2 (1982), 77–92.

что реальным руководителем государства и военным предводителем выступал шад (или бек), каган же был правителем сакральным¹⁸¹. Божественная природа кагана, от физического состояния которого зависело благополучие народа, привела его к «затворничеству»: во всех описаниях каган предстает изолированным, неподвижным, замкнутым в глубине своего дворца табуированным правителем, фокусом экзотических ритуалов и скорее пленником, чем руководителем подданных. Довольно трудно понять, что могло привлекать подвижных и предприимчивых предводителей варяжских дружин именно в этой модели властвования и как практически могла быть перенята хазарская диархия русами¹⁸².

4. «КАГАН РУСОВ» В ИСТОЧНИКАХ

азумеется, ни один из дошедших до наших дней источников не упоминает о существовании такого государства — каганата русов, или о любом другом политическом образовании на севере Восточной Европы. Его существование предполагается исследователями на основании якобы известного титула его правителя. Еще в середине XIX века был сформирован и с тех пор постоянно обсуждается каталог источников, упоминающих кагана русов. Первым в нем числится уже знакомое нам сообщение Бертинских анналов. Номером вторым — письмо византийского императора Василия I франкскому императору Людовику II. На нем стоит кратко остановиться, чтобы понять своеобразную традицию экзегезы как этого фрагмента, так и всей проблемы.

¹⁸¹ См.: Peter B. Golden, "The Khazar Sacral Kingship," *Pre-modern Russia and its World: Essays in Honour of Thomas S. Noonan*, ed. by Kathryn L. Reyerson, Theofanis G. Stavrou, James D. Tracy (Wiesbaden, 2006), 79–102.

¹⁸² Любопытно: на рубеже XI–XII вв., когда создавалась летопись, на Руси не имели никакого понятия, как была устроена власть в Хазарии. В Повести временных лет на битву со Святославом выходит «хазарский князь каган» и руководит армией («слышавше же Козаре . изыдоша протѣву съ княземъ свои^м . каганомъ . и съступиша сѧ битъ» (ПСРЛ 2: 53). Более того, похоже, что летописец думал, будто «Каган» есть именем «хазарского князя».

Обычно дело представляют так. Весной 871 года византийский император Василий I направил письмо франкскому императору Людовику II, в котором указал, что тому не подобает называть себя императором, но следует удовлетворяться естественным для него титулом короля. Среди аргументов Василия было утверждение, что правители каждого народа имеют свои собственные титулы: так, например, правители авар, хазар и русов (норманнов) носят титул кагана. Опровергая претензии Василия, Людовик в ответном письме указал, что, по его разысканиям, только правитель авар называется каганом, но не хазар и не норманнов (русов)¹⁸³. Из представленного таким образом обмена мнениями между двумя императорами ученые еще в XIX веке заключили, что византийские власти официально признавали титул каган как по праву принадлежащий предводителю русов.

На самом деле письмо Василия I не сохранилось. Его предполагаемое содержание исследователи восстанавливают из ответа Людовика, дошедшего до нас в составе Салернской хроники (конец X века). В интересующем нас месте Людовик говорит: «Хаганом же, как убеждаемся, звался предводитель авар, а не хазар или норманнов, а также не правитель болгар» (*Chaganum vero nos prelatum Avarum, non Gazanorum aut Nortmanorum nuncupari repperimus, neque principem Vulgarum*)¹⁸⁴.

Добыть из этого текста «кагана русов» позволяют два допущения.

Во-первых, предполагают, что всем отрицаниям в письме Людовика симметрично соответствовали положительные утверждения в письме Василия. Иными словами, если Людовик говорит, что владетель норманнов не носит титула каган, то Василий якобы именно утверждал, что носит. По видимости верное, это допущение, тем не менее, имеет логический изъян. Из того, что Людовик что-либо отрицает, не следует с обязательностью, что Василий это утверждал. Людовик мог опровергать все пункты Василия, но мог делать это выборочно или, напротив, мог намеренно демонстрировать большую, чем у против-

* См., например, именно в таком порядке пересказ переписки в: Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства, 77.

■ Цит. в переводе А. В. Назаренко (*Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия*. Т. 4. Западноевропейские источники. Сост., пер. и комм. А. В. Назаренко. М., 2010, 23–24); Ulla Westerbergh, *Chronicon Salernitanum: A Critical Edition with Studies on Literary and Historical Sources, and on Languages* (Stockholm, 1956), III.

ника, эрудицию. Более того, из его письма ясно, что именно так он и поступал. Например, он отрицал, что владетель болгар носит титул каган. Цитирование письма Людовика, как правило, обрывают как раз перед этим утверждением, чтобы избежать неловкости: пришлось бы признать, что Василий I утверждал, будто византийский двор признаёт за болгарским монархом титул каган. Этого не было: Константинополь определял ранг болгарского владетеля как князя (архонта), да и в самой Болгарии, ни в тюркской, ни в славянской номенклатуре титул каган неизвестен¹⁸⁵.

Благодаря второму допущению принимается, что под *Nortmani* латинского ответа Людовика следует понимать русов греческого оригинала Василия, так как несколько латинских авторов (например, Иоанн Диакон и Лиутпранд Кремонский), действительно, называют русов «норманнами». Логика, разумеется, не запрещает такого предположения, но, опять-таки, не делает его обязательным. Апелляция к латинским авторам здесь излишня, так как императорская канцелярия, конечно же, использовала собственную номенклатуру народов. Какой этникон был употреблен в греческом тексте, неизвестно. Если *Nortmani* ответного письма действительно представляет собой кальку греческого названия, то, скорее всего, в послании Василия могло стоять что-то вроде «северные народы»¹⁸⁶. В таком случае поле для догадок открывается самое обширное, и, не исключено, Василий (если в его письме в самом деле содержалось такое утверждение) мог иметь в виду какой-то степной народ, находящийся к северу от Византии (и тогда ряд: авары, хазары, болгары, северные кочевники (мадьяры? печенеги?) выглядел бы логичным). Во всяком случае показательно, что, за исключением таинственных «норманнов», все остальные перечисленные в письме Людовика народы — авары, хазары, болгары — так или иначе принадлежат к степному миру. Вероятно, в этом кругу логично было бы искать и тех, кто скрывается за этикеткой «северные народы».

¹⁸⁵ Ср.: Vladimir Petrukhin, "Khazaria and Rus': Examination of their Historical Relations," *The World of the Khazars. New Perspectives*, ed. by Peter B. Golden, Hagga Ben-Shammai, Andras Rona-Tas (Leiden, 2007), 255.

¹⁸⁶ Бибииков М. В. *Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси*. М., 2004. Т. 1, 541.

Но поскольку письмо Василия не сохранилось, толкование его содержания лишено смысла. Источниковедение несуществующих текстов невозможно. Единственная положительная информация, которую содержит действительно сохранившийся документ, письмо Людовика, состоит в том, что правителю норманнов (кем бы они не были) не принадлежит титул каган.

Впрочем, как и в случае с болгарами, утверждение, будто Василий настаивал, что его канцелярия титуловала властителя русов каганом, поддается простой проверке. Твердо известно, что ни в одном византийском тексте правитель руси не назван каганом, но всегда архонтом. Более того, в нашем распоряжении есть *De ceremoniis* Константина Багрянородного, где — по совпадению — подряд перечислены принятые в имперской канцелярии обращения именно к тем правителям (болгар, хазар и росов), что и в предполагаемом письме Василия. Узнаём, например, что к правителю Болгарии некогда следовало обращаться как к «архонту христианнейшего народа болгар», а теперь — как к «василевсу Болгарии»; к правителю хазар следует посылать письма с титулом «благородный прославленный хаган Хазарии»; а к правителю росов адресовать послания с титулом «архонт Росии» (как, впрочем, и к архонтам «северных кочевников», турков (мадьяр) и печенегов)¹⁸⁷.

* *De cerem.* II, 48, 690–691. Можно возразить: Константин несомненно говорит о ситуации времен своего самостоятельного правления (940-е — 950-е гг.). К этому времени «Русский каганат» уже исчез с политической карты, а вместе с ним вышел из употребления и титул его правителя. Такое возражение, однако, влечет за собой трудно доказуемое предположение, что императорская канцелярия так же тонко различала «два этапа формирования Древнерусского государства», как и современные исследователи, и приспособливала свою практику сообразно возникающим переменам. Иными словами, в Константинополе знали, что «Русский каганат» пал и что росы теперь живут в ином политическом образовании, возглавляемые архонтом, не каганом. Увы, ничто не выдает такой поразительной осведомленности византийцев. Иного государства росов, кроме киевского, византийские источники не знают.

Кроме того, некоторая историческая глубина все же присутствует в каталоге. Говоря о титуле болгарского правителя, Константин отмечает, что некогда к нему обращались архонт, теперь же следует обращаться василевс. «Некогда» означает между 865 (крещение Михаила-Бориса) и 913 (признание императорского титула за Симеоном). Это именно предполагаемое время существования «Руского каганата».

Рассмотренными двумя исчерпываются датированные упоминания «кагана русов». Все остальные не только не содержат определенных примет времени, но и происходят из совершенно другой традиции. «Каган русов» — хорошо известный мотив восточных источников, повествующих о русах. Эти тексты более многочисленны. Впрочем, немалое их число объясняется тем, что различные восточные авторы воспроизводили, по существу, один и тот же рассказ об экзотическом «острове русов». Наиболее ранний его вариант содержится в Книге дорогих ценностей арабо-персидского географа Ибн Русте (920-е годы). Здесь читаем:

Что касается русов (ар-русийа), то они — на острове, окруженном озером. Остров, на котором они живут, протяженностью три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр до того, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как она трясется из-за обилия в ней влаги. У них есть царь, называемый хакан-рус¹⁸⁸.

Принято считать, что весь комплекс сведений о славянах и русах Ибн Русте заимствовал из несохранившегося произведения, условно названного «Анонимной запиской о народах Восточной Европы». Это утраченное произведение обычно датируют 870–890-ми годами на том основании, что в нем упомянут Святополк, князь Великой Моравии. Впрочем, как датировку (ведь чтение «Святополк» на самом деле пред-

Ожидалось бы, что, отметив возвышение болгарского владетеля (из князя — в императоры), Константин отметит и столь же поразительное падение статуса предводителя росов: из императоров — в князя. Подобные ожидания, впрочем, напрасны: Константин (как и все иные византийские писатели) ничего не знает о титуле каган среди росов. В Житии Василия, рассказывая о крещении росов после нападения 860 г. на Константинополь (то есть во времена предполагаемого расцвета «каганата»), он называет предводителя росов архонтом (Theophanes Continuatus, Ioannes Caniata, Symeon Magister, Georgius Monachus, ed. by Immanuel Bekker (Вопл, 1838), 343; Продолжатель Феофана. *Жизнеописания византийских царей*. Пер. Я. Н. Любарского. Изд. 2-е. СПб., 2009, 213).

¹⁸⁸ Перевод Т. М. Калининой. Здесь и далее восточные источники цитируются по изданию: *Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия*. Т. 3. Восточные источники. Сост. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, В. Я. Петрухин. М., 2009, 47–48. Практически идентичный рассказ приводит Гардизи (сер. XI в.), передавая титул русского правителя как «хакан-е рус».

ставляет собой ученую конъектуру), так и само существование «Анонимной записки» оспаривают.

«Хакан русов» фигурирует также и в анонимном персоязычном произведении 980-х годов «Пределы мира от востока до запада», больше известном в литературе под своим изначальным названием «Худуд ал-алам». Как полагают, для описания русов, их страны и обычаев автор «Худуд ал-алам» соединил рассказ об «острове русов», аналогичный изложенному Ибн Русте (иногда источником считают «Анонимную записку»), с другой распространенной в восточных описаниях традицией о «трех группах русов» (источником считают произведение ал-Истахри).

Сведения восточных авторов о русах и славянах пресловуты препятствиями, которые воздвигают перед исследователями, пытающимися точно отделить в них экзотическую выдумку от достоверной информации. «Каган» в рассказе об «острове русов» вполне может оказаться одной из тех намеренно шокирующих воображение читателя подробностей, коллекционированием которых известны восточные авторы, пишущие о далеких северных пределах обитаемого мира. Тем не менее, нет причин сомневаться, что в арабо-персидской литературе X века бытовало предание о правителе русов как кагане. Считать это чем-то большим, чем только предание, и видеть в титуле отражение действительности IX века мешают довольно твердые показания по должности (начальник почт) весьма информированного Ибн Хордадбега (ок. 820 — ок. 890). Каталогизируя различные титулы «правителей земли», он специально останавливается на титуле каган, но отмечает его только у тюрков, тибетцев и хазар.

Этим, собственно, и исчерпывается каталог упоминаний «русского кагана». Какие же выводы можно безопасно извлечь из его обзора? Часть сообщений сомнительна, другая — легендарна. Вместе с тем в совокупности своей они позволяют думать, что в различных местах и при некоторых обстоятельствах русы действительно могли утверждать, что они — подданные кагана.

Именно со слов русов в Ингельгейме узнали, что они подчиняются правителю, называемому Часапус. Но почему нужно полагать, что русы говорили именно о своем собственном, так сказать, «национальном» правителе? Думать так понуждает только следование историографическому предубеждению (сформированному в XVIII веке, ког-

да еще доверяли букве летописного рассказа), будто сообщество русов в Восточной Европе изначально возникает как «независимое государство», возглавляемое «отечественным» монархом. На самом деле это ниоткуда не следует.

Прямой смысл заявления русов в Ингельгейме состоит в том, что они признают своим правителем кагана. Для ассоциации торговцев, оперирующей на территориях, подконтрольных Хазарии, это, вообще говоря, единственно возможный ответ: только признание власти кагана и создавало условия для их торговой и другой деятельности на Волге. Именно так понимал дело, например, знаменитый византинист В. Г. Васильевский, справедливо не находивший здесь возможностей для более глубокомысленных толкований:

Само собою напрашивающееся историческое сопоставление для нас включает в себе больше обязательности и убедительности, чем филологические тонкости сомнительной прочности; и потому мы думаем, что в рассказе Пруденция всего лучше нужно разуместь того же самого хазарского хагана, который в данный момент, именно в 838 году, находился в дружественных сношениях с Византиею [...]. Послы от племени Русского [...], по всей вероятности, жили в области Днепра или вообще ближе к Черноморскому побережью, признавая вместе со своим племенем верховную власть хазарского хагана [...]»¹⁸⁹.

Благодаря уникальной случайности мы даже знаем, как именно русы делали подобные заявления в реальных обстоятельствах. Об этом можно судить на основании Записки Ибн Фадлана, единственного среди наших авторов, кто описывал русов исходя из собственного опыта: наблюдений и расспросов. В 922 году во время посольства в Волжскую Болгарию он стал свидетелем того, как группа русов прибыла по торговым делам в Булгар и расположилась лагерем на берегу Вол-

¹⁸⁹ Васильевский В. Г. Русско-византийские исследования: Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. В кн.: Васильевский В. Г. *Труды*, III. СПб., 1915, схvii. Такого же мнения придерживался позже А. А. Васильев, а в недавнее время Ж.-П. Ариньон (J.-P. Arrignon, "Remarques sur le titre de Kagan attribué aux princes russes d'après les sources occidentales et russes des IX-XI siècles," *Zbornik radova Vizantoloskog instituta* 23 (1984), 63–71) и Богдан Струмински (Bohdan Struminski, *Linguistic Interrelations in Early Rus'. Northmen, Finns, and East Slavs (Ninth to Eleventh Centuries)* (Rome, Edmonton and Toronto, 1996), 84).

ги. Заинтригованный, Ибн Фадлан интересовался различными сторонами жизни русов, в том числе и их правителем. Отчет Ибн Фадлана не оставляет сомнений в том, что на вопрос, каков их «царь», русы описали арабскому путешественнику хазарского кагана: заточенного в своем дворце сакрального правителя, вместо которого действует его «заместитель»¹⁹⁰. Ясно притом, что русы тоже имели довольно смутное представление о действительном кагане и церемониях его двора и рассказывали любопытному путешественнику те байки, которые ходили в их среде о далеком и могущественном правителе¹⁹¹. Вероятно, Ибн Фадлан сам виноват: он спросил о «царе», то есть верховном правителе территории. Наверное, если бы он поинтересовался «предводителем» или «вожаком», он получил бы другой ответ. Ибн Фадлан не распознал хазарского кагана в рассказах русов. Но что-то, надо думать, показалось ему знакомым в описании: он счел нужным — без всякой видимой причины — продолжить отчет детальным описанием не менее экзотических обычаев хазарского кагана.

Нет сомнения, что служитель Компании Гудзонова залива на заданный ему кем-то в Саскачеване вопрос, кто его монарх, говорил бы не о своем начальстве в Форт Йорк, но о далеком и никогда им не виденном английском короле, поражая воображение спрашивающего тем, что слышал о блеске Сент-Джеймского двора, и красочно описывая разводы гвардейских караулов. Было бы весьма опрометчиво на основании подобных ответов воображать могущественное государство на берегах Гудзонова залива, оспаривающее королевский титул у Британии.

¹⁹⁰ Ковалевский А. П. *Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: статьи, переводы и комментарии* (Харьков, 1956), 146.

¹⁹¹ Традиция именно такого толкования текста Ибн Фадлана, забытая в новейшей историографии, довольно почтенная. Так, например, А. А. Спицын заметил, что это наименее достоверный фрагмент записки: «Нелепые басни о придворной жизни царя русов (который, по-видимому, смешивается в рассказе с хаканом хозар) получены из очень мутного источника» (Спицын А. А. О степени достоверности «Записки» Ибн Фадлана». *Записки Русского археологического общества*. Нов. сер. СПб., 1899. Т. XI, вып. 1–2, 164).

5. РУСЫ В ИСТОЧНИКАХ

радиция толкования сообщения Бертинских анналов такова, что отдаст предпочтение любым гипотезам перед наиболее очевидными. Это создает впечатление «загадочности» свидетельства и стоящих за ним обстоятельств. В 838 году каган посылает посольство к византийскому императору. По дороге назад посольство опасается встретить врагов и ищет окольных путей домой¹⁹². Чтобы объяснить эти события, вовсе не нужно создавать специальное государство в Восточной Европе и придумывать для него историю длиной в столетие. Обратим внимание, что за два года до этого, в 836 году, каган уже посылал посольство к тому же императору Феофилу. Он просил византийцев построить крепость на Дону, чтобы укрепить границу с печенегами, на которой, «поочередно сменяя друг друга, несут службу три сотни хазарских стражников»¹⁹³. Просьба была удовлетворена, и византийцы возвели для хазар крепость Саркел. Сооружение крепости, дело не моментальное, требующее времени, совершалось «с многими трудами» (в степи не было камня, пришлось строить печи и обжигать кирпич, известь добывать из пережженных речных ракушек). То есть очередное посольство кагана, в составе которого оказались русы-свеоны, появилось в Константинополе в разгар осуществления этого проекта и, вероятнее всего, было связано с хазаро-византийскими переговорами, сопровождавшими строительство Саркела¹⁹⁴.

¹⁹² Дело, кстати сказать, самое обычное: столетием позже византийцы отказались пропустить к хазарам посланника Хасдая ибн Шафрута, везущего письмо к царю Иосифу, под тем предлогом, что дорога туда опасна, а земли контролируются враждебными народами. В итоге письмо доставили в Хазарию тем же путем, которым возвращались и росы в 839 г.: через Германию, Русь и Волжскую Булгарию.

¹⁹³ Наиболее подробно эта история изложена в византийской хронике Продолжателя Феофана (Продолжатель Феофана. *Жизнеописания византийских царей*, 83–84) и у Константина Багрянородного («Об управлении империей», 170–173).

¹⁹⁴ Из хроники Продолжателя Феофана следует, что посольство кагана с просьбой прислать инженера для строительства Саркела прибыло в Константинополь до весны 837 г., когда император Феофил отправился в поход против арабов. Такая же хронология и в хронике Скилицы, уточняющего, что поход состоялся «на следующий год весной» (John Skylitzes, *A Synopsis of Byzantine History, 811–1057*, transl. by John Wortley (Cambridge and New York, 2010), 74–75). С легкой руки А. А. Васи-

Как бы там ни было, сообщение Бертинских анналов под 839 годом о русах впервые выводит этот народ из «киммерийской тьмы» на свет письменной истории. С этого времени сообщения о них у византийских, латинских и арабских авторов становятся если и не очень частыми, то, во всяком случае, регулярными. В источниках русы отразились преимущественно в двух ипостасях: нападающих на прибрежные города жестоких пиратов и предприимчивых торговцев. Эти известия застают русов вне их естественного окружения и за пределами обычной среды обитания. К сожалению, сведения о внутреннем устройстве их сообщества лишены желаемой конкретности.

Еще в XIX веке были введены в научный оборот данные Жития св. Георгия Амастридского о нападении русов на Амастриду, город на южном берегу Черного моря. Русы, по сообщению жития, начали свой поход от Пропонтиды и продвигались, грабя и убивая, вдоль побережья на восток, пока не захватили Амастриду. Как полагал В. Г. Васильевский (и был поддержан последующими исследователями), житие, по всей вероятности, было написано до возобновления почитания икон в 843 году¹⁹⁵. Неоднократно предпринимались попытки точнее определить как дату написания жития, так и дату нападения руси на

льева в литературе надолго закрепился 833 г. как дата посольства кагана (Васильев А. А. *Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии*. СПб., 1900, приложения, 137–138). В литературе последнего времени посольство датируют 839 г. (см.: Constantine Zuckerman, “Two Notes on the Early History of the Thema of Cherson,” *Byzantine and Modern Greek Studies* 21 (1997), 210–215). Если соображения, по которым предложена новая дата, окажутся основательными, очередность двух посольств кагана поменяется, но зато их хронологическая близость и вероятная связь окажутся еще очевиднее. См., впрочем, новейший обзор, возвращающий дискуссию о дате посольства в исходную точку: Juan Signes Codoner, *The Emperor Theophilos and the East, 829–842: Court and Frontier in Byzantium During the Last Phase of Iconoclasm* [=Birmingham Byzantine and Ottoman Studies] (Farnham, Surrey, England and Burlington, VT, 2014), 337–343.

О том, что русы действительно служили кагану и проживали в Итиле, мы располагаем, правда, более поздним, но совершенно ясным свидетельством Ал Масуди.

- ✎ Васильевский В. Г. Русско-византийские исследования: Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. В кн.: Васильевский В. Г. *Труды*, III. СПб., 1915, 77–98 перв. паг.; см. также: Ihor Ševčenko, “Hagiography of the Iconoclast Period,” *Ideology, Letters and Culture in the Byzantine World* (London, 1982), no. 5.

Амастриду¹⁹⁶, не приведшие пока к однозначным результатам. Хронологическая близость жития и сообщения Бертинских анналов искушают исследователей возможностью гадать, не могут ли оказаться два события — военное нападение и дипломатическая миссия — связанными, и если да, то в какой последовательности следует их размещать. Пробовали и так, и эдак. Опыт последующих русско-византийских отношений как будто подсказывает, что заключению «договора любви» (а именно его искали послы русов в 838 году) должен предшествовать военный конфликт. В этом случае нападение русов на Амастриду можно было бы считать первой экспедицией против Византии. Но Игнатий, автор жития, пишет о русах как об уже довольно известном народе («Было нашествие варваров, Руси, народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого»¹⁹⁷). Связывать единой нитью причин и следствий разрозненные события — привычка историков. Стройные цепочки исторических «фактов», как водится, разрушаются источниковедением. Еще в XIX веке высказывалось мнение, что «росский эпизод» Жития св. Георгия Амастридского зависим от гомилий патриарха Фотия. Это означает, что либо житие написано после нападения 860 года, либо какой-то более поздний редактор внес в него интерполяцию под влиянием прочитанного у Фотия¹⁹⁸. Вероятно, вскоре этот эпизод будет фигурировать только в историографических примечаниях, где уже давно место еще одному подобному — о предполагаемом нападении руси на Сурож в первой четверти IX века. Этому второму «раннему» известию о деятельности русов, постоянно фигурирующему в обзорах начальной истории Восточной Европы, мы обязаны историографической традиции, идущей от Васильевского. В одном из чудес при славянском тексте Жития св. Стефана Сурожского рассказывается о походе «рати великой русской» на Корсунь, Сурож и Керчь под предводительством «князя Бравлина» из «Новгорода». Путем отчаянных натяжек в чуде угадывали отражение реаль-

¹⁹⁶ См. из последних по времени обзоров: Warren Treadgold, "Three Byzantine Provinces and the First Byzantine Contacts with the Rus'," *Harvard Ukrainian Studies* XII/XIII (1988/1989), 132–144.

¹⁹⁷ Васильевский В. Г. Русско-византийские исследования, 64.

¹⁹⁸ См.: Филипчук О. *Studia Byzantino-Rossica. Експансія, війна та соціальні зміни* (Чернівці, 2013), 17–31.

ных событий, а эти последние датировали первой четвертью IX века К сожалению, текст легенды настолько поздний (XVI век), что никакой ценностью для ранней истории не может обладать.

В 860 году росы вновь появились у берегов Пропонтиды. События этого ставшего знаменитым нападения довольно хорошо отражены в источниках⁹⁹. Нападение оказалось для византийцев совершенно неожиданным. То ли потому, что от росов не ждали такой дерзкой атаки, то ли (как уверял патриарх Фотий) потому, что вообще не ведали о существовании такого народа. Хронология событий также определяется весьма уверенно. Флот росов из 200 кораблей появился близ Константинополя 18 июня, они высадились на берег и больше месяца, до конца июля или начала августа, опустошали окрестности города и острова в Мраморном море.

Источники, правда, донесли две версии событий. Первая восстает на основании двух гомилий патриарха Фотия «на нашествие росов». Корабли росов картинно проплыли мимо Константинополя, и из города видно было, как грозили росы мечами. Флот пристал к берегу, видимо, южнее Константинополя, и росы неуправляемой толпой бросились грабить пригороды столицы. Жители города считали себя осажденными и со страхом ожидали приступа, но Фотия можно понять так, что нападавшие и не стремились к штурму, удовлетворяясь богатой добычей в окрестностях столицы. Город спасло, разумеется, чудо: как только вокруг стен обнесли ризу Богородицы, варвары тотчас сняли осаду, ликвидировали свой лагерь и удалились так же стремительно, как и прибыли.

Иначе представляют дело более поздние произведения. От штурма и разграбления город спасли вовремя подоспевший в столицу император Михаил III и чудесное заступничество Богородицы: буря разметала суда росов и погубила их силы, а византийская армия докончила дело. Арбитром между двумя византийскими версиями выступают сообщения синхронных латинских источников. Венецианская хроника Иоанна Диякона утверждает, что, разорив окрестности Константинополя, «норманны» триумфально вернулись восвояси. В своем письме

⁹⁹ См. комментированное издание русских переводов: Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках. *Древнейшие государства Восточной Европы: 2000 г. М.*, 2003.

императору Михаилу (865 год) папа Николай I также утверждает, что нападавшие недавно на столицу язычники ушли, не понеся наказания.

Таким образом, нападение росов 860 года не только было совершенно неожиданным, но и осталось безнаказанным. Оба обстоятельства усиливали травматическое впечатление от пережитого. Под его влиянием византийские авторы впервые предпринимают разыскания о росах, их происхождении и стране, их обычаях и образе жизни. Эти сведения находятся главным образом в гомилиях Фотия. Какие-то наблюдения патриарх, вероятно, мог сделать, глядя через городскую стену. Он видел варварский народ (и, понятно, определял его происхождение как «скифское»), дикий, жестокий и языческий. Он говорил о вооруженном «рабским образом» войске, не управляемом единым начальником, что должно было подчеркивать почти стихийную природу постигшего город бедствия. Но другие подробности нельзя было узнать просто наблюдая за бесчинствами росов. Сам Фотий, вероятно, ничего не знал о них до этого момента (чем объяснялись бы его настойчивые уверения, что они — народ незнаемый). Но он навел справки. И выяснил, что росы есть народ «скифский» и «гиперборейский» и происходят «оттуда, откуда [мы] отделены столькими землями и племенными владениями, судоходными реками и морями без пристаней»; что они — «народ, поселившийся где-то далеко от нас, варварский, кочующий». О росах в Константинополе, вероятно, что-то знали (намек на это можно усмотреть в утверждении Фотия, будто росам «некогда казался невыносимым один лишь слух о ромеях» и что прежде их почитали за «народ, не бравшийся в расчет»). Но патриарху для его проповеднических целей было довольно и самых общих сведений: росы живут где-то далеко на севере. Примечательная деталь: Фотий называет росов народом «кочующим». Это можно толковать и как ошибку, и как уничижительную характеристику, и, наконец, как указание на какой-то особый, странствующий, образ жизни.

К моменту написания через семь лет Окружного послания (867 год) Фотий, несомненно, знал уже гораздо больше, но по-прежнему был крайне скуп на подробности. Он признает, что росы теперь стали знамениты (вероятно, это продолжение лейтмотива его гомилий — ничтожный народ тем только и будет известен, что напал на Царствующий град), и отмечает, что еще до нападения они покорили окрестные

народы²⁰⁰. Вероятно, за прошедшие годы византийцам удалось наладить контакты с росами и даже, как утверждает Фотий, крестить их. Это событие, кроме Фотия, подтверждает и хроника Продолжателя Феофана. Два рассказа, как водится, представляют событие по-разному: Фотий утверждает, что росы крестились вскоре после нападения (значит, при нем и императоре Михаиле III), Константин Багрянородный, автор Жития Василия в хронике Продолжателя Феофана, — что при патриархе Игнатии и императоре Василии Македоняnine. Сюжет крещения росов оброс необозримой литературой, испробовавшей, кажется, все возможные толкования и их комбинации. В удвоении сообщения видели переработку сюжета Константином Багрянородным с целью приписать чужие заслуги своему деду Василию, но видели также и достоверное свидетельство повторного крещения росов, уже раз крестившихся при императоре Михаиле. В самих росах, принявших крещение в 860-х годах, опознавали то киевских варягов, то «азовскую русь», то подданных «ладожского кагана». Кажется, единственная возможность, еще не исследованная в литературе, состояла бы в том, что различные сообщения о крещениях относятся к различным группам русов. Впрочем, доверие несомненно должно оставаться на стороне свидетельств современных: Житие Василия написано через столетие после событий, из такого далека нетрудно и обмануться, даже без умысла.

Как видно, в IX веке чаще всего росы попадают в поле зрения византийских источников. Но преимущественно в одном образе: жестоких пиратов, разоряющих прибрежные области империи. Если в соответствующих ведомствах Константинополя и накопили какое-то «досье» на росов, оно никак не отразилось в доступных источниках и, скорее всего, осталось невостребованным: в середине X века Константину Багрянородному придется собирать материалы заново. Впрочем, с 860 года росы больше не беспокоили Византию, а после 867-го и вообще надолго исчезают со страниц источников.

Приходится только сожалеть, что византийские авторы упустили случай поинтересоваться, так сказать, этнографией и социологией росов, удовлетворившись эсхатологически окрашенным представлением

²⁰⁰ *The Homilies of Photius Patriarch of Constantinople*, English translation, introduction and commentary by Cyrill Mango [Dumbarton Oaks Studies, III] (Cambridge, MA, 1958), 98.

о северных варварах. Даже обращение росов в христианство не разбудило их любопытства. Снобизм византийцев только отчасти компенсируется любознательностью другой культурной традиции, претендовавшей на глобальный охват мира: арабов.

Восточные источники также знают этот непривлекательный лик русов — разбойников и пиратов. Первый из целой серии пиратских набегов на южное побережье Каспийского моря состоялся между 864 и 884 годами (упомянут в Истории Табаристана персидского историка Ибн Исфандийара (1216—1217)). Следующие набеги отмечены в 909/910 и 913/914 годах. Об этих двух узнаём и некоторые детали. Первый, вероятно, был разведочным или просто оппортунистическим рейдом, по крайней мере, так можно было бы заключить на основании небольшого числа кораблей русов — 16, принимавших участие в набеге. Тем не менее, даже такими скромными силами русам, как утверждает Ибн Исфандийар, удалось захватить и сжечь Абаскун. Второй набег, наиболее детально описанный ал-Масуди (первая половина X века), был уже впечатляющим: русы вышли в Каспийское море на 500 кораблях и, разделившись на несколько отрядов, стали нападать на города и земли южного и юго-западного побережья. Совладать с ними было невозможно, и они оставались на юге Каспия «много месяцев», а потом ушли беспрепятственно, «когда им наскучило». Поход, по сведениям ал-Масуди, закончился все же плачевно для русов: на обратном пути их перебили хазары.

Вероятно, это все, что можно собрать из событийной истории русов за первое столетие их истории. Внутренняя жизнь их сообщества по-прежнему остается практически недоступной для обозрения. К сожалению, наши источники таковы, что прошлая реальность всегда будет видеться нам в размытых и неясных контурах. С этим, скорее всего, уже ничего не поделать. Попытки увидеть прошлое отчетливее, с мелкими деталями и подробностями, достигаются слишком высокой ценой: заполняя пробелы источников собственными догадками, историки создают картины прошлого, граничащие с мистификациями.

Есть соблазн угадывать за эффектными военными экспедициями действие мощного государственного образования, скрывающегося где-то в лесах Восточной Европы. Думать так понуждает только присутствующая восточноевропейским историографиям традиция мыслить событийную историю исключительно в категориях «государства» и таких

его проявлений, как «военная» и «экономическая» политика, «экспансия», «дипломатия». Напротив, все, что мы знаем об армиях викингов IX–X веков, свидетельствует как раз об обратном: об отсутствии «государственных» акций. Большинство, если не все, нападений викингов, как в Британии, так и на континенте, осуществлялись самостоятельными отрядами, собранными для конкретного похода. При том, что некоторыми из таких отрядов, действительно, могли предводительствовать представители знатных семейств, а конец Эпохи викингов даже знает несколько успешных викингов из королевских родов, — нет никаких оснований утверждать, будто набеги инициировались или координировались политическими образованиями Скандинавии²⁰¹. Знать участвовала в набегах по тем же мотивам военной добычи и воинской славы, что и рядовые викинги, а социальный престиж, ассоциируемый с принадлежностью к знатным родам, обеспечивал их представителям лидирующее положение в армиях.

Также не свидетельствует о государственной поддержке и размах военных экспедиций русов. Вопреки отсутствию формальных структур, армии викингов могли действовать совершенно автономно весьма и весьма продолжительное время. Если в начальный период для викингов были характерны внезапность нападения и быстрота исчезновения, то к концу IX века заметна тенденция к более продолжительным кампаниям. Викинги все чаще переходят от единичных набегов или сезонных кампаний к продолжительным, по несколько лет кряду, военным действиям. Умение обустройства зимних баз, а также эксплуатировать местные ресурсы обеспечивало живучесть армий в перерывах между летними кампаниями. Считается, что в зимний период викинги распределялись мелкими группами по окрестным территориям, сохраняя тем не менее некий центр, куда могли собраться в случае нападения или его угрозы, а после зимовки воссоздавали прежние структуры армии²⁰².

Так, например, в августе 856 года большая армия викингов под предводительством некоего Бьёрна («Берно» в латинской передаче) вошла в реку Сену. На следующий год они построили укрепленный

²⁰¹ Gareth Williams, “Raiding and Warfare,” *The Viking World*, ed. Stefan Brink in collaboration with Neil Price (London and New York, 2008), 198–199.

²⁰² Gareth Williams, “Raiding and Warfare,” *The Viking World*, 199.

лагерь на одном из островов, откуда совершали набеги на Байе, Эвре и другие города. Викинги оставались в своем островном лагере несколько лет, и Карл Лысый ничего не мог с ними поделать. В 859 году в устье Соммы вошла еще одна армия викингов, под предводительством некоего Веланда, которую франки решили использовать против первой. В ожидании оплаты армия Веланда отправилась в Англию, откуда вернулась только весной 861-го. Две армии викингов, впрочем, достигли соглашения и действовали совместно до весны следующего 862 года, после чего отплыли восвояси²⁰³. Таким образом, армия Бьёрна (даже и без своего предводителя) успешно действовала в течение шести лет. Всё это происходило на территории западного франкского королевства, под постоянным военным давлением. Что же говорить о Восточной Европе, где не существовало ни государственных структур, ни военных сил, способных противопоставить себя викингам?

Одним из наиболее показательных примеров поразительной автономности армий викингов служит история так называемой «Великой армии»: флота, первоначально высадившегося в Восточной Англии в 865/866 году, то есть всего лишь через пять лет после нападения руси на Константинополь. Пополняясь новыми отрядами (в том числе «летними армиями»), «Великая армия» просуществовала в Британии тринадцать лет, сокрушив большинство англосаксонских королевств. По крайней мере, часть этой армии все еще была настолько дееспособна к 879 году, что пересекла Ла-Манш и вторглась на территорию нынешних северной Франции и Бельгии. Только в 882 году Карл Толстый смог путем переговоров с лидерами викингов Готфридом и Сигфридом ликвидировать угрозу²⁰⁴. Происхождение викингов этой армии остается предметом дискуссии, но полагают, что изначально она представляла собой союз нескольких флотов, в том числе уже прежде действовавших в Британии в 860-х годах, к которым присоединились викинги из западной Франции, а также Ирландии (один из предводи-

²⁰³ Simon Coupland, "From Poachers to Gamekeepers: Scandinavian Warlords and Carolingian Kings," *Early Medieval Europe*, 7 (1) (1998), 105–106.

²⁰⁴ Готфрид при этом принял крещение, и за него была выдана Гизела, дочь покойного императора Лотаря II, и кроме того викинг получил бенефиций; Сигфриду выплатили огромный выкуп за то, чтобы он удалился восвояси (Simon Coupland, "From Poachers to Gamekeepers," 109).

телей, Ивар, может быть отождествлен с Иваром, конунгом ирландских викингов)²⁰⁵. Исходным пунктом «Великой армии» была не собственно Скандинавия, а те отряды и флоты, которые уже достаточно продолжительное время вели самостоятельную деятельность вне ее.

Таким образом, армии викингов на Западе представляли собой вполне автономные военные и социальные образования, не зависящие от каких-либо политических структур и не нуждавшиеся в их поддержке. Примечательно, что со временем армии викингов имели тенденцию перерастать в иные сообщества. Как свидетельствует Англосаксонская хроника, Хальвдан, брат и преемник Ивара, разделил между своими последователями землю в Нортумбрии для сельскохозяйственного возделывания; так же поступил в Восточной Англии Гутрум, один из предводителей прибывшего в 871 году флота²⁰⁶. О том, чтобы конвертировать военные успехи в какой-то более стабильный и прочный статус, подумывали и многие предводители армий викингов. Известен целый ряд их (в основном, представителей датского королевского рода, среди них и знаменитый Рорик, иногда отождествляемый с летописным Рюриком), пытавшихся в течение IX века обосноваться на территории франкских королевств²⁰⁷. Наиболее успешным из них оказался в самом начале X века Хрольф, получивший в 911 году от Карла Простоватого бенефиций и ставший Ролло, первым герцогом Нормандии.

Нет причин думать, будто нападение руси на Константинополь в 860 году чем-либо существенно отличалось от известных вторжений викингов или преследовало какие-то иные цели. Это был обычный пиратский набег. В самом деле, из его описаний становится ясно, что никаких других соображений, кроме грабежа окрестностей Константинополя, у росов, собственно, и не было. Они не предпринимали попыток вступить в контакт с византийцами, не предъявляли никаких требований, а, удовлетворившись добычей, просто удалились.

✎ Clare Downham, "Vikings in England," *The Viking World*, 342. Напротив, предводителями той части, что в 879 г. переехала во Францию, были, судя по всему, представители датского королевского рода (Simon Coupland, "From Poachers to Gamekeepers," 108).

✎ Clare Downham, "Vikings in England," *The Viking World*, 343.

✎ См.: Simon Coupland, "From Poachers to Gamekeepers," 85–114.

Словом, в этом походе не было ничего, что могло бы указывать, будто за ним просматривается «государственный» интерес или «внешне-политические» устремления.

Что за нападением на Константинополь стоит сильный центр политической власти, часто вычитывали из факта последующего крещения росов, а еще больше — из деталей рассказа об этом в Житии Василия, где фигурируют «страна», «народ», «архонт», «старейшины» и народное собрание, т. е. искомый набор «институтов» всякого раннего государственного образования. Все это, как отметил Игорь Шевченко, принадлежит к числу топики описаний миссии к варварам в византийской литературе: щедрые дары язычникам, желание принять крещение как следствие мирного договора с империей, правитель и его приближенные, исследующие сравнительные преимущества новой и старой веры, проповедь миссионера. В нашем случае, к тому же, все эти сюжетные элементы ведут к кульминации: чуду, окончательно убеждающему варваров в силе христианского бога²⁰⁸. Именно эта миссионерская топка подсказывала исследователям параллели с летописным рассказом о последующем крещении Владимира Святославича — то есть с еще одним образчиком этого византийского жанра, занесенным в летопись, и подводила к мысли, что росов 860-х годов можно вообразить похожими на Русь конца X века.

Достоверно возможно утверждать лишь то, что нападавшие в 860 году на Константинополь росы (или часть их) приняли крещение. Это не было бы событием исключительным и для викингов на западе. Целый ряд их вождей, пытавшихся как-то встроиться в политические структуры западной империи (осесть со сторонниками на ее территориях, выхлопотать для себя бенефиций, получить поддержку в династической борьбе на родине), принимали в 850-х — 880-х годах крещение. То были индивидуальные решения, продиктованные условиями момента и затрагивавшие даже не существенную часть предводимой армии, а, в лучшем случае, узкий круг приближенных²⁰⁹. Очевидно также, что немаловажную роль здесь играли соображения престижа, попытки повысить собственный статус, приобщиться к

²⁰⁸ Ihor Ševčenko, "Religious Missions Seen from Byzantium," *Harvard Ukrainian Studies* XII–XIII (1990), 23–24.

²⁰⁹ Simon Coupland, "From Poachers to Gamekeepers," 85–114.

авторитету королевской власти, покровительствующей христианству. Несомненно, крещение росов после 860 года было сродни этим известным из франкских источников крещениям предводителей викингов. Никакого длительного влияния на Восточную Европу оно не оказало, оставшись эпизодом византийской хронографии. Как только распалась «армия 860 года», исчезло и христианство. Через пятьдесят лет, заключая в 911-м новый договор с русью, византийцы уже не помнили о крещении и видели перед собой только варваров-язычников. Это, кстати, указывает, что преемственности между «армией 860 года» и киевской русью начала X века не было.

Трудно понять, как русы, сами недавние насельники Восточной Европы, могли численно обеспечить флот, состоящий из 200 кораблей (или даже 380, если доверять Иоанну Диакону). Это значительная армия, даже по меркам западных викингов, чьи базы были гораздо ближе к объектам нападений. В ранний период флоты викингов были немногочисленны: Англосаксонская хроника сообщает о трех кораблях в 789 году, девяти в 835-м, тринадцати в 820-м и тридцати пяти в 836-м. Ближе к середине IX века количество кораблей возрастает: сообщается, что флот, разграбивший Нант в 845 году, состоял из шестидесяти трех кораблей; флот Рагнара на Сене состоял из ста двадцати, а флот, штурмовавший Лондон и Кентерберии в 851-м, насчитывал триста пятьдесят кораблей; в 861 году флот, оккупировавший Сену, состоял из двухсот шестидесяти кораблей²⁰. Но и существенно меньшие по размеру флоты оказывались весьма эффективными: флот датчан, атаковавший в 893 году Девон и Корнуолл, состоял из шестидесяти кораблей, в 837-м в Ирландии отмечены действия двух флотов по шестьдесят кораблей, а флот викингов, напавших в 843/844 году на Севилью, насчитывал восемьдесят кораблей²¹.

В литературе высказывались сомнения в достоверности цифр, предлагаемых источниками, в особенности «круглых» чисел кораблей

-
- ²⁰ Simon Coupland, "The Vikings in Francia and Anglo-Saxon England to 911," *The New Cambridge Medieval History*, vol. 2: c. 700 — c. 900, ed. by Rosamond McKitterick (Cambridge, 1995), 194.
- ²¹ Alfred P. Smyth, "The Effect of Scandinavian Raiders on the English and Irish Churches: a Preliminary Reassessment," *Britain and Ireland, 900–1300: Insular Responses to Medieval European Change*, ed. by Brendan Smith (Cambridge, 1999), 4–5, 7–10.

в больших флотах. Однако немало исследователей сходится во мнении, что если не точные подсчеты, то масштаб армий источники передают верно. Если, как полагают, скандинавские корабли вмещали до сорока человек, армии викингов, вероятно, исчислялись несколькими тысячами человек. В нашем случае нападения руси на Константинополь численность армии нужно предполагать около восьми тысяч человек.

Несомненно, такое число не могли поставить восточноевропейские русы. Нужно согласиться с теми исследователями, которые полагают, что — как и всякий набег викингов — поход 860 года на Константинополь был совершен пришедшими из Скандинавии пиратами²¹², ватаги которых в большом количестве проникли накануне событий в Восточную Европу. Но коль скоро так, нужно предполагать, что то не был «стремительный» набег, каковым он казался византийцам, увидевшим только его финальную стадию. Наиболее вероятным сценарием представляется длительное пребывание этой армии на Востоке, быть может даже не один год (подобно «Великой армии» в Британии), и ее медленное продвижение к югу. Во всяком случае, без зимовки и наличия баз поблизости к Черноморскому побережью представить нападение на Константинополь невозможно. Разумеется, археологически подобные временные лагеря и корабельные стоянки практически неуловимы.

О роли собственно русов в этой армии можно только гадать. Едва ли правомерно предположение, что продвижение огромной массы пиратов через Восточную Европу должно было неминуемо привести к уничтожению главных центров русов и серьезному кризису их сообщества, как иногда предполагают²¹³. Скорее наоборот: поскольку именно русы дали имя армии, в них нужно видеть то ядро, вокруг которого организовывались пиратские ватаги. Вероятно, и другие, известные из восточных источников, пиратские походы русов на Каспий были такого же рода предприятиями, где основную массу армии составляли

²¹² Johan Callmer, "From West to East: The Penetration of Scandinavians into Eastern Europe ca. 500–900," *Les centres proto-ubains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*, ed. M. Kazanski, A. Nercessian and C. Zuckerman (Paris, 2000), 74.

²¹³ Johan Callmer, "From West to East: The Penetration of Scandinavians into Eastern Europe," 74.

пришлые с севера искатели добычи, но направляли их и руководили ими восточноевропейские русы.

Итак, набег на Константинополь 860 года и последовавшее вскоре крещение нападавших — это не эпизод из истории Руси (Киевского государства или «каганата русов»), но история армии, которую, по аналогии с «Великой армией» 865 года, можно было бы называть «Армией 860 года». Она, вероятно, просуществовала несколько лет и, распавшись, не оставила по себе заметного следа в Восточной Европе. С такой же «Армией 913 года» мы имеем дело в известном сообщении ал-Масуди: она появилась в Азовском море, затем по Дону и Волге прошла в Каспийское море, длительное время грабила его южное побережье, но на обратном пути была уничтожена в хазарских пределах и растворилась без следа.

Восточным авторам была известна и другая сторона русов: торговцев пушниной, рабами и оружием. Считается, что первым автором, обратившим внимание на эти занятия русов, был Ибн Хордадбех, директор почт в северном Иране, составивший свою Книгу путей и стран до 850 года и затем переработавший ее около 880 года²¹⁴. Фрагмент о купцах-русах находится уже в ранней версии, что, как полагают, делает его труд первым опытом описания дальней торговли русов. Согласно Ибн Хордадбеку, купцы русов везут меха бобра, черно-бурой лисицы, а также мечи «из отдаленных земель славян» к Черному морю, где с них взимают десятину византийские власти. Другой их путь — по Дону через владения хазар (также взимающих десятину), далее — по Каспию. Иногда, утверждает Ибн Хордадбех, они везут свои товары на верблюдах в Багдад и там (вероятно, чтобы избежать уплаты десятины) выдают себя за христиан и платят только подушную подать (джизью). Хотя исследователи, как правило, не высказывают серьезных сомнений в достоверности этих известий, сообщаемое Ибн Хордадбеком (например, торговля русов с Византией или знакомство с христианством) совершенно невозможно в контексте 840-х годов, оно выглядело бы гораздо уместнее столетием позже и заставляет думать: не имеем ли мы дело с поздней интерполяцией?

В самом деле, фрагмент о русах представляет собой вставку в изначальный текст, сделанную между описанием морских и наземных

²¹⁴ J. E. Montgomery, "Arabic Sources on the Vikings," *The Viking World*, 551.

маршрутов раданитов, еврейской торговой компании, контролировавшей в раннем Средневековье торговлю между христианской Европой и мусульманским востоком. Кто бы ни сделал эту вставку (сам Ибн Хордадбех, кто-то из его секретарей или последующий редактор его труда), для нашей темы важно, что на востоке рассматривали сообщество русов как принципиально аналогичное корпорации раданитов.

Похожий коллективный образ русов находим и в трактате Книга дорогих ценностей Ибн Русте, писавшего между 903 и 913 годами. Русы живут где-то далеко на севере, не знают сельских занятий, главный источник их благополучия — торговля пушниной (собольями и белками), но также и работорговля: они нападают с кораблей на славян, берут в плен и затем продают в Булгаре и хазарском Итиле невольников. Мечи у русов — «сулаймановы», то есть франкской работы, и они постоянно носят их при себе. Ал-Масуди, кроме того, сообщает, что русы проживают в столице хазар и составляют значительную часть гвардии хазарского кагана.

Новейший систематический обзор восточных источников о руси позволяет утверждать, что до середины X века они локализируют русов преимущественно к северу от Каспийского моря и вдоль Волги. Это связано, очевидно, как с особенностями географической оптики, так и с тем обстоятельством, что русы становились «видимы» для арабских авторов именно в районе Каспия и нижней Волги. Русы в изображении арабских географов — в основном, купцы и солдаты на службе у хазар. Они весьма далеки от каких-либо устремлений образовать политическую организацию или контролировать ясно очерченную территорию. Из восточных источников также нельзя сделать вывод о том, что существует единый центр, направляющий или контролирующий действия русов. Они фигурируют в текстах в образе компактных групп странствующих торговцев или же участников рейдерских отрядов²¹⁵. Только начиная с середины X века в поле зрения арабских географов попадают (вероятно, благодаря византийскому посредничеству) Киев и русы на Днепре. С этого времени представители так называемой «школы Балхи», то есть последователи Абу Саида ал-Балхи († 934), на-

²¹⁵ Thorir Jonsson Hraundal, *The Rus in Arabic Sources: Cultural Contacts and Identity* (PhD Diss., Centre for Medieval Studies, University of Bergen, 2013), 44–90.

чинают писать о различных «видах» русов, определяемых по их географическому положению (ал-Истахри, Ибн Хаукаль, ал-Мукаддаси)²¹⁶.

Накопленное арабскими авторами «досье» на русов существенно отличается от аналогичных «досье» византийских и латинских источников, где русы, локализованные в ином географическом контексте — Причерноморья и Днепра, действуют как политически и военно консолидированная группа, пытающаяся утвердиться среди народов и держав региона.

Ранние известия о руси в различных традициях (арабской, византийской, латинской, летописной) исследователи по-прежнему склонны рассматривать как фрагменты одной и той же картины. Ее сюжет — единый и непрерывный поток скандинавской инфильтрации в Восточную Европу, венчающийся возникновением Киевского государства. С этого момента все свидетельства трактуются как проявления военной, политической или экономической активности, исходящей из этого единого центра руси. Как кажется, источники позволяют обосновать альтернативный взгляд. Различные «досье» русов могут оказаться не следствием изъяна источников, а отражением действительности: они в самом деле описывают различные и независимые друг от друга сообщества русов, действовавшие в Восточной Европе до самого конца X века.

6. УТЕРЯННЫЙ КЛЮЧ

от, кто даст верное определение названию руси, найдет ключ к ее ранней истории», — сформулировал Александр Брюкнер убеждение науки XIX века.

Все без исключения источники застают русов в Восточной Европе. Большинство из них, однако, дают понять, что русы отличны от природных жителей региона — славян — и родственны более северным народам. Они — пришельцы. Откуда и когда они пришли на Восточноевропейскую равнину, остается предметом дискуссии. Полагают, что разгадать тайну происхождения руси можно, выяснив происхождение их имени.

²¹⁶ Thorir Jonsson Hraundal, *The Rus in Arabic Sources*, 80–83.

Летописец полагал русь народом скандинавским и их прародину размещал в соседстве с другими «варягами». Русь, в его представлениях, такое же региональное или родовое название одного из скандинавских племен, как шведы, готландцы, датчане, норвежцы, англосаксы. Летописец, разумеется, не мог знать, что русь примыкает к ряду названий совсем других народов — финских. По своей форме оно тождественно таким обозначениям, как водь, весь, емь, либь, чудь, сумь. Для филологов это обстоятельство с несомненностью указывает, что слово было заимствовано из финского языка, а его финская форма (по аналогии с сумь < suomi) должна реконструироваться как *guotsi*. Но русь — не финское племя, поэтому именем *guotsi* финны, должно быть, обозначали какой-то скандинавский народ. Какой же? В новейшее время *guotsi* в финском языке обозначает шведов и Швецию. Итак, славяне заимствовали у финнов название, которым те обозначали одну из групп скандинавов, живших на территории современной Швеции. До сих пор все стройно и даже согласуется с географией и историей: финские племена, расположенные между славянами и скандинавами, должны были вступить в контакт со шведами раньше, и, следовательно, их названия для шведов должны были возникнуть прежде славянских.

Но какая же скандинавская форма соответствует финскому *guotsi*? Как называли сами себя те шведы, чье имя заимствовали финны? С этих мест начинаются почти непреодолимые трудности скандинавской этимологии, преодолеваемые только разной вольности предположениями и догадками²¹⁷. Дело в том, что никаких раннесредневековых названий — этнических или географических — с основой *gōs* в Скандинавии не обнаружено²¹⁸. Лингвистам поэтому приходится

²¹⁷ См. обзор проблемы: Gottfried Schramm, *Altrusslands Anfang: historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert* (Freiburg im Breisgau, 2002), 105–107; Andrii Danylenko, “The Name ‘Rus’”: In Search of a New Dimension,” *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 52/1 (2004), 1–32.

²¹⁸ Некогда предлагаемый в таком качестве шведский Roslagen/Rodzlagen (округ на Балтийском побережье, обязанный поставлять определенное количество судов по королевскому указу) известен только с 1493 г. Образование округа связано с системой военной разверстки *leidang*, возникающей не ранее конца XI — начала XII в. (Gareth Williams, “Raiding and Warfare,” *The Viking World*, 199; Guy Halsall, *Warfare and Society in the Barbarian West 450–900* (London, 2003), 89). Древнейшим упомин-

конструировать гипотетические формы: *rodsmen, *rodskarlar, якобы обозначающие гребцов, мореплавателей; или же *rod(e)R со значением «участник морских походов». Вероятно, могут существовать и другие возражения. Это правда, что формы ед. ч. ж. р. на -jь оказываются весьма продуктивными для славянской передачи этнонимов, заимствованных из финских языков. Но известны примеры, никак с финским не связанные. Таковы, например, скуфь (скифы) и сурь (сирийцы). Это, впрочем, книжные слова, адаптированные из греческого. Известны, однако, и вполне «живые» — для передачи названий балтских народов: жмудь/жемоить, голядь, ятвязь. Скандинавская этимология предполагает, что только адаптация из финского могла бы дать в славянском форму русь. Если же заимствования из других языков также производят морфологически идентичные формы, обязательность именно скандинавской гипотезы, строго говоря, исчезает.

Чаша весов в пользу скандинавской этимологии, следовательно, склоняется не ее исключительными лингвистическими достоинствами, а под весом исторических представлений. Она согласуется как с письменными известиями (русь оказывается свеонами и норманнами, еще в начале X века носящими скандинавские имена), так и с археологическими представлениями о постепенном освоении скандинавами Восточной Европы, от Финского залива на юг, вдоль течения Волги и Днепра.

Впрочем, находя поддержку в историческом контексте, в нем же скандинавская этимология обретает и критика.

Исторически гипотеза скандинавского (шведского) происхождения названия русь предполагает три этапа: возникновение самоназвания в среде какой-то группы шведов, профессионально занимающихся мореплаванием; заимствование этого названия финским населением; наконец, передача его славянам. Подобный сценарий будет справедлив при соблюдении одного из двух условий. Скандинавы не должны вступать в прямые контакты со славянами, которые знают

наименование округа считается руническая надпись XI в. из Хувгордена на о. Аделсё, напротив Бирки (см.: <https://www.abdn.ac.uk/skaldic>). Камень поставлен супругами Толиром и Гюллой в честь конунга. Надпись приказал вырезать Хакон, которого связывают с Хаконом Рыжим (1066–1079). Толир называет в надписи себя «брют (фогтом) конунга в Родене», т. е. bryti i roði kunungi.

о них понаслышке только благодаря финнам. Это противоречило бы наблюдаемым фактам. Либо: шведы в какой-то момент должны принять в качестве самоназвания финское имя (выговаривая его без малейшего акцента) и уже с ним явиться к славянам. Подобное событие было бы довольно трудно оправдать.

Письменные традиции, оставившие первые свидетельства об имени руси, согласно указывают, что русь было самоназванием скандинавов именно и только в славянизированной форме. Никаким другим — скандинавским или финским — именем русы никогда не пользовались. В Константинополе, Ингельгейме, Булгаре или Итиле они представлялись исключительно под славянским названием. Требуется, следовательно, еще одно звено гипотезы: шведы в третий раз меняют самоназвание, принимая славянское имя. Происходит все это с калейдоскопической быстротой: по археологическим данным, скандинавы появляются в Восточной Европе во второй половине VIII века, а к 839 году уже называют себя по-славянски русь. Поразительно, но славянское имя возникает и успевает стать самоназванием еще до того, как скандинавы прочно поселяются среди славян: их присутствие на Рюриковом городище археологически прослеживается со второй половины IX века, в Гнездове — с рубежа IX–X веков, наиболее ранние скандинавские материалы Киева и Среднего Приднепровья датируются началом X века.

Если достоинства лингвистически наиболее удачной и, без сомнения, наиболее успешной гипотезы происхождения названия русь настолько скромны, остальные можно оставить без внимания. Вероятно, ключ, о котором говорил Александр Брюкнер, безнадежно утерян. Мы никогда не узнаем, какого происхождения было слово, давшее имя руси, что — парадоксальным образом — только нормализирует его. На Западе скандинавы появлялись под личиной викингов (vikingar), в Византии — служили под именем варангов (Βάρανγοι). Оба названия также не имеют убедительных этимологий, отчего эти сообщества нисколько не теряют в своей исторической осязаемости. Не ясно, насколько наше понимание деятельности викингов или варангов могло бы измениться, узнай мы однажды то слово, из которого развились их названия. Мы все равно утверждали бы, что викинги — это люди, объединяющиеся в пиратские армии для грабежа и разбоя, а варанги — отряд наемников на службе у византийского императора. Русью

называли людей, занятых в Восточной Европе дальней торговлей, и, похоже, это все, что нам необходимо знать об их имени. Нет смысла, по выражению Шлецера, творить из этимологий историю.

Загадка имени — только одна из многих, которые преподносят русы исследователям. Они скандинавы, но не сразу и неохотно признаются в этом. Они обитают где-то в Восточной Европе, но точное место их жительства ускользает от однозначного определения. Не вполне ясно, представляют ли они собой единое сообщество, или под общим именем скрывается несколько групп, действующих автономно на различных торговых путях Восточной Европы.

К сожалению, суждения о происхождении руси, их названия и ранней истории были изначально выстроены вокруг так называемой «норманнской проблемы» или «варяжского вопроса», векового спора об этнической природе — германской или славянской — Древнерусского государства. Жестко заданные рамки полемики принуждали всякого желавшего высказаться по этому вопросу принимать сторону в споре и выбирать между двумя возможностями: русы могли быть либо скандинавами, либо славянами. Ответы более сложные, выходящие за рамки простой альтернативы, представлялись риторически слабыми и демонстрировали уязвимую позицию. «Норманнская проблема», кроме того, была не просто одним из череды академических споров. С ней всегда был связан также некий нравственный и гражданский выбор, по-разному решаемый в зависимости от эпохи. Если «быть норманистом» в общественном мнении XIX века означало разделять охранительные позиции, то в середине XX века официоз угадывался в том, чтобы «быть антинорманистом». Либералы XIX века обозначали свободомысленную, дистанцированную от правительства и патриотическую позу «антинорманизмом»; в XX веке близкие к норманизму высказывания были проявлениями научной фронды и даже мягкого оппонирования режиму. Идеологический компонент дискуссии, разумеется, немало повлиял на качество ответов и решений, предлагаемых в исторической литературе, вынуждая исследователей формулировать свои суждения подчас жестче и определеннее, чем им бы того хотелось.

Помимо идеологии, на существо ответов об этнической природе русов, несомненно, влияли и привычные в XIX и XX веках «ясные» представления науки об этничности и национальности как постоян-

ной характеристике, даваемой от рождения и практически не подверженной изменениям. Альтернатива «скандинавы» или «славяне» представлялась поэтому вполне естественной. Однако убежденность в примордиальной природе этнических определений, естественная еще в недавнем прошлом, все меньше удовлетворяет исследователей раннесредневековой этничности. Внимание исследователей переместилось с понятия этничности на более эластичное и социально обусловленное понятие идентичности. «Скандинавы» и «славяне» суть идентичности, ретроспективно сконструированные исследователями. Раннее средневековье, вероятно, не знало столь абстрактных и столь жестко определяемых «больших» идентичностей. Исследователи «варварских» сообществ предпочитают иметь дело с группами «меньшего» масштаба, реально отразившимися в дошедших источниках. На размышления историков о природе таких сообществ в последние десятилетия существенное влияние оказали подходы антропологов к изучению социальных и культурных идентичностей в современности. Исследователи все больше отходят от традиционных представлений об унаследованной этничности и об этнических сообществах варварской Европы как о постоянных, однородных культурных и социальных группах, объединенных общностью происхождения, языка, обычаев и верований. Предпочтение отдается пониманию идентичностей как сконструированных феноменов, возникающих ситуативно, либо как дискурсивных практик, либо даже литературных конструкторов средневековых авторов²¹⁹. Идентичность в значительной степени ситуативна: из многих ее составляющих элементов в тех или иных обстоятельствах определяющим может оказаться какой-то один, наиболее существенный именно в данных условиях. Определяя себя для внешнего наблюдателя, члены одной и той же группы могут предъявлять разные «верительные грамоты»: в каких-то случаях главным будет общность происхождения, в дру-

²¹⁹ См.: Walter Pohl, "Conceptions of Ethnicity in Early Medieval Studies," *Debating the Middle Ages: Issues and Readings*, ed. by Lester K. Little and Barbara H. Rosenwein (Malden, Mass., 1998), 13–24; Ildar H. Garipzanov, Patrick J. Geary, and Przemysław Urbańczyk, "Gentes, Gentile Identity, and State Formation in Early Medieval Europe," *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe* [Cursor mundi, 5] (Turnhout, 2008), 1–16.

гих — язык, или преимущественное занятие группы, или принадлежность к политическому образованию.

Таким образом, идентичность представляется не застывшей, раз и навсегда установленной категорией, а в значительной степени изменчивой, подверженной постоянным пересмотрам и корректировкам в зависимости от изменяющихся условий, часто даже результатом переговоров между индивидуумом и его коллективом, между группой и ее окружением. Подобные воззрения оказались особенно продуктивны для изучения трансформаций периода миграций на грани Античности и Средневековья. Эти же идеи несомненно применимы и к этничности Восточной Европы, и в особенности к нашему случаю возникающей идентичности сообщества русов.

Почему вообще скандинавам в Восточной Европе не пользоваться своими привычными самоназваниями? Что понуждало, скажем, выходцев из восточной Швеции принять в этом качестве слово из другого языка? И что смена самоназвания может говорить об их идентичности? Отсутствие в Скандинавии производных от предполагаемых скандинавских исходных форм названия русь заставляет думать, что русы / русь — идентичность, возникшая уже на восточнославянской почве и в славянском лингвистическом окружении. Первоначально, как демонстрирует случай с посольством в Ингельгейме, она была комплиментарной: можно было причислять себя к руси и одновременно осознавать свеоном. Но интересно, что обитающие в Восточной Европе выходцы из Скандинавии, похоже, никак иначе и не представлялись внешнему миру. Довольно сложно понять причины притягательности для скандинавов именно русской идентичности. Были ли занятия, ассоциировавшиеся с принадлежностью к руси, особо популярными или престижными? Выше высказано предположение, что русь, вероятно, находится в одном ряду с другими названиями для объединений скандинавов за пределами Скандинавии: викингов, варингов. Если это так, то нужно предполагать, что в названии русь первоначально выражался аналогичный смысл: скандинав становился русином, отправляясь для коммерческих и военных предприятий на «Восточном пути», и оставался русином, пока был на «Востоке». Возвращаясь домой, он оставлял русскую идентичность позади, в Восточной Европе. Однако, при всей вероятной текучести скандинавского элемента в Восточной Европе,

и археологические, и письменные источники указывают, что значительная часть скандинавов оставалась здесь на длительное время, а может быть, и делала выбор в пользу постоянного жительства. Это должно было обеспечивать известную непрерывность и преемственность в жизни сообщества русов, поддержание и трансляцию групповой идентичности. Но также формировать своеобразный этнографический облик этого сообщества, выделяющий русов среди местного населения и в то же время не совпадающий с культурными типами Скандинавии. Постоянство и последовательность, с которыми скандинавы Восточной Европы идентифицируют себя в различных контекстах именно как русь, скорее всего, свидетельствуют о стойком осознании собственного своеобразия. В образе руси мы, следовательно, имеем дело с так называемым фронтирным социумом. Сравнительный материал для понимания подобных сообществ довольно богат, и из него мы знаем, что со временем такие фронтирные идентичности имеют тенденцию этнизироваться, то есть перерастать в осознание отдельной этнической общности.

7. СКАНДИНАВСКИЕ ДРЕВНОСТИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: МЕСТА, ЧИСЛА, ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Как опознать русов?

В литературе последних десятилетий принято отождествлять русов со скандинавами, а скандинавские древности Восточной Европы считать материальными остатками жизнедеятельности сообщества, известного из письменных источников как русы. К тому есть определенные основания. Во-первых, социум русов состоял, если не исключительно, то в очень значительной степени, из выходцев из Скандинавии. Во-вторых, скандинавские древности, в целом синхронные письменным известиям о русах, согласуются с отраженными в письменных источниках преимущественными занятиями русов: войной и торговлей. Вместе с тем, подобное отождествление представляется некоторым упрощением, так как оставляет без ответа многие важные вопросы. Их обсуждение было бы уместно предварить обзором, по необходимости суммарным, из-

вестных из археологии материальных следов пребывания скандинавов в Восточной Европе²²⁰.

Исследователями отмечено парадоксальное обстоятельство: количество скандинавских артефактов Эпохи викингов, обнаруженных на территории Восточной Европы, не просто значительно, — оно намного превышает число находок на западе Европы и даже, например, в Дании. С точки зрения географического распределения, выделяют пять компактных зон концентрации скандинавских артефактов в Восточной Европе: южное Приладожье (с центром в Старой Ладоге); бассейн реки Волхов (с центром в Рюриковом городище); Верхнее Поволжье (с такими центрами, как Сарское городище, Тимерево, Петровское, Михайловское); Верхнее Приднепровье (Гнездово); Среднее Приднепровье (Киев, Шестовица, Чернигов).

Хронологически наиболее ранние следы присутствия скандинавов обнаружены в Старой Ладоге. Поселение возникает около середины VIII века, и скандинавы, если и не являлись его основателями, были, во всяком случае, изначальными жителями Ладоги. На основании дендродат хронология Ладоги Эпохи викингов выглядит следующим образом. Наиболее ранняя фаза (горизонт E3) длилась с ок. 750 года до ок. 830; следующий период (горизонт E2) датируется между ок. 840 и ок. 865; третий период (горизонт E1) завершился ок. 920 года; наконец, последующий период (горизонт D) охватывал собой остаток X века. Изначально Ладога представляла собой небольшое

²²⁰ Нижеследующий очерк опирается преимущественно на несколько обзорных работ: Ingmar Janson, "Warfare, Trade or Colonization? Some General Remarks on the Eastern Expansion of the Scandinavians in the Viking Age," *The Rural Viking in Russia and Sweden*, ed. Pär Hansson (Örebro, 1997), 9–64; Wladislaw Duczko, *Viking Rus'*, 60–110, 155–248; Fjodor Androshchuk, "The Vikings in the East," *The Viking World*, 517–542; Fedir Androshchuk, *Vikings in the East. Essays on Contacts along the Road to Byzantium (800–1100)* (Uppsala, 2013), 11–44. Об археологии Ладоги см.: Кирпичников А. Н. *Старая Ладога — первая столица Руси*. СПб., 1996; об исследованиях Рюрикова городища см.: Носов Н. Е. *Новгородское (Рюриково) городище*. Л., 1990; итоги исследования Гнездова см.: Гнездово: 125 лет исследования памятника [Труды Государственного Исторического музея. Вып. 124], М., 2001; *Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника*, отв. ред. В. В. Мурашева. СПб., 2007. Исчерпывающую сводку находок скандинавских вещей на территории Украины см.: Федор Андрощук, Владимир Зоценко. *Скандинавские древности Южной Руси. Каталог*. Paris, 2012.

(0,5 га) поселение на западном берегу реки Волхов при впадении в нее реки Ладожки. Исследованы два типа жилых построек, интерпретируемых обычно как отражения различных домостроительных традиций: скандинавской (вытянутые с центральным очагом) и местной (небольшие квадратные постройки с очагом в одном из углов помещения). Полагают, что преимущественными занятиями населения Ладоги были торговля и ремесленное производство. В течение второго периода (после ок. 840 года) поселение значительно расширяется: новые строения появляются на северном берегу Ладожки, отчетливо заметны следы кузнечного и ювелирного производства. Поселение в Старой Ладоге изначально не было укрепленным. Известно более позднее укрепление на мысу при впадении Ладожки в Волхов, но время сооружения первоначального форта остается предметом дискуссии. Хотя некоторые исследователи полагают возможным датировать его IX веком, наиболее ранние культурные слои здесь относятся к X веку.

Кроме поселения исследованы несколько курганных групп, в том числе в урочище Плакун на восточном берегу реки Волхов, где открыты погребения, интерпретируемые как принадлежавшие скандинавскому населению Ладоги (среди них камерное, находящее аналогии в древностях южной Скандинавии).

Около середины IX века возникает еще один пункт, где скандинавское присутствие документировано многочисленными и разнообразными находками — современное Рюриково городище в верховьях р. Волхов. Поселение ныне принято отождествлять с изначальным Новгородом. Судя по археологическому материалу — мужские и женские украшения, оружие и предметы, связанные с культом и магией, монеты, — население Рюрикова городища принадлежало к социальной элите. Об особом статусе поселения, вероятно, говорит и тот факт, что оно было изначально основано как укрепленный пункт. Наличие укрепленного городища, нехарактерного для скандинавских поселений, сообщает Рюриковому городищу несомненный восточноевропейский характер. Некоторой загадкой оказывается то обстоятельство, что не обнаружен корреспондирующий поселению могильник, и неясно, где жители «аристократического» Рюрикова городища хоронили своих мертвых. Надо думать, расцветом Рюрикова городища был все же X век, которым датируется преимущественное большин-

ство скандинавских артефактов. Поселение, судя по всему, прекращает существование около 1000 года.

Несколько археологических памятников на Верхней Волге были идентифицированы как места пребывания выходцев из Скандинавии или даже как поселения, основанные ими. Наиболее ранние находки скандинавских артефактов происходят из раскопок Сарского городища возле Ростова. Основанное, вероятно, в VII веке «финно-угорским» населением, в IX веке поселение становится центром дальнего торгового обмена, на что указывают находки восточных монет, а также мужских и женских скандинавских украшений. Как полагают, Сарское городище выделялось на фоне окружающих его поселений не только торговыми занятиями его обитателей, но также и присутствием населения, связанного с военной деятельностью. В X веке укрепленное поселение расширяется, занимая территорию около 2,1 га, а у подножия его появляется небольшое открытое поселение. На противоположном берегу реки Сара обнаружен временный лагерь начала X века, обитатели которого, судя по находкам, были либо воинами (наконечники стрел, кольчуга, иные предметы вооружения), либо торговцами (три восточные монеты, две гирьки).

В районе Ярославля и Владимира известны могильники IX — начала X века возле сел Тимерево, Петровского и Михайловского. Наиболее полно из них исследован археологический комплекс Тимерево, в двенадцати километрах от Ярославля. Он состоит из поселения (5–6 га) и нескольких курганных групп. Судя по находкам восточных монет (в том числе клада, датированного 864/865 годом), жители этого центра также были задействованы в дальней торговле. Значительное количество курганов со скандинавскими артефактами было исследовано поблизости сел Михайловского и Петровского под Владимиром. Погребальный инвентарь во многих случаях находит аналогии в восточной Скандинавии. Расположение всех этих пунктов, а также присутствие в них скандинавского населения единодушно связывают с восточной торговлей скандинавов вдоль Волжского речного пути.

В верховьях Днепра, в шестнадцати километрах от современного Смоленска, известен археологический комплекс вблизи села Гнездово. Он состоит из двух городищ, открытого поселения и большого числа курганных групп. Скандинавские находки происходят как с городища Центральное, так и из курганных погребений, а также от-

крытого поселения. Древнейшая фаза Гнездовского комплекса маркирована находками монет в курганах, наиболее ранние из которых: дирхем 842–843 годов, два дирхема 848–849 годов, а также византийская монета императора Феофила 829–842 годов. Большинство же находок, как монетных (в том числе кладов), так и вещевых, относится к X веку, который есть основания считать периодом расцвета Гнездова. Завершение его жизни было стремительным: после 970-х годов (этот рубеж маркирован выпадением наиболее поздних монетных кладов) активность здесь затухает, и материалы начала XI века связаны уже либо с иным населением, либо с изменившимся статусом поселения²²¹. Большинство исследователей интерпретируют Гнездовский комплекс как «протогородское» поселение, крупный центр дальней торговли, где ведущую роль играли выходцы из Скандинавии, а ближайшие параллели обнаруженным здесь скандинавским артефактам указывают в центральной и восточной Швеции, а также Дании.

Несколько пунктов с отчетливым археологическим следом пребывания скандинавов известны в Среднем Приднепровье. Два из них расположены в нижнем течении Десны. В шестнадцати километрах от Чернигова, ниже по течению Десны, находится археологический комплекс у села Шестовица. В интересующую нас эпоху он состоял из укрепленного городища на мысу урочища Коровель (возникшего до 900 года), значительных размеров поселения, а также нескольких групп курганов, содержащих погребения как по обряду кремации, так и ингумации (в разные годы исследовано около 180 курганов). Находки вещей скандинавского происхождения обнаружены на поселении, но наибольшее их количество, естественно, происходит из раскопок могильников. В настоящее время идентифицировано около тридцати камерных погребений с отчетливыми скандинавскими признаками: особенности обряда, вооружение, ювелирные украшения. В большинстве своем скандинавские артефакты датируются X веком и находят аналогии в материальной культуре юго-восточной Швеции, Дании и Аландских островов. На рубеже X–XI веков в жизни Шестовицкого комплекса произошли какие-то драматические перемены: этим временем на городище и посаде датируется слой сплошного пожара,

²²¹ Ф. А. Андрощук. Гнездово, Днепровский путь и финал Бирки. *Археологический сборник. Гнездово: 125 лет исследования памятника*, 127–128, 133.

после которого площадь поселения не возобновляется, прекращает функционировать и могильник.

В некоторых интерпретациях Шестовицкий комплекс выступает предшественником Чернигова или, во всяком случае, пунктом, где скандинавы появились раньше и составляли значительную часть населения. Впрочем, предложенные в археологической литературе опыты исторического понимания памятника — транзитная гавань на торговом пути к хазарам; лагерь дружинников, при помощи которых первые киевские князья «контролировали» северянский Чернигов; опорный пункт для организации княжеского полудья или далеких морских походов и под. — достаточно произвольны и исходят из зачастую буквального понимания летописной версии образования Киевского государства.

Единственным центром на Десне, достоверно известным из письменных источников, является Чернигов, что несомненно указывает на его главенствующее положение в регионе. Топография памятника для X века, все еще не вполне выясненная, остается предметом дискуссий в археологической литературе. В отличие от Шестовицы, не пережившей Эпоху викингов, Чернигову предстояло стать крупнейшим средневековым городом Руси. Последующая городская жизнь во многом стерла следы древнейшего его существования, с чем, вероятно, и связано то обстоятельство, что наиболее ранние археологические признаки пребывания скандинавов в Чернигове менее отчетливы, чем на соседнем памятнике. Можно утверждать, что в X веке здесь, на мысу при впадении в Десну р. Стрижень, существовало укрепленное городище, а ниже его, вдоль Десны, неукрепленное поселение. Но наиболее известными археологическими объектами Чернигова этого времени являются курганные погребения, расположенные на большой площади вдоль правого берега Десны. Среди них выделяются — даже на фоне современного пейзажа — несколько «больших курганов», исследованных археологически еще в позапрошлом столетии. Выдающиеся размеры курганов, сложный погребальный обряд, а также сопровождающий инвентарь указывают, что похороненные в них люди обладали высоким социальным статусом и принадлежали к воинской элите. Из несомненно скандинавских вещей следует отметить обнаруженные в кургане Гульбище меч с наконечником ножен в стиле Еллингс, а также два меча, ладейные заклепки и бронзовую фигурку

скандинавского бога Тора из кургана Черная могила. Камерные погребения и отдельные вещи скандинавского происхождения известны из находок в различных пунктах вокруг Чернигова: Седневе, Лесковом, Березках, Пересаже.

Наиболее южным пунктом компактного залегания скандинавских древностей является Киев. Во времена, соответствующие Эпохе викингов, здесь, на северо-западной оконечности Старокиевской горы, существовало укрепленное городище Эпохи переселения народов²²². В X веке укрепление служило княжеской резиденцией, о чем свидетельствует ряд каменных построек, исследованных археологически. Соседние возвышенности также были заселены, скорее всего, в виде небольших поселений или хуторов, к которым примыкали курганные группы. У подножия плато, вдоль Днепра, не позже конца IX века возникает обширная торговая и ремесленная, а также портовая часть города, известная из средневековых источников как Подол. Наиболее ранняя дендродата Подола — 887 год, а к первому десятилетию X века была уже распланирована и заселена практически вся верхняя прибрежная терраса. Возникновение Подола знаменует превращение Киева в центр дальнего обмена. Именно этот район раннего Киева в некоторых археологических интерпретациях выступает как наиболее «скандинавская» часть города, самим своим образованием обязанная варягам и их дальней торговле. Вопреки этому, достоверно скандинавские артефакты не обнаружены на Подоле, а происходят исключительно из раскопок погребений. Курганный могильник Киева сильно пострадал в результате последующей строительной деятельности, и его изначальные размеры, а также количество погребений определяются в литературе только предположительно и даже противоречиво²²³. Как и в Чернигове, здесь были именные «большие курганы», три из которых — Аскольдова, Дирова и Олегова могилы — известны из письменных источников и благодаря исключительным размерам просущество-

²²² П. П. Толочко. *Древний Киев*. К., 1983, 26–29.

²²³ См.: Зоценко В. Скандинавские древности и топография Киева «дружинного периода», *Ruthenica* II (2003), 26–52; Андросчук Ф. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева, *Ruthenica* III (2004), 7–47; Толочко П. Историческая топография раннего Киева: реальная и вымышленная, *Ruthenica* VIII (2009), 151–183.

вали в городской застройке, по крайней мере, до XII века. Вероятно, в древности они маркировали центры отдельных групп курганов. То, что, при всей своей действительной грандиозности, киевский могильник не занимал сплошную площадь нагорья, но протянулся в виде отдельных курганных групп вдоль высокой правобережной террасы Днепра, составляет теперь, как кажется, предмет консенсуса. Точное определение этих групп и их границ в настоящее время, вероятно, уже невозможно. Выделяют три крупных концентрации курганных насыпей: к северу от древнего города в районе Кирилловских высот; южнее Старокиевской горы; и могильник, непосредственно примыкающий к древнейшему городищу. Лучшее других оказался изучен этот последний. Здесь обнаружен ряд богатых («дружинных») погребений, совершенных в срубных гробницах и характеризующих этот район Киева как средоточие элитарных слоев населения, связанных с военными и торговыми занятиями. Верхняя хронологическая граница могильника на Старокиевской горе определяется совершенно точно: на рубеже 980—990-х годов здесь разворачивается строительство нового города, в том числе сооружение каменной Десятинной церкви и княжеских дворцов. Но на основании обнаруженных в погребениях вещей, а также монет можно сделать вывод, что активное функционирование могильника прекратилось еще за несколько десятилетий перед крещением. Существовал он, следовательно, в течение жизни двух поколений, с 900 по 950 год.

В целом к числу «скандинавских индикаторов» среди киевских древностей относят как обряд погребения, находящий аналогии в Северной Европе (например, камерные гробницы), так и облик предметов вооружения, украшения в стиле Борре и Еллинг, а также монеты и клады, предположительно поступившие в результате дальней торговли. Одиночные находки скандинавских вещей южнее Киева, в том числе в районе о. Хортица, связывают с активностью руси вдоль торгового пути в Константинополь.

При несомненных следах пребывания скандинавов во всех перечисленных пунктах, следует отметить, что археологические памятники вдоль Днепра и Десны демонстрируют несомненную «восточно-европейскую» специфику, наиболее ярко проявившуюся, например, в наличии во всех пунктах укрепленного городища. Это указывает, что топографическая ситуация в Гнездове, Киеве, Шестовице, Черниго-

ве сложилась до прихода скандинавов, а следовательно, освоение ими речных путей не стало источником возникновения этих центров, как это предполагают для Ладоги и центров на Верхней Волге.

В археологической литературе принято молчаливо отождествлять все древности северного облика в Восточной Европе со скандинавами, а этих последних — с русами письменных источников. Подобное простое решение наталкивается на две проблемы. Первая из них — теоретическая: в какой мере материальные остатки соотносятся с этническими группами древнего населения? Вопреки длящимся вот уже около столетия дискуссиям, в практических интерпретациях археологи продолжают исходить из допущения, что выделяемые в материальной культуре постоянные и повторяющиеся признаки («археологические культуры») должны отражать культурное единство населения, а следовательно, коррелировать с древними народами, этническими общностями, племенами. Идентичность манифестируется в материальной культуре. Подобные убеждения подвергались критике по основаниям собственно археологическим, а также и под влиянием идей, заимствованных из социальной антропологии и социологии. Эти исследования показали, что границы этнических групп и индивидуальных идентификаций могут изменяться в зависимости от времени и места, часто в результате осознанного манипулирования идентичностью в видах экономических или политических²²⁴. В археологической литературе проникновение подобных идей привело к формулированию утверждений о динамической и инструментальной природе идентичностей и о том, что материальная культура могла активно и осознанно использоваться для обоснования и регулирования межгрупповых отношений²²⁵.

Еще сложнее обстоит дело с интерпретацией индивидуальных артефактов, в особенности найденных вне своего естественного окружения. Что вещь определенного культурного круга может говорить об этническом происхождении обладавшего ею человека? Что это: маркер идентичности, демонстрация социального статуса или же просто заморская диковинка, редкая и дорогая вещь? Вот несколько примеров.

²²⁴ См.: Richard Jenkins, *Rethinking Ethnicity: Arguments and Explorations* (London and Thousand Oaks, Calif., 1997).

²²⁵ См.: Siân Jones, *The Archaeology of Ethnicity: Constructing Identities in the Past and Present* (London and New York, 1997), 106–127.

В черниговском кургане Черная могила обнаружена бронзовая фигурка скандинавского бога Тора. Это стало окончательным и неоспоримым доказательством того, что погребенный в кургане — знатный скандинав. В самом деле, что глубже связывает человека с культурой и этничностью, как не религиозные верования? На о. Хельго поблизости от Бирки найдена бронзовая фигурка Будды, изготовленная в северо-западной Индии. Что именно она говорит об этничности владельца раскопанной усадьбы (в особенности учитывая, что здесь же обнаружены навершие ирландского посоха и коптский ковш)? Полагают, что все эти вещи имели «символическое значение» для владельца, но радикальных этнических выводов избегают²²⁶. В одном из женских погребений Бирки середины IX века обнаружено серебряное кольцо со стеклянной вставкой, на которой выгравирована арабская надпись, призывающая имя Аллаха²²⁷. Осознавали ли владельцы этих вещей их религиозный смысл или ценили исключительно за экзотичность?

Вторая проблема — специфически восточноевропейская. Все ли северные древности принадлежат именно русам? Обычно полагают, что да, все скандинавы — русы. Но это то же, что называть всех скандинавов викингами. Уже достаточно давно Ингмар Янссон обосновал идею, что значительное количество памятников на севере Восточной Европы с отчетливым скандинавским присутствием оставлено людьми, чье преимущественное, если не исключительное, занятие состояло в возделывании земли. Это были «деревенские викинги»²²⁸. В Восточную Европу их манили не приключения, но возможность заниматься хлебопашеством в условиях относительно более благоприятного климата и плодородных почв. Подобные люди едва ли могли считать себя русами — странствующими работоторговцами и воинами, как их

²²⁶ Olof Sundqvist, "An Arena for Higher Powers. Cult Buildings and Rulers in the Late Iron Age and the Early Medieval Period in the Mälär Region," *Ideology and Power in the Viking and Middle Ages: Scandinavia, Iceland, Ireland, Orkney and the Faeroes*, ed. by Gro Steinsland, Jón V. Sigurdsson, Jan E. Rekdal and Ian Beuermann (Leiden and Boston, 2011), 174–175.

²²⁷ S. K. T. S. Wärmländer, L. Wählander, R. Saage, K. Rezakhani, S. A. Hamid Hassan, M. Reiß, "Analysis and Interpretation of a Unique Arabic Finger Ring from the Viking Age Town of Birka, Sweden," *Scanning*, 9999 (2015), 1–7.

²²⁸ Ingmar Janson, "Warfare, Trade or Colonization? Some General Remarks on the Eastern Expansion of the Scandinavians in the Viking Age," 9–64.

единодушно изображают различные письменные традиции. Разумеется, миролюбие и этого населения было относительным, о чем говорят многочисленные мечи, найденные во вполне сельских контекстах (что характерно и для Скандинавии), и, вероятно, кто-то из фермеров мог при случае присоединиться к разбойничьему набегу на Каспий или Черное море (собственно, и в Скандинавии основную массу участников викингских походов составляли выходцы из сельской среды)²²⁹. Но все же сельское население привязано к земле, к аграрному циклу посевов и жатв. Оно «неподвижно», в отличие от русов, изображаемых источниками в постоянном движении. Отсутствие сельского хозяйства — повторяющаяся характеристика в описаниях русов. Надо думать, аграрная колонизация и дальняя торговля представляют собой два совершенно различных феномена во внешне едином потоке скандинавского продвижения в Восточную Европу. Разительно отличающиеся занятия, способы жизни, культурный опыт, социальные позиции должны были формировать, в конечном итоге, и различные идентичности.

Сколько скандинавов переселилось в Восточную Европу? О каких численностях можно вести речь? На эти, по видимости простые, вопросы ясного ответа в литературе нет. Любые подсчеты (например, несомненно скандинавских погребений или общего количества артефактов) не только затруднительны, но, ввиду сказанного выше о сложностях интерпретации, в значительной степени лишены смысла. Тема аграрной колонизации имплицитно предполагает вовлеченность больших масс населения. В самом деле, исследователями отмечено, что количество скандинавских древностей в Восточной Европе огромно; распределенные по необозримой территории, они происходят из самых различных контекстов: укрепленных и неукрепленных городских поселений, сельских жилищ, погребений, кладов. Их больше, чем в любом другом регионе скандинавской колонизации, на западе Европы или где-либо еще. Это общее количество — ярких вещей и памятников — также создает видимость массового движения людей.

²²⁹ Fedir Androshchuk, "Vikings and Farmers. Some Remarks on the Social Interpretation of Swords and Long-Distance Contacts during the Viking Age," *The Marital Society. Aspect of Warriors, Fortifications and Social Change in Scandinavia*, ed. by Lena Holmquist Olausson and Michael Olausson (Stockholm, 2009), 93–104.

Переселяясь, люди приносят свой язык и, обретая новую родину, дают окружающему миру свои имена. Они называют места поселений и приметы окружающего ландшафта: реки, холмы, долины, ручьи, заливы морей, придумывая новые имена или перенося те, которыми пользовались на родине. Они приносят с собой новые орудия труда и предметы быта, обычаи, верования и социальные условности, для которых еще нет названия в туземных языках. И даже когда народ исчезает, переселяясь или ассимилируясь в местную культуру и язык, о его былом пребывании еще долго можно судить по сохранившимся названиям.

Мы знаем, что именно таковы были обычаи скандинавов: называть по-своему места и вещи, даже если территории были заселены и названы до них. Принято поэтому считать, что области интенсивного скандинавского заселения коррелируют с ареалами распространения ономастиконов скандинавского происхождения. Более того, для большинства подобных территорий на западе Европы именно данные ономастики, отнюдь не археологические свидетельства, являются главным, а подчас и единственным источником суждений о широкомасштабной колонизации. Язык — гораздо более важный, а главное, устойчивый элемент групповых идентичностей, чем материальная культура. Для нашей темы — оттенить ситуацию в Восточной Европе — достаточно будет бросить взгляд на два эмблематических региона, где скандинавская колонизация была глубокой, продолжительной и приводила к возникновению особого правового статуса или политических структур викингов — Данелаг в Англии и Нормандию в северной Франции.

Данелаг — территория на востоке и севере Англии, завоеванная в IX веке армиями викингов, но и после возвращения под власть англосаксонских королей сохранившая, благодаря притоку новых переселенцев, преобладание населения скандинавского происхождения, особое правовое положение и социальное устройство (откуда и название, буквально — «датский закон») ²³⁰. Первые разделы земли между участниками армий викингов здесь зафиксированы в 876, 877 и 880 годах. Но полагают, что в большинстве своем скандинавская то-

²³⁰ Обзор проблем, связанных со скандинавской идентичностью населения Данелага, см.: D. M. Hadley, "Viking and Native: Re-thinking Identity in the Danelaw," *Early Medieval Europe* 11 (1) (2002), 45–70.

понимика относится к X веку, когда датчане стали делить между собой большие английские поместья, и значительное количество топонимов возникло для наименования наделов, принадлежащих новым собственникам. Общее число скандинавских топонимов в бывшем Данелаге исчисляется тысячами. О замещении предыдущего населения выходцами из Скандинавии или, во всяком случае, о смене собственников земли в Данелаге можно судить по тому обстоятельству, что старых — кельтского и англосаксонского происхождения — топонимов на этой территории сохранилось чуть больше половины²³¹.

Более скромных результатов, как можно судить на основании ономастики, скандинавы достигли в Нормандии. Здесь также состоялся раздел земли между участниками армии, но в целом пришельцы скорее интегрировались в уже существующие поселенческие и землевладельческие структуры, не вытесняя предыдущего населения, и только наименее заселенные территории были колонизированы сплошь. И все же в Нормандии сохранились сотни и сотни топонимов скандинавского происхождения²³².

Повторим: на этом фоне материальные следы пребывания скандинавского населения маловыразительны или даже попросту отсутствуют. Если бы исследователям Эпохи викингов приходилось делать выводы исключительно на основании археологических свидетельств, без вспомоществования письменных источников и данных ономастики, они вынуждены были бы заключить, что на Британских островах или в Нормандии присутствие скандинавов было несущественным.

Ситуация в Восточной Европе совершенно зеркальна. Яркая материальная культура северного облика, отражающая притом все важнейшие аспекты жизни общества (городские и сельские поселения, погребальные памятники, клады), существует в ономастическом вакууме. Восточная Европа не сохранила массовой топонимики скандинавского происхождения²³³. Варяги (или, если угодно, русь) не на-

²³¹ См.: Gillian Fellows-Jensen, "Scandinavian Place Names in the British Isles," *The Viking World*, 391–394.

²³² См.: Jean Renaud, "The Duchy of Normandy," *The Viking World*, 455–456.

²³³ См., впрочем: Рыдзевская Е. А. К варяжскому вопросу. Местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси. *Известия АН, отд. общ. наук*. № 7 (1934), 485–532; № 8 (1934), 609–630.

звали своим именем ни одного города, селения, реки. Они не давали имен приметам окружающего ландшафта: долинам и холмам, ручьям, протокам. Если у них и были в ходу собственные названия (а какие-то несомненно были: например, «русские» названия Днепровских порогов, известные из Константина Багрянородного, или «Суд» — название Босфора), они не смогли навязать их окружающему славянскому или финскому населению. Исследователи Восточной Европы вынуждены судить о проникновении скандинавов исключительно на основании материальной культуры, что, как мы видели, привело бы их западных коллег к несомненному поражению.

Об опасностях, подстерегающих исследователя, кладущего в основу своих выводов только археологические свидетельства, было известно еще на заре истории. С поразительной проницательностью об этом писал Фукидид во вступлении к «Истории пелопоннесской войны» (I, 10):

Если предположить, что город лакедемонян был бы разрушен и в нем уцелели бы лишь святилища и фундаменты общественных зданий, то, как я думаю, через много лет у потомков могло бы возникнуть сильное сомнение, соответствовало ли могущество лакедемонян их славе. А между тем ныне лакедемоняне — владыки двух пятых частей Пелопоннеса и стоят во главе всего полуострова да еще и множества союзников в остальной Элладе. [...] Напротив, если бы афинян постигла та же участь, то по внешнему виду могущество их города сочли бы, пожалуй, вдвое большим в сравнении с действительностью.

Отсутствие скандинавской ономастики в Восточной Европе, вероятно, указывает на общее незначительное количество носителей языка, повседневное жизненное пространство которых, к тому же, оставалось замкнуто в пределах полугородских торговых центров, вытянувшихся вдоль речных коммуникаций. Что же, в таком случае, представляет собой скандинавского облика восточноевропейская материальная культура? Не может ли оказаться, что ее распространению в большей степени способствовала престижность, ассоциация с такими понятиями, как власть и богатство, возможность демонстрации социального статуса, чем стремление сохранить маркеры унаследованной этничности?

В. ДАЛЬНЯЯ ТОРГОВЛЯ СКАНДИНАВОВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Обзоры памятников, ассоциируемых со скандинавской активностью в Восточной Европе, как правило, следуют продемонстрированной в предыдущем разделе «географической» модели описания, при которой внимание перемещается с севера на юг, постепенно добавляя все новые пункты к списку «скандинавских центров», и, неспешно продвигаясь вдоль речных путей, наконец достигает Киева. Весь путь займет почти полтора столетия: от первого появления скандинавов в Ладогe (середина VIII века) до времени, когда они прочно обосновались в Среднем Приднепровье (рубеж IX–X веков). Это создает иллюзию методичности и планомерности проникновения скандинавов в глубь Восточной Европы, последовательного освоения территорий, но также и иллюзию единой коммуникативной сети, в которой все «центры» действовали одновременно и в едином концерте и едва ли не под управлением из одного «центра».

Историки и археологи предпочитают «медленные» описания и «длительные» объяснения. Они выглядят «по-научному», поскольку намекают на «процессы», то есть серии однотипных, повторяющихся событий — предмет твердой науки. Подобные обзоры, однако, вступают в противоречие с тем, как их авторы интерпретируют описанные археологические памятники. Все это, неоднократно напоминают нам, представляет собой инфраструктуру дальней торговли скандинавов в Восточной Европе: центры торгового обмена, пункты зимовки, места стоянки судов, укрепления для «контроля над речными путями». Но дальняя торговля не может быть «постепенной», ее невозможно налаживать в течение ста лет, из году в год продвигаясь еще на сотню верст в направлении конечной цели. Для занятия дальней торговлей необходимо сразу же, буквально в один сезон, пройти «из пункта А в пункт Б» и соединить единым путем два рынка. Зависимость здесь обратная той, которую (может быть, невольно) подразумевают археологические обзоры: не дальняя торговля венчает построение инфраструктуры, но сама эта инфраструктура возникает и усложняется в процессе успешной и процветающей торговли. Таким образом, насколько бы постепенно не накапливались археологически различные материальные следы дальней торговли, ее маршруты, надо думать, были открыты серией стремительных «географических экс-

педиций». Одно из подобных предприятий попало на страницы письменных источников. В 890-х годах норвежец Оттар рассказывал англосаксонскому королю Альфреду Великому о своем путешествии вокруг Скандинавии и Кольского полуострова в Белое море и устье Двины. Предпринял его Оттар потому, что ему «захотелось узнать», как далеко простираются прибрежные земли и живет ли кто-нибудь севернее их²³⁴. Оказалось, что любопытство может приносить еще и выгоду: Оттар обнаружил, что новооткрытые земли богаты моржовой костью, ценимой в Скандинавии и на континенте.

Вероятно, так же скандинавы, исследуя Финский залив, «захотели узнать», что за земли лежат дальше на восток, куда ведут реки и что за народы обитают в глубине земли. Быть может даже, здесь до них дошли слухи о далеких странах «за горами, за лесами, за широкими морями», где серебро дешево, а пушнина и рабы ценятся, и об огромной реке, по которой плывут в те края. Что бы впервые не привлекло скандинавов на север Восточной Европы — добыча меха или какие-то другие устремления, — достаточно быстро они разведали пути к арабскому серебру. Дирхем начинает поступать в район восточной Прибалтики в середине VIII века, и этим же временем датируются первые клады восточной монеты в Швеции²³⁵, то есть путь на восток был открыт практически одновременно с «основанием» Ладоги и задолго до возникновения всех остальных центров, связываемых с дальней торговлей. К 790-м годам, судя по объему прибывающего серебра, торговля с востоком приняла постоянный и налаженный характер и уже не прерывалась, несмотря на взлеты и падения, до самого конца X века²³⁶. В течение последующих ста лет дальняя торговля скандинавов будет вовлекать всё новых людей и всё большие ценности, обзаведется разветвленной сетью опорных пунктов и сформирует специфическое сообщество людей, обслуживающих потоки товаров и денег, — русов.

²³⁴ См. текст: Матузова В. И. *Английские средневековые источники IX–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарии*. М., 1979, 24–27.

²³⁵ Thomas S. Noonan, "Why the Vikings First Came to Russia," *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, Neue Folge 34 (3) (1986), 321–348.

²³⁶ Thomas S. Noonan, "Fluctuations in Islamic Trade with Eastern Europe during the Viking Age," *Harvard Ukrainian Studies* 16 (3/4) (1992), 237–259.

В синтезах ранней истории Восточной Европы, опирающихся на археологические данные, существует тенденция отождествлять инфраструктуру дальней торговли скандинавов с, так сказать, материальным каркасом будущей Киевской Руси и объяснять зарождение политической организации как перерастание «контроля над торговыми путями» в контроль над территориями и населением. Возникшие как центры обмена, объединенные в единую сеть множеством постоянных связей (перетоком ценностей, товаров, людей), пункты экономического доминирования русов естественным образом становятся центрами власти Руси. В некотором смысле, Киевское государство и его территория были очерчены еще до своего возникновения. В самом деле, если возникновение государственности в Восточной Европе есть непосредственным продолжением и следствием постепенного проникновения в земли финнов, балтов и славян скандинавских «искателей серебра», у исследователей возникает тяготение к возможно более детальному слежению за этими «изначальными» процессами: от основания первого «центра» в Ладогe, через освоение Приладожья, Поволховья, распространение скандинавского присутствия на речных путях (главным образом, волжском), закладку торговых факторий, выход к днепровскому пути и, наконец, к обоснованию варягов в Среднем Приднепровье. Только тогда авторы обзоров вместе со скандинавами открывают для себя и своих читателей эту находившуюся за кадром «землю неизвестную». Похоже, с уст исследователей в этот момент готов сорваться удивленный возглас летописных Аскольда и Дира: «Чей это городок?»

В подобных синтезах Среднее Приднепровье, единственная территория, которая когда-либо будет именоваться «Руской землей», оказывается далекой периферией важных и значительных «процессов», совершающихся на волжском пути «из варяг в персы». Но, пространствовал вместе с варяжскими ватагами по всем возможным рекам и волокам севера, едва достигнув Киева, исследователи вынуждены менять перспективу на противоположную. Они как бы переворачивают воображаемую карту на сто восемьдесят градусов и теперь, глядя с юга на север, начинают вести обзор последовательного расширения территории Киевского государства, его обустройства и возвышения. В поле зрения повторно попадают уже обследованные территории Поволжья, Приильменя, Приладожья. Оказывается, так тщательно и с вниманием изученные «процессы» (прокладка и организация

торговых магистралей, основание поселений протогородского типа, этническая конвергенция и т. д.) были ни к чему: русам приходится подчинять себе эти земли «повторно», а значит, к истории Киевского государства все изложенное на десятках страниц не имело никакого отношения. Глядя из Киева, далекие и преимущественно все еще заселенные балтскими и финно-угорскими народами просторы восточноевропейского севера предстают как потенциальные зоны колонизации, которые еще предстоит открыть и освоить, обуздать и упорядочить. С точки зрения последующей истории Руси происходящее на севере Восточной Европы, вдоль торгового пути из Балтики на Каспий, приходится молчаливо признавать какими-то тупиковыми ветвями развития. Действительно, на рубеже X–XI веков, когда Киевское государство начинает осваивать территории севера и востока, затухает коммерческая активность на Волжском пути, фактически прекращают свое существование связанные с ней протогородские центры, а их место заступают основанные наново и на новых местах города, вызванные к жизни совершенно другой системой экономических и политических отношений. «Археологическая» история военной и экономической активности скандинавов на Великом волжском пути — это важная и интересная страница, но раздела под заглавием «Эпоха викингов», а не главы «Возникновение Руси».

В подобных археологических обобщениях, по видимости удачно согласующих наличные материальные и письменные свидетельства, мы угадываем структурное воспроизведение самого влиятельного рассказа о началах Руси — летописного. Призванный на княжение Рюрик водворяется в Ладоге, затем перемещается южнее и основывает Новгород, затем варяги осваивают север (Рюрик велит «рубить» города и раздает кому Ростов, кому Полоцк, кому Белоозеро), затем, много лет спустя, Олег и Игорь совершают путешествие к югу и вселяются в Киеве. А затем? Затем все происходит в обратном порядке: Олег, Игорь и Святослав начинают распространять свою власть с юга на север.

До начала XI века Восточная Европа не была объединена общим пространством экономической деятельности и тем более — общим политическим пространством. Археологические данные свидетельствуют, что в Восточной Европе мы имеем дело не с единой, равномерно покрывающей территорию сетью торговых коммуникаций, а с несколькими разнонаправленными и разновременными магистральями — по су-

шеству, двумя отдельными и функционирующими независимо друг от друга дальними торговлями. Хронологически первой и, вероятно, более мощной была торговая магистраль вдоль Волжского пути — в Булгарию, Хазарию и страны халифата. Она была разведена в середине VIII века, а с конца IX века начала работать с регулярностью конвейера, выкачивая на север Европы арабское серебро в промышленных масштабах. На столетие позже, в конце IX века, другая часть русов, в силу каких-то причин оказавшаяся на кромке восточноевропейских степей, развела новый маршрут — вниз по Днепру, через степи кочевников, в Черное море, Византию и Средиземноморье. Именно с этой днепровской группой русов будет связано возникновение политической организации в Восточной Европе. Группа, занятая дальней торговлей вдоль Великого волжского пути, так никогда и не конвертировала свое экономическое процветание в политическое доминирование.

Восточные авторы, говоря о торговле русов со странами востока, согласно указывают, что привозимые товары русы продают в обмен на серебряную монету. Собственно, только серебро их и интересует, и, как единодушно полагают исследователи, именно стремление получить доступ к хорошему качества полновесной арабской монете и стало главным, если не исключительным, стимулом для открытия дальней торговли скандинавов по Волге. Поставляемые русами товары двигались на юг и восток, а в обратном направлении, на север, текло серебро. В отличие от привозимых на восток товаров, растворившихся без следа, серебряная монета хорошо сохраняется в археологических отложениях, и давно признано, что монетные находки — главным образом клады — служат достоверным отражением торговых обменов. Наблюдения за потоками дирхема позволяют в достаточно тесном приближении судить о хронологии восточной торговли, ее объемах и интенсивности в различные периоды.

Масштабы восточной торговли оказываются грандиозными по любым средневековым меркам. Согласно некоторым подсчетам, только в течение X века в Восточную Европу было вывезено около 125 000 000 дирхемов, то есть в среднем 1 млн 250 тыс. монет ежегодно, или в пересчете на вес — 4875 кг серебра²³⁷. Более половины этого се-

²³⁷ Roman K. Kovalev, "The Infrastructure of the Northern Part of the 'Fur Road' Between the Middle Volga and the East During the Middle Ages," *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 11 (2000–2001), 30.

ребра было затем переправлено в Северную Европу, в район Балтики и в Скандинавию²³⁸.

Как указывалось, начало этой торговли следует датировать серединой VIII века, поскольку именно в это время арабская монета впервые достигает Скандинавии. К концу столетия торговля была, надо думать, уже вполне налаженным предприятием. Однако поток серебра на север не был постоянным. В какие-то десятилетия привозили монеты больше, другие периоды свидетельствуют о падении торговли. Так, наблюдается резкий подъем с 780 по 810 год, затем идет последовательное падение с 820-х по 850-е годы; вновь резкий подъем, до самого высокого в IX веке уровня в 860-е годы, за которыми происходит крутое падение поступления монеты в течение следующих трех десятилетий, наadir которого приходится на 880-е годы. С началом X века наблюдается новый рост торговли, достигающей наибольшего расцвета в середине X века: в 940-х годах поступило почти сорок процентов всех дирхемов за X век. Начиная с 970-х годов объемы торговли постепенно падают, пока наконец поток серебра не иссякает на рубеже X–XI веков²³⁹. Среди десятилетий, маркированных пиками и падениями, мы узнаём знакомые даты: 860, 880, 940, 970, и возникает соблазн связать колебания в торговых отношениях с политическими событиями, известными из летописной версии ранней истории Руси. Воздержимся: самые различные факторы, вплоть до климатических, могли влиять на перепады в дальней торговле.

Какие товары могли служить эквивалентом столь баснословных объемов серебра? Полагают, что Великий волжский путь служил артерией для торговли пушниной. Ценные меха, что хорошо засвидетельствовано письменными источниками, были предметом моды и престижного потребления на Ближнем Востоке; этот неиссякаемый спрос и удовлетворяли скандинавы, привозя на восточные рынки добытые на севере Восточной Европы шкурки соболя, куницы, белки, горностая, бобра. Восточные авторы отмечали, что болгары

²³⁸ Roman K. Kovalev, "Khazaria and Volga Bulgāria as Intermediaries in Trade Relations Between the Islamic Near East and the Rus' Lands During the Tenth to Early Eleventh Centuries: The Numismatic Evidence: Part I," *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 18 (2011), 43–44.

²³⁹ См.: Thomas S. Noonan, "Fluctuations in Islamic Trade with Eastern Europe during the Viking Age," 244–252.

платят русам по два или два с половиной дирхема за шкурку. Чтобы выручить теоретически определяемый объем серебра — ежегодно в 1250 тысяч монет, русам необходимо было продавать от 500 тысяч до 625 тысяч шкурок²⁴⁰. Эти цифры, сопоставимые с объемами экспорта пушнины в позднем Средневековье, кажутся неоправданно высокими. В конце XV века, например, Новгород собирал в своих владениях около 200 тысяч беличьих шкурок²⁴¹. Подобное количество, правда, полагают минимально возможным, ориентируясь, например, на известия о вывозе пушнины Тевтонским орденом или ганзейскими купцами. Так, в конце XIV века ежегодный вывоз Ордена колебался между 40 тысячами и 50 тысячами шкурок, но в 1398 году составил 136 430 шкурок; на следовавшем из Ревеля во Фландрию судне купца Дуббельсона было захвачено 226 780 шкурок; в 1403 году на судне, следовавшем из Риги во Фландрию, было захвачено 208 002 шкурки, из которых 52 689 принадлежало купцам из Дерпта, торговавшим с Новгородом и Псковом; почти такое же количество — 11 бочек или 55–75 тысяч шкурок — было отобрано в Новгороде у дерптских купцов в 1409 году; к концу зимнего сезона 1410 года у ганзейских купцов в Новгороде скопилось 60 бочек, содержащих от 300 тысяч до 400 тысяч шкурок. Приблизительно таким оказывается и московский экспорт XVII века через Архангельск — около 350–360 тысяч беличьих шкурок²⁴². Во всех случаях речь идет о наиболее дешевом и массовом мехе белки. Дорогие меха — соболя, горностая, куницы — исчислялись цифрами на два порядка меньшими, в пределах нескольких сот сороков.

Едва ли в X веке русы способны были заготавливать аналогичные объемы. Поэтому можно думать, что пушнина, важная составляющая восточной торговли, не была исключительным ее предметом. Во всех доступных источниках русы предстают еще и работоторговцами. Ибн Русте и Гардизи (начало X века) отмечают, что русы «нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются и забира-

²⁴⁰ Roman K. Kovalev, "The Infrastructure of the Northern Part of the 'Fur Road'," 33–34.

²⁴¹ Janet Martin, *Treasure of the Land of Darkness: The Fur Trade and its Significance for Medieval Russia* (Cambridge and New York, 1986), 158–159.

²⁴² Хорошкевич А. Л. *Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках*. М., 1963, III–III, 116.

ют их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают», а Ибн Фадлан описал виденный им в Булгаре караван русов, привезших на продажу, наряду с пушниной, еще и большое количество рабов. Рабы — более емкий с точки зрения стоимости «товар», и нужно думать, что значительная или даже преимущественная часть серебра оказывалась в поясах русов в результате работоторговли.

С точки зрения состава кладов различают два периода в восточной торговле, в зависимости от происхождения монет. Первый период — от 750-х годов и до начала X века — ориентирован на дирхемы, чеканенные Аббасидами и в меньшей степени Омейядами. Их источником были преимущественно ближневосточные монетные дворы Ирака и Ирана, а поступали они в Восточную Европу через Кавказ, районы Прикаспия и Хазарию. В течение всего этого времени Среднее Приднепровье находилось вне зоны восточной торговли, осуществляемой вдоль Волжского пути. Никаких свидетельств, что дирхем достигал Киева ранее начала X века, не существует²⁴³.

Второй период, начавшийся в 900-е годы, характеризуется безусловным преобладанием саманидских дирхемов, то есть монет, чеканенных в Средней Азии на монетных дворах Самарканда, Шаша, Бухары, Мерва. Они, как полагают, поступали иным путем: через южное Приуралье и Волжскую Булгарию. Этот второй период, длившийся до конца X века, во много раз превзошел объемы первого: на его долю приходится около 80 % всех дирхемов, поступивших в Восточную и Северную Европу.

Между двумя периодами ясно различима зияющая пустота шириной в два десятилетия, которые в литературе называют «первым серебряным кризисом». По каким-то неясным причинам текущая на север серебряная река внезапно иссякла, и начиная с 875–880 годов ближневосточный дирхем практически перестал поступать в Восточную Европу²⁴⁴. По счастью, именно в это время в Средней Азии происходит возвышение новой династии — Саманидов, утвердившихся в Мавеннарахе и вскоре распространивших свое влияние также и на

²⁴³ Thomas S. Noonan, "The Monetary History of Kiev in the Pre-Mongol Period," *Harvard Ukrainian Studies* II (1987), 394–395.

²⁴⁴ Thomas S. Noonan, "Fluctuations in Islamic Trade with Eastern Europe during the Viking Age," 248; Roman K. Kovalev, "Khazaria and Volga Bulgāria," 44.

Хорасан. Используя обильные серебряные копи, Саманиды начинают чеканку собственных монет. Эти новые дирхемы и станут тем источником серебра, который позволит возобновить торговлю вдоль Волжского пути. Однако дорогу к нему разведают только в 900-х годах, а два последних десятилетия IX века были временем отчаянного поиска новых торговых путей, новых рынков и новых источников монеты.

Двадцать лет — это довольно много; по средневековым меркам, это длительность активной жизни целого поколения, оставшегося не у дел. Можно поэтому предполагать, что, поставленные в безвыходное положение коллапсом восточной торговли, русы не ограничились ожиданием новой волны арабского серебра и поэтому начали исследовать альтернативные возможности. «Серебряный кризис» 880–890-х годов объясняет нам, почему именно в это время русы впервые отклоняются от столетием наезженного пути по Волге и оказываются на Днепре, плывя по которому обнаружат новый рынок для своих рабов и пушнины — Константинополь. Рубежом IX–X веков датируются наиболее ранние археологические следы пребывания скандинавов в Среднем Приднепровье, и к этому же времени относится стремительное превращение дотоле скромных поселений вдоль Днепра в центры дальней торговли, ориентированной на Византию. Лесостепь — гораздо менее продуктивный регион для добычи пушнины: зверя здесь меньше и мех худшего качества, а византийская монета не шла ни в какое сравнение с арабской, и было ее мало. Никакой очевидной привлекательностью для скандинавов и их дальней торговли Среднее Приднепровье не обладало и скорой выгоды не сулило. К тому же приходилось жить в беспокойном соседстве с господствовавшими в степи печенегами. «Искателям серебра» на юге требовалась существенная перестройка привычных порядков: предстояло идентифицировать, что может заинтересовать византийцев и что византийцы могут предложить взамен, как организовать сбор необходимого для торговли товара и как доставить его. Только серьезный кризис и невозможность продолжать традиционные занятия могли побудить к переселению.

Тем не менее, в первом десятилетии X века, как раз когда их волжские коллеги наконец достигнут нового источника арабского серебра, днепровские русы окажутся в состоянии наладить торговлю «с гре-

ками» и вскоре даже подпишут с ними договор, из которого узнают о себе новые и необычные вещи: что их предводителей следует пышно именовать «светлыми князьями» и «светлыми боярами», что правят они страной и у них есть подданные. Это будет первый контакт руси с идеями о власти и государственности. Волжским русам неоткуда будет узнать о себе подобных вещей, да и киевской руси на усвоение урока потребуются почти столетие. Но именно это, в конечном итоге, и предопределило их успех в Восточной Европе.

9. ИБН ФАДЛАН И ЕГО ВСТРЕЧА С РУСАМИ

Весной 922 года к царю волжских булгар прибыло посольство от багдадского халифа ал-Муктадира. В составе посольства находился (в качестве то ли секретаря, то ли одного из посланников) Ахмад ибн ал-Аббас Ибн Фадлан. В дороге он вел дневник, на основании которого составил впоследствии записку о деяниях посольства. По счастливой случайности, во время пребывания посланника в ставке болгарского правителя туда же прибыл торговый караван русов. Эти люди показались Ибн Фадлану настолько замечательными, что он посвятил им значительную часть своей записки. Во время стоянки русов на берегу Волги произошло необычное, пугающее для постороннего, но весьма красочное событие: смерть и пышные похороны знатного руса, сопровождаемые жертвоприношениями, даже человеческими. Вероятно, именно это, кульминационное в рассказе Ибн Фадлана, событие и обострило его интерес к русам, понудив предпринять разыскание об их нравах и обычаях, занятиях и верованиях.

«Записка» Ибн Фадлана оказалась единственным среди всех источников о русах отчетом очевидца. Нам притом повезло: в отличие от других арабских авторов, Ибн Фадлан не был чрезмерно склонен удивлять своего читателя экзотическими сведениями, *mirabilia*, столь любимыми на востоке. Он действительно пытался достоверно передать то, что видел, и то, что слышал о русах. Это, разумеется, не делает его текст совершенно прозрачным: возможности понять и адекватно передать совершенно чуждую культуру были тогда, как остаются и сейчас, ограничены. Что-то из увиденного Ибн Фадлан интерпретиро-

вал по-своему, что-то домысливал, чего-то не понимал. Тем не менее это поразительно отстраненный, почти этнографический отчет внимательного и заинтересованного наблюдателя²⁴⁵.

При всем удивительном — на фоне иных текстов о русах — богатстве и многообразии информации, предоставляемой Ибн Фадланом, его «Записку» длительное время использовали преимущественно как полемическое орудие, выделяя тот ее компонент, который мог участвовать в споре о варяжской проблеме. Ибн Фадлан описывает похороны знатного руса в ладье, что безошибочно опознается как специфически скандинавский обычай, известный по археологическим и письменным свидетельствам. В описанном сообществе русов, следовательно, распознавали не просто выходцев из Скандинавии, но часто даже специально прибывших из Швеции в Булгар торговцев. Этот вывод, достигнутый на основании частичного показания, подталкивал к интенсивной скандинавизации (часто ошибочной в деталях) всего этнографического облика русов. Такой подход, впрочем, все больше сменяется опытами «внимательного чтения» текста Ибн Фадлана и попытками достичь понимания, основываясь на его результатах, а не в рамках уже известных интерпретационных схем.

Каков коллективный портрет русов у Ибн Фадлана?

Это люди, несомненно, принадлежащие к воинскому сословию, и свой статус они даже нарочито демонстрируют постоянным, как утверждает Ибн Фадлан, ношением топора, ножа и франкского меча. Они заняты дальней торговлей (прибывают из «дальней страны»). Торгуют, главным образом, пушниной, но на Ибн Фадлана наибольшее впечатление произвели как работоторговцы, притом на широкую ногу. Пушнину и рабов русы выменивают на серебряную монету, и объемы транзакций оказываются таковы, что у наиболее удачливых скапливаются суммы во многие десятки тысяч дирхемов. (По иронии, именно 920-е годы, как свидетельствует нумизматика, были кризисными — временем резкого падения поступления дирхема в Восточную Европу и Скандинавию²⁴⁶.)

²⁴⁵ James E. Montgomery, "Ibn Fadlān and the Rūsiyyah," *Journal of Arabic and Islamic Studies* 3 (2000), 24–25.

²⁴⁶ Thomas S. Noonan, "Fluctuations in Islamic Trade with Eastern Europe during the Viking Age," 244–245.

Об общей численности виденной им группы русов Ибн Фадлан, к сожалению, ничего не говорит, но упоминание (во множественном числе) кораблей русов и домов, которые русы строят на берегу, должно свидетельствовать о том, что караван имел значительные размеры. Все корабли, притом, прибывают одновременно, значит их владельцы действуют не поодиночке, а, по крайней мере, сезонно объединяются — где-то за пределами нашей картинки — в большие экспедиции. О какой-либо организационной структуре такого каравана Ибн Фадлан ничего не сообщает, и это создает, разумеется, простор для домыслов. Вопреки тому, что в литературе привычно пишут о «предводителе русов» (том самом, которого пышно погребают), Ибн Фадлан говорит во множественном числе о «главарях» или «вожаках» (ра'исах), одним из которых был умерший. Можно думать, что никакого единого «командования» вовсе не существовало, и под «вожаками» следует, вероятно, понимать не просто упоминаемых «богатых» русов, а предводителей кораблей. Судя по ремаркам Ибн Фадлана, на берегу караван воспроизводит ту же структуру, что и в пути: люди каждого корабля строят по «большому дому из дерева», где обитает до двадцати русов вместе с челядью. Иногда, основываясь на упоминании «отроков» (в переводе), пишут о наличии у знатных русов дружины, представляя, по крайней мере, некоторых из них в образе князьков, окруженных вооруженной свитой. Текст «Записки» не дает для этого оснований: «отроками» (гулямами) Ибн Фадлан именует молодых рабов, подобно молодым рабыням («девушкам») привезенных на продажу. Судя по описанию быта в «большом доме», команда корабля состоит не из вождя и его дружины, но из, в общем, равноправных партнеров, каждый из которых торгует своим собственным «товаром». Русы находятся не в финальной стадии военного похода или полюдя, но в торговой экспедиции.

Ибн Фадлан дает понять, что — в отличие от него самого — для местных жителей приезд каравана русов не был неожиданностью. Русы были завсегдатаями в этих местах, а их торговля — явлением, повторяющимся с регулярной периодичностью. Разумеется, Ибн Фадлан не мог знать, как давно установилась эта торговля, но из его сообщения следует, что то было дело обыденное, издавна существующее: болгарский царь традиционно взимает десятину с цены привезенных русами рабов. Путешественник также отмечает, что если «боль-

шие дома» строились русами всякий раз заново, то их капище на берегу было постоянным и идола стояли там даже и в отсутствие русов, ожидая их нового приезда: едва пристав к берегу, русы тотчас же шли туда совершать жертвоприношения богам.

Ибн Фадлан, к сожалению, не сообщает, где располагалась «родина» русов, и его расплывчатое «отдаленная страна» можно толковать самым различным образом. Обычно предполагают, что русы прибыли с севера, спустившись по Волге, но, строго говоря, даже эта, наиболее очевидная, мысль есть не более чем предположение. Мы, далее, не знаем, прибыли ли русы из мест своего обычного обитания, или из той зоны — предположительно на севере Восточной Европы, — где они добывали своих рабов и свою пушнину. Но некоторые подробности рассказа Ибн Фадлана заставляют думать, что — в том виде, как он их застал — русы если и не сформировались в Восточной Европе, то к 920-м годам представляли собой эндемическое сообщество для этой части мира. На это, в частности, может указывать большое число женщин в их караване, в том числе достаточно высокого статуса: жен богатых русов. Это, в свою очередь, должно намекать, что экспедиция не была ни опасной, ни особенно трудной или протяженной. «Отдаленная» для Ибн Фадлана, страна русов должна была располагаться не так уж и далеко. Виденные Ибн Фадланом русы представляют собой гендерно полное общество, что предполагает известную «оседлость» и укорененность в этих краях. Во всяком случае, Ибн Фадлан описывает сообщество, чьи судьбы — и жизнь, и коммерция — прочно связаны с Восточной Европой.

О том же говорит и «этнографическое досье» русов. При несомненном общем скандинавском облике (наиболее яркими чертами которого выступают погребальный обряд, вооружение и руническая письменность²⁴⁷), из описания Ибн Фадлана вырисовывается картина общества, находящегося в процессе культурной и этнической адап-

²⁴⁷ Если, разумеется, именно так интерпретировать редко комментируемое (и никогда издателями) сообщение Ибн Фадлана о том, что на вершине погребального кургана установили деревянный столб с именами погребенного руса и «царя русов» (Omeljan Pritsak, *The Origin of Rus'* (Cambridge, Mass., 1981), 306). Колебания издателей понятны: до археологических раскопок на территории Бриггена (Берген, Норвегия), обнаруживших большое число надписей на деревянных предме-

тации. Это, в общем, характерно для скандинавских сообществ, демонстрирующих поразительную, «хамелеоноподобную» способность приспосабливаться к новому окружению и интегрироваться в него²⁴⁸. Примечательно, что — кем бы ни были русы в предыдущих поколениях — расспросы Ибн Фадлана не установили никакой другой их групповой идентичности кроме «русской». Информаторы Ибн Фадлана из числа местных жителей знают их только как русов, да и сами они не могут или не считают нужным каким-либо образом уточнять, смягчать или нюансировать это определение (подобно тому, как столетием ранее еще могли делать русы в Ингельгейме). Такого рода «гибридные» этнографии и групповые идентичности, вообще говоря, явление характерное для адаптивных стратегий фронтирных сообществ. Наиболее яркой (и лежащей на поверхности) аналогией здесь оказываются запорожцы, в самом конце XVIII века переселившиеся на Северный Кавказ и уже через несколько поколений демонстрировавшие многие этнографические приметы горских народов. С нашим раннесредневековым случаем русов их роднит и то обстоятельство, что в новых условиях определяющей групповой идентичностью оказалась производная от первоначального занятия — казаки, со временем приобретающая все больше черт этнического определения и к началу XX века едва не переросшая в национальную стадию.

Благодаря своей наиболее ценной черте — непредвзятой описательности — «Записка» Ибн Фадлана не предлагает никакой рамочной «истории» для русов. Наиболее сложной задачей поэтому является интеграция его сведений в общую картину политического и территориального развития Киевского государства. В своих главных чертах она все еще опирается на летописный рассказ. Летопись не знает никаких иных русов кроме киевской руси, а история территориальной экспансии их князей представляется единственным сюжетом, совершающимся в Восточной Европе. Так же, по существу, представляет дело и наука, полагая, что все свидетельства о русах, находимые вне летописи, обладают дополнительностью к ее сообщениям и при некотором усилии должны найти свое естественное место в известной

тах, существовали сомнения в том, что для рунических надписей мог использоваться другой материал, кроме камня.

²⁴⁸ James E. Montgomery, "Ibn Fadlān and the Rūsiyyah," 23–24.

из нее истории. Полагают, что к 920-м годам, когда Ибн Фадлан наблюдает русов на средней Волге, Киевское государство уже совершило военные походы на Византию и Каспий, давно и прочно доминирует на всем огромном пространстве Восточной Европы, покорив восточнославянские племена, контролирует сеть речных путей и торговлю вдоль них. Поскольку никакого пространства для иных «историй» здесь не находят, полагают, что встреченные Ибн Фадланом на Волге русы должны быть каким-то образом связаны с Киевом. В них видели либо торговых эмиссаров киевского князя, либо его дружинников, совершающих сбор дани в пользу своего князя и затем ее сбыт в Булгаре, но в любом случае подвластных киевскому князю варягов.

Два препятствия не позволяют принять подобную точку зрения: во-первых, как увидим ниже, представления о необозримой территории Киевского государства в начале X века невозможно обосновать достоверными свидетельствами; во-вторых, ничто в «Записке» Ибн Фадлана не дает оснований связывать виденных им русов с каким-либо политическим образованием. Последнее обстоятельство может быть недостатком именно его свидетельства. Но Ибн Фадлан все же пытался что-то разузнать о, говоря современным языком, политических структурах русов, и оказалось, что кроме расплывчатого представления о том, что они действуют в сфере, где верховным властителем является хазарский каган, русы ничего определенного не могли сообщить путешественнику. Они не рассказали ни о своей столице (Киеве), ни о своем князе (киевском), ни о том, что ему подчинены многие славянские племена, на которых он ходит то военным походом, то в дань. Разумеется, это аргумент *ex silentio*, но умолчание можно истолковать и так, что об этом городе и этом князе встреченные Ибн Фадланом русы ничего не знали. Похоже, что русы Ибн Фадлана вообще не встроены в какую-либо политическую структуру. Территориально можно вообразить их в одном из археологически исследованных центров скандинавского присутствия — Ладоге, Рюриковом городище или — даже с бóльшим основанием — в одном из скандинавских виков Верхнего Поволжья. Они действуют на «ничейных» территориях восточноевропейского севера, в «зазоре» между сферами прямого политического действия соседних государств. Именно несомкнутость политических границ делает возможной их существование как отдельных сообществ и их посредническую дальнюю торговлю.

9. Ибн Фадлан и его встреча с русами

В самом конце X века картина решительно изменится. Распространение власти киевских князей на эти территории будет означать конец деятельности дотоле автономных групп русов, исчезновение их опорных пунктов и всей независимой восточной торговли, процветавшей в течение двух с половиной веков. Множественные истории русов сменит единая история Руси.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КИЕВСКАЯ РУСЬ:
ОТ ТОРГОВОЙ КОМПАНИИ
К ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ КАРТЫ

аши представления о том, что представляло собой «Киевское государство» в конце IX и большей части X века, да и само понимание этого образования как именно государства в значительной степени сформировано историческими картами. Визуализация истории в виде карты, то есть совмещение в одном изображении знания о прошлом с физическим ландшафтом, в котором оно предположительно совершалось, ныне принадлежит к числу наиболее эффективных инструментов обучения истории. Исторические карты предлагают уже в начальной школе, когда апелляция к зрительным образам оказывается действеннее недостаточно развитых навыков работы с текстами. Ребенка учат умению читать карту и конвертировать ее в связный рассказ о прошлом. То есть, по существу, обучают процедуре, обратной той, при помощи которой исторические карты создаются: от текста к графическому отображению.

Одним из следствий подобного обучения оказывается склонность представлять феномены прошлого в виде картографических конвенций. Главная из них состоит в том, что события, процессы и явления прошлого имеют пространственное измерение и могут изображаться только как территориальные феномены. «Племена», политические организмы, государства и т. д. выглядят на карте то как сплошные цветовые пятна, то как зоны штриховки, то как пространства, ограниченные четкими линиями границ. Исторические карты, судя по всему, берут свое начало из политической картографии, нового разряда дисциплины, возникающего в XVI веке. В это время европейские правители осознали, что точное и детальное знание подвластных земель, их особенностей и границ представляет собой действенный инструмент консолидации контроля над территория-

ми. К середине этого столетия наука картографии становится важным элементом государственного управления, а возрастающая опора централизованных государств на картографическое знание приводит в течение следующего XVII века к усовершенствованию картографических техник²⁴⁹. Так впервые возникают карты, не только отображающие реальности физического мира — массивы суши, реки, горы, моря и океаны, острова, но и помещающие поверх этих природных феноменов явления политического порядка: границы государственных образований, их территории, города, названия провинций и народов, их населяющих. Именно тогда возникают графические конвенции, призванные передавать средствами картографии формы человеческого общежития, и прежде всего государства. Новые изобразительные инструменты позволили сделать и следующий шаг: раз возможно изображать нынешние государства и народы, следовательно, можно воспроизводить и их предыдущие состояния, и даже картографировать исчезнувшие племена и империи, переведя на язык карты известия исторических источников.

Обычно полагают, что первый исторический атлас был опубликован в Антверпене Абрахамом Ортелиусом между 1579 и 1595 годами под названием *Parergon* (приложение к его универсальному географическому атласу *Theatrum orbis terrarum*)²⁵⁰. *Parergon* содержал сцены из библейской и классической истории — исхода из Египта, странствований Авраама, св. Павла, аргонатов, а также походов Александра Великого и карту Римской империи. Впрочем, Ортелиус еще определял жанр своих карт как «древняя география», а его опыт не породил устойчивой традиции. Как осознанно самостоятельная ветвь картографии исторические атласы появляются только в начале XIX века²⁵¹.

²⁴⁹ См.: *Monarchs, Ministers, and Maps: The Emergence of Cartography as a Tool of Government in Early Modern Europe*, ed. by David Buisseret (Chicago, 1992).

²⁵⁰ См.: Jeremy Black, *Maps and History. Constructing Images of the Past* (New Haven, 2000).

²⁵¹ Walter Goffart, "When did Historical Atlases Really Originate?" *Mappa Mundi: Mapping Culture, Mapping the World*, ed. by Jacqueline Murray (Windsor, Ont.: Humanities Research Group, University of Windsor, 2001), 19–34; см. также общий очерк развития исторической картографии: Walter Goffart, *Historical Atlases. The First Three Hundred Years, 1570–1870* (Chicago, 2000).

Одна беда: набор технических приемов был выработан и приспособлен для отображения политических реалий европейского Нового времени, прежде всего территориальных централизованных государств. Перенесенные в прошлое, эти приемы неизбежно уподобляли всякое политическое образование древности государствам Нового времени, выставляя на передний план главную или даже единственную его характеристику — территориальность.

Нет сомнения, что люди, незнакомые с картой, мыслят пространство по-другому. Пространство для них — не абстрактная и безликая категория, не пятно на карте, но физическая реальность, весьма конкретная и бесконечно разнообразная в своих проявлениях. Археологи хорошо знают, что люди расселяются не сплошными и равномерными «пятнами» (хотя на картах именно так изображают распространение археологических культур), а соотносятся с природными условиями, занимая горные или речные долины, побережья морей и заливов; обитаемые зоны изолированы горными хребтами, водоразделами рек и лесными массивами, проливами, и, следовательно, «реалистическое» изображение выглядело бы в виде тонких и разъединенных цепочек поселений. Так же и историки знают, что большинство (если не все) политических образований древности не озабочены контролем абстрактной — картографической — территории. Они властвуют не над физическим пространством, но над людьми: подчиненным населением, данниками из числа соседних племен, поработанными народами или даже индивидуально над их царьками. Такое господство может осуществляться «дистанционно»: при помощи цепи крепостей или замков, между которыми — огромные «чужие» территории, но на карте, разумеется, сеть укрепленных пунктов будет определять некую «зону», выделенную цветом, а то еще и обведенную линиями «границ». «Власть» может принимать форму периодического посещения подвластных народов и получения символических подарков или реальной дани. На карте маршруты поездок правителя будут выглядеть как территория его государства.

Исторические карты представляют собой один из способов упорядочивания хаоса прошлого, сведения его к фиксированным, осязаемым чертам, не подлежащим множественности толкования. В этом смысле они сродни другим известным приемам систематизации знания: словарям, глоссариям, энциклопедиям, конкордансам, словом —

справочникам, где содержится сумма установленных, непротиворечивых, обезличенных и удостоверенных сведений²⁵². Свой авторитет исторические карты черпают в общих представлениях о европейской картографии как о научной, сугубо технологической дисциплине, где нет места субъективизму и идеологии. Карта обещает честное и верное отображение реальности, и это отношение переносится на исторические карты. Карты, впрочем, оказываются не так просты, и, как и всякое порождение человеческой культуры, на самом деле они теснейшим образом связаны с эстетическими ценностями своего времени, идеологическими представлениями, заблуждениями, политическими идеями, предубеждениями и умственными привычками своего века²⁵³.

Канон картографического отображения ранней истории Киевской Руси установился, судя по всему, после Второй мировой войны и с тех пор не претерпел существенных коррективов. Совершенно аналогичные по содержанию карты встретим и в сугубо учебных атласах для школы, и в серьезных академических изданиях. Как правило, нам предлагают либо две карты — «Восточные славяне накануне образования Киевского государства» и «Киевская Русь в IX — начале XI века» либо их амальгаму, соединяющую в едином изображении оба хронологических слоя.

Что мы видим на этих картах? Пространство Восточной Европы размечено названиями летописных племен, а их совокупная территория выглядит как сплошное цветковое пятно, как бы намекая на естественные пределы, положенные для будущего «молодого восточнославянского государства». Все это пространство с севера на юг пересекает Путь из варяг в греки. В его северной оконечности, совмещаясь с названиями новгородских словен и кривичей, будет обозначена территория северного «государственного объединения» с центром в Новгороде; на юге, в районе названий полян, северян и древлян, мы различим «государственное объединение» с центром в Киеве (иногда их даже бесхитростно именуют «государство Рюрика и Олега» и «госу-

²⁵² Denis Wood and Jon Fels, *The Natures of Maps: Cartographic Constructions of the Natural World* (Chicago, 2008).

²⁵³ См.: John B. Harley, *The New Nature of Maps: Essays in the History of Cartography* (Baltimore, 2000); Denis Wood and Jon Fels, *The Natures of Maps: Cartographic Constructions of the Natural World* (Chicago: University of Chicago Press, 2008).

2. О росах, отправляющихся с моноксилами из Руси в Константинополь

дарство Аскольда и Дира»)²⁵⁴. Эти — еще не соприкасающиеся — территории объединит затем линия похода Олега 882 года вдоль Пути из варяг в греки. Дальнейшее распространение Киевского государства будет изображено как присоединение первыми князьями восточно-славянских племен, часто даже с обозначением направлений походов и их летописными датами. Финал этой истории — практически полное к началу XI века совпадение границ Киевской Руси с территорией расселения летописных племен.

Исторические карты, оказывается, рассказывают нам знакомую повесть: это все тот же летописный рассказ²⁵⁵, средневековая *origo gentis*, но переведенная на язык пространственных и территориальных терминов.

2. О РОСАХ, ОТПРАВЛЯЮЩИХСЯ С МОНОКСИЛАМИ ИЗ РУСИ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Исходо источников, на основании которых восстанавливаются начальные этапы истории киевской руси, крайне скудно. По существу, таковых всего четыре, и все они — византийского происхождения. Это фрагменты двух сочинений ученого императора Константина Багрянородного, известных как «Об управлении империей» и «О церемониях византийского двора», и два договора Византии

²⁵⁴ На некоторых картах могут быть изображены, кроме того, две зоны взимания дани в Восточной Европе: варягами на севере и хазарами на юге, предшествующие двум «государственным образованиям». Карты, впрочем, подвержены также и идеологической правке. В зависимости от текущих предпочтений, от того, кто считался «меньшим злом» древнерусской истории — варяги или хазары, — могли не обозначать одну из них, или даже обе, если начинали преобладать идеи «внутренних факторов» возникновения государственности. По этим же основаниям могут отдавать предпочтение южному «полянскому» государственному образованию перед «варяжским» на севере.

²⁵⁵ Зависимость содержания карт от летописи становится еще очевиднее, если мы обратимся к родоначальнику всех последующих опытов картографирования древнерусской истории — атласу, опубликованному в 1831 г. Иваном Ахматовым (*Атлас исторический, хронологический и географический Российского государства, составленный на основании Истории Карамзина Иваном Ахматовым*. Ч. 1. СПб., 1831).

с русью — 911 и 944 годов. Из них только один текст — «Об управлении империей» — принадлежит к числу описательных, то есть представляет собой попытку изложить сведения о местонахождении, внутреннем устройстве и занятиях сообщества росов. С него и стоит начать.

Известия о росах сосредоточены, главным образом, в начальных разделах сочинения, описывающих, как мы сегодня сказали бы, геополитическую ситуацию к северу от побережья Черного моря. Наиболее важным (потому что опасным) народом в этой части мира Константин считал печенегов («пачинаков», «пачинакитов»), и именно в контексте отношений различных народов с печенегами и влияния, которое эти отношения могут иметь на благополучие и спокойствие Империи, описывал, между прочим, и росов²⁵⁶.

Оказывается (глава 2), что росы достаточно близко соседствуют с печенегами (из последующего (глава 37) выясняется — в одном дне пути от правобережных печенежских «фем», именуемых Харавой и Иавдиертим). Печенеги, по свидетельству Константина, часто грабят Россию, «нанося значительный вред и причиняя ущерб»²⁵⁷. Поэтому росы «озабочены тем, чтобы иметь мир с пачинакитами». Кроме того, они зависимы от печенегов материально (покупают у них «коров, коней, овец и от этого живут легче и сытнее, поскольку ни одного из упомянутых выше животных в России не водилось»), а главное — любая враждебность печенегов совершенно обездвиживает росов. Они оказываются заперты в своей «России» и не могут отправиться ни в военный поход, ни по торговым надобностям: «так как пачинакиты имеют возможность — в то время когда росы удалятся от своих [семей], — напад, всё у них уничтожить и разорить».

Отношения между росами и печенегами, как их описывает император, явно неравноправны: доминируют печенеги, а росы нуждаются в них и опасаются их немилости:

²⁵⁶ О печенегах в трактате Константина Багрянородного см.: Коновалова И. Г. Печенежское досье Константина Багрянородного. Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Папуто. М., 2009, 139–146.

²⁵⁷ Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.

[...] росы всегда питают особую заботу, чтобы не понести от них вреда, ибо силен этот народ, привлекать их к союзу и получать от них помощь, так чтобы от их вражды избавляться и помощью пользоваться.

Словом, именно печенеги представляют собой ключевой народ среди северных варваров, остальные — росы, «турки» (мадьяры), «булгары», «херсониты» — описаны Константином (главы 3–8) только исходя из влияния, которое на них оказывает дружба или вражда печенегов. Главная мысль этих глав состоит в том, что печенеги всегда и при любых условиях способны военно преобладать над мадьярами, болгарами и росами, могут совершать набеги на Херсон и Климаты, но в то же время (будучи достаточным образом стимулированы) оказываются для «херсонитов» действенными посредниками во взаимоотношениях как с этими народами, так и с хазарами.

Пока мы еще находимся в этом панорамном кадре, отметим одну «странность» описания Константина, а именно: полное отсутствие темы, достаточно ярко отраженной в Начальной летописи, а в ученых трудах ставшей едва ли не главным сюжетом ранней истории Руси, — гегемонии в землях восточных славян Хазарии и противостояния с ней возникающего Киевского государства. Именно в соперничестве с крупнейшей державой региона — Хазарским каганатом — традиционно изображают становление Руси, отвоевывавшей для себя жизненное пространство внутри некогда хазарских территорий. Хазары, составляющие в трактате императора центр совершенно другой констелляции народов, описаны (главы 10–12) во взаимосвязи с узами, аланами, «черными булгарами» и византийскими владениями в Северном Причерноморье. В «мире согласно Константину» росы и хазары вообще не соприкасаются, так как живут в различных мирах. Никакого политического или военного влияния друг на друга они не могут оказывать, а потому ни разу не упомянуты вместе или в какой-либо связи друг с другом. Притом Константин весьма осведомлен о хазарах, и не без причины: они могут представлять непосредственную угрозу византийским владениям (Херсону, Климатам, Боспору). Поэтому «хазарская» и «печенежская» констелляции описаны зеркально: печенеги активно влияют на соседние народы ради блага Империи; хазары, напротив, — объект воздействия окружающих племен, войной или угрозой войны удерживающих их от возможного вреда Империи. Но ни разу среди народов, способных как-то ущемить хазар или уже

имевших подобный опыт в прошлом, Константин не упоминает росов. Он нигде не дает понять, что росы и хазары соперничают за территории или хотя бы находятся в сколько-нибудь близком соседстве, способном спровоцировать конфликт. В представлениях Константина живущие в «верховьях Днепра» росы и живущие на нижней Волге и в Предкавказье хазары настолько удалены друг от друга, что сама география требует регистрировать их по различным «ведомствам». Единственный намек на какие-то отношения, скорее всего торговые, между хазарами и росами содержится в 42 главе «Об управлении империей», представляющей собой «землеописание» побережья Черного моря. Здесь Константин отметил, что к северу от Меотиды находится «река Днепр, от которой росы продвигаются и в Черную Булгарию, и в Хазарию, и в Мордию».

Оговоримся: Константин знает только днепровских росов. В отличие от него, единственный доступный нам хазарский источник — письмо царя Иосифа (по совпадению, написанное почти тогда же, в конце 950-х) — знает только русов, действовавших вдоль Волги. Единственный контекст, в котором они упомянуты в Еврейско-хазарской переписке — охрана хазарами устья Волги, спускаясь по которой на кораблях русы могут прорваться в Каспийское море для грабежа мусульманских владений²⁵⁸. О существовании росов на Днепре, об их контактах с Византией, как и о давней «борьбе за гегемонию в Восточной Европе» между русами и хазарами, царь Иосиф даже не подозревает.

Все это означает, что наши традиционные суждения о политическом ландшафте первой половины X века, где главными действующими лицами оказываются утверждающееся «Киевское государство» и постепенно оттесняемый им в историческое небытие, слабеющий Хазарский каганат, неверны. «Хазарский контекст», в рамках которого многие исследователи склонны рассматривать возникновение Руси, оказывается не только не главным, но, вероятно, и совершенно иллюзорным. В трудах историков политическое, военное и идеологическое противостояние киевской руси и Хазарского каганата, возникнув в самом начале IX века, к моменту составления «Об управлении империей» насчитывает больше ста лет. В середине X века Хазария уже не

²⁵⁸ Коковцов П. К. *Еврейско-хазарская переписка в X веке*. Л., 1932, 83.

просто смирилась с существованием русского государства на собственных землях, но под военным давлением уступила ему огромные территории на восток от Днепра и даже титул собственного правителя (а некоторые смелые предполагают, что и сам Киев был основан хазарами как пограничная крепость и каким-то образом оказался захвачен русами). А между тем пристально следящие за происходящими к северу от Черного моря событиями византийские дипломаты, ежегодно бывавшие в посольствах к печенегам (глава I) и ежегодно наблюдавшие росов у себя в столице, совершенно не замечали руско-хазарского соперничества и даже не предполагали его теоретической возможности. Их многолетние наблюдения за регионом (Константин утверждает — около пятидесяти лет) свидетельствовали о другом: росов интересует почти исключительно продвижение вдоль реки Днепр, а их главной проблемой при этом оказываются печенеги.

Нет сомнений, что упорно разрабатываемая в историографии тема военного, политического и идеологического противостояния Руси и Хазарского каганата есть не более чем еще одним «научным переводом» летописи²⁵⁹. В ее легендарной части киевские поляне, как и другие славяне юга, начинают с положения хазарских данников, затем — благодаря приходу варяжских князей — постепенно отвоевывают ее в свою пользу, пока наконец сами не возлагают дань на хазар. Это сюжет триумфа униженных и оскорбленных над своими поработителями. Откуда в начале XII века летописец смог узнать о былом могуществе Хазарии, да и о самом существовании этого уже более ста лет отсутствующего на политической карте государства, — отдельная тема. Негласно считают, будто память о хазарском владычестве дожила до исторических времен, и свидетельство тому — сохраненное летописью «народное историческое предание» об уплате полянами дани в виде мечей, обобщавшее историю руско-хазарских отношений. Увы, этот летописный анекдот, слишком насыщенный христианскими аллюзиями, явно сочинен летописцем²⁶⁰. Летопись демонизировала хазар, на-

²⁵⁹ Замечательным образчиком этого жанра есть, например, известная книга Имре Бобы: Imre Boba, *Nomads, Northmen and Slavs. Eastern Europe in the Ninth Century* (The Hague and Wiesbaden, 1967).

²⁶⁰ См.: Данилевский И. Н. *Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов*, 143—150. Умозрительно, можно допускать, что

значив их на роль главных злодеев восточноевропейской истории, заслуженно наказанных в конце. На основании летописных «сказаний» исторические карты рисуют нам границы Хазарского каганата, чья территория якобы простиралась даже на правый берег Днепра, а историки пишут о государстве, «охватившем половину Восточной Европы». Достоверные свидетельства о западной границе Хазарии рисуют ее пределы гораздо скромнее. Как любезно для слуха отечественных историков ни звучали бы идеи о том, что хазары уже в начале IX века настолько опасались растущей мощи руси, что в 837 году даже просили византийского содействия в построении крепости Саркел²⁶¹, текст Продолжателя Феофана вполне ясен: здесь, на Дону, проходила граница между хазарами и печенегами, издавна стояла хазарская стража, и крепость понадобилась против печенегов²⁶². Печенеги безраздельно доминируют в Причерноморской степи, и в течение следующих ста лет именно они будут главной проблемой как хазар, так и росов.

С точки зрения Империи (и, как увидим ниже, самих росов) наиболее важным следствием такого положения дел оказывается то, что от благосклонности печенегов зависит самое возмещение контактов росов с Византией:

[Знай], что и у царственного сего града ромеев, если росы не находятся в мире с пачинакитами, они появиться не могут, ни ради войны, ни ради торговли, ибо, когда росы с ладьями приходят к речным порогам и не могут миновать их иначе, чем вытащив свои ладьи из реки и переправив, неся на плечах, нападают тогда на них люди этого народа пачинаки-

какие-то сведения о хазарах могли на рубеже XI—XII вв. поступать из подвластного Руси Тмутороканя и его северокавказских владений. Но все же без предположения о «литературности» хазарской темы в летописи не обойтись. Сильвестру были известны Паннонские жития Константина и Мефодия (с сюжетом о миссии Константина к хазарскому кагану), но, вероятно, впечатление о хазарах не могло быть сформировано без влияния известий о них в византийской хронографии. Обратим внимание: летопись знает единственный город у хазар — Белую вежу (Саркел) и его же полагает (ошибочно) столицей Хазарии. Саркел — единственный хазарский город, известный византийским хроникам.

²⁶¹ См., напр.: Артамонов М. И. *История хазар*. Л., 1962, 296—298.

²⁶² Продолжатель Феофана. *Жизнеописания византийских царей*. Под ред. Я. Н. Любарского. 2-е изд. СПб., 2009, 83—84.

2. О росах, отправляющихся с моноксилами из России в Константинополь

тов и легко — не могут же росы двум трудам противостоять — побеждают и устраивают резню.

Именно последняя тема — уязвимость росов в районе Днепровских порогов — дает повод Константину остановиться подробнее на том, что из себя представляет этот народ и каким образом они регулярно появляются в Константинополе. Добытые императором сведения изложены в знаменитой 9 главе трактата. Она состоит как бы из двух частей. Первая описывает, словами императора, «мучительное и страшное, невыносимое и тяжкое плавание» росов до Константинополя, вторая — их «зимний и суровый образ жизни».

Константин начинает изложением логистики формирования русских караванов. Он утверждает, что приходящие в Константинополь корабли росов (именуемые им «моноксилами»²⁶³) состоят из двух рядов. Часть из них начинает свое движение из «внешней России»:

одни из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта России, а другие из крепости Милиниси, из Телиуцы, Чернигоги и из Вусеграда,

где их первоначально готовят «пактиоты» росов — «кривитеины, лендзанины и прочие Славинии».

Затем они спускаются по Днепру и собираются возле Киева, точнее у крепости, именуемой «Самватас». Здесь росы покупают корабли у своих пактиотов-славян, переоснащают их для дальнейшего плавания и в июне спускаются еще ниже, к крепости, именуемой Витетсев, опять-таки находящейся уже в пределах пактиотов. Сформировав здесь окончательно караван, росы отправляются вниз по Днепру, преодолевают пороги, выходят в Черное море и, наконец, достигают Константинополя.

В этом, по мнению Константина, состоит главное или даже единственное занятие росов в течение лета.

²⁶³ «Моноксилы» буквально означает «однодеревки», лодки, выдолбленные из цельного ствола. Не обязательно думать, что киевские росы переплывали Черное море именно на таких утлых суднах. В византийской литературе «моноксилы» — варварский и даже специфически славянский тип кораблей (см.: J.-P. Arrignon, "La navigation sur la 'Route des Varegues aux Grecs'," *Дньєслово. Збірка праць на пошану П. П. Толочка*. К., 2008, 13–20; Филиппчук О. *Studia byzantino-rossica. Експансія, війна та соціальні зміни*. Чернівці, 2013, 114–115).

«Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов» совершенно иной:

Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киав и отправляются в полюдия, что именуется «кружением», а именно — в Славинии вервианов, другивитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моноксилы, они оснащают [их] и отправляются в Романию.

Константин, несомненно, был заинтригован росами, вернее, их необычным «образом жизни», настолько разительно различающимся в зависимости от поры года. На фоне других варварских народов, живущих к северу от Черного моря, росы были наиболее экзотичны и загадочны. В течение зимы они вели «суровый» образ жизни, а летом вынуждены были предпринимать «мучительное и страшное, невыносимое и тяжелое плавание». Получалось, что единственный смысл существования этого сообщества, ради которого росы готовы были преодолевать немыслимые трудности, терпеть лишения и подвергаться опасностям, состоял в том, чтобы однажды оказаться со своими кораблями в Константинополе. Собственно, вся жизнь росов была организована в расчете на достижение только одной этой цели. Это тоже выглядело необычно: ни один другой народ из северных варваров, каковы бы ни были его отношения с Византией, не был обязан самим своим существованием Империи.

Какова география России согласно Константину? Он перечисляет восемь названий пунктов, так или иначе участвующих в формировании каравана русов. Это: Немогардас (Νεμογαρδάς), Милиниска (Μιλινίσκα), Телиутса (Τελιοῦτζα), Чернигога (Τζερνιγῶγα), Вусеград (Βουσεγράδῆ), Киоава (Κιόαβα), Самватас (Σαμβατάς) и Витетсев (Βιτετζέβη). Большая часть этих названий идентифицируется более или менее уверенно. Так, полагают, что Немогард — это искаженное «Новгород», Милиниска — Смоленск, Чернигога — Чернигов, Вусеград — Вышгород, Киоава — Киев, а Витетсев — Витичев. Два названия не поддаются однозначному отождествлению, и если Телиутса весьма условно и с большой натяжкой может быть понята как Любеч (главным образом потому, что должна находиться между Смоленском и Вышгородом), то Самватас представляет собой совершенную загад-

ку. Самватас не соотносится ни с одним известным средневековым топонимом вблизи Киева, и к тому же Константин — единственный автор, упоминающий это название. Дополнительная сложность состоит в том, что Константина можно понять в том смысле, что Самватас — это иное название Киева, но также и в том смысле, что это — название киевской цитадели и даже — одной из близлежащих крепостей, подконтрольных Киеву. Попытки решить эту головоломку породили целую литературу, произведя на свет множество более-менее фантастических гипотез²⁶⁴.

Все перечисленные пункты названы Константином «крепостями» или «градами» (καστρα)²⁶⁵, и все они — за исключением Киева — лежат в землях «пактиотов» (союзников или данников) росов. Иными словами, эти крепости не принадлежат росам (что можно заключить также из того, что славяне-«пактиоты» самостоятельно рубят моноксилы, приводят их к Киеву, и росы вынуждены *покупать* у них корабли). Не совсем ясен статус Новгорода: с одной стороны, он находится в пределах «внешней Руси», следовательно, в земле «пактиотов», с другой, Константин отмечает, что там сидел Святослав, сын архонта росов Игоря. Это позволяет предполагать какую-то степень контроля росов и над другими крепостями, названными Константином.

В литературе наибольшие трудности для понимания вызывало употребленное Константином понятие «внешняя Россия» (ἡ ἔξω Ῥωσία). Как правило, его пишут с заглавной буквы — «Внешняя Россия», предполагая в нем едва ли не устоявшееся имя собственное, противоположность некой — впрочем, не упомянутой Константином — «Внутренней Руси». Поиски этой последней неизменно приводили к обескураживающим результатам: внутри географии Константина для нее совершенно не оставалось места. Это, разумеется, вступало в про-

²⁶⁴ Их обзор см. в коммент. 17 к главе 9 в: Константин Багрянородный. *Об управлении империей*, 315–316. См. также: Melin Elsa, “Sambatas” and the City Names in Ch. IX of Constantine Porphyrogenetus ‘De Administrando Imperio’,” *Die Welt der Slaven* XLVIII (2003), 187–192 (Самватас — испорченное sambād, термин, который в средневековой Швеции обозначал место сбора дани для ледунга, морской военной экспедиции).

²⁶⁵ Καστρον у Константина равнозначно «город» (см.: Milenko Lončar, Teuta Serreqi, “Kastron i polis u Porfirogenetovu De administrando imperio,” *Folia onomastica Croatica* 17 (2008), III–II7).

тиворечие с историографическими представлениями о Киевской Руси середины X века как о государстве, размах территории которого должен соответствовать репутации наиболее значительного политического и военного образования Восточной Европы. Ясно же, что, соперничая с Хазарским каганатом и Византийской империей, Русь должна выглядеть сопоставимым с ними «пятном на карте». Несоответствие географии Константина традиционному образу Руси понуждало подозревать императора в недостаточной осведомленности, неточностях и искажениях или в том, что он спроектировал на Восточную Европу свойственные классической и византийской географической мысли представления, не имеющие ничего общего с действительным положением дел²⁶⁶.

Поэтому наиболее популярными ожидаемо оказались наименее соответствующие тексту Константина интерпретации. Например, что деление на «Внешнюю Росию» и «Внутреннюю Росию» отражает (о чем Константин не знал и своего информатора якобы не понял) два исторических ядра Руси: северное политическое образование с центром в Новгороде и южное, с центром в Киеве. Или: что под «Внутренней Росией» следует понимать так называемую «Рускую землю» с центрами в Киеве, Чернигове и Переяславле, а под «Внешней Росией» — все территории восточнославянских племен, подчиненных власти киевских князей. Историки, вполне объяснимо, отдавали предпочтение тем из возможных прочтений «роской географии» Константина, которые согласовывали бы его сведения с летописной версией истории Руси, то есть постепенного, начиная с Олега, расширения территории Киевского государства путем поглощения славянских племен. В этом — в невозможности примирения двух картин — собственно, и состоят трудности понимания текста «Об управлении империей».

²⁶⁶ Обзор предложенных решений см. в коммент. 4 к 9 главе в: Константин Багрянородный. *Об управлении империей*, 308–310. См. также в последнее время: Irène Sorlin, “Voies commerciales, villes et peuplement de la Rôsia au Xe siècle d’après le De Administrando Imperio de Constantine Porphyrogénète,” *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*, ed. by Michel Kazanski et al. (Paris, 2000), 343–355; Andrii Danylenko, “The Name ‘Rus’. In Search of a New Dimension,” *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*, 52 (1) (2004), 5–6, 25–28.

2. О росах, отправляющихся с моноксилами из Росии в Константинополь

На самом деле он предельно ясен и не требует никаких ухищрений для истолкования. Константин утверждает, что моноксилы для росов начинают свое движение из «Внешней Росии», где их первоначально изготавливают «пактиоты»-славяне, «а именно: кривитеины, лендзанины и прочие Славинии». Затем он последовательно перечисляет «крепости», находящиеся в этой самой «Внешней Росии», самой южной из которых оказывается Вышгород. Это — граница «Внешней Росии» на север от Киева. Какова же ее граница на юге? Константин дает ответ и на это: когда сформированный в Киеве караван судов поравняется с Витичевом, он опять оказывается в пределах «пактиотов», так как Витичев «является крепостью-пактиотом росов». Итак, «Внешняя Росия» — это территории «пактиотов»-славян, в которых существует цепь укрепленных «градов», союзных росам или контролируемых ими.

Единственным отрезком пути, когда караван находится вне пределов «внешней Росии», оказывается дистанция между двумя крепостями-пактиотами — Вышгородом и Витичевом. Именно здесь пактиоты-славяне впервые за весь долгий путь встречают заказчиков моноксил — росов, переоснащающих корабли для дальнейшего плавания. Что же находится между этими двумя крепостями-пактиотами — Вышгородом и Витичевом? Это, собственно, и есть «Росия», то есть места обитания росов. Иными словами, никакой другой территории, кроме крепости «Киоава», Константин для росов не предполагает. Он делит Восточную Европу не на «Внешнюю» и «Внутреннюю» Росии, но на собственно «Росию» и то, что лежит вне ее — «внешнюю Росию»²⁶⁷.

Примечателен в этом отношении статус Чернигоги (Чернигова). Это единственный из указанных Константином пунктов, лежащих на левом берегу Днепра (все остальные расположены на правом берегу²⁶⁸). Между тем, никаких владений росов к востоку от Днепра, на Левобережье, Константин не знает. Говоря в другом месте о том, как Росия соотносится с печенежскими территориями, раскинувшимися

²⁶⁷ Толочко О. П., Толочко П. П. *Київська Русь*. К., 1998, 57–60; ср. аналогичные наблюдения в: Irène Sorlin, “Voies commerciales, villes et peuplement de la Rôsia au Xe siècle d’après le De Administrando Imperio de Constantine Porphyrogénète,” 344–349.

²⁶⁸ Быть может, только за исключением загадочной Телицуцы, если правильно ее отождествление с Любечем.

по обеим сторонам Днепра, император отмечает, что только одна правобережная «фема» печенегов Харавой «соседит с Росией»²⁶⁹. Никакого соседства России с печенегами на левом берегу Днепра Константин не предполагает, что означает, что Чернигога не входит в состав России.

Подобное понимание России как только Киева Константин подтверждает и в другом месте той же главы. Описывая занятия росов в промежутке между двумя летними караванами в Византию, он отмечает: «Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдь». Совсем уж буквально понимать эту фразу, разумеется, не стоит: за сбором дани отправлялось не все население Киева, оставляя город безлюдным. Но она свидетельствует, что никакого иного места обитания росов в Восточной Европе, кроме Киева, Константин не знал: все росы (может быть, за исключением командированного Святослава) проживают в Киеве. Это, кстати, объясняет крайнюю неопределенность выражений, в которых Константин говорит о территории росов. В отличие от других народов, даже кочевников, территории которых для Константина имеют какие-то очертания и внутреннюю структуру (он, например, говорит о числе и взаимном расположении восьми печенежских «фем»; о девяти «климатах» хазар, прилегающих к Алании, и т. д.), Россия лишена какой-либо протяженности. Все, что Константин способен сказать (глава 42) — «В верховьях реки Днепр живут росы; отплывая по этой реке, они прибывают к ромеям»; или: «река Днепр, от которой росы продвигаются и в Черную Булгарию». Днепр — единственный ориентир для России²⁷⁰. Словом, если бы Константину при-

²⁶⁹ И еще одна, и тоже правобережная, «фема» Иавдиертим «соседит с подплатежными стране России местностями, с ульгинами, деревленинами, лензанинами и прочими славянами» (Константин Багрянородный. *Об управлении империей*, 157).

²⁷⁰ В главе 2 Константин утверждает, что росы не способны разводить скот, а потому и вынуждены покупать коров, коней и овец у печенегов. Это сообщение, действительно, необычно и комментаторами, как правило, отвергается как невероятное: «Следует отметить ошибочность информации Константина об отсутствии скота у росов, — информации, полученной, вероятно, от византийского купца, а не от болгарина или печенег, знавших лучше реальную ситуацию. Археологические исследования показали, что скотоводство было важной отраслью сельского хозяйства Древней Руси» (Константин Багрянородный. *Об управлении империей*, 283). Исследователи, разумеется, лучше знают реальную ситуацию, чем современ-

шлось составлять «историческую карту», он изобразил бы Россию не цветovým пятном, а точкой на ней.

Все крепости, о которых говорит Константин, выстраиваются цепочкой с севера на юг вдоль речного пути, практически не отклоняясь от этой вертикали. Большинство из них находится на Днепре, и Новгород на Волхове выглядит естественным продолжением этой линии. Каков статус этих пунктов? Константин утверждает, что они находятся в землях «пактиотов», то есть, строго говоря, не принадлежат росам. Распространяя на них определение, данное Константином Витичеву — «крепость-пактиот», можно было бы предполагать, что все они — союзные росам города. Но, похоже, в понятие «союзнчества» император не вкладывал смысла действительно равноправных, партнерских отношений между росами и славянами. «Пакт» (*πάκτω*, от лат. *pactum* — договор, соглашение), действительно, мог означать соглашение между правителями или странами. Но Константин повсеместно употребляет это слово (чаще во множ. числе — *πάκτω*) в ином его значении: даней или выплат, подлежащих с народов или их правителей после заключения соглашения с Византией и принятия их в действительное или фиктивное подданство империи. Чаще всего «пакты» у Константина выплачивают народы, поселившиеся на территориях, которые Византия полагала своими традиционными владениями. Но не только. Константин, например, указывает (глава 44), что некоторые из армянских владетелей, принимая византийский протекторат, обязывались выплачивать императору «пакты» за свои собственные крепости. В Далмации, напротив, жители византийских крепостей вынуждены были уплачивать «пакты» в пользу архонтов славян, получая взамен мирную жизнь и возможность спокойно возделывать землю (глава 30).

Уплата «пактов» и, следовательно, статус «пактиота» в глазах Константина обозначали подчиненность и признание покровительства над собой, но отнюдь не предполагали прямого управления. Такое же понимание, несомненно, Константин распространил и на взаимоотношения росов и славян. Можно предполагать, что росы не держали постоянной администрации в крепостях-пактиотах, но, во всяком случае, осу-

ный наблюдатель. Но Константин последователен. Росы не обладают значительной территорией за пределами Киевской крепости, и скотоводство в сколько-нибудь серьезных объемах оказывается для них невозможно.

шестьляли надзор над ними, получали с них регулярные выплаты дани и полагались на сеть укрепленных фортов в собственных предприятиях.

Расположение крепостей-пактиотов исключительно вдоль главной речной артерии Восточной Европы указывает на основную задачу росов — контроль над коммуникациями и их инфраструктурой. Налаженное функционирование Днепровского пути — вот, собственно, все, что во времена Константина Багрянородного интересует росов. Они правят не «государством», но большой дорогой. Это как сегодня контролировали бы сеть автозаправок вдоль главной автострადы.

Единственным пунктом «роской географии» Константина Багрянородного, находящимся за пределами бассейна Днепра, оказывается Новгород («Немогард»). Он примечателен еще и в другом отношении: это единственная, за исключением Киева, крепость, непосредственно подчиненная власти киевских князей. Только здесь сочли за необходимое не полагаться на лояльность «пактиотов», а ввести «внешнее управление», посадив сына «архонта росов» Святослава. Разумеется, крайние пункты магистрали, своего рода «вход» и «выход» из нее, должны были находиться под особенно пристальным вниманием росов. Но за исключительным статусом Новгорода можно угадывать и другие причины.

В трактате Константина Новгород представляет собой крайнюю северную точку продвижения росов. Одновременно Новгород оказывается и единственной их крепостью на севере, то есть именно там, где — в силу географических факторов — предполагалась бы наибольшая концентрация и активность скандинавов. Именно здесь варяги впервые проникают в Восточную Европу, откуда они начинают свое продвижение по речным путям на восток и юг, и именно здесь сосредоточено наибольшее количество материальных остатков их пребывания. Любые размышления о ранних этапах киевской истории уже традиционно принято начинать с обсуждения археологических памятников, ассоциируемых со скандинавским присутствием на севере Восточной Европы, их интерпретации как следов деятельности скандинавской руси и попыток связать с ними известия письменных источников о руси. В полном контрасте с этой историографической картиной находится «роская география» Константина Багрянородного. В ней удивляет полное молчание автора о центрах, занимающих столь важное место как в летописном рассказе, так и в современных

археологических интерпретациях ранней истории Руси. Константин не подозревал о существовании иных, кроме Новгорода, крепостей росов на севере. Он не упоминает ни о Ладоге, ни о Пскове, Изборске, Белоозере²⁷¹, не называет ни одного пункта вдоль Великого волжского пути. При том, что большинство этих центров достоверно существует в середине X века, для Константина они невидимы, так как лежат вне пределов влияния росов. Информатор Константина, оказываясь, не знал и ничего не смог сообщить императору об активности росов в этих местах. Все выглядит так, будто киевские росы были недавними пришельцами в этом давно и прочно освоенном скандинавами регионе.

«Роская география» Константина убеждает, что киевские росы распространяли свое влияние с юга на север. Это видно хотя бы из того, как по мере удаления от центра нарастает «шаг», с которым расположены подчиненные им крепости на Днепре. Киев отстоит от Вышгорода на 16 км, между Вышгородом и Любечем — около 125, между Любечем и Смоленском — около 350. Но все это центры, лежащие на одной реке. Новгород в Приильменье выглядит на этом фоне каким-то «прыжком». Складывается впечатление, что в трактате Константина Багрянородного мы присутствуем при первом прорыве киевских росов из системы рек бассейна Днепра, текущих на юг, в другую систему коммуникаций, обращенную к Балтийскому морю. Есть основания предполагать, что произошло это незадолго до составления «Об управлении империей», во всяком случае, далеко отстоящий от остальных центров росов Новгород во времена Константина оказывается первым и пока единственным их форпостом на севере. Надо думать, что пресловутый Путь из варяг в греки, то есть сквозная магистраль, соединившая бассейн Балтики с Черным морем, возникает только с приобретением киевскими росами Новгорода. Иными словами, эта торговая артерия не предшествует образованию государства, но становится следствием северной экспансии киевских варягов во второй половине X века. Во всяком случае, археологические свидетельства функционирования этого пути (а маркером здесь выступают

²⁷¹ См.: Irène Sorlin, «Voies commerciales, villes et peuplement de la Rôsia au Xe siècle d'après le De Administrando Imperio de Constantine Porphyrogénète», 347–348.

византийские монеты и вообще вещи византийского происхождения) происходят от времени не ранее второй половины X века²⁷².

На то, что Новгород в середине X века для росов был недавним приращением, указывает и другая деталь девятой главы «Об управлении империей»: Новгород не входил в отлаженную систему ежегодных объездов росами подвластных славянских племен с целью сбора дани, как ее описывает Константин. Уже давно замечено, что наиболее северной «славинией», посещаемой росами, оказываются кривичи. Верховья Днепра (а может, даже именно кривичский Смоленск) служили поворотным пунктом, после которого маршрут росов уклонялся к югу²⁷³. Новгород еще не добавлен к числу «станций» на этом традиционном пути. «Архонты росов» не посещают его — в отличие от других своих «пактиотов» — ежегодно, быть может потому, что окружающие территории не освоены ни военно, ни хозяйственно. В этой изолированной северной колонии Киева необходимо постоянное присутствие представителя княжеского рода²⁷⁴.

К какому времени принадлежит картина, нарисованная Константином Багрянородным? Насколько актуальными были его сведения? Составление «Об управлении империей» обычно датируют, исходя из внутренней критики, временем между 948 и 952 годами, и наиболее простым решением было бы признать, что описываемый императором мир северных варваров более или менее современен моменту написания трактата. К такому суждению подталкивает и задача тру-

²⁷² См. подробнее: Андрощук Ф. А. Гнездово, Днепровский путь и финал Бирки. *Археологический сборник. Гнездово: 125 лет исследования памятника*, 126–135.

²⁷³ См. коммент. 66 к главе 9 (Константин Багрянородный. *Об управлении империей*, 330).

²⁷⁴ Хотя летопись в этом случае не имеет права самостоятельного голоса, все же примечательно, что и она подтверждает эту картину. В княжеской семье сохранялось предание, позднее попавшее в летопись, согласно которому дани в пользу Киева были учреждены на севере уже после смерти Игоря, в результате похода его вдовы Ольги («Иде Ольга к Новгороду . и оустави по Мьстѣ . погосты и дань . и по Лузѣ погосты и дань и ѿброкы . и ловища ея суть по всеи земли. и знамения и мѣста и погосты», см.: ПСРЛ 2: 48–49). Другая занесенная в летопись семейная история — о юности Владимира Святославича — также основана на припоминании о Новгороде как глухой провинции, далекой колонии, куда никто из сыновей Святослава добровольно не пошел бы княжить. Только самый младший и притом рожденный от рабыни Владимир соответствовал назначению («и ре^а к нимѣ [новгородцам. — А. Т.] Стославъ . а бы кто к ва^м шельъ . и ѿпрѣса Юрополкъ и ѿлгъ», см.: ПСРЛ 2: 57).

да — дать в руки сына и наследника действенный инструмент, при помощи которого тот мог бы вести разумную и эффективную внешнюю политику государства. Это должно, как кажется, предполагать отбор свежей и достоверной информации. Два обстоятельства, однако, по-нуждают исследователей искать более изощренные способы датировать сведения Константина. Первое — хорошо известный консерватизм византийских авторов, пытавшихся сохранять «неподвижную» картину мира, унаследованную от классических авторов, и не спешивших обновлять ее всякий раз, когда на карте появлялись новые народы или новые государства. Второе — метода написания трактата. Ученый император был, выражаясь современным языком, главой авторского коллектива. Ему принадлежало общее руководство проектом и окончательная редакция текста, но материалы для него, разумеется, собирали многие люди. Они руководствовались общими пожеланиями заказчика и понимали свою задачу по-разному: кто-то выполнял задание добросовестно и компетентно, кто-то небрежно. Следы работы различных исполнителей заметны в тексте, и редактору так и не удалось полностью устранить эту разногласию²⁷⁵.

В самом общем виде работу над «Об управлении империей» представляют следующим образом²⁷⁶. Предполагают, что первоначально Константин задумывал трактат «О народах», описывавший бы устройство мира вне империи и составлявший бы комплект с другим трудом императора — «О фемах», излагавшим внутреннее строение империи. Собранные для этого незавершенного замысла материалы легли в основание сохранившегося текста «Об управлении империей» и составляют содержание глав 14–42. Эти главы, таким образом, принадлежат к наиболее раннему, «этнографическому» слою трактата. Еще часть глав (23–25, 48, 52, 53 и некоторые другие) оказались включенными в окончательный текст по недосмотру: это сырые материалы, не предназначенные для публикации и частично использованные в других

²⁷⁵ См.: Шевченко И. И. Перечитывая Константина Багрянородного. *Византийский временник* 54 (1993), 30–32.

²⁷⁶ См.: J. B. Bury, "The Treatise De administrando imperio," *Byzantinische Zeitschrift* 15 (2) (1906), 517–577; Constantine Porphyrogenitus, *De administrando imperio*, Greek text ed. by Gy. Moravcsik, English transl. by R. J. H. Jenkins. New, rev. edition (Washington, DC, 1967), 12; Константин Багрянородный. *Об управлении империей*, 24–25.

разделах книги. Оставшаяся за вычетом указанных глав часть трактата представляет собой совершенно особого рода текст. Это — практические наставления юному наследнику (будущему императору Роману II) о том, как манипулировать окружающими империю народами для блага и спокойствия государства. Именно эта часть точнее всего соответствует окончательному замыслу трактата, изложенному в предисловии к сыну. Большинство известий здесь вводится прямым к нему обращением: «знай». Это самый поздний слой трактата и наиболее авторский. К нему относят главы 1–8, 10–13, 43–46, 49–52. Константин работал над этими главами в 951–952 годах с тем, чтобы вручить весь труд к четырнадцатилетию сына (952).

Когда бы ни трудился Константин, он работал с подготовленными для него выписками. Какой свежести были эти материалы? Были ли они специально скомпилированы для Константина или их готовыми добыли из архива и слегка стряхнули пыль? В последнее время была предложена гипотеза, согласно которой нынешний текст «Об управлении империей» был создан в два приема, далеко отстоящих друг от друга хронологически. Историко-дипломатическое ядро трактата составили якобы отчеты, собранные во времена правления отца Константина, императора Льва VI, и датируемые 900–910 годами. Затем, между 948-м и 952-м, Константин переработал отцовский труд, создав тот текст, который и дошел до нас²⁷⁷. Для нашей темы это предположение Джеймса Говарда-Джонстона может иметь существенные последствия. Не окажется ли, что «Об управлении империей» отражает не состояние дел на середину X века, как мы наивно думаем, но изображает мир северных варваров (в том числе и росов), каким он был за сорок или пятьдесят лет до того? Прежде чем броситься переписывать историю Восточной Европы в свете предложенной гипотезы, как то, похоже, предлагает нам Говард-Джонстон, присмотримся, как он распределяет труд между двумя авторами, отцом и сыном. Уже в материалах Льва VI имелось, как он утверждает, некое «северное досье», включавшее и сведения о росах. К этому раннему слою принадлежат главы 37–42. К счастью для нас, упоминаний росов здесь всего два:

²⁷⁷ James Howard-Johnston, “The De administrando imperio: A Re-Examination of the Text and a Re-Evaluation of its Evidence about the Rus,” *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*, ed. by Michel Kazanski et al. (Paris, 2000), 301–336.

печенежские фемы граничат с Русией (гл. 38) и росы живут «в верховьях» Днепра (гл. 42). Все остальные сведения о них принадлежат к новому «досье», созданному для Константина, чье авторство относительно глав I–13 не подлежит сомнению²⁷⁸.

Итак, в любом из воображаемых сценариев написания «Об управлении империей» большинство глав о народах, живущих к северу от Черного моря, попадают именно в самый поздний слой трактата. Особняком стоит наиболее важная для нас глава девятая. Вслед за Дж. Бьюри, Ромили Дженкинс отнес ее (по внешним признакам) к раннему слою этнографических и исторических заметок²⁷⁹. Достаточных оснований для этого, как кажется, нет. Глава вводится таким же обращением к сыну («да будет известно»), что и все окружающие ее. Она, действительно, выделяется на их фоне своим объемом и богатством информации о внутреннем устройстве росов, но смысл ее «этнографии» такой же практический, как и остальных: обозначить, что именно в «образе жизни» росов делает их уязвимыми для византийской дипломатии. Глава явно написана на основании расспросов, учиненных византийским чиновником кому-то из росов в Константинополе (ширину днепровской переправы «Крария» информатор определил, указав на размеры ипподрома). Комментаторы, конечно, соблазняются возможностью видеть в этом человеке одного из русских послов, заключавших договор 944 года²⁸⁰, но это только догадка: караваны росов посещали Константинополь ежегодно, и договор требовал от них непременно представляться императорским чиновникам («цесаревым мужам»²⁸¹).

²⁷⁸ James Howard-Johnston, "The De administrando imperio: A Re-Examination of the Text and a Re-Evaluation of its Evidence about the Rus," 330–331.

²⁷⁹ J. B. Bury, "The Treatise De administrando imperio," 543, 574; Constantine Porphyrogenitus, *De administrando imperio*, 12. Это же мнение повторил и Г. Г. Литаврин (Константин Багрянородный. *Об управлении империей*, 25). Говард-Джонстон уверенно причисляет 9 главу к комплекту из 13 начальных глав трактата, написанных Константином (James Howard-Johnston, "The De administrando imperio: A Re-Examination of the Text and a Re-Evaluation of its Evidence about the Rus," 331).

²⁸⁰ J. B. Bury, "The Treatise De administrando imperio," 541; Константин Багрянородный. *Об управлении империей*, 293.

²⁸¹ Попытки идентифицировать этих чиновников см.: Филипчук А. М. Социальные группы русов в Константинополе в X в.: контакты, торговля и формирование по-

3. ЗИМНИЙ И СУРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

 онстантин ничего не говорит о происхождении росов или об их прошлом. Обычно он интересуется подобными материями и достаточно много, хотя и с различной степенью достоверности, может сообщить об «истории» — прежних местах обитания, перемещениях, некогда произошедших событиях, взаимоотношениях в прошлом с соседями и с империей — других народов, обитающих к северу от Черного моря. Девятая глава его трактата о росах лишена какого-либо исторического измерения. Это, так сказать, «моментальный снимок» их сообщества, во многом схожий с аналогичным «снимком» Ибн Фадлана, сделанным несколькими десятилетиями ранее. Константин неявно намекает на какие-то столкновения с росами (скорее всего, поход Игоря 941 года), но в целом о прошлом, например, печенегов он знает гораздо больше, чем о минувшем росов.

Причины тому могли быть самые разные, вплоть до совершенно случайных. И все же странно, что император, имевший возможность расспросить своего осведомленного информатора о различных сторонах жизни росов, не поинтересовался, давно ли росы живут в Восточной Европе и откуда они пришли, каково происхождение их князей, сколько у них было архонтов «до нынешнего Игоря». Одним из возможных объяснений могло бы стать следующее: византийская бюрократия не накапливала сведений о росах, и в подготовленных для него материалах Константин не нашел никакого «досье» на них. Ему пришлось выполнять роль этнографа, первооткрывателя неизвестного народа, в силу этого неизбежно представляющего новым, недавним, а потому еще и лишенным «истории». Но не менее вероятно и другое объяснение: известные Константину росы действительно обосновались на Днестре сравнительно недавно.

В самом деле, есть основания полагать, что описанная Константином система полюдья, кругового объезда славянских территорий для сбора дани и последующего сбыта ее в Византии, не уходит корнями в глубокую древность, но возникла незадолго до того, как попала на

литической элиты. *Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии. Проблемы политогенеза. XXII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто, Москва, 19–21 апреля 2011 г.* М., 2011, 294–295.

страницы трактата. Тестом здесь выступает хронология «византийских импортов», то есть тех товаров, которые двигались в обратном направлении — из Константинополя в Восточную Европу. Когда эти предметы достигают крайнего северного пункта полюдья — Смоленска? В Гнездове найдены византийские монеты и украшения, датируемые IX веком. Но подавляющее большинство артефактов византийского круга (фрагменты стеклянной посуды, стеклянные игральные шашки, амфорная тара, стеклянные перстни и браслеты, поливная керамика), условно относимых к «массовому материалу» и отражающих регулярные торговые связи, выпадает в точно стратифицированных слоях Гнездова только начиная с середины X века. Это несомненно указывает, что Смоленск (Милиниска Константина) был включен в число пунктов «кружения» и стал пользоваться благами заморской торговли незадолго перед тем. Только начиная с середины X века открывается путь византийским импортам и далее на север — в Приладожье, Финляндию, Скандинавию, где основная масса византийских монет датируется второй половиной X века.

Предысторию росов приходится вычитывать между строк «Об управлении империей». Константин несомненно считает росов отдельным народом и всюду последовательно отличает их от живущих вокруг России славян. Он знает, что росы говорят на своем собственном языке, и язык этот — не славянский. Что это за язык, кому он родствен, Константин, разумеется, не может сказать. Но он приводит каталог названий Днепровских порогов, общим числом семь, для каждого указывая его «росское» и «славянское» имя. Большинство «славянских» названий, действительно, оказываются славянскими, языковая же принадлежность «росских» названий порогов является предметом длительной дискуссии²⁸². Предпринимались различной степени безуспешности попытки вывести их из иранских, тюркских или балтских

²⁸² См. коммент. 28 к главе 9 Константина (Константин Багрянородный. *Об управлении империей*, 319–321), где учтено большинство литературы. См. также в последнее время: Andriy Danylenko, “The Names of the Dnieper Rapids in Constantine Porphyrogenitus Revisited. An Attempt at Linguistic Attribution,” *Die Welt der Slaven* 46 (2001), 43–62; Elsa Melin, “The Names of the Dnieper Rapids in Chapter 9 of Constantine Porphyrogenitus’ *De administrando imperio*,” *Scando-Slavica*, 49 (1) (2003), 35–62.

языков. Но очевидно, что лучшие результаты этимологизации достигаются исходя из предположения, что «роские» названия порогов (при объяснимых искажениях передачи) отражают древнескандинавский (до диалектного распада) или древнешведский язык.

Константиновы росы не только этнически противопоставлены славянам, — они доминируют над славянами политически. Константин ничего не говорит о вооруженных столкновениях между росами и славянами, но трудно предположить, что исключительное положение, полученное немногочисленной группой скандинавских мигрантов, могло обойтись первоначально без военного давления. Если некогда и было так, то ко времени составления «Об управлении империей» славяне и росы, похоже, достигли некоего эквilibриума. Во всяком случае, славяне не числятся у Константина среди «врагов» росов. Напротив, описанная Константином «двухчастная» структура деятельности росов — сборы каравана судов летом и собирание дани зимой — действует как хорошо отлаженный механизм. Каждая из сторон — и росы, и славяне — знает свои роли и выполняет их рутинно, по давно заведенному обычаю.

Мы уже видели, что «летняя фаза» деятельности росов — формирование каравана и его беспрепятственное прохождение до Киева — обеспечивалась сетью подконтрольных крепостей-пактиотов в землях славян. «Зимняя фаза», то есть накопление достаточного количества товаров для отправки в Византию, напротив, требовала личного присутствия росов среди славян. В ноябре, говорит Константин, архонты со всеми росами покидают Киев и отправляются на сбор дани со славян. Этот поход длится всю зиму и называется полюдия (πολύδια), что Константин переводил как «кружение». Полюдьё — термин хорошо знакомый и по другим источникам, прежде всего летописным. Он означал сбор дани с подвластного населения при личном участии князя (в этом, собственно, и состоит его отличие от других видов дани и способов ее извлечения). «Кружение» — это, конечно, не перевод славянского слова, как полагал император, но попытка его информатора очертить географию полюдьё. Действительно, Константин описывает круговой маршрут похода: первым делом росы направляются на правый берег Днепра в земли «вервианов» (древлян), затем поворачивают на север к «другувитам» (дреговичам), поднимаются к верховьям Днепра в земли кривичей, после чего спускаются на юг и на

левом берегу посещают «севериев» (северян). К апрелю росы опять достигают Киева.

Это поразительно симметричная структура, определяемая двумя различными, зависимыми от сезона, видами деятельности: шесть месяцев росы проводят в полюдь, шесть месяцев находятся в торговом походе в Константинополь²⁸³.

Константин утверждает, что во время зимнего полюдья росы «кормятся» в землях славян. Это может быть еще одной калькой со славянского. В таком случае речь может идти о «покорме» дружины, также известном из летописей термине. Материальное содержание князя и его окружения, и даже просто организация снабжения его многочисленных вооруженных последователей соответствующим их статусу количеством пищи, представляет собой серьезную логистическую проблему для всех ранних обществ. Многие из них, что хорошо засвидетельствовано, решают ее довольно экономным образом: вместо того, чтобы организовывать транспортировку товаров и продуктов к центру политической власти (а затем — их хранение и переработку), они перемещают владетеля и его дружину к источникам благ. Так возникают известные во многих ранних государственных образованиях периодические круговые объезды вождем (князем, королем) подвластной ему территории, в процессе которых он и его окружение получают материальное снабжение²⁸⁴. Разумеется, помимо сугубо практической стороны дела, круговые объезды выполняют и различные социальные и даже идеологические функции. Владетель регулярно «показывает» себя подданным, демонстрирует свою власть и престиж; в процессе посещения подтверждаются лояльности и взаимные обязательства с локальными элитами; правитель выступает арбитром в спорах и конфликтах; совместные пиры могут иметь значение ритуальных и даже религиозных действий.

²⁸³ То, что русь находилась в Константинополе именно шесть месяцев в году, выясняется также из так называемого «договора 907 г.»: «а иже придуть госте да емлют мѣсачину . на . ѿ . мѣцъ . и хлѣбъ и вино и мѣса и рыбы . и овощемъ . и . да творять имъ мовь . елико хотать» (ПСРЛ 2: 22). Хотя этот договор и фиктивный, сама деталь может оказаться подлинной, о чем см. ниже.

²⁸⁴ См. обзор аналогичных древнерусскому полюдью институтов в: Кобишанов Ю. М. *Полюдь: Явление отечественной и всемирной истории*. М., 1995.

Все это вполне допустимо предполагать и в описанном Константином Багрянородным «кружении» «всех росов» и их архонтов по славянским землям. Для вооруженной шайки, запертой в цитадели на высоком берегу Днепра и не обладающей никакой собственной ресурсной базой, полюдьё, несомненно, играло важную роль в поддержании сообщества. Но, видимо, не только «за еду» трудились росы в течение всей зимы. Возвращаясь в апреле в Киев, они оказывались обладателями такого количества добра, что для его сбыта необходимо было формировать конвой судов и предпринимать далекую экспедицию к рынкам Константинополя. Эпическая картина сборов роскожного каравана должна как-то соответствовать материальным результатам полюдьё.

Корабли росов, утверждает Константин, оказывались доверху загружены, так что для прохода через Днепровские пороги их нужно было всякий раз разгружать и загружать вновь. К сожалению, император ничего не говорит о том, какие именно товары везли росы на продажу в Константинополь. Теоретически можно предполагать, что то были традиционные для Восточной Европы воск и меха²⁸⁵. Однако один товар Константин все же упоминает.

Четвертый, самый большой из порогов, называемый по-роски «Айфор», а по-славянски «Неасыть», росы не в состоянии преодолеть по воде, даже облегчив свои суда. Подходя к нему, они причаливают к берегу, вытаскивают из кораблей весь груз и переносят его на себе по суше. Затем волоком, вдоль берега, переправляют моносилы ниже по течению Днепра. Все это время часть росов несет стражу на берегу, охраняя караван от возможного нападения печенегов. Другая же часть росов конвоирует «по суше на протяжении шести миль» закованных в цепи рабов.

²⁸⁵ Хотя, например, комментаторы русского перевода «Об управлении империей» настаивают на еще более эмблематических предметах российского экспорта — икре и рыбах осетровых пород (см.: Константин Багрянородный. *Об управлении империей*, 37). Торговля икрой в Константинополе документирована только начиная с конца XII в., и поставлялась икра из района Азовского моря и устья Дона (см.: David Jacoby, "Caviar Trading in Byzantium," *Mare et litora. Essays Presented to Sergei Karpov for his 60th Birthday*, ed. by Rustam Shurukov (Moscow, 2009), 349–364).

4. ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКАЯ РАБОТОРГОВЛЯ В КРУГУ АНАЛОГИЙ

Итак, чем бы еще не приторговывали росы, их главный товар — рабы и, следовательно, преимущественный источник благополучия — работорговля²⁸⁶. Сообщение Константина — почти случайная обмолвка. Если бы не пороги, росы сплавлялись бы по Днепру беспрепятственно, и император мог бы не упомянуть, чем именно были загружены их суда в Киеве. Но мы все равно знали бы из других источников (договоров с Византией, о чем ниже), что росы в Константинополе владеют значительным количеством рабов. Мы несколько ранее, в 920-х годах и в другом регионе, на верхней Волге, — в записке Ибн Фадлана уже встречали русов, занятых аналогичным промыслом. И волжские росы Ибн Фадлана, и днепровские росы Константина Багрянородного, эксплуатируя различные *harvesting areas* и ориентируясь на различные рынки, вовлечены в промышленных масштабов работорговлю, а может быть, и являются ее организаторами в Восточной Европе.

Мы не знаем, где и какими путями добывали своих невольников волжские росы Ибн Фадлана. Это остается «за кадром» его реляции. Благодаря Константину завеса несколько приподнимается. Нет сомнений, что днепровские росы накапливали рабов во время своего зимнего «кружения» по славянским территориям. В зонах, подобных Восточной Европе X века, источников большого количества невольников, по существу, только два: вооруженные экспедиции для захвата «живого товара» и приобретение его у местных князьков в результате обмена. Работорговля, разумеется, невозможна без военной поддержки. Но лучшие результаты достигаются сочетанием насилия или угрозы его применения и сотрудничества с местными элитами, готовыми поставлять невольников в обмен на протекцию, предметы престижного потребления или оружие. Надо думать, к середине X века киевские росы наладили именно такие отношения с окружающими их «слами-

²⁸⁶ О первенствующем месте работорговли в X в. писал еще в 1950-х гг. Б. А. Рыбаков (см.: *История культуры Древней Руси*. Т. I. М., Л., 1951, 320–323). Единственным исследованием о роли рабства в Скандинавии является работа Стефана Бринка (Stefan Brink, *Vikingarnas slavar: den nordiska trälldomen under yngre järnålder och äldsta medeltid* (Stockholm, 2012).

ниями». Во всяком случае, нарисованная Константином Багрянородным картина полюдья не выглядит грабительским набегом. Напротив, это размеренная и отлаженная, длящаяся шесть месяцев в году, «заготовительная кампания».

Торговля рабами не принадлежит к числу сюжетов, обычно обсуждаемых в рамках темы возникновения Киевского государства или деятельности скандинавских русов в Восточной Европе. Вопреки тому, что все четыре современных событиям источника — Ибн Фадлан, Константин Багрянородный и договоры Византии с русами 911 и 944 годов, как и совокупное впечатление от известий восточных авторов — согласно указывают на наличие у русов большого количества рабов и на активную торговлю невольниками, исследователи предпочитают акцентировать иные стороны деятельности русов²⁸⁷. Как правило, для ранних сообщений о русах предлагают контексты политические и военные (противостояние с окружающими народами, походы на Византию и Каспий, территориальная экспансия киевских князей, даже идеологическое соперничество с крупнейшими державами региона), создающие иллюзию изначально «государственных» резонансов любых проявлений их деятельности. Экономическая активность в подобных рассуждениях оказывается следствием политических задач, и, например, полюдье традиционно рассматривается почти исключительно в связи со становлением фискальных систем в Восточной Европе, как один из видов «государственного» перераспределения излишков аграрного производства подчиненных Киеву восточнославянских племен. С другой стороны, картина дальней торговли скандинавов изображается по преимуществу как взаимно направленные потоки пушнины и арабской серебряной монеты, не предполагая работорговли в качестве существенного компонента.

Причины устойчивого бытования именно такого образа зависят как от идеологического, так и от эпистемологического порядка. Прежде всего, это стойкая традиция отечественной науки понимать историю преимущественно или даже исключительно в категориях государственного развития и придавать любым феноменам прошлого очертания «государственности». Кроме того, история Киевского го-

²⁸⁷ Одна из немногих работ: Галенко О. Три загадки Константина Багрянородного про полюдья. *Ruthenica* III (2004), 48–67.

сударства, даже самых ранних его этапов, представляет собой, в конечном итоге, исток и начало национальной истории современных народов, что, разумеется, устанавливает этические рамки суждений и неизбежно вытесняет явления, подобные торговле людьми, на периферию внимания²⁸⁸. Наконец, среди причин следует назвать, так сказать, «археологический дискурс», уже достаточно длительное время довлеющий над дискуссиями о скандинавском присутствии в Восточной Европе. Масштабные археологические открытия второй половины XX века, благодаря которым введено огромное количество новых источников, трансформировали разговор о дальней торговле варягов, сделав его по преимуществу обсуждением материальных остатков. Как следствие, главными предметами дальней торговли в литературе выступают археологически обнаруживаемые артефакты, к числу которых «живой товар», естественно, не может принадлежать. Археологические следы работорговли вообще трудноуловимы. Вероятно, без «фонового знания» о работорговле из письменных источников интерпретация соответствующих материалов невозможна. Единственным несомненным археологическим признаком торговли людьми являются кандалы, в которые заковывали невольников. На территории запада Европы идентифицировано около 400 подобных находок²⁸⁹. Насколько можно судить, в Восточной Европе аналогичные находки еще не сделаны или найденные предметы пока не опознаны в этом качестве²⁹⁰.

²⁸⁸ Показательно, что о скандинавской работорговле в Восточной Европе без стеснения пишут, как правило, историки, не связанные подобными самоограничениями, см., например: Henryk Samsonowicz, "The Rise and Fall of 'The World of Economy': Eastern Europe in 9th–12th Centuries," *Journal of World-Systems Research* 6 (2) (2000) [=Festschrift For Immanuel Wallerstein, Part I], 519–521.

²⁸⁹ См.: Joachim Henning, "Strong Rulers — Weak Economy? Rome, the Carolingians and the Archeology of Slavery in the First Millennium AD," *The Long Morning of Medieval Europe: New Directions in Early Medieval Studies*, ed. by Jennifer R. Davis and Michael McCormick (Aldershot, 2008), 35.

²⁹⁰ См., впрочем, попытки идентифицировать предметы, в том числе из восточноевропейских находок, относящиеся к работорговле: Joachim Henning, "Gefangenenfesseln im slawischen Siedlungsraum und der europäische Sklavenhandel im 6. bis 12. Jh.: Archäologisches zum Bedeutungswandel von 'sklabos-sakaliba-sclavus'," *Germania* 70 (1992), 403–426.

Во всяком случае, «археологического языка» для обсуждения проблемы работорговли в Восточной Европе еще нет.

Отсутствие языка, а также опыта разговора о работорговле в контексте восточноевропейской истории не отменяет того очевидного факта, что подъем крупномасштабной торговли людьми в X веке коррелирует с возникновением в Восточной Европе первых центров военной и политической организации, в конечном итоге приведших к созданию Киевского государства.

Торговля рабами на дальние расстояния представляет собой совершенно особый вид экономической деятельности. Чрезвычайно сложная с логистической точки зрения, она опирается на приспособленную или даже специально созданную для этих целей инфраструктуру: транспорт, сеть укрепленных пунктов, вооруженную охрану и т. д. Ее поддержание предполагает полувоенную организацию сообщества работорговцев, обладающих набором умений, далеко выходящих за пределы сугубо коммерческих занятий. Необходимо строить крепости и устанавливать в них гражданский порядок, вести переговоры и заключать союзы с местными вождями, поставляющими рабов, и время от времени предпринимать карательные экспедиции против них. Все это вещи, в которых — при некотором усилии — вполне можно увидеть «возникающее государство» и, конечно же, ошибиться. Но создание коммуникаций и инфраструктуры — только поддела. Дело состоит в том глубоком влиянии, которое работорговля — несравнимо ни с какими иными торговыми занятиями — оказывает как на само сообщество работорговцев, так и на социальные процессы в окружающих его «зонах экстракции» невольников.

Работорговля способна генерировать огромные материальные ценности в достаточно короткое время. Баснословные объемы восточного серебра, текущие в Северную Европу по Великому волжскому пути, а по дороге питающие так называемые «протогородские центры» Восточной Европы, служат индикатором размаха этой торговли. В литературе уже отмечалось, что многочисленные укрепленные торговые центры, возникающие на периферии каролингского мира, такие как Дублин, Хедебю, Старе Место, Нитра и другие, своим взлетом, коротким процветанием и затем таинственно стремительным упадком в посткаролингское время, вероятнее всего, обязаны именно работорговле. Обычно археология понимает расцвет этих «городов» как след-

ствие подъема аграрной экономики в их сельскохозяйственных округах. Но археологически отчетливые маркеры работорговли в сочетании с известиями письменных источников о торговле людьми подсказывают, что подобные объяснения либо неверны, либо неполны²⁹¹. Вероятно, в еще большей степени это касается «протогородских центров» Восточной Европы, и тем более ее севера, где о сколько-нибудь существенном сельскохозяйственном производстве в IX–X веках говорить не приходится, а торговые центры возникают в малонаселенных и малопродуктивных территориях.

В конце I тысячелетия работорговля оказывается повсеместным явлением на окраинах бывшего римского мира. Для некоторых его частей она служит едва ли не единственным источником притока богатства извне. Один из главных тезисов обобщающего труда Майкла Маккормика о европейской экономике постримского времени состоит в утверждении решающей роли работорговли для хозяйственного подъема каролингского Запада в VIII–IX веках. Продажа рабов для чрезвычайно емких рынков южного и восточного Средиземноморья, а также Ближнего Востока становится главным источником западного богатства и «первым крупным импульсом для развития европейской коммерческой экономики»²⁹².

Другим следствием работорговли оказывается глубокое социальное и политическое переформатирование тех зон, откуда рабы извлекаются. Было бы ошибкой думать, что в работорговле только одна сторона — торговцы — получает выгоды. Они, разумеется, извлекают наибольшие преимущества. Но даже в условиях Средневековья работорговля редко представляет из себя откровенную «охоту на людей» (быть может, за исключением рейдов викингов на севере и арабов в Средиземноморье). Для постоянного притока невольников необходимо сотрудничество с локальными элитами в «зонах извлечения». Поставщиками работорговцев, таким образом, оказываются местные князьки и вожди, получающие в обмен на невольников нечто весьма существенное. Это, прежде всего, предметы престижного потребле-

²⁹¹ Joachim Henning, "Strong Rulers — Weak Economy? Rome, the Carolingians and the Archeology of Slavery in the First Millennium AD," 48–49.

²⁹² Michael McCormick, *Origins of the European Economy: Communications and Commerce A. D. 300–900* (Cambridge, 2001), 758–776.

ния — драгоценные ткани, дорогая одежда и ювелирные украшения — иначе, чем через посредничество дальней торговли, недоступные. Это также не производимые местно предметы вооружения, зачастую богато украшенные. Все это в руках элит оказывается важным социальным ресурсом и способствует возвышению над соплеменниками, демонстрации и подтверждению статуса. Трудно сомневаться, что именно такое происхождение имеют предметы дальней торговли (западноевропейское и скандинавское оружие, византийские и восточные «импорты»), археологически обнаруживаемые на восточноевропейских памятниках (городищах и сельских поселениях), совершенно очевидно в этой торговле не участвующих и расположенных далеко от ее магистралей и даже второстепенных ответвлений. Участие в работоторговле гораздо удовлетворительнее объясняет проникновение подобных вещей в славянскую среду, чем те предположения, что предлагаются обычно, а именно: экономическое развитие аграрной округи, следы непосредственных контактов с внешним миром, собственная торговля или цепь «малых обменов».

Проиллюстрируем это утверждение двумя примерами, относящимися к региону, традиционно ассоциируемому с летописными древлянами.

Из села Бичева Любарского района Житомирской области происходит находка скандинавского меча, относящегося к типу В по Петерсену. Меч датируется временем ранней Эпохи викингов (конец VIII — IX век) и принадлежит к числу хорошо известных по находкам на территории Франкской империи и Скандинавии. Из окрестностей села Листвин Дубенского района Ровенской области происходит еще одна редкая для Восточной Европы находка: так называемый «крылатый» наконечник копья, относящийся к концу VIII — началу IX века. Подобные наконечники копий считаются производством каролингских мастерских, но представлены они и среди скандинавских находок²⁹³. Оба предмета, следовательно, попали в Среднее Приднестровье при несомненном скандинавском посредничестве. Однако попытки интерпретировать находки сразу же наталкиваются на две проблемы.

²⁹³ Fedir Androshchuk, *Vikings in the East. Essays on Contacts along the Road to Byzantium A. D. 800–1100* [Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Byzantina Upsaliensia 13] (Uppsala, 2013), 80.

Во-первых, каким образом эти предметы вооружения оказались так далеко от центров скандинавского присутствия или путей передвижения в Восточной Европе? Во-вторых, обе вещи очень ранние — конца VIII — начала IX века. Получалось бы, что регион южного Полесья вступил в контакт со скандинавами едва ли не ранее всех других в Восточной Европе, одновременно с Ладогой и задолго до Киева. Объяснить интерес скандинавов к этому бедному ресурсами глухому углу, да притом еще и столь ранний, совершенно нечем. Альтернативное объяснение, предполагающее, что оружие проникло к древлянам по воображаемому сухопутному пути из Регенсбурга в Киев, также маловероятно, и, в основном, по тем же мотивам.

Обе находки, осмысленные в контексте работорговли, извлекаются из разряда откровенных головоломок. Известно, что работорговые корпорации и государства крайне неохотно предоставляли местному населению оружие. Иногда, например португальцами, вводились даже прямые запреты на ввоз и торговлю вооружением. Тем не менее, различными путями оружие все же проникало в «зоны экстракции». По понятным соображениям, это, как правило, было либо устаревшее, либо вышедшее из употребления и потерявшее ценность оружие. Таким образом, меч и наконечник копья оказались у славян, конечно же, не на рубеже VIII–IX веков, когда эти предметы бытовали на Западе, но гораздо позже, а мигрировали внутри славянских территорий далеко на запад от Днепра уже благодаря своим новым владельцам. Надо думать, такое же происхождение имеют и все другие находки западного оружия, обнаруженные на славянских территориях вне скандинавского контекста.

Другой пример гораздо более показателен. До второй половины X века центром и главным городом древлянских территорий был Искоростень. В письменных источниках он известен преимущественно благодаря сохраненному летописью красочному преданию об убийстве древлянами киевского князя Игоря и мести его вдовы Ольги, уничтожившей город и его жителей. Археологическое изучение памятников, соотносимых с летописным Искоростенем, действительно засвидетельствовало гибель города около середины X века в результате каких-то военных действий. Благодаря тому, что жизнь на большинстве из них не возобновилась, в распоряжении археологии оказался редкий случай «моментального снимка» города во время его уничтожения и разграбления.

Археологический комплекс Искоростеня состоит из трех укрепленных городищ на правом высоком берегу р. Уж и четырех курганных могильников. Также открыто сельское поселение, примыкающее к одному из городищ. Предназначение этих последних не совсем ясно: они расположены компактно, практически в пределах прямой видимости (ок. 120 и 750 м друг от друга), все небольших размеров (ок. 1 га) и хорошо укреплены. Их военная функция не вызывает сомнений, но необходимость одновременного существования трех крепостей на столь ограниченном пространстве труднообъяснима: соображения обороны или контроля над речным путем не требовали бы такой избыточности.

Нас, однако, интересует другой неожиданный результат раскопок — поразительное богатство населения Искоростеня. Значительное количество золотых и серебряных украшений, массивных и высокого качества, было обнаружено при исследовании как погребений, так и поселения. Примечательно, что многие из них имеют отношение к дальней торговле, как, например, вещи несомненно скандинавского и моравского происхождения, а также арабские монеты. Нужно учитывать, что это только часть действительного богатства, случайно уцелевшая во время разграбления города в середине X века и выявленная достаточно ограниченными раскопками. В целом, как отмечают, исключительный по числу, богатству и высокому качеству исполнения набор ювелирных вещей, происходящий из раскопок Искоростеня, соперничает с аналогичными материалами, известными из раскопок киевских могильников, а в некотором отношении даже превосходит их²⁹⁴.

Между тем, отыскать источники такого исключительного благосостояния Искоростеня в окружающей его земле древлян невозможно. Летописная Деревя представляет собой южную часть Припятского Полесья. Это край, практически сплошь покрытый лесами, частью заболоченный, с бедными песчаными почвами и потому традиционно слабо развитым сельскохозяйственным производством. Фактически населению здесь были доступны только лесные промыслы. Все это не создает сколько-нибудь существенного богатства, и историче-

²⁹⁴ Звіздецький Б. А., Петраускас А. В., Польчуй В. І. *Нові дослідження стародавнього Іскоростеня. Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст. К.*, 2004, 51–86; Fedir Androshchuk, *Vikings in the East*, 69–73.

ски эти земли оставались одним из наиболее бедных регионов Среднего Приднепровья вплоть до новейшего времени. Территорию пересекают несколько рек, но все они текут на север и впадают в Припять, и только одна из них, Случь, в средневековые времена была судоходной. Крупные торговые пути традиционно огибали Полесье, так что предполагать какие-то выгоды из особо удачного коммерческого положения Деревы также не приходится. Даже в раннее Новое время Припятское Полесье считалось достаточно изолированным регионом. Единственным по-настоящему ценным природным ресурсом, доступным для эксплуатации средневековым населением, оказываются залежи пиррофилитового сланца (так называемого овручского шифера). Этот красивый и удобный в обработке камень стал предметом мирового экспорта бывшей Древлянской земли. Однако, судя по хронологии самого массового изделия из овручского шифера — пряслиц, промышленная разработка месторождения началась не ранее конца X века, то есть уже за пределами интересующего нас времени²⁹⁵.

Иными словами, если бы население Искоростеня опиралось на местные хозяйственные и природные ресурсы, ему попросту нечего было бы предложить в обмен на археологически обнаруженное золото и серебро. Никакой самостоятельной дальней торговли население региона вести было не в состоянии, и, например, находки украшений с близкими аналогиями из Моравии отнюдь не свидетельствуют о торговых или иных контактах древлян с этим регионом.

По существу, у древлянской элиты был единственный товар, имеющий спрос за пределами ее узкого мира — рабы. Без предположения о вовлеченности древлян в работоторговлю киевских русов объяснить богатство Искоростеня не представляется возможным. В самом деле, присутствие среди находок скандинавских украшений и арабских монет указывает, что их источником был бассейн Днепра и проникали они, как, вероятно, и все другие «заморские» ценности, благодаря

²⁹⁵ По-прежнему наилучшим объяснением для возникновения овручского камнерезного промысла остается гипотеза Б. А. Рыбакова о его связи с началом широкомасштабного монументального строительства в Киеве на рубеже X—XI вв. Месторождения пиррофилита были разведаны и первоначально разрабатывались для добычи строительного камня; изготовление предметов мелкой пластики, в том числе и пряслиц, пришло позже (Рыбаков Б. А. *Ремесло Древней Руси*. М., 1948, 188—196).

скандинавским русам. «Славиния» древлян была первой, в которую, согласно Константину Багрянородному, навывались росы во время своего зимнего полюдя. Очередность посещения в процессе «кружения» диктовалась географическими условиями, но не исключено, что и другие соображения — как, например, объем и качество «живого товара» — также принимались в расчет. Как бы там ни было, в случае древлянского Искоростеня перед нами редкостное совпадение письменных известий о работоторговле с археологическими свидетельствами.

Вполне может оказаться, что, «подсвеченные» знанием о работоторговле в Восточной Европе, археологические свидетельства станут появляться. Некоторые можно даже предсказать. Работоторговцы, как отмечает Майкл Маккормик, должны были концентрировать большие массы рабов в каких-то пунктах сбора, прежде чем отправить их на рынки. Учитывая условия содержания, плохую санитарию, нужно предполагать достаточно высокую смертность. Поблизости от таких пунктов можно ожидать, следовательно, большого количества захоронений с необычным для нормальной популяции распределением возрастных и гендерных особенностей: преимущественно молодых мужчин²⁹⁶. В случае Восточной Европы читателя археологической литературы поражает контраст между достаточно скромными «протогородскими» центрами и огромными могильниками, находящимися вокруг них. Размеры могильников, как правило, во много, иногда в десятки раз превышают площадь поселений. Такая ситуация прослежена, в частности, в Киеве, Шестовице, Чернигове, Гнездове, Тимереве. Например, в Гнездове насчитывают от 3000 до 5000 курганных насыпей. В рамках обычных представлений, предполагающих, что основной функцией «протогородских» центров была поддержка сезонной торговли, а значит, население здесь было немногочисленным, нестабильным, часто сменялось, да и проживало в большинстве случаев только часть года, объяснить размеры кладбищ просто невозможно. Количество мертвых явно превышало число живых. Основная масса людей, похороненных вокруг «протогородских» центров, не проживала в них, и, следовательно, объемы кладбищ могут объясняться только постоянным притоком больших количеств людей извне. Кроме того,

²⁹⁶ Michael McCormick, *Origins of the European Economy*, 741–742.

что для такого количества людей невозможно найти место проживания, им невозможно найти и занятия: ни скромное ремесло, ни слаборазвитое сельскохозяйственное производство не в состоянии были абсорбировать сколько-нибудь значительную миграцию. Единственное, что можно сказать об этих людях: они прибывали, часть их умирала, а выжившие отправлялись дальше. Это, в целом, соответствует нормальной картине работорговли²⁹⁷.

На общем фоне ожидаемо выделяется Рюриково городище. Могильник, который соотносился бы с этим укрепленным пунктом, до сих пор не обнаружен. Разумеется, и здесь люди умирали, и их где-то хоронили. Трудности археологического обнаружения кладбища, скорее всего, обусловлены его «нормальными» пропорциями относительно населения городища. Рюриково городище вполне обоснованно считается археологическим эквивалентом Новгорода письменных источников X века. Как мы видели, Новгород не входил в систему полюдья киевских росов, как оно описано Константином Багрянородным. Маршруты полюдья сложились раньше основания или захвата Новгорода киевскими варягами. Рюриково городище, где в середине X века находился князь и, надо думать, его вооруженная дружина (что нашло отражение в элитарном и воинском облике материальной культуры), выполняло иные функции: демонстрации военного и политического присутствия, но не пункта сбора и транспортировки живого товара. Соответствующий ему могильник не мог быть обширным.

В противоположность хорошо документированному размаху работорговли на христианском Западе, источники поступления рабов в необходимых для нее объемах остаются предметом поисков. Сво-

²⁹⁷ Не следует думать при этом, что рабов хоронили в «массовых захоронениях» без обряда. Напротив, их могилы не должны были особенно выделяться на фоне других погребений невысокого статуса. Как продемонстрировали раскопки невольничьего кладбища XVIII в. в Нью-Йорке, африканских рабов хоронили в индивидуальных могилах западно-восточной ориентации, в деревянных покрытых саваном гробах, то есть во многом подобно тому, как хоронили и белых жителей города. Только присутствие бус и раковин, а также некоторых других артефактов указывает на культурные отличия, основанные на африканских традициях (см.: Michael L. Blakey, "Race, Nationalism, and the Afrocentric Past," *Making Alternative Histories. The Practice of Archaeology and History in Non-Western Settings*, ed. by P. Schmidt and T. C. Patterson (Santa Fe, 1995), 213–228).

бодными людскими ресурсами для этого Европа VIII–IX веков практически не обладала. «Европейцы охотились [на людей] и захватывали полон по всему континенту», — утверждает Майкл Маккормик²⁹⁸. Но подобные внутренние войны с выраженной целью захвата рабов трудно подтвердить источниками. Полагают поэтому, что наиболее стабильным источником рабов были ведущиеся на периферии каролингского мира войны: со славянами в Центральной Европе, с арабами на Пиренеях, покорение саксов и т. д.²⁹⁹ Захваченные в результате военных действий пленные, как правило, обращались в рабов и предназначались для продажи на рынках востока. В Средиземноморье картина была несколько отличной. Здесь также Византия получала наибольшие объемы невольников, обращая (на Балканах, в Малой Азии) пленных в рабов. Не менее значительным источником рабства было пиратство. Арабские работорговцы охотились на людей по всему христианскому побережью, захватывая и увозя огромный полон, и византийцы часто отвечали им тем же³⁰⁰.

Условия Восточной Европы подсказывают, что аналогией здешней работорговли скорее должна выступать деятельность португальцев, а впоследствии и европейских колониальных компаний, на западноафриканском побережье в XV–XVII веках, чем раннесредневековая работорговля в континентальной Европе или Средиземноморье.

Работорговля изначально не входила в число главных стимулов для продвижения португальцев на юг вдоль африканского побережья. Как и скандинавских торговцев в Восточной Европе, их прельщала возможность достичь источников драгоценного металла, прежде всего золота. Однако уже первые экспедиции привезли достаточное количество рабов, и вскоре стало ясно, что работорговля обещает не менее выгодные перспективы, чем вывоз золота, слоновой кости или специй. В течение второй половины XV века португальцы разведали Гви-

²⁹⁸ Michael McCormick, *Origins of the European Economy*, 733.

²⁹⁹ Michael McCormick, *Origins of the European Economy*, 744–752; см. также: Joachim Henning, “Slavery or Freedom? The Causes of Early Medieval Europe’s Economic Advancement,” *Early Medieval Europe* 12 (3) (2003), 271–273; Florin Curta, “East Central Europe,” *Early Medieval Europe* 12 (3) (2003), 291.

³⁰⁰ Youval Rotman, *Byzantine Slavery and the Mediterranean World*, transl. by Jane Marie Todd (Cambridge, MA, 2009), 27–81.

нейский залив и его острова, в 1482 году открыли устье реки Конго и к концу столетия обосновались на побережье Анголы. Эти территории — гвинейский Невольничий берег, Конго и Ангола — на несколько столетий станут главными поставщиками невольников для трансатлантической торговли людьми.

Первоначально португальцы промышляли на рабов, высаживая с кораблей вооруженные партии и отлавливая необходимое количество людей на материке. Но вскоре увеличение спроса потребовало существенно иных объемов поставок товара, которые простая охота на людей уже не могла обеспечить. Нарастающее сопротивление африканцев также понуждало к переходу от набегов и грабежей к более мирным и дипломатическим средствам. Со временем португальцы развили несколько систем торговых отношений с туземцами, принаравливаясь к условиям в различных регионах африканского берега. Тем не менее, их общей чертой являлось то, что это была торговля, опирающаяся на комплекс укрепленных поселений и военных фортов, построенных на побережье, а со временем и в некоторых стратегически важных пунктах по течению крупнейших рек. Число европейцев в них всегда оставалось ничтожным по сравнению с окружающим местным населением, португальцы не владели территориями за пределами своих фортов, в глубине континента, а все деловые предприятия осуществлялись на землях, контролируемых африканскими правителями. Успех работорговли зависел от того, насколько успешно удастся наладить отношения с местными вождями и царьками, европейцы добивались их благосклонности подарками и подношениями, заключали договоры, предлагали выгодные условия торговли³⁰¹.

Португальцы добывали рабов тремя главными способами: в результате войн с местными правителями, в виде дани, наложенной на

³⁰¹ Общий очерк европейской трансатлантической работорговли см.: Basil Davidson, *The African Slave Trade. Revised and expanded edition* (Boston, 1980); James A. Rawley with Stephen D. Behrendt, *The Transatlantic Slave Trade. A History*. Revised edition (Lincoln and London, 2005); Herbert S. Klein, *The Atlantic Slave Trade*. New edition (Cambridge and New York, 2010); о португальской работорговле см.: James A. Rawley with Stephen D. Behrendt, *The Transatlantic Slave Trade*, 18–44; Linda A. Newson and Susie Minchin, *From Capture to Sale. The Portuguese Slave Trade to Spanish South America in the Early Seventeenth Century* (Leiden and Boston, 2007); Toby Green, *The Rise of the Trans-Atlantic Slave Trade in Western Africa, 1300–1589* (Cambridge, 2012).

побежденные народы, и в процессе торговли с африканцами, частной или под государственным патронатом³⁰². При том, что самое воз- можность работорговли создавали технологическое и военное превос- ходство европейцев, португалыцы всегда предпочитали торговлю всем иным способам извлечения рабов. Невольников покупали, главным образом, у местных африканских вождей в обмен на предметы пре- стижного потребления: текстиль, медную и бронзовую посуду, оружие, алкоголь и т. д. Ценность этих вещей в обмене с африканцами не обя- зательно отражала их рыночную стоимость в Португалии или Испа- нии, но в гораздо большей степени показывала их социальную значи- мость внутри африканских сообществ — престижность, изменчивость вкусов элит, жажду разнообразия. Искусство работорговли, таким об- разом, состояло не только в оценке возможных объемов поставок не- вольников каким-либо из вождей, но и в определении предметов, ко- торые могут быть им ценимы. (Например, в регистре груза одного из португальских торговцев находим оружие, обозначенное как «золо- тые клинки», следовательно, декоративное и церемониальное, несо- мненно предназначенное для обмена или подарков какому-то из аф- риканских вождей³⁰³.)

Следствием опоры португалыцев на торговый обмен стала их даль- няя торговля (во многом напоминающая раннесредневековую даль- нюю торговлю русов), в которой португалыцы выполняли сходную роль посредников между различными, специализированными и да- леко отстоящими друг от друга рынками. Главным потребителем не- вольников были европейские колонии в Новом свете. Основным поставщиком товаров, на которые выменивали африканских рабов, выступали промышленно развитые страны Старого света. Преиму- щественно аграрные экономики Португалии и Испании не были в со- стоянии произвести необходимые для торговли предметы, а потому текстиль и одежду, например, нужно было импортировать из Англии, Фландрии, Франции, металлическую посуду — из Германии, Флан- дрии и Италии³⁰⁴. Португальцам же принадлежала военная и торго-

³⁰² Linda A. Newson and Susie Minchin, *From Capture to Sale. The Portuguese Slave Trade to Spanish South America in the Early Seventeenth Century*, 58.

³⁰³ См.: там же, 45.

³⁰⁴ См.: там же, 38–49.

вая инфраструктура на Африканском берегу, а также система коммуникаций между Европой, Африкой и Новым светом. Таким образом, ежегодный торговый цикл в самом общем виде выглядел следующим образом. В северной Европе необходимо было приобрести товары, которые затем перевезти к западноафриканскому побережью. Здесь их следовало продать или выменять на необходимое количество рабов. Затем переправить невольников через Атлантический океан и сбыть конечному потребителю в испанских колониях или Бразилии.

Европейское население факторий и фортов было не только малочисленным и локализованным на самой кромке Атлантики, но еще и непостоянным. Службу здесь португальцы, а позднее чиновники голландской Вест-Индской компании, рассматривали как занятие временное, способ заработать денег и вернуться на родину. Многим это так и не удавалось: тропические болезни и непривычный климат приводили к высокой смертности и, следовательно, частой сменяемости персонала (половина директоров-распорядителей голландской Вест-Индской компании умерли на службе в Африке, успевая в среднем прослужить два года и семь месяцев; смертность среди англичан была еще выше — 60 % умирало в течение первых восьми месяцев службы)³⁰⁵. Но были и группы европейцев, решивших навсегда связать свои судьбы с Африканским берегом.

Этнографический облик волжской группы русов, описанной Ибн Фадланом, оставляет мало сомнений в том, что перед нами — сообщество людей, находящихся в процессе этнической, культурной и социальной адаптации, ассимиляции и абсорбции³⁰⁶. В связи с возобновившимися дискуссиями о природе сообществ русов, их вероятной креолизации и способах встраивания в социальные и культурные условия Восточной Европы, небезынтересными могут оказаться примеры аналогичных групп европейцев на африканском континенте.

На обширнейшем Гвинейском берегу португальцы добывали рабов, пользуясь посредничеством людей, именуемых *lançados* (от порт. *lançar* — бросать, выбрасывать). Название толкуется по-разному: те,

³⁰⁵ Johannes Menne Postma, *The Dutch in the Atlantic Slave Trade, 1600–1815* (Cambridge and New York, 2008), 65–68.

³⁰⁶ James E. Montgomery, “Ibn Fadlān and the Rūsiyyah,” *Journal of Arabic and Islamic Studies* 3 (2000), 23.

кто бросился в объятия африканцев или «выбросил» себя из европейского сообщества, словом — изгой. Первые сообщества *lançados*, вероятно, возникли в 1490-х годах, и к началу XVI века их число и значение было уже таково, что правительство пыталось бороться с этим явлением, вводя запретительные и ограничительные меры. В отличие от собственно португальцев, *lançados* проживали среди туземного населения, под протекцией африканских вождей. Именно *lançados* отправлялись в глубину континента, проводя многие месяцы в полюдые и приводя на побережье, к португальским фортам, партии невольников. Многие из *lançados* становились настолько глубоко интегрированы в африканские сообщества, что носили туземную одежду, им позволялось брать в жены местных женщин. Африканские вожди рассматривали *lançados* как «гостей», обязанных подчиняться местным обычаям и законам, а также вести «африканский» образ жизни. В ответ на гостеприимство *lançados* должны были делать различные «подарки» вождям, при помощи которых покупалась протекция, а также доступ к источникам товаров и пунктам обмена. Ко второй половине XVI века число *lançados* и количество их поселений внутри континента возросло настолько, что исследователи связывают с ними возникновение пан-региональной креольской культуры Атлантического побережья³⁰⁷.

Аналогичное сообщество «полупортугальцев» на Ангольском берегу именовалось *rombeiros*. Хотя методы работорговли в Анголе отличались от практикуемых на Гвинейском берегу и военная сила здесь применялась гораздо чаще, роль *rombeiros* была существенна. Работая в союзе с португальскими купцами или от их имени, *rombeiros* организовывали караваны в глубь континента, где обменивали европейские товары на рабов. Жан Барбо, служащий французских африканских компаний и сам работорговец, отмечал в 1682 году, что *rombeiros* приобретают невольников за сто пятьдесят или даже двести лиг от побережья, там остаются иногда на целый год, по окончании которого приводят партии по четыре, пять или даже шесть сотен рабов. Если *rombeiros* встречали сопротивление, их кружение поддерживалось во-

³⁰⁷ См.: Toby Green, *The Rise of the Trans-Atlantic Slave Trade in Western Africa*, 115–170; Linda A. Newson and Susie Minchin, *From Capture to Sale. The Portuguese Slave Trade to Spanish South America in the Early Seventeenth Century*, 33–43.

енной силой португальцев. Когда государство Матамба (на территории современной Анголы) закрыло для *rombeiros* доступ, против них в 1681 году была направлена экспедиция, и по условиям заключенного договора Матамба обязалась не вмешиваться в дела *rombeiros*, но охранять их, а также сохранять мирные отношения с их союзником — работорговым государством Касанже³⁰⁸. Значение *rombeiros* и их караванов для работорговых операций было таково, что со временем это название стало общим для всех торговцев, действовавших в глубине континента³⁰⁹.

Трудно не увидеть в этих первоначально европейских сообществах торговцев — *lançados* и *rombeiros* — некоторые знакомые черты сообщества русов, восстанавливаемого на основании письменных и археологических источников. И те, и другие изначально представляли собой выходцев из далеких краев, отличались по языку, культуре и, разумеется, внешнему облику от местного населения. Однако деятельность в новом окружении и в рамках строго определенных занятий постепенно приводила к возникновению новых групповых идентичностей, а также креолизации сообществ и, как следствие, к утрате прямой ассоциации с исходной культурой (*lançados* и *rombeiros* — с португальской, русов — со скандинавской). Как и в случае с русами, внешнему наблюдателю трудно однозначно сказать: что в имени? Обозначает ли оно профессиональное занятие или указывает на некую «этничность» (именно это составляет излюбленный предмет ученых размышлений о русах)? *Lançados* и их потомки, например, идентифицировали себя как португальцы и христиане, но вместе с тем обладали определенным набором этнических маркеров: особым коллективным названием, отчетливой материальной культурой, креольским языком, часто смешанным расовым типом³¹⁰. Разумеется, их деятельность, которая протекала на глазах португальской администрации, является хорошо (по меркам средневековой истории) документированной. Мы знаем, кто они и откуда, известны многие имена и даже индивидуальные

³⁰⁸ James A. Rawley with Stephen D. Behrendt, *The Transatlantic Slave Trade*, 30–31.

³⁰⁹ Roland Oliver and Anthony Atmore, *Medieval Africa, 1250–1800* (Cambridge and New York, 2001), 173–174.

³¹⁰ Peter Mark and José da Silva Horta, *The Forgotten Diaspora: Jewish Communities in West Africa and the Making of the Atlantic World* (New York, 2011), 5–7.

биографии. Но — поставим мысленный эксперимент — происходи события в дописьменную эпоху и располагай мы только случайными упоминаниями в записках путешественников и географических трактатах, lançados выглядели бы таким же таинственным народом Африки, как русь — Восточной Европы, и дискуссии об их происхождении велись бы сходные.

Вот один пример. 2 февраля 1811 года в город Тете (современный Мозамбик) к Константину Перейра де Азеведо, губернатору рек Сены, прибыло посольство от правителя расположенного к западу государства Казембе. Вместе с посольством Казембе направил двух европейцев, прибывших в его владения из Анголы, но из-за враждебности окружающих племен и начавшихся войн оказавшихся не в состоянии вернуться домой. Губернатор выяснил, что прибывшие с посольством были не португальцами, но от рода rombeiros. Им было предложено возвращаться кружным путем на корабле, но они выбрали тот же сухопутный маршрут, каким и прибыли.

В подобном кратком изложении история удивительно напоминает запись под 839 годом в Бертинских анналах о прибывших в Ингельгейм росах, оказавшихся на деле свеонами. Если бы только в виде анналистической заметки (как в предыдущем абзаце) она и сохранилась для потомков, мы гадали бы, что это за таинственные люди, представляющиеся европейцами правителю Казембе, а среди португальцев оказывающиеся rombeiros; какова была цель их путешествия; к какому народу они принадлежали и где этот народ обитал в Африке. Словом, это были бы те же вопросы, которые уже почти триста лет задают тексту Пруденция по поводу росов. Туземный царь Мвата Казембе не поинтересовался у этих двух rombeiros, кто их верховный правитель, но если бы спросил, получил бы ответ: принц-регент, и находится он в Бразилии³¹¹ (трудно даже представить количество гипотез, объяснявших бы это странное обстоятельство; среди них несомненно было бы несколько в том смысле, что народ rombeiros соперничал с империей португальцев, присвоив титул ее правителя). К счастью, дело было в XIX веке, и экспедиция rombeiros Педро Жоао Батисты и Амаро Жозе хорошо документирована официальной перепиской

³¹¹ Спасаясь от французских войск, принц-регент, будущий король Жуан VI, в 1807 г. бежал со своим двором в Бразилию, откуда и правил португальскими колониями.

и даже дневниками путешествия³¹². Она была примечательным событием и несомненным географическим открытием: впервые был разведан сухопутный маршрут из Анголы в Мозамбик.

Широкомасштабная работорговля, вовлекающая туземные сообщества, приводит к кардинальным социальным и экономическим изменениям в зонах извлечения товара. К сожалению, за полным отсутствием источников, перемены, которые принесли с собой в жизнь восточноевропейских народов варяжские работорговцы, не поддаются точной оценке. Но какое-то впечатление о возможных последствиях можно составить на основании аналогий.

Когда европейцы впервые прибыли на западноафриканское побережье во второй половине XV века, они застали мир, радикально отличающийся от того, который возникнет благодаря их вмешательству. Главные центры населения и основные центры власти находились не на побережье Атлантики, а глубоко внутри континента, где такие государства, как древняя Гана, Мали и Канем, контролировали огромные пространства Сахеля, тропических саванн, протянувшихся с запада на восток вдоль южных границ Сахары. Сеть торговых путей западной Африки собиралась в большие караванные дороги, пересекающие Сахару и достигающие Средиземноморья. Торговля с севером и служила экономической основой процветания государств западной Африки. Напротив, побережье Атлантики было малозаселенным, здесь отсутствовали крупные центры обмена, а население обладало примитивными навыками политической организации. Исключением был город-государство Бенин, но, в целом, до прихода португальцев, построивших первые форты и фактории, городской жизни и развитого обмена Атлантическое побережье не знало. Деятельность европейцев, в том числе и работорговля, постепенно привела к тому, что западноафриканская торговля постепенно переместила свой фокус с Сахары на Атлантику. Главные потоки товаров и людей стали двигаться не с юга на север, а с запада на восток³¹³.

³¹² См.: *Lacerda's journey to Cazembe in 1798 translated and annotated by captain R. F. Burton, F. R. G. S. Also journey of Pombeiros P. J. Baptista and Amaro José, across Africa from Angola to Tette on the Zambebe translated by B. A. Beadle. And a résumé of the journey of MM. Monteiro and Gamitto by Dr. C. T. Beke* (London, 1873), 167–244.

³¹³ Johannes Menne Postma, *The Dutch in the Atlantic Slave Trade*, 84.

Не менее серьезные следствия имела европейская работорговля для политического и социального переустройства жизни западноафриканских народов. Влияние это оказывалось разным, и взаимодействие с европейцами подчас приводило к противоположным результатам в различных регионах. Но и здесь можно увидеть тенденцию: работорговля вела к фрагментации политического устройства, ослаблению гегемонии традиционных центров власти, находящихся, как правило, в глубине континента, и усилению или даже возникновению в непосредственном контакте с европейцами новых государственных образований³¹⁴. Прибрежные вожди богатели, упрочивался их престиж и военная сила, и со временем уже народы побережья начинают все чаще вести войны в глубине континента с выраженной целью добыть рабов для продажи европейским торговцам³¹⁵. Хотя регионы западной Африки испытали различное воздействие в различные периоды, в целом исследователи наблюдают очевидную корреляцию между завоеваниями и территориальной экспансией, осуществлявшимися коренными африканскими государствами, многие из которых были расположены довольно далеко от моря, и поставками рабов в определенных пунктах Атлантического побережья³¹⁶.

5. «ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ»

Исследователи торговли невольниками в раннем Средневековье выделяют три рынка, различающиеся уровнем долгосрочных цен на рабов. На латинском Западе цены оставались стабильно низкими, на мусульманском Востоке — стабильно высокими. Разница оказывалась весьма существенной: как демонстрируют собранные Майклом Маккормиком данные, цена раба на Западе была эквивалентна в среднем 6,7—11 солидам (30—50 г золота), тог-

³¹⁴ Peter Mark and José da Silva Horta, *The Forgotten Diaspora*, 2—4.

³¹⁵ Linda A. Newson and Susie Minchin, *From Capture to Sale. The Portuguese Slave Trade to Spanish South America in the Early Seventeenth Century*, 54—55.

³¹⁶ Roland Oliver and Anthony Atmore, *Medieval Africa, 1250—1800*, 74—78.

да как на Востоке она могла превышать 44 солида (200 г)³¹⁷. Причины такого взлета цен на Востоке (в сравнении с поздней Античностью) только угадываются (относительное богатство халифата? ограниченные источники рабов? особенности хозяйственного устройства? мотивы идеологического порядка?), но ясно, что основным потребителем рабов в раннем Средневековье выступал мусульманский Восток, и потоки работорговли были направлены, главным образом, с запада на восток Средиземноморья. Дело это, судя по всему, было прибыльным: в процессе транспортировки цена невольника могла утраиваться и даже учетверяться.

Географически Византия находилась между этими двумя рынками, и цены на рабов здесь, предсказуемо, оказываются «средним арифметическим» — выше западных, но ниже восточных. К сожалению, именно для Византии абсолютные цены достаточно редки, но для X века все же существуют, и — так уж случилось — договоры с Русью поставляют большую половину сведений.

Договор, заключенный Византией с эмиром Алеппо в 969 году, предусматривал особую статью о порядке взаимного возврата беглых рабов и ценах, по которым их следует выкупать у новых владельцев. За взрослого мужчину нужно было заплатить 30 «греческих динаров», за женщину — 20, за юношу или девушку — 15³¹⁸. С этими цифрами сопоставимы цены выкупа рабов, предусмотренные договором с Русью 911 года — 20 номисм:

еще* и ѿ хрѣтъане* ѿ полонены* ѿ коеа любо страны приходящи* в Роуѣ. се продаеми бывають по. ѿ. золота и да приидоу* в Грекы³¹⁹

³¹⁷ Michael McCormick, *Origins of the European Economy*, 754–758; см. также: Kyle Harper, “Slave Prices in Late Antiquity (and in the Very Long Term),” *Historia: Zeitschrift für alte Geschichte* 59 (2) (2010), 235–237.

³¹⁸ Youval Rotman, *Byzantine Slavery and the Mediterranean World*, 55. Вероятно, здесь имеется в виду византийский солид или номисма весом в 4,48 г, а не собственно динар, как полагает Маккормик (см. его таблицу 25.1: Michael McCormick, *Origins of the European Economy*, 756–757).

³¹⁹ ПСРЛ 1: 36; ПСРЛ 2: 27. См.: Филипчук А. М. Пленные русы в русско-византийских договорах: цена и обмен. *Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. XXV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто и члена-корреспондента АН СССР А. П. Новосельцева, Москва, 17–19 апреля 2013 г.: материалы конференции.*

Более низкая цена выкупа в договоре 911 года (20 номисм) объясняется, вероятно, тем, что здесь речь идет не столько о беглых рабах (рыночная цена которых и устанавливает цену выкупа), но о пленных христианах, оказавшихся в рабстве на Руси³²⁰. С другой стороны, очевидно, что цены на дорогом восточном рынке должны были значительно отличаться от византийских, и тем более — цен в Киеве. Поразительно, но, похоже, цены на рабов в византийско-русских отношениях только падали с течением времени. Через тридцать лет, в договоре 944 года, специальная статья о выкупе оказавшихся на Руси пленных (структурно очень похожая на статью в договоре с Алеппо) предусматривала следующие цены: 10 номисм за юношу или девушку, 8 за взрослого мужчину, 5 за старика или ребенка:

елико х^ееанъ ѿ власти нашеа. плѣнена привести Русь ту. аще будеть оуноша или дѣвица добра. да владать златникъ. ꙗ. и поимуть и. [да аще е^с средови^ѣ. да власть золотникъ]. ѿ. и поимуть и. аще ли будеть старъ или дѣтешъ. да вд^асть златникъ. ѿ. аще ли ѿбращются Русь работающе оу Грекъ. аще ли суть плѣнници. да искупають е Русь. по. ꙗ. златникъ³²¹.

Не только абсолютные цены здесь значительно — в три раза — ниже, чем в договоре с Алеппо, но и, так сказать, шкала ценностей обратная: наиболее ценимы не взрослые мужчины и женщины, а юноши и девушки. Трудно судить, с чем это связано, и можно только гадать: не пытались ли таким образом византийцы сделать возврат христиан привлекательным для росов, имитируя привычные для тех цены на невольников? Но это, разумеется, не цены на константинопольском рынке. «Договорные» цены именно призваны были избежать выкупа по рыночной, более высокой, стоимости, тем самым облегчая возврат пленных на родину. Что коммерческая цена отличалась от указанных в договоре стоимостей, становится ясно из последующей оговорки.

М., 2013, 259–263. Трудно согласиться с автором, что договор предусматривал выплату цены раба, а потом еще и цену пленного. Текст не дает оснований для такой интерпретации, да и стоимость оказывалась бы слишком высокой.

³²⁰ Это, можно думать, была обычная стоимость выкупа христианских пленных. Таковую же цену (20 серебряных монет) русы требовали за пленников во время похода 943–944 г. на Бердаа, что местные жители сочли оскорбительным: их приравнивали к христианам.

³²¹ ПСРЛ 1: 50; ПСРЛ 2: 38–39.

Пленных росов следовало выкупать по 10 номисм. Но если окажется, что раб его нынешним владельцем был приобретен дороже, то именно эта цена и станет выкупом: «аще ли купить [и] буде Гръчинъ подѣ хѣмь. достоить ему да возметь цѣну свою. елико же даѣть будетъ на немь»³²². Договор 911 года также различает (фиксированную) выкупную цену пленника и рыночную стоимость обращенных в рабство пленных, предугадать которую составители договоров, разумеется, не брались³²³.

Стоимость выкупа пленных, не будучи коммерческой, все же должна была отражать общую конъюнктуру рынка. Ясно, что в 944 году уровень цен на русских рабов в Константинополе был вдвое ниже, чем в 911-м. Это падение можно было бы связывать с развитием работорговли за истекший между двумя договорами период и значительно возросшими объемами поставок невольников из Восточной Европы. Но вероятнее другое объяснение, не имеющее отношения к экономике: незадолго до того, в 941 году, русы потерпели катастрофическое поражение во время набега на Константинополь. Византийский рынок был переполнен захваченными в плен русами, и цены их выкупа, видимо, отражают общее падение цен в условиях избыточного предложения³²⁴.

К сожалению, третий из сохранившихся договоров с Византией, договор Святослава 971 года, ничего не говорит о пленных и их выкупе. Следующее известие о работорговле русов в Константинополе происходит уже только из XI века. Оно содержится среди чудес Николая Мирликийского, составленных, как можно судить по некото-

³²² ПСРЛ I: 50; ПСРЛ 2: 39.

³²³ Так, договор 911 г. предусматривал, что русь и греки должны взаимно выкупать пленных, если встретят тех случайно в третьих странах. Заплатив рыночную стоимость, купец имел право на ее компенсацию по возвращении раба на родину:

аще полонаникъ ѿбою странѣ держи* еѣ . или ѿ Рѣси или ѿ Грекъ . проданъ в ѿнѣ странѣ аще ѿбращеть* . ли Рѣсинъ . ли Греченинъ да [искупать и] възрата* искѣпное лице въ свою сторонѣ . и возмоу* цѣнѣ еѣ коупащїи . или мнить* в коуплю над нѣ челадинаа цѣна . [...] и ѿдана боуде* цѣна еѣ якоже ре*но еѣ . яко* есть кѣпла (ПСРЛ I: 36).

³²⁴ Отсюда становится ясно, почему в договоре 944 г. пленные русы не ранжированы по возрастному или гендерному признаку: это не полон, собранный среди гражданского населения, но военнопленные, схваченные на поле боя, и среди них нет, конечно же, детей, девушек и стариков.

рым признакам³²⁵, около середины XI века. Одно из чудес подборки — О человеци егоже избави из желез и ис темницы — повествует о некоем жителе Константинополя по имени Епифаний, человеке богатом и «славную честию поченном от царя Константина». «Имея челядь многу зело», Епифаний решил еще прикупить:

Въсхотѣ оубо на единою потребу коупити отрока на слоужбоу, в ѿ днѣ мѣца декабра, и вземѣ литроу злата ѿ и ѿ златникѣ, и всѣдъ на конь доѣха до торгоу, идѣже роусѣи коупци приходяще челядь продають. не слоучившюжеса емоу коупити, възвратиса въ домъ свой³²⁶.

Агиографическая природа текста не позволяет относиться к его деталям с тем же доверием, что распространяется на документальные источники. Непомерно высокая и притом нарочито выставленная цена «отрока» — литра золота из 72 номисм — хотя и представляет собой не отмеченный исследователями датирующий признак XI века³²⁷, не может быть реальной, но призвана объяснить последующие драматические события чуда³²⁸. К числу агиографически мотивированных деталей относится и указание на пору года — 3 декабря. Св. Нико-

³²⁵ Таковыми считают одновременные упоминания императора Константина и патриарха Михаила, под которыми разумеют Константина IX Мономаха (1042–1055) и Михаила Керулария (1043–1059). Чудеса сохранились в списках от конца XIV в. (см.: Никольский Н. *Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.)*. СПб., 1906, 302–341).

³²⁶ Опубликовано: Леонид, архим. *Житие и чудеса св. Николая Мирликийского и похвала ему. Исследования двух памятников древней русской письменности XI в.* СПб., 1882, 85 [Памятники древней письменности, № 34]; Леонид, архим. *Посмертные чудеса святителя Николая, архиеп. Мир-Ликийского Чудотворца: Памятник древней русской письменности XI в. Труд Ефрема, еп. Переяславского (по пергаменной рукописи исхода XIV в. библиотеки Троице-Сергиевой лавры, № 9)*. СПб., 1888 [Памятники древней письменности, № 72], 25.

³²⁷ С XII века в византийской литре стали насчитывать 96 номисм (см.: Сорочан С. Б. *Византия IV–IX веков. Этюды рынка. Структура механизмов обмена*. Харьков, 2001, 468).

³²⁸ Для сравнения: Скилица сообщает, что в 1043 г., то есть незадолго до описанных в нашем чуде событий, росы якобы требовали от Константина IX контрибуцию по 3 литры на воина, что было воспринято как неоправданно высокая плата. Пселл определяет запрошенную контрибуцию в 1000 статиров (номисм) на корабль, что при 40 гребцах давало бы 25 номисм на человека.

лай должен был совершить чудо в день праздника³²⁹, но караван росов (которым запрещалось зимовать в столице) к этому времени уже давно покинул бы Константинополь. Тем не менее, это весьма важное свидетельство. Оказывается, русь вела работорговлю с Византией еще так поздно, в середине XI века. Судя по тону рассказа (агиография, как правило, опирается на типичные ситуации), дело это было самое обыденное: если нужно купить раба, следует отправиться к русским купцам на известный рынок. Наше сообщение надлежит поставить в связь с другим, относимым примерно к тому же времени. Иоанн Скилица утверждал, что причиной руско-византийской войны 1043 года была ссора на константинопольском рынке, в результате которой был убит некий знатный рос. То, что среди купцов оказываются люди «знатные» и знатность некоторых такова, что оскорбление и убийство может спровоцировать войну, указывает на по-прежнему важное значение работорговли для правящего класса Руси и на ее по-прежнему «государственный», как и в предыдущем столетии, характер.

К сожалению, ни один источник не дает понять, каковы были объемы этой торговли. Нам неизвестны ни размеры каравана, описанного Константином³³⁰, ни количество невольников, перевозимых караваном. Оценить, даже приблизительно, суммы, генерируемые за один сезон торговли в Византии, и тем более прибыльность этой торговли, не представляется возможным. Но мы подозреваем, что масштаб приготовлений каравана и трудности его движения до Константинополя могли быть оправданы только чрезвычайной выгодой. Из чтения до-

³²⁹ Золото, разумеется, пропадает; Епифаний обвиняет в краже одного из своих верных рабов и заковывает того в железо. Когда благодаря заступничеству св. Николая деньги чудесным образом находятся, Епифаний раскаивается и по велению св. Николая в церкви отпускает раба на волю. При этом деньги он разделяет на три части: для церкви, для нищих и для отпущенного раба. Вот эта последняя сумма — 24 номисмы — и может быть «ценой выкупа», символически уплаченной самому отпущеннику.

³³⁰ Договор 944 г. не устанавливал размер каравана, допуская любое количество судов в нем. От князя лишь требовалось объявить в специальной грамоте количество посланных им кораблей: «великий князь Ру^скыи . и боярь его . да посылають на то въ Грѣк^а . к великымъ црѣмъ Грѣцкымъ . корабля елико хотать съ послы своими и гостыми»; «да пр^аносятъ грамоту . пишуще сие . яко посла^а корабль селико . и ѿ тѣхъ да оувѣмы и мы . ѿже с миромъ прихода^а» (ПСРЛ 2: 36–37).

говоров 911-го и 944 года можно вынести впечатление, что русы в Константинополе обладают большими количествами рабов, так что даже не всегда могут проконтролировать их: содержащаяся в квартале св. Маманта челядь бежит, ее воруют или иным образом «теряют»³³¹.

Какое-то, самое общее, представление о вовлекаемых в эту торговлю стоимостях можно получить, сравнивая указанные в договорах цены на выкуп пленных с теми церемониальными денежными раздачами свите княгини Ольги, которые во время ее визита производил император. Константин аккуратно записал суммы в трактате «О церемониях». Итак, на первом приеме послы и купцы росов получили по 12 милиарисиев, что равнялось одной номисме³³²; племянник Ольги получил 30 милиарисиев (две с половиной номисмы); ее родственники — по 20 милиарисиев (немногим более полторы номисмы); остальные члены посольства — гораздо меньше. На втором приеме послы получили по 12 милиарисиев (по одной номисме), а купцы — вдвое меньше. Эти раздачи, призванные произвести впечатление и продемонстрировать щедрость и величие императора, оказываются ничтожными в сравнении с ценами (заведомо ниже рыночных) на невольников в договорах: послы и купцы получили 1/10 или 1/20 стоимости одного раба. Дар самой княгине, разумеется, был исключительным на общем фоне: она получила 500 и затем еще 200 милиарисиев, но и эта щедрость выглядит достаточно скромно в сравнении с ценой невольника — около 42 и 17 номисм, то есть цена всего только трех невольников в 911 году или шести в 944-м. Все же выплаты русам за все время посольства составили 2841 милиарисий, что оказалось меньше, чем

³³¹ Договор 911 г.: «аще оукраденъ будетъ челадинъ Рускыи . или въскочить . или по нужѣ проданъ буде¹ . и жаловати начнуть Русь . да покажетъ² таковое ѿ чѣладина . да имуть и въ Русь . но и гостея погубѣша челадинъ . и жалую³ . да ищють и ѿбрѣтаемое да имуть є . аще ли кто искушения сего не дастъ створити . мѣстникъ да погуби⁴ правду свою» (ПСРЛ 2: 27); договор 944 г.: «аще оускочитъ челадинъ ѿ Руси . по неже приидуть въ страну цѣртва нашего . и ѿ сѣго Мамы . и аще будетъ и ѿбращетъся да поимуть и . аще ли не ѿбращетъся . да на роту иду⁵»; «аще ли [...] оускочитъ челадинъ нашъ . къ вамъ» (ПСРЛ 2: 38).

³³² Упоминаемые в этой главе византийские денежные единицы соотносятся следующим образом: 1 литра золота = 72 номисмам (солидам); 1 номисма = 12 серебряным милиарисиям.

237 номисм. Это эквивалент дюжины невольников в ценах 911-го или двух дюжин в ценах 944 года³³³.

Разумеется, ради дюжины невольников не стоило бы организовывать караван, это количество уместилось бы и в одном корабле. Ясно, что русы привозили в Константинополь значительно больше рабов. Договор 944 года ограничивал число русских купцов, имеющих право находиться в городе, пятьюдесятью. Предположим, что каждый из купцов привозил только двух невольников и продавал их по самой низкой цене в 10 номисм. Общая сумма выторга в этом случае равнялась бы 1000 номисм (около 4,5 кг золота), более чем в четыре раза превышая императорские раздачи.

Даже такой, несомненно наиболее консервативный, сценарий дает понять, насколько большие, просто огромные ценности аккумуляировали русы в процессе одной торговой экспедиции в Константинополь. А при удачном стечении обстоятельств и выгодной конъюнктуре цифры могли увеличиваться в разы. Для Восточной Европы это были баснословные суммы и фантастически прибыльные операции, учитывая, что «живой товар» русы не покупали на рынках (в отличие от их западных коллег), но добывали в полюдь, выменивая на бусы и побрякушки.

Мы ожидали бы, что работорговля вдоль Днепровского пути с Византией оставит такой же, или сопоставимый, археологический след, как и работорговля вдоль Волжского пути со странами Халифата. Наиболее ярким маркером Восточного пути является арабская серебряная монета, в огромных объемах двигавшаяся на север в обмен на рабов и меха и выпадавшая по дороге в виде кладов или единичных монет. Объем этого потока серебра оказывается колоссальным. Основываясь на действительных находках дирхемов и кладов, содержащих дирхе-

³³³ Чуть более щедрыми, но такого же масштаба были выплаты двум посольствам из Тарса в 946 г. 31 мая два посланника получили по 500 милиарисиев каждый, все остальные тарситы — три тысячи. 9 августа также два посланника получили по 500 милиарисиев, их свита — три тысячи, а 40 освобожденных пленных — одну тысячу на всех (то есть по 25 милиарисиев на человека) (см.: J. M. Featherstone, "ΔΓ' ΕΝΔΕΙΞΙΝ: Display in Court Ceremonial (De ceremoniis II,15)," *The Material and the Ideal: Essays in Mediaeval Art and Archaeology in Honour of Jean-Michel Spieser*, ed. A. Cutler and A. Papaconstantinou (Leiden, 2008), 97, 103).

мы, Томас Нунан подсчитал, что в течение одного X века из Средней Азии в Северную Европу, должно быть, вывезли 125 миллионов дирхемов, или 3750 кг серебра³³⁴. Торговля была настолько интенсивной, что, как предполагают, некоторые монетные дворы Саманидов чеканили монету специально для обслуживания этих коммерческих потоков³³⁵.

Топография находок византийских монет в Восточной Европе не оставляет сомнений в том, что они распространялись вдоль Днепровского пути³³⁶ и, надо думать, отражали торговлю днепровских росов с Византией. Примечательно, что если золотые византийские монеты VI–VIII веков — наиболее показательный маркер торговли — найдены, главным образом, в степной полосе Восточной Европы, то в IX–XI веках — преимущественно по Днепру и притокам его среднего течения. Северная граница распространения золотой монеты проходила по линии Пинск, Смоленск, Чернигов, Курск³³⁷, то есть не переступала пределов зоны зимнего «кружения» киевских росов. Все клады, содержащие византийские монеты, обнаружены в Среднем Приднепровье или в низовьях Днепра (район Порогов, Днепровский лиман)³³⁸ — ими также обозначен путь поступления.

Загадочным, однако, оказывается количество византийской монеты, находившейся в обращении в Восточной Европе. Оно ничтожно по сравнению с численностью арабской монеты. Каталог В. В. Кропоткина, например, для IX века указывает 16 монет (5 золотых), для X века — 143 монеты (6 золотых)³³⁹. Эти данные сегодня будут непол-

334 Thomas S. Noonan, "Volga Bulgaria's Tenth-Century Trade with Samanid Central Asia," *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 11 (2000–2001), 140–218.

335 Roman K. Kovalev and Alexis C. Kaelin, "Circulation of Arab Silver in Medieval Afro-Eurasia: Preliminary Observations," *History Compass* 5 (2007), 8.

336 См.: Кропоткин В. В. *Клады византийских монет на территории СССР*. М., 1962 [Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е 4–4]; Кропоткин В. В. Новые находки византийских монет на территории СССР. *Византийский временник* 26 (51) (1965), 166–170, 172–180; Равдина Т. В. *Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси: Каталог*. М., 1988; Енисосова Н. В., Пушкина Т. А. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнездово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. *Сугдейский сборник* 5 (2012), 38–45; Fedir Androshchuk, *Vikings in the East*, 113–117.

337 Кропоткин В. В. *Клады византийских монет на территории СССР*, 17.

338 Fedir Androshchuk, *Vikings in the East*, 116–117.

339 Кропоткин В. В. *Клады византийских монет на территории СССР*, 13, табл. 3.

ными, но и они достаточно ясно обнаруживают масштаб и соотношения. Так, например, во всех погребениях Восточной Европы указанного времени найдена 1301 монета, из них только 48 византийских³⁴⁰. Показательны данные для крупнейшего торгового центра X века — археологического комплекса Гнездово. Ни один из найденных здесь кладов не содержал византийских монет; все они происходят из погребений и культурного слоя поселений. Их общее количество равняется 39, причем только три из них — золотые номисмы и только шесть — серебряные милиарисии³⁴¹. К сожалению, аналогичной точной сводки находок византийских монет для Киева не существует³⁴². Основываясь на данных В. В. Кропоткина, можно лишь приблизительно оценить их количество. Так, золотых монет IX–X веков найдено около двадцати, серебряных — около сорока пяти, количество медных («относительно многочисленных»³⁴³) не поддается точному определению³⁴⁴. Это в семь раз больше, чем в Гнездове, но все же очень скромно в сравнении с находками восточной монеты: одна византийская монета приходится на сорок арабских³⁴⁵.

Незначительное количество византийской монеты в Восточной Европе находится в поразительном противоречии с известными из письменных источников объемами стоимостей, вовлеченных в византийскую торговлю русов. Мы уже видели, что даже самые сдержанные подсчеты дают понять: ежегодно русы выручали в Константинополе многие тысячи златников, как именуют золотую монету тексты дого-

³⁴⁰ Равдина Т. В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси, 134. С момента публикации каталога число монет пополнилось еще шестью (Енисова Н. В., Пушкина Т. А. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнездово, 43–44). Таким образом, общее количество монет из погребений равняется 54.

³⁴¹ Енисова Н. В., Пушкина Т. А. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнездово, 39–40, табл. 1.

³⁴² См., впрочем: Thomas S. Noonan, "The Monetary History of Kiev in the Pre-Mongol Period," *Harvard Ukrainian Studies* II (1987), 397–399 и appendix B, 421–426; Зоценко В. Н. Византийская монета в Среднем Поднепровье. *Византия и Южная Русь*. К., 1991, 57–78.

³⁴³ Памятники сфрагистики и нумизматики. *Новое в археологии Киева*. К., 1981, 417.

³⁴⁴ См.: Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР, 32–33; Кропоткин В. В. Новые находки византийских монет на территории СССР, 173–174.

³⁴⁵ Толочко П. П. Торговля древнего Киева. *Новое в археологии Киева*, 356–378.

воров. Их отсутствие в археологических слоях Восточной Европы выглядит странно. На обратном пути из Константинополя бесследно исчезали огромные суммы³⁴⁶.

В археологической литературе мизерное число византийской монеты, как правило, объясняют запретом на вывоз золота за пределы Империи. Такой запрет действительно существовал³⁴⁷, хотя практически соблюсти его было непросто. За военные и дипломатические поражения Византия расплачивалась огромными контрибуциями, золотом покупала мир или понуждала действовать в своих интересах. Например, среди росов, как сообщает Лев Диакон, за нападение на болгар было распределено около 15 кентинариев (1500 литр или 108 000 номисм) золота³⁴⁸. А Константин Багрянородный сообщает, что 700 росам, участвовавшим в морской экспедиции против Крита в 911 году, было выплачено 1 кентинарий (100 литр или 7200 номисм)³⁴⁹. В отличие от золота, вывоз серебряной монеты не регулировался, и в рамках этого аргумента ожидалось бы увеличение числа находок монет в несколько раз, соответственно соотношению золотой и серебряной монеты. Однако византийское серебро встречается в находках так же редко, как и золото.

Особенности «археологизации» византийских монет (как золотых, так и серебряных) в Восточной Европе подсказывают, что русы не рассматривали их как средство платежа. Монеты крайне редко были обнаружены в составе кладов; значительная их часть происходит из погребений; большинство найденных монет были переделаны

³⁴⁶ Как исчез обзор находок византийских монет в обобщающем труде 1950-х гг. «Культура Древней Руси» (глава «Деньги и денежное обращение» авторства Б. А. Романова) (см.: *Культура Древней Руси*. Т. 1, 370–396).

³⁴⁷ О запрете на вывоз золотой монеты в Кодексе Юстиниана, Василиках и Книге епарха см.: Michael F. Hendy, *Studies in the Byzantine Monetary Economy, c. 300–1450* (Cambridge and New York, 1985), 257–259. На практике его нарушали, и византийский солид проникал за пределы империи (см. находки на Западе: Michael McCormick, *Origins of the European Economy*, 343–384; письменные свидетельства о вывозе монеты и ценностей см.: Michael F. Hendy, *Studies in the Byzantine Monetary Economy*, 260–272).

³⁴⁸ Лев Диакон. *История*. Пер. М. М. Копыленко. М., 1988, 37.

³⁴⁹ *Constantini Porphyrogeniti imperatoris De Cerimoniis aulae byzantinae libri duo*, ed. J. J. Reiske [Corpus scriptorum historiae byzantinae, vol. 9, part 1] (Bonn, 1829), 654.

в украшения. Они, видимо, и ценились как своего рода ювелирные изделия, что объясняло бы значительный разрыв между датами выпуска и временем депозиции. Другие соображения также указывают, что в Восточной Европе не нуждались в византийской, в том числе и серебряной, монете как средстве обращения. К моменту установления регулярных торговых связей с Византией это место уже было занято многочисленной и лучшего качества арабской монетой. Именно она и была целью торговых операций русов на Восточном пути, ради нее они и предпринимали дальние экспедиции.

Потребность открытия Днепровского пути и торговли с Византией была вызвана какими-то другими ценностями, не менее важными и не менее ценимыми, чем серебро.

Все стоимости в договорах Византии с русами исчисляются в златниках. В них не обязательно содержится указание на реальную золотую монету — номисму. Скорее речь идет о счетных деньгах, стоимостях, эквивалентных номисме. Но договор 944 года знает и другую меру стоимостей — традиционную, установленную и уговоренную задолго до даты его подписания («яко же оуставлено есть прежде»).

Единственная упомянутая договором 944 года цена продаваемых русами рабов (в отличие от стоимости выкупа пленного) сформулирована следующим образом:

ти тогда взимають ѿ на^с цѣну свою. яко же оуставлено есть прежде. ѿ паволоцѣ за челадинѣ³⁵⁰.

Речь, надо думать, идет о неких стандартных штуках шелка, на которые росы выменивали в Константинополе привозимых невольников³⁵¹. Еще раз подчеркнем: это традиционная цена, так повелось издавна, договор 944 года просто подтверждал обыкновение (поскольку договор 911-го ничего не говорит о ценах на шелк, «уставлено» нужно понимать как ссылку на сложившийся обычай, а не на документ). Меновая торгов-

³⁵⁰ ПСРЛ 1: 49; ПСРЛ 2: 38.

³⁵¹ Какова могла быть стоимость этих «паволок», неизвестно. В Книге эпарха пороговой ценой отреза шелка или изделия из него, после которой порядок покупки должен контролироваться государственными властями, считается 10 номисм. Если именно на такую стоимость ориентирована норма договора, стоимость раба составляла бы 20 номисм, что вполне укладывается в нормальный масштаб цен на невольников.

ля, при которой рабов продавали за шелк и шелковые одежды, хорошо известна как в Восточной Европе, так и в Византии. «Книга драгоценностей» Ибн Русте, написанная около 912 года, сообщает, что мадьяры в Керчи продавали византийцам рабов-славян, выменивая их на «румийский шелк»³⁵². А Бrevиарий патриарха Никифора сохранил известие о том, как в 768 году император Константин V выкупил захваченных славянами христиан, «выменяв их на шелковые одежды»³⁵³.

Итак, русы обменивали рабов на шелк, возможно, даже не прибегая к посредничеству монеты в этих транзакциях³⁵⁴.

Шелк вообще оказывается единственным товаром (из тех, что покупает русь), упомянутым договорами с Византией. Связано это, конечно, с особым порядком торговли шелком, регулируемой правительством, изъятиями и ограничениями, налагаемыми как на продавцов шелка, так и на его покупателей³⁵⁵. Но все же это показательно.

Договор 944 года следующим образом определяет порядок покупки русами шелка:

входаше жѣ Русь в городъ да не твора[†] пакости. и не имѣють власти купити паволокъ. лише по патидесать золотникъ. и ѿ тѣхъ паволокъ аще кто купитъ. да показаеъ цѣрву мужєви. и тѣ я запечатаеъ. и дасть имъ³⁵⁶.

³⁵² Сорочан С. Б. *Византия IV—IX веков. Этюды рынка*, 75—76.

³⁵³ Никифора, патриарха Константинопольского, «Краткая история со времени после царствования Маврикия (Бrevиарий)». Пер. с греч. и коммент. Е. Э. Липшиц. *Византийский временник*. Том 3 (28) (1950), 282.

³⁵⁴ Такое решение проблемы отсутствия массового наплыва византийской монеты на Русь было предложено достаточно давно, см.: Толочко П. П. Про торговельні зв'язки Києва з країнами арабського сходу та Візантією у VIII—IX ст. *Археологічні дослідження стародавнього Києва*. К., 1976, 3—11; см. также: Толочко П. П. Торговля древнего Киева. *Новое в археологии Киева*, 364—366; Толочко П. П. *Древнерусский феодальный город*. К., 1989, 124—125.

³⁵⁵ Общий очерк производства торговли шелком в Византии см.: George C. Maniatis, "Organization, Market Structure, and Modus Operandi of the Private Silk Industry in Tenth-Century Byzantium," *Dumbarton Oaks Papers* 53 (1999), 263—332; Anna Muthesius, "Essential Processes, Looms, and Technical Aspects of the Production of Silk Textiles," *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century*, ed. by Angeliki E. Laiou, vol. 1 [Dumbarton Oaks Studies 38] (Washington, D.C., 2002), 147—168, а также: Gilbert Dagron, "The Urban Economy, Seventh—Twelfth Centuries," *The Economic History of Byzantium*, vol. 2, 438—441.

³⁵⁶ ПСРЛ 1: 49; ПСРЛ 2: 37—38.

Второе требование совершенно ясно: весь купленный в Константинополе шелк русы обязаны были представлять императорскому чиновнику для инспекции и пломбирования, после чего только дозволялся его вывоз³⁵⁷. Это соответствовало требованиям, отраженным в Книге эпарха (своде правил для столичных гильдий, созданном в царствование императора Льва VI и, судя по всему, почти одновременно с заключением первого из договоров с русью). Вестиопраты (торговцы шелковыми одеждами) обязаны были представлять эпарху для осмотра все одежды стоимостью свыше 10 номисм, а также предъявлять весь товар, предназначенный для продажи иностранцам, для подвешивания таможенных пломб. Первое же условие договора, как правило, толкуют в том смысле, что совокупная стоимость шелка, купленного росами (или одним купцом), не должна была превышать 50 номисм. Едва ли это так. Скорее здесь имеется в виду запрет на покупку штуки особо ценной ткани или исключительно дорогой шелковой одежды ценой свыше 50 номисм (аналогичное запрещение продажи иностранцам, но для шелка и одежд меньшей стоимости — 10 номисм, содержит Книга эпарха³⁵⁸).

Сравнительно с детальной и зачастую мелочной регламентацией торговли шелком в Книге эпарха, условия договора ставили русь в привилегированное, даже исключительное, положение. По сути, они не были связаны никакими практическими ограничениями: имели право находиться в городе вдвое дольше других иностранных торговцев (шесть месяцев против трех); не платили за постой, но, напротив, получали ежемесячное содержание от государства; им было позволено покупать более дорогой шелк, и, похоже, беспошлинно. О причинах такого благоприятствования можно только гадать. Но, видимо, на практике не всегда были соблюдены строгие правила Книги эпарха, и середина X века как раз стала временем существенных послаблений. Когда в 968 году посол Оттона I Лиутпранд из Кремоны отправлялся домой, у него в багаже было обнаружено большое число пурпурных шелковых тканей, категорически запрещенных к вывозу за пределы Империи. Пять шелковых штук были конфискованы. В свое оправдание Лиутпранд ссылаясь на разрешение императора Никифора Фоки

³⁵⁷ Книга эпарха. Вступ. статья, перевод и комментарии М. Я. Сюзюмова. М., 1962, 52–53.

³⁵⁸ Книга эпарха, 57.

приобретать ткани без ограничения цены и количества. Но, главным образом, Лиутпранд апеллировал к своему предыдущему опыту посещения Константинополя в 949 году при императоре Константине Багрянородном. Тогда, настаивал Лиутпранд, ему было позволено приобрести гораздо больше, и более дорогих, шелков, причем их не проверяли и даже не пломбировали. Любопытно, что императорские чиновники и не оспаривали такой возможности — лишь указывали, что времена изменились: император Константин был-де человеком мягким и пытался расположить варваров дарами, Никифор же — воин и не платит за дружбу, но подчиняет народы мечом³⁵⁹.

Византия была единственной страной христианского мира, производящей шелк. В глазах окружающих ее варваров богатство и роскошь Империи представляли прежде всего и главным образом в видимом обилии шелка и шелковых одежд. Любой контакт с Византией оказывается удобным случаем обогатиться шелками. Так, после победоносного похода на Константинополь «приде Ѡлегъ къ Киеву. неса золото и паволокы»; после заключения договора император Лев «слы Рускыя почѣтивъ. дарми золото^а. и паволоками и фюфудыями»; приемник Олега князь Игорь в результате переговоров берет «оу Грѣкъ злато и паволокы на вса воа»; и так же княгине Ольге император «вдасть [...] дары многы. золото. и серебро паволокы»³⁶⁰. Этот образ державы ромеев как источника шелков ярко сформулирован в апокрифической речи Святослава: «хочю жъти в Переяславци. в Дунаи. яко то есть среда земли моеи. яко ту вса благаа сходать^б. ѿ Грѣкъ паволокы. золото. вино. и ѿвощи разноличьнии»³⁶¹.

Было бы, разумеется, соблазнительно трактовать эти летописные фрагменты как память о шелковых экспедициях руси в X веке. Увы, в XII веке об источнике возникновения Киевского государства, похоже, уже ничего не знали. В летописи отражен другой известный аспект шелка — его место и роль в византийской дипломатии. Именно шелком «испытывают» византийцы Святослава (неудачно): «искусимъ и любезнивъ ли есть злату или паволока^а. послаша к нему злато и па-

³⁵⁹ Liutprand of Cremona, *Relatio de legatione Constantinopolitana* (*The Mission to Constantinople*), ed. and transl. by Brian Scott (Bristol, 1993), 50–51.

³⁶⁰ ПСРЛ 2: 23, 28, 35, 50.

³⁶¹ ПСРЛ 2: 55.

волоки [...] и положиша предъ ни^а зла^т и паволоки»³⁶²; шелком же византийцы (успешно) привлекают на свою сторону печенегов: «также и Печенѣгомъ послаша. паволоки и золото много»³⁶³.

Шелк был не просто дорогим товаром — он обладал особым значением, с ним были связаны представления о власти и престиже. В шелка был облачен император, разряды и иерархия придворных чинов определялась видом и качеством шелковых одеяний, в которых они должны были присутствовать на официальных церемониях. Шелк был главным средством визуализации богатства и могущества Византии во время приема иностранных посольств, и Константин Багрянородный не жалеет места в «Книге церемоний» для детального описания не только нарядов придворных, но и того, какие ткани, где и в каком количестве должны украшать улицы, здания и залы дворца по пути следования послов³⁶⁴. Даже повседневный вид константинопольской публики удивлял иностранцев количеством людей в шелковых нарядах. Шелк считался привилегией и особенностью ромеев, знаком и удостоверением их коллективного превосходства над всеми другими народами, тем более «одетыми в шкуры» варварами.

Раздача императором дорогих одежд была не просто проявлением щедрости, но и видом инвеституры, установлением «иерархии через одежды»³⁶⁵. Дипломатические подарки иностранным владетелям также зачастую состояли из дорогих шелковых одежд, и императоры умело манипулировали «шелковой дипломатией» в международных отношениях³⁶⁶. Так, одним из условий договора Льва VI с Симеоном болгарским было предоставить 100 шелковых скарамангий³⁶⁷; Константин

³⁶² ПСРЛ 2: 59.

³⁶³ ПСРЛ 2: 34–35.

³⁶⁴ Георгий Пахимер вкладывал в уста никейскому императору Иоанну III Ватацу порицание сына, надевавшего шелковые одежды на охоту. По мнению императора, шитые золотом шелка представляют собой «кровь ромеев»; их должно носить только в присутствии иностранных послов, чтобы те видели римское богатство, так как богатство монарха будет воспринято как богатство всего народа (Michael F. Hendy, *Studies in the Byzantine Monetary Economy*, 269).

³⁶⁵ Robert Sabatino Lopez, "Silk Industry in Byzantine Empire," *Speculum* 20 (1) (1945), 20–24.

³⁶⁶ A. Muthesius, "Silken Diplomacy," in *Byzantine Diplomacy*, ed. J. Shepard and S. Franklin (London, 1992), 242.

³⁶⁷ Gilbert Dagron, "The Urban Economy, Seventh–Twelfth Centuries," 443.

Багрянородный утверждал, что в 935 году протоспафарию Епифанию, посланному в военную экспедицию в Италию, было вручено для подарков королю Гуго и для подкупа его приближенных 80 шелковых одежд, включая 20 настоящих пурпурных одеяний; подарки, посланные в 983 году императором Василием II эмиру Адуд-ал-Дауле и призванные убедить того возобновить мир, включали 200 императорских одежд; согласно Анне Комниной, подарки Алексея I германскому императору Генриху IV в 1083 году содержали 100 шелковых одеяний; а среди подарков и подачек, посланных в 1045 году императором Константином IX Мономахом халифу ал-Мустансиру ради возобновления мира, было беспрецедентное число в 1000 шелковых одеяний³⁶⁸.

Эту черту византийской дипломатии скоро выучили и в Восточной Европе, и к середине X века, надо думать, накопилось достаточно прецедентов, когда «северные варвары», в том числе и росы, требовали от Константинополя царских (читай — особо дорогих шелковых) одежд в виде подарков для своих владетелей. Во всяком случае, Константин Багрянородный счел нужным отметить неуместность подобных домогательств³⁶⁹.

Ввиду такого исключительного статуса шелка и изделий из него его производство и распределение находились под особым контролем императорской администрации, аккуратно дозирующей тонкий поток тканей за границы империи и следящей за тем, чтобы он никогда не превратился в полноводную реку. Получить шелк, следовательно, означало стать обладателем не просто дорогой, но прежде всего — редкостной вещи, недоступной первому попавшемуся. Одевавший шелковый кафтан варварский вождь ощущал, что стал в какой-то степени причастен к авторитету и престижу Византии, и, видя его ослепительный наряд, подданные тоже понимали: перед ними особенный человек, обладающий доступом к каким-то высшим и скрытым сферам.

³⁶⁸ О количестве и размерах подобных дипломатических даров см.: Michael F. Hendy, *Studies in the Byzantine Monetary Economy*, 268–272. На Западе самым крупным «распределителем» шелка были папы, чьи подарки церквам, монастырям и иерархам также были демонстративными (см.: Michael McCormick, *Origins of the European Economy*, 720–721).

³⁶⁹ Константин Багрянородный. *Об управлении империей*, 55–57.

Шелк и изделия из шелка плохо сохраняются в археологических слоях, несравненно хуже, чем арабское серебро или византийское золото. Тем не менее, находки шелка в Восточной Европе достаточно многочисленны, их насчитывается более двухсот³⁷⁰. Среди обнаруженных шелковых тканей ожидаемо преобладают византийские, но присутствуют и ткани среднеазиатского и иранского происхождения. Они также, вероятно, поступали в Восточную Европу преимущественно через Византию. В IX–X веках Константинополь был крупнейшим центром торговли восточными тканями, доставляемыми через Сирию. Книга эпарха знает особую гильдию столичных купцов — прандиопратов — торговцев восточными шелками³⁷¹.

Датируемые X веком находки шелка согласно выстроились вдоль Днепровского пути: они известны из Киева, Шестовицы, Чернигова, Гнездова, Рюрикова городища, Старой Ладogi, Пскова³⁷². Можно предполагать, что этим же путем шелк проникал и дальше на север, в Скандинавию (в 53 захоронениях Бирки были обнаружены остатки шелка, причем некоторые из захоронений содержали, наряду с шелком, и другие вещи византийского происхождения³⁷³) и, возможно, в Англию³⁷⁴.

Византийские импорты X века в Восточной Европе не ограничиваются, разумеется, только шелком. Привозили и какое-то количество украшений (в том числе монет), изделия из стекла и, судя по находкам амфорной тары и ее фрагментов, вино. Все это, впрочем, были сопутствующие товары. Недавний тщательный обзор разрядов визан-

³⁷⁰ См.: Фехнер М. В. Шелковые ткани как источник для изучения экономических связей древней Руси. *История и культура Восточной Европы*. М., 1971, 43–44; Фехнер М. В. Изделия шелкоткацких мастерских Византии в Древней Руси. *Советская археология*. 1977, № 3, 130–142; Фехнер М. В. Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе. *Советская археология*. 1982, № 2, 57–70.

³⁷¹ *Книга эпарха*, 53–54.

³⁷² См.: Михайлов К. А. Византийские влияния на парадный костюм североевропейской и древнерусской аристократии эпохи викингов. *Диалог культур и народов средневековой Европы*. СПб., 2010, 262–279; Fedir Androshchuk, *Vikings in the East*, 107–108.

³⁷³ Fedir Androshchuk, *Vikings in the East*, 107.

³⁷⁴ Jonathan Shepard, “From the Bosphorus to the British Isles: The Way from the Greeks to the Varangians,” *Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 год: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен*. М., 2010, 40–41.

тийских вещей, поступающих в Восточную и Северную Европу по Днепровскому пути³⁷⁵, убеждает, что ни один из них ни количеством поступающих вещей, ни их ценностью не в состоянии был балансировать стоимости, вовлеченные в работорговлю. Напротив, шелк ввиду высокой ценовой емкости в небольшом объеме и незначительном весе товара представляется идеальной компенсацией. Днепровский путь — по аналогии с Волжским, прозванным в литературе «серебряным», — вполне можно было бы именовать шелковым путем.

6. РОСЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

исавший в начале XII века летописец уже плохо представлял себе реалии русской торговли в Константинополе полуторавековой давности. Он восстанавливал ее на основании, в сущности, тех же источников, что и мы сегодня: договоров с греками и отрывков из византийских историков. Летописец при этом совершил две ошибки: одну топографическую, другую фактическую. По какой-то причине Сильвестр решил, что встреченное им в славянском переводе Продолжателя Амартола название Судъ, под которым там понимался пролив из Черного в Мраморное море — Босфор, относится к константинопольскому заливу, известному как Золотой Рог. И рассудил, далее, что, как и в его время, в древности этот залив также должен был служить главной торговой гаванью Константинополя. Это становится ясно из вложенной летописцем в уста княгини Ольги ворчливой фразы, адресованной императору, ожидавшему от нее даров (как мы догадываемся, главным образом — «челяди»): «аще ты [...] тако* постоиши оу мене в Почаинѣ. како* азъ в Суду то тогда ти вдамъ»³⁷⁶.

Значение главной коммерческой гавани Константинополя Золотой Рог после длительного перерыва вновь начинает приобретать только со второй половины XI века. До этого времени примыкающие к заливу кварталы находились, судя по всему, в упадке, а морская торговля была сосредоточена совсем в других частях города. Новый и стремительный подъем Золотого Рога связывают с возникновени-

³⁷⁵ Fedir Androshchuk, *Vikings in the East*, 91–117.

³⁷⁶ ПСРЛ 2: 51.

ем здесь торговых кварталов итальянцев: венецианцев в 1084 году, за которыми последовали пизанцы и позднее генуэзцы. Немаловажную роль в оживлении Золотого Рога сыграло, несомненно, и перенесение в 1080-х годах императорской резиденции во Влахернский дворец, расположенный в западной оконечности Золотого Рога. Это и могло подать летописцу идею, что Ольга, прибывшая для встречи с императором, остановилась где-то неподалеку от дворца.

Во времена, когда устанавливались торговые и дипломатические связи Руси и Византии, то есть в IX–X веках, Золотой Рог отнюдь не был главной гаванью Константинополя и вообще едва ли имел коммерческое значение. Начиная с середины VI века и в течение следующих пяти веков торговля Константинополя велась преимущественно через гавани, расположенные на побережье Мраморного моря, из которых две — гавань Феодосия и гавань Юлиана — имели значение основных городских портов. Здесь и в близлежащих южных кварталах Константинополя была сосредоточена львиная доля морской торговли³⁷⁷. Таким образом, упомянутые в договорах 911 и 944 гг. русы должны были останавливаться в одной из гаваней южной оконечности Константинополя, на берегу Мраморного моря.

К сожалению, описав «зимний и суровый образ жизни» росов, а также полное трудностей плавание до Босфора, Константин Багрянородный ничего не говорит о том, из чего состоял их «летний образ жизни»: чем и как они занимались в течение шести месяцев своего посто́я в Константинополе. Только частично их занятия в столице Империи восстанавливаются на основании показаний договоров.

В X веке было очень трудно отличить торговое путешествие русских купцов от грабительского набега; когда к византийскому берегу приближались русские ладьи, полные вооруженных купцов-дружинников, то было еще трудно сказать, что произойдет на берегу, — будут ли русы продавать челядь, пушнину и воск или они ограбят прибрежные села и вновь поднимут свои паруса из византийских паволок³⁷⁸.

³⁷⁷ См.: Paul Magdalino, "The Maritime Neighborhoods of Constantinople: Commercial and Residential Functions, Sixth to Twelfth Centuries," *Dumbarton Oaks Papers* 54 (2000), 209–226.

³⁷⁸ Рыбаков Б. А. Торговля и торговые пути. *История культуры Древней Руси*. Т. 1, 338.

Именно по этой причине договоры устанавливают четыре «законных» причины для пребывания руси в Византии и, в частности, в Константинополе. Они могут приходиться «с куплею» (по торговым надобностям), «в солбу» (в составе посольства к императору), они могут «почестити цесаря», нанявшись в военное время в византийскую армию, наконец, могут оказаться «работающе в Греках» (или даже «у цесаря»), то есть пребывать в рабстве. Эти разряды, установленные еще в договоре 911 года, присутствуют, явно или скрыто, и в условиях договора 944 года. Второй из договоров гораздо подробнее регламентирует как порядок прибытия руси, так и их допустимое число, а также место жительства в столице.

Итак, «великий князь Руський и бояръ его» имеют право посылать в Константинополь любое удобное им количество кораблей («елико хотать»), «съ послы своими и гостыми». Но при этом их следует снабдить адресованной императору грамотой, определяющей количество кораблей в караване и цель поездки («да пр^аносить грамоту. пишущи сие. яко посла^х корабль селико»)³⁷⁹. Если же русы пришли без такой грамоты, их позволялось арестовать или даже (в случае бунта) казнить, но затем следовало послать письменное объяснение к киевскому князю («и мы напишемъ къ князю вашему»). Кроме того, послы и купцы должны иметь своего рода коллективные визы: «яко^к им^а оуоставлено есть. ношаху слы печати зла^т. а гостие серебряны»³⁸⁰. Что за «печати» нужно было предъявлять русам в Константинополе, высказывались самые различные догадки: медальоны, подвески или перстни с княжескими знаками, шейные гривны. Надо думать, киевский переводчик XII века не вполне понял технический термин *sigillion*, обозначавший вид императорских грамот, различаемых в зависимости от привешиваемой печати на золотые (*chrysoboullon*) и серебряные (*argyroboullon*)³⁸¹. Наконец, уже поселившись в Константинополе, русы обязаны были представиться для переписи: императорский чиновник

³⁷⁹ Это было новым установлением («нынѣ же оувѣдалъ есть князь нашъ . посылати грамоту къ цѣркви вашему . иже посылаеми бывають ѿ нихъ послы . и гостѣ»), сделанным, несомненно, под впечатлением недавнего набега руси на Константинополь в 941 г.

³⁸⁰ ПСРЛ 2: 36–37.

³⁸¹ См.: Филиппчук А. М. Социальные группы русов в Константинополе в X в., 296–297.

должен был составить списки, согласно которым послы и купцы затем получали содержание от казны: «да послеть цѣртво ваше. да испишеть имена ихъ. и тогѡа възмутъ мѣсацное свое. сли слѣбное свое. а гостье мѣсацное свое»³⁸².

Во всех этих византийских регламентациях совершенно загадочным оказывается объем предполагаемого «бумагооборота». Мы не удивляемся византийцам: их бюрократия стала нарицательной. Но русь среди этого вороха документов выглядит несколько неуместно. Разумеется, составляя договор, императорская канцелярия исходила из собственных представлений и сложившихся практик, тем не менее, как видно из текста, по каким-то причинам рассчитывала на их адекватное распознавание росами. Их князь в Киеве и послы с купцами в Константинополе должны были не просто понимать значение письменного акта и его место в бюрократическом обиходе, но также в известных пределах обладать навыками «работы с документами»: в Киеве должны были составлять грамоты к императору (на каком языке?), читать его ответные послания (каким образом?), от послов и купцов ожидали, что те смогут различать виды исходящих из канцелярии документов и употреблять их согласно назначению. Требования договора 944 года можно было бы считать сугубо декларативными и ритуальными — византийцы по своим соображениям должны были вносить их, а варвары не обязаны были обращать внимание, — если бы от умения читать и писать не зависел успех всего предприятия руси, а подчас — свобода и даже жизнь («аще ли безъ грамоты прѣидуть. и предани будутъ намъ. дѣржимъ и хранимъ дондеже възвѣстимъ князю вашему. аще ли руку не дада[†]. и противатса да оубьени будутъ»³⁸³). Из почти синхронного нашему договору трактата Константина Багрянородного «О церемониях» мы также знаем, что в середине века к князю руси императоры писали рутинно, и даже знаем, какая к письмам привешивалась печать: золотая, весом в два солида.

Подобные свидетельства наводят на мысль о гораздо более значительном месте, отводимом письменному документу в жизни днепровской руси, чем то допускают наши общие представления о развитии их общества и культуры. Впрочем, все это показания с византийской

³⁸² ПСРЛ 2: 37.

³⁸³ ПСРЛ 2: 37.

стороны. Противопоставить им можно только археологические находки, обнаруженные в Восточной Европе. Обращение к этому роду свидетельств, увы, никак наших недоумений не разрешает. Материальными свидетельствами письменного документа считают металлические (как правило, свинцовые) печати, привешиваемые к грамоте для удостоверения ее происхождения и подлинности. Но достоверно русские свинцовые буллы не известны ранее середины XI века³⁸⁴. Находки же византийских печатей X века на территориях, ассоциируемых с киевской русью, достаточно редки. Всего таких печатей найдено десять³⁸⁵. При этом печатей, по различным признакам датируемых началом или первой половиной X века, только три: две (Иоанна протоспафария и Фоки протоспафария) найдены в Киеве, еще одна (Льва примикия, протоспафария и логофета геникона) обнаружена в Шестовице. Остальные византийские печати принадлежат ко второй половине X века или рубежу X–XI веков, и только две из них несут имена императоров: Василия II и Константина VIII (Новгород) и Василия II (Белгородка). Судя по тому, что большинство печатей принадлежали людям, носящим титул протоспафария (иногда в соединении с титулом доместика), как правило, сочетаемый с высокой военной должностью, находки византийских печатей в Восточной Европе правомерно связывать с теми из русов, кто в течение X века побывал на службе в византийской армии.

Договор 944 года устанавливал, что все русы, пришедшие в Константинополь ради торговли, должны компактно проживать в квартале монастыря св. Маманта («и приходящимъ имъ. да витають оу стго Мамы»). К сожалению, указать точное расположение этого места не так просто, а договор не несет в себе никаких топографических ориентиров. В византийском Константинополе существовало три религиозных учреждения, посвященных св. Маманту³⁸⁶. Один из монастырей,

³⁸⁴ Принятая в литературе атрибуция найденной на усадьбе Десятинной церкви в Киеве печати (с тамгой — «двузубец», — нечитаемой надписью и крестом) князю Святославу Игоревичу (см.: Янин В. Л. *Актовые печати Древней Руси X — XV вв.* Т. 1: Печати X — начала XIII века. М., 1970, 166, № 1) крайне сомнительна.

³⁸⁵ Обзор печатей и их интерпретацию см.: Fedir Androshchuk, *Vikings in the East*, 110–113.

³⁸⁶ См.: Jules Pargoire, “Les Saint Mamas de Constantinople,” *Известия Русского археологического института в Константинополе*. IX, 1–2 (1904), 285–291; Raymond Janin,

вероятно, находился на южном берегу Золотого Рога неподалеку от Влахерн, другой — в юго-западной части города поблизости от (несохранившихся) ворот Ксилокерк, наконец, третий монастырь размещают за пределами городских стен, к северу от средневекового города, на берегу Босфора в современном районе Бешикташ (либо Долмабахче).

Именно этот последний в литературе был отождествлен со «святым Мамой», упомянутым в договоре 944 года³⁸⁷. Одним из аргументов в пользу такого выбора стала, надо думать, прочитываемая в договоре атмосфера подозрительности по отношению к русам. Византийцы обоснованно опасались (после нападения в 941 году) возможного агрессивного или даже разбойного поведения русов в столице либо в ее окрестностях. Именно поэтому, как полагают, византийская сторона внесла в договор условия, особым образом ограничивающие передвижение руси и обеспечивающие контроль за ними:

и приходяшии руси сле да не творать бешинья в селѣхъ. ни въ странѣ нашей». и приходящимъ имъ. да витають оу сѣго Мамы. да послеть цѣртьво ваше. да испишетъ имена ихъ. [...] и да входить в горо^а ѿдиными вороты. съ цѣрвомъ мужемъ. безъ оружья. ѿ мужъ. и да творать куплю. яко же имъ надобѣ. и паки да исходить. и мужъ цѣрства вашего да хранить я. да аще кто ѿ Руси или ѿ Грѣкъ створить криво. да ѿправлае^т ть". входа жѣ Русь в городъ да не твора^т пакости³⁸⁸.

Поскольку торговый караван руси предполагали огромным, соответствующим необозримой территории Руси как она представляла на исторических картах (а некоторые даже предполагали, что в Константинополь отправлялся не один, а два каравана общей численностью до 1500 человек³⁸⁹), исследователи соглашались с византийскими властя-

Géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin, pte. 1: Le Siège de Constantinople et le patriarcat oecuménique, t. 3: Les Églises et les monastères (Paris, 1960), 314–319; *Oxford Dictionary of Byzantium*, ed. Alexander P. Kazhdan et al. (New York and Oxford, 1991), 312, 1278.

³⁸⁷ См.: Jules Pargoire, “Les Saint Mamas de Constantinople,” 301–302; Литаврин Г. Г. Условия пребывания древних русов в Константинополе в X в. и их юридический статус. *Византийский временник* 54 (79) (1993), 81–92.

³⁸⁸ ПСРЛ 2: 37.

³⁸⁹ См., напр.: Литаврин Г. Г. О юридическом статусе древних русов в Византии в X в. (предварительные замечания). *Византийские очерки*. М., 1991, 80–81. Такая армия явно не помещается в одном монастыре. Здесь проживало «несколько сот русов».

ми, что, действительно, держать в городе такую вооруженную ораву неразумно. Удаленный монастырь св. Маманта, притом еще и отделенный от города заливом Золотой Рог, представлялся вполне безопасным местом для проживания русов.

Подобная локализация монастыря св. Маманта определенным образом влияла на интерпретацию приведенного выше отрывка. Упомянутый в нем отряд в 50 человек трактовали как ежедневные партии русов, которые отправлялись в город и к вечеру возвращались в свою загородную резиденцию. Это как будто подсказывает и синтаксис, намекая на повторяемость действия: «и да входить в горо^а ѿдыными вороты — и паки да исходить».

Недоверие к чужеземцам вообще было характерно для властей Византии. Не доверяли не только росам, и не только росы приезжали торговать после военных столкновений. И тем не менее, иноземных купцов, судя по всему, размещали в городе. В задачу властей входило все же контролировать торговлю, а не чинить ей непреодолимые препятствия. Купцы, в особенности работорговцы, должны были проживать в разумном расстоянии от рынков. Перегонять ежедневно толпы колодочников на далекие расстояния (от Бешикташа до форума Константина по прямой около девяти километров, в реальности путь был гораздо длиннее) и небезопасно, и невыгодно. К тому же особое, дискриминационное отношение именно к росам из договора не очевидно. Напротив, есть основания полагать, что они пользовались даже некими привилегиями сравнительно с другими иностранными торговцами. Размещение росов далеко за городом и впечатление исключительной к ним подозрительности — поддерживающие друг друга идеи. При локализации русской резиденции в другом монастыре св. Маманта текст договора прочитывается в менее мрачном свете. И наоборот: иное толкование текста делает необязательным локализацию «святого Мамы» за городом.

Во всяком случае, нужно помнить, что ставшее популярным в литературе отождествление «святого Мамы» договора с монастырем на берегу Босфора в Бешикташе изначально было результатом недора-

Пришлось предполагать, что часть судов и большая часть экипажей находилась в каком-то другом месте: например, в Месемврии (Литаврин Г. Г. Условия пребывания древних русов в Константинополе в X в., 83–84).

зумения³⁹⁰. Более предпочтительной поэтому представляется недавно обоснованная гипотеза, согласно которой искомый монастырь св. Маманта находился в пределах Константинополя, близко к морским стенам Пропонтиды и в окрестностях ручья Ликос³⁹¹. Сравнительно недалеко от квартала размещались все действующие в X веке торговые гавани Константинополя, в том числе и главный коммерческий порт — гавань Феодосия, который есть основания считать конечным пунктом каравана русов и стоянкой их судов во время пребывания в Константинополе.

Если росы квартировали в квартале св. Маманта, находящемся внутри городских стен, начальная часть договора 944 года может быть перечитана заново. Она несомненно описывает условия их постоя в Константинополе во все время пребывания, а не каждодневную рутину. Видимо, речь идет не о ежедневных проверках, но о *первом* входе в город. Росы прибывают, селятся у «святого Мамы», торгуют и затем отплывают домой³⁹². В таком случае оговоренное договором число в 50 росов, которым позволено находиться внутри города, это не часть огромной ватаги, но, собственно, весь караван. Обычно это считают мерой ограничительной, частью предосторожностей византийцев, в

³⁹⁰ Эту локализацию в 1904 г. предложил Жюль Паргуар. Он полагал, будто все русы и при всех обстоятельствах останавливались у св. Маманта, в том числе и княгиня Ольга. Ее фраза («аще ты [...] тако* постоиши оу мене в Почаинѣ . како* азъ в Суду то тогда ти вдамъ») и стала для него решающим доказательством. Летопись под «Судом» понимает (совершенно ошибочно) константинопольский залив Золотой Рог (см.: Толочко А. П. Золотой Рог — Суд — Босфор. *Ruthenica* XI (2012), 157–162). Но Паргуар пользовался французским переводом Повести временных лет, редактор которого ученым образом «поправил» летописца, переведя «Суд» как «Босфор», ср.: «Dites à l'empereur: Si tu restes avec moi sur la Potchaïna aussi longtemps que je suis restée dans le Bosphore, je te ferai ces cadeaux» (Chronique dite de Nestor. Несторова или первоначальная летопись. Traduite sur le texte slavon-russe avec introduction et commentaire critique par Louis Leger (Paris, 1884), 49).

³⁹¹ Федор Андрощук. Константинопольские монастыри св. Маманта и место резиденции русских купцов в X веке. *Ruthenica* XI (2012), 7–28.

³⁹² Ср.: «и приходящии руси сде да не творять бешиныа в селѣхъ . ни въ странѣхъ нашеи». и приходящимъ имъ . да ватають оу сѣго Мамы; «и ѿходящѣ руси ѿсюду взимають ѿ насъ еже надоби брашно на путь . и еже надобѣ лодьямъ . како же оуставлено есть прѣвое . и да възвращаются съ спѣниемъ въ свою сторону . и да не и[моу]тъ волости зимовати оу сѣго Мамы» (ПСРЛ 2: 38).

чем можно сомневаться. Вероятно, речь шла о максимально возможном количестве купцов. Но и его росы, судя по всему, не были в состоянии обеспечить. В посольстве 944 года, к примеру, было всего 25 купцов, а в посольстве княгини Ольги — 44. Похоже, в середине X века большего количества купцов в Киеве попросту не было. Число в 50 человек удивительным образом совпадает с количеством росов, принимавших участие в переговорах и поставивших свои имена на договоре 944 года, когда в Константинополе пребывала одна из наиболее представительных делегаций. Эти цифры, на первый взгляд, смущают своей незначительностью. Их масштаб, однако, находится в согласии с тем образом днепровской руси, который возникает из чтения Константина Багрянородного, — численно незначительной группы, обитающей в пределах кастро́на Киев. Пятьдесят мужей — это, быть может, и не охватывает «всех русов» Константина, но достаточно точно указывает на порядок чисел.

7. ПОВЕСТЬ О ТРЕХ ГОРОДАХ

Рассказ Константина Багрянородного о «внутренней Росии» — небольшом городке на Днепре и его обитателях — практически невозможно согласовать с рассказом Начальной летописи, из которой возникает впечатление огромного и постоянно растущего государства. Дело не просто в несопоставимости величин. Это две разные истории. Повесть временных лет воспринимает прошлое в категориях политических: покорения народов, приращения территорий, установления власти. Это естественно для ее автора, оперирующего в рамках политической культуры XII века и проецирующего знакомый ему мир на далекое прошлое. Информатор Константина, живущий в кругу иных понятий, описывает, по существу, деятельность международной торговой компании. Интегрировать эти две истории в единый рассказ невозможно. Вполне вероятно, что и Константин небезупречен, и в его описании представлены прежде всего те стороны жизни росов, которые затрагивали Византию, а что-то, не исключено, осталось «за кадром». Но все же его информация гораздо лучше совмещается с показаниями других современных событиям источников — договоров руси с греками. Документальная природа (в проти-

воположность повествовательности и описательности) делает их наиболее надежными свидетельствами для реконструкции. Именно они восполняют пробелы в знаниях Константина о внутреннем устройстве сообщества днепровских русов.

Однако, прежде чем обратиться к этой теме, следует решить несколько источниковедческих проблем. Насколько надежно передан текст договоров летописью? Согласно преобладающему в литературе мнению, нынешние тексты договоров представляют собой перевод на славянский греческих копий, выполненный в начале XII века³⁹³. Много оказалось «утрачено в переводе»: техника пословной передачи делает текст (в особенности договора, на котором оттачивали умение — 911 года) местами совершенно темным, но, главное, переводчик уже не понимал многих отраженных в оригинале реалий двухсотлетней давности, подыскивая для них слова и не всегда угадывая. Эти трудности перевода, впрочем, в значительной мере компенсируются современной филологической критикой, восстанавливающей возможное звучание греческого подлинника.

Иного рода проблемы приходится решать историкам. Насколько аутентичны сохранившиеся тексты? Не подверглось ли содержание договоров каким-либо изменениям оттого, что они оказались включены в летопись? Не заметно ли интервенций летописца в текст договоров? Иными словами, не оказались ли договоры каким-то образом приспособлены к тому рассказу, который по своим соображениям конструирует летописец?

В предыдущем изложении мы исходили из того, что в летописи сохранилось три договора руси с Византией: 911, 944 и 971 годов. Действительно, есть все основания полагать, что договор 911 года был первым из когда-либо заключенных русью с Византией. Это, собственно, следует из его текста³⁹⁴. Возможно, что прежде его подписания отно-

³⁹³ См.: Jana Malingoudi, *Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jhds. aus diplomatischer Sicht* (Thessaloniki, 1994).

³⁹⁴ Так, во всяком случае, можно понять одну из вступительных фраз договора, объясняющих необходимость его подписания: «многожды право судихо^а . но точыю простословесень . и [теперь. — А. Т.] писаниемъ и клѣтвою твердою клѣншеся. ѡружьемъ своимъ . такую любовь извѣстити . и оутвѣрдити . по вѣрѣ и по закону нашему» (ПСРЛ 2: 24). Буквальный ее смысл состоит в том, что прежние много-

шения строились на основании императорских грамот, в одностороннем порядке дарующих какие-то права руси³⁹⁵. Но в литературе можно встретить утверждение, что существовал, и также сохранен летописью, еще один, самый первый договор — 907 года. Он якобы был заключен князем Олегом прямо под стенами Константинополя во время победоносного похода на греков. Достоверность этого договора в значительной степени подрывается тем обстоятельством, что сам поход Олега на Византию принадлежит к числу откровенно легендарных известий Начальной летописи. Эта блистательная победа над Империей, униженно просившей мира и заплатившей фантастическую контрибуцию в 8000 пудов серебра, осталась не замеченной современниками: ни один источник не отметил подобного происшествия, и все попытки обнаружить хотя бы самые слабые его отголоски в доступных текстах оказались тщетными³⁹⁶. Между тем «договор 907 года», пред-

кратные решения конфликтов основывались на устных заявлениях, теперь же есть смысл записать условия и впредь полагаться на них («ѡ головахъ иже са ключють прѣказа . оурадмса сиче . да елико явѣ будетъ показании явлеными . да имѣють вѣрное ѡ тацѣхъ явлении . а емуже начнуть не яти вѣры . да не кленетьсѣ часть та . иже ищетъ неистью вѣры» (ПСРЛ 2: 24). Это место со времен Шахматова считают безнадежно испорченным и принимают предложенные им конъектуры, изменяющие смысл на противоположный: «не точию просто словесы, но писанием и клятвою» (ср. комментарии Карского в: ПСРЛ 1: 33; *Повесть временных лет*. Ч. 1: Текст и перевод. М., 1950, 26, 222 (перевод); *Памятники права Киевского государства X—XII вв.* Под ред. А. А. Зимина. М., 1952, 6, 10—11 (перевод)). Грамматический строй фразы становится безупречным, но смысл все равно ускользает: если всегда рядили по письменным документам, то зачем подчеркивать, что они не были устными? Шахматов предлагал поправки, как если бы ошибки постепенно накопились в процессе передачи летописи. Но главные свидетели текста согласны между собой, а передача текста (вплоть до Софийской 1 и Новгородской 4 летописей) демонстрирует стабильность. Если и была неточность, то в переводе.

³⁹⁵ В этом смысле можно понять следующий фрагмент: «суть яко понеже мы са имали ѡ Бжии вѣрѣ и любви . главы таковыа по пѣрвому слову» (ПСРЛ 2: 24), где «слово» есть переводом λόγος оригинала, то есть императорской грамотой (так же, кстати, переводили и в Болгарии, см.: Ivan Biliarsky, *Word and Power in Mediaeval Bulgaria* (Leiden and Boston, 2011), 229—230).

³⁹⁶ См. подобные опыты: R. J. H. Jenkins, “The Supposed Russian Attack on Constantinople in 907: Evidence of the Pseudo-Symeon,” *Speculum*, vol. 24, no. 3 (1949), 403—406; A. A. Vasiliev, “The Second Russian Attack on Constantinople,” *Dumbarton Oaks Papers*, vol. 6 (1951), 162—225; Карпозилос А. Рос-Дромиты и проблема похода

ставляющий собой часть рассказа об этом походе, неразрывно с ним связан и уже одним этим выдает свою вымышленность. В отличие от подлинных договоров, чей текст был в целости переписан в летопись, «договор 907 года» представлен как достаточно вольный пересказ условий заключенного Олегом мира с греками. Попытки объяснить эту аномалию сводились к предположениям, что это какой-то «предварительный» договор, проект или черновик, на основании которого в 911 году был подписан уже «полноценный» договор Олега³⁹⁷. Однако в «полноценном» договоре 911 года отсутствуют многие положения, якобы оговоренные в 907-м. Минувя договор Олега, они странным образом всплывают только в договоре Игоря 944 года.

Все эти несоответствия были замечены давно, и почти столетие назад А. А. Шахматов предложил весьма вероятный сценарий возникновения под пером летописца «договора 907 года»³⁹⁸. С некоторыми поправками его можно бы и принять. Знакомясь с первым договором 911 года, летописец обнаружил в его начале фразу: «равно другаго свѣщаниа. бывшаго прѣ тѣхъ же цѣрихъ. Лва. и Александра», истолкованную им в том (как мы теперь знаем, ошибочном) смысле, что и прежде договора 911 года были какие-то переговоры («свещания») или какие-то соглашения Олега с греками. Это-то и подало ему идею восстановить справедливость и сочинить несомненно некогда существовавший, но утраченный текст соглашения Олега с греками.

Внимательный читатель договоров, летописец, кроме того, заметил, что в договоре Игоря 944 года есть отсылка к «ветхому миру», под которым можно было бы понимать договор 911 года, но некоторые иные ссылки на прежде установленные правила («яко^ж им^ъ оуставле-

Олега против Константинополя. *Византийский временник* 49 (1988), 112–118. См. также: Reginald Hugh Michael Dolley, “Oleg’s Mythical Campaign against Constantinople,” *Bulletin de la Classe des lettres et des sciences morales et politiques. Serie 5*, vol. 35 (1949), 106–130, а также обзор литературы: Irène Sorlin, “Les traités de Byzance avec la Russie au Xe siècle (I),” *Cahiers du Monde russe et soviétique*, vol. 2, no. 3 (1961), 336–342.

³⁹⁷ См. обзор мнений: Irène Sorlin, “Les traités de Byzance avec la Russie au Xe siècle (I),” 343–360. Автор придерживается того мнения, что вымышленность похода 907 г. нисколько не вредит аутентичности договора 907 г.

³⁹⁸ Шахматов А. А. Несколько замечаний о договорах с Греками Олега и Игоря. *Сборник в честь профессора Ф. А. Брауна* [Записки Неофилологического общества, вып. 8]. СПб., 1915, 385–400.

но есть»; «яко же оуставлено есть пѣрвое»; «яко же оуставлено есть преже») не находят в нем соответствия. Это подало ему идею, что подобные установления содержались в том, утраченном и подлежащем восстановлению, договоре, который Олег заключил в 907-м. Так возникла идея скомпилировать этот «договор» преимущественно на основании фрагментов подлинной грамоты 944 года³⁹⁹.

Но летописец не был фальсификатором — он не фабриковал подложную грамоту и не выдавал свой вымысел за текст договора. Он был писателем и сочинял занимательный рассказ. На это редко обращают внимание, но фрагмент летописи, за которым в литературе закрепилось название «договора 907 года», на самом деле представляет собой диалог между князем Олегом и византийскими императорами Львом и Александром. Разговор состоит из двух требований Олега, на которые дважды устно отвечают цари⁴⁰⁰. Выглядит это следующим образом.

Олег посылает своих послов (следует пять имен, выбранных из списка в договоре 911 года: первый и последний послы, а также еще три из начала списка), говоря императорам Льву и Александру: дайте мне дань («посла к нима в городъ Карла. Фарлофа. Велмуда. Рула-

³⁹⁹ Мысль Шахматова была несколько иной. Он полагал, что летописец работал только с договором 911 г., вырезав из него и перенеся под 907 г. несколько фрагментов (см.: Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники. *ТОДРЛ*. Т. 4. М., Л., 1940, 113–115). Договор 911 г., таким образом, в его нынешнем виде признавался дефектным, утратившим часть текста. По необъяснимой случайности именно эти фрагменты дословно совпадают с договором 944 г. Буквальное, совершенно недостижимое в переводе, тождество фрагментов 907 и 944 гг. не позволяет принять гипотезу Шахматова. Летописец делал выписки не из гипотетического «полного» текста договора 911 г., но из реальной, сохранившейся грамоты 944 г.

⁴⁰⁰ Обратим внимание, что и договор 911 г. летописец вводит как прямую речь Олега, обращенную к императорам: «Посла ѿлегъ мужи свои построи ти мира . и положи ти рады меж и Гръки и Русью . и посла глѣ равно другаго свѣщаниа» и т. д. (ПСРЛ 2: 24). Договор 944 г. также, по мнению летописца, был записью устной речи Игоревых послов: «Романъ же събрѣ боары и сановники . и приведоша Рускыа слы . и повелѣша глѣти . и писати ѿбоихъ речи на харотью равно другаго свѣщаниа» (ПСРЛ 2: 35). И также непосредственной записью диктовки оказывается договор Святослава: «цѣрь же ра² бывъ . повелѣть писыцю писати на харотью . всѣа рѣци Сѣослави . и начаша глѣти сли всѣа рѣчи . и нача писецъ писати . глѣа сице равно другаго свѣщаниа» (ПСРЛ 2: 60). То есть летописец вообще представлял себе процедуру заключения договора как устные переговоры.

ва. и Стѣмида ꙗл^а имете ми са по дань»). Цари отвечают: получишь, чего пожелаешь («и ркоша Грѣцѣ. чего хотите и дамы ти»). Олег называет размеры дани («и заповѣда Ѡлегъ дати во емь. на. ꙗѣ. кораблии. по двѣнатьчаты гривнѣ на ключь») и вольно цитирует далее фрагмент, заимствованный из договора 944 года. Выслушав требование, цари отвечают Олегу («и яшаса Грѣци. и ркоша цѣра и боярьство все»), предъявляя свои условия, которыми оказывается еще один фрагмент договора 944 года⁴⁰¹. После такого разговора следуют взаимные клятвы, причем Олег присягает в стиле русов-язычников договора 944 года (оружием и Перуном), но добавляет еще и «Волоса скотья бога» из договора Святослава 971 года.

Итак, никакого «договора 907 года», ни даже его краткого изложения в летописи нет. Есть довольно обычный и часто встречающийся в Повести временных лет обмен «речами» между персонажами⁴⁰².

В этой сцене довольно много анахронизмов. Так, например, византийские императоры скрепляют договоренности крестным целованием, как то во времена летописца сделали бы русские князья («цѣрь же Леоуъ съ Ѡлександромъ. миръ ствѣриста съ Ѡльгомъ. имѣшеса по дань и ротѣ заходивше межи собою. целовѣвши сами крѣтъ»⁴⁰³). Олег требует от греков контрибуцию, заставляя тех оперировать весовыми мерами Руси: гривнами серебра (подлинные договоры знают только византийские литры).

⁴⁰¹ По сути, это единый фрагмент договора 944 г., разбитый на две фразы, одна из которых вложена в уста Олега, а другая отдана императорам. Можно понять, почему летописец выбрал именно этот, а не какой-либо другой фрагмент: именно здесь содержится отсылка к некоему старому уговору: «яко же оуставлено естъ пѣрвое».

⁴⁰² Техника превращения сухого текста документа в прямую речь также обычна для летописи: амплификация путем создания перечней. Если в договоре 944 г. кратко сказано «тог^а възмутъ [...] сли слѣбное свое . а гостье мѣсачное», то Олег перечисляет гастрономические подробности: «да приходать Русь . хлѣбное емлють елико хота^ѣ. а иже придуть гостье да емлють мѣсачину . на . ѣ . мѣць . и хлѣбъ и вино и маса и рыбы . и ѡвощемъ»; если в договоре сказано «и ѡходаш^ѣ Руси ѡсюду взимають ѡ на^ѣ еже надоби брашно на путь . и еже надобѣ лодьямъ», то Олег живописует: «и поиду же Русь домови . да емлю^ѣ оу цѣра вашего на путь брашно . и якора и оужа . и прѣ . и елико надобѣ».

⁴⁰³ ПСРЛ 2: 23.

Но наиболее неуместно выглядит длинный список городов, на которые Олег потребовал от византийцев платить «уклады»: «давати оуглады⁴⁰⁴ на Рускіе города. пѣрвое на Кієвъ. таже и на Черниговъ. и на Переяславъ. и на Полѣтескъ. и на Ростовъ. и на Любечъ. и на прочаа город. по тѣмъ бо городомъ. сѣдаху князья. подъ Ѡльго^а суще»⁴⁰⁵. Мы уже знаем, что даже в 950-х годах никакими городами, кроме единственного Новгорода (странным образом, как раз и не упомянутого Олегом), киевские русы еще не обладают. Отраженный в «договоре 907 года» образ Руси, где в многочисленных городах существуют княжеские столы и на них сидят подчиненные киевскому князю родственники, происходит из современности летописца, а не из начала X века. Так выглядела территориальная структура княжеского рода в конце XI или в начале XII века. Договоры рисуют совершенно другую картину.

Договор 911 года вообще лишен какой-либо географии. Мы не находим здесь не только названий городов, но и вообще каких-либо указаний на территорию⁴⁰⁶. «Русь» во всех случаях означает группу людей, от имени которой заключается соглашение с Византией (и, следовательно, русь противопоставляется «грекам» или «христианам», ср. контексты: «положити рады межи Грѣкы и Русью», «да оумиримса с вами Грѣкы», «мы Русь. да егда ходимъ въ Грѣкы», «дѣржи^а есть. или ѿ Руси или ѿ Грѣкъ», «си же вса да творать Русь Грѣко^а», «межи вами хрѣтъяны и Русью. бывшии миръ» и т. д.). Упомянутые договором князья и бояре, следовательно, суть не правители территорий, но предводители «народа», вожди «рода рускаго». В каждом из четырех случаев,

⁴⁰⁴ В некоторых других списках — правильное уклады. Слово встречается только в этом контексте. Обычно по догадке его переводят как «дань» или «налог» (см.: Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка*. Т. 3. СПб., 1912, 1178). Но, скорее, это производное от старослав. оукладати, в значении «вычитать, отсчитывать» (*Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae*. 45, 624). Мы бы сказали — «разверстка».

⁴⁰⁵ ПСРЛ 2: 22.

⁴⁰⁶ Единственным примером при некотором усилии можно было бы считать упоминание «Руской земли» в следующем контексте: «аще ли ключитса тако же прока за лодьи рустѣи . да прѣводимъ ю в рускую землю» (ПСРЛ 2: 26). «Руской землей» еще и в XII в. могли называть как определенную территорию, так и ее население. Не исключено, что «территориальность» договоров возникла под пером переводчика XII в.

когда договор упоминает князей или бояр, формулы подчеркивают именно этот аспект их власти: «ѿ ѿлга великаго кнѣза Рускаго. и ѿ всѣхъ иже суть по^а рукою его. свѣтлыхъ боярь»; «похотѣнемъ наши^х князь. и по повелѣнию. и ѿ всѣхъ иже суть подъ рукою его. суши^х Руси»; «не владимъ елико наше изволение. быти ѿ суши^х. под рукою нашихъ кнѣзь свѣтлыхъ. никакѡмъ⁹ же съблзну или винѣ»; «да храните таку же любовь. къ княземъ же свѣтлымъ наши^м Рускымъ. и къ всѣмъ иже суть подъ рукою свѣтлаго княза нашего»⁴⁰⁷.

Ровно такие же контексты предлагает нам и договор Игоря 944 года, хотя здесь уже появляется и название некоей страны, где обитает русь: «послании ѿ Игоря. великаго княза Рускаго. и ѿ всеа княжья. и ѿ всѣхъ людий Ру^ское земли»; «и великыи нашъ князь Игорь. и бояре его. и людие вси Рустии»; «великыи князь Ру^скыи. и боярь его. да посылають»; «и хранити ѿ Игоря и ѿ всѣхъ боярь. и ѿ всѣхъ людий. и ѿ страны Ру^сскыя»; «ѿ князь и ѿ лю^ди Ру^скыхъ»⁴⁰⁸.

В обоих договорах речь идет о, предположительно, многочисленных князьях руси, предводительствуемых «главным» или «старшим» — великим — князем⁴⁰⁹. В договоре 911 года они названы «светлыми князьями» (возможно, они же — «светлые бояре»), находящимися «под рукой» Олега; в договоре 944 года менее пышно названы «всем княжьем». Но никакого географического распределения этих князей договоры не знают. Единственный пространственный ориентир в Восточной Европе, который предлагают договоры, это — «русская земля» или «страна руская». Вариативность перевода указывает, что это описательные выражения, передающие смысл: «места обитания росов». Эти места, а точнее, место мы уже знаем — «внутренняя Россия» Константина Багрянородного, или Киев. Каковы бы ни были в это время иерархические отношения внутри княжеского рода, они еще не основываются на владениях территориями или на «старшинстве городов». Весь княжеский род, как и «все росы», обитает в Киеве.

⁴⁰⁷ ПСРЛ 2: 23, 24.

⁴⁰⁸ ПСРЛ 2: 36, 41.

⁴⁰⁹ О возможных византийских прототипах этого «титула» см.: Andrzej Poppe, "Words That Serve the Authority: On the Title of 'Grand Prince' in Kievan Rus," *Acta Poloniae Historica* 60 (1989), 159–184.

Причудливая география Руси начала X века, отраженная в «договоре 907 года», где среди главных центров Руси фигурируют такие неожиданные места, как Ростов, Полоцк и Любеч⁴¹⁰, несомненно, объясняется тем, что перечень является искусственным и представляет собой распространение другого списка городов, упомянутого в той же статье несколько ниже, а также еще раз в договоре 944 года. Этот второй перечень короче, в нем только три города, но его принадлежность к оригинальному содержанию договора также была поставлена под сомнение⁴¹¹.

Порядок получения натурального содержания русскими купцами в Константинополе определен следующим образом:

да послеть цѣртьво ваше. да испишетъ имена ихъ. и тогда възмутъ мѣсцацное свое. сли слѣбное свое. а гостѣе мѣсцацное свое. пѣрвое ѿ града Кіева. и пакы ис Чернигова. и ис Переяславлѧ. и прочіи городи⁴¹²

Это установление противоречит сразу нескольким утверждениям нашего самого надежного источника — трактата «Об управлении империей» Константина Багрянородного. Во-первых, согласно Константину, караван формируют исключительно киевские росы, да и отплывает он из Киева и, следовательно, только купцов «ѿ града Кіева» и можно ожидать в его составе. Никакого места для участия «пактиотов» в этом предприятии (за исключением продажи росам заготовок для постройки кораблей) Константин не отводит: торговля с Константинополем была монополией и привилегией именно росов. Поэтому самостоятельно торгующие купцы «ис Чернигова» (согласно Константину — города славян-пактиотов), как, впрочем, и из любого другого не принадлежащего росам города, не могут не вызывать нашей настороженности. Еще большим анахронизмом для середины (и тем более начала) X века выглядит упоминание Переяславля. Никаких владений

⁴¹⁰ Впрочем, присутствие в списке первых двух объяснимо из другого летописного известия, о раздаче Рюриком городов своим мужам-варягам: «и съде ту княжѧ . и раздаа мужемъ своимъ волости . и города рубити . ѡвому Польшескъ . ѡвому Ростовъ . другому Бѣлоозеро» (ПСРЛ 2: 14). О возможной причине замены Белоозера Любечем см. ниже.

⁴¹¹ См.: John H. Lind, "The Russo-Byzantine Treaties and the Early Urban Structure of Rus'", *The Slavonic and East European Review*, vol. 62, no. 3 (1984), 362–370.

⁴¹² ПСРЛ 2: 37.

росов на Левобережье Днепра Константин не знает. Летопись, как известно, сохранила предание об основании Переяславля только во времена Владимира Святославича (помещено под 993 годом)⁴¹³. Даже не обязательно доверяя букве летописного сообщения, трудно оспаривать мнение, что этот новый город с очевидно «придуманным» названием возникает в контексте создания и фортификации новой границы Руси со степью на рубеже X–XI веков (ср. подобные составные названия других крепостей: Полкстень, Бронькняж и др.). Во всяком случае, археологические свидетельства существования города не простираются глубже рубежа X–XI веков, а первые достоверные летописные упоминания Переяславля относятся только к середине XI века, когда здесь возникает княжеский стол для Всеволода Ярославича.

Обратим внимание, что три перечисленные в договоре города — Киев, Чернигов и Переяславль — это три центра так называемой Русской земли («в узком смысле»), более позднего ядра государства и своего рода домена княжеской семьи. Как отчетливое территориальное и государственное образование Русская земля известна из сообщений второй половины XI–XII века; надо думать, она возникла всего за полстолетия до этого. Обратим также внимание, что ее центры перечислены в определенной последовательности, что указывает на некую иерархию или «старшинство» городов: «първое ѿ града Києва. и паки ис Чернигова. и ис Переяславля». Из летописи, действительно, можно заключить, что в княжеской династии в XI веке осознавали неравноценность трех главных городов Русской земли. Однако впечатление об их иерархии могло возникнуть не ранее легендарного «завещания Ярослава Мудрого» (1054), а еще точнее — последующей практики трех старших Ярославичей (так называемого «триумvirата»), распределивших после смерти отца княжеские столы таким образом, что старшему Изяславу достался Киев, среднему Святославу — Чернигов, младшему Всеволоду — Переяславль. Это само по себе устанавливало некое «старшинство» городов, зеркальное отражение старшинства династического. Но зримо это было продемонстрировано только в самом конце 1070-х годов, когда младший из Ярославичей — Всеволод — завершил свое последовательное восхождение от Переяслав-

⁴¹³ ПСРЛ 2: 106–107.

ля, через Чернигов, достигнув наконец Киева. Следующее поколение князей — внуков Ярослава — также устраивало свои отношения, признавая распределение столов в «триумvirате», и «табель о рангах» составных частей Руской земли легла в основание договоренностей на Любечском съезде 1097 года, согласно которым генеалогически старшие Изяславичи получили отцовский Киев, Святославичи — Чернигов, Владимир Всеволодович — Переяславль. Любечские соглашения действовали вплоть до 1113 года, то есть составляли собой каркас того мира, в котором жил автор Повести временных лет и который считал естественным порядком вещей⁴¹⁴.

Весьма высока вероятность, в свете сказанного, что упоминание Киева, Чернигова и Переяславля в «договоре 907-го» и договоре 944 года представляет собой интерполяцию Сильвестра. Во всяком случае, мы знаем, что фрагмент, в котором оказались названия городов, единственный из всей длинной грамоты 944 года, привлек его особенное внимание, именно с ним Сильвестр производил манипуляции, перенеся в «договор 907 года», а затем еще и создав на его основе другой, более пространственный список⁴¹⁵. О том, что дало повод летописцу вмешаться в текст договора, можно строить различные догадки. Но, быть может, Сильвестр нашел подсказку в том, как его коллега — переводчик договоров — передавал греческое название земли, из которой приплывали росы. Несколько раз *Ῥωσῶν* византийской грамоты

⁴¹⁴ Любечский съезд — важный эпизод для летописца. Не с этим ли связано упоминание, иначе труднообъяснимое, этого городка в «договоре 907 г.» (как, впрочем, и в легенде о походе Олега из Новгорода на Киев под 882 г.)?

⁴¹⁵ Особый вопрос: просто ли внес летописец свою глоссу о трех городах на приглянувшееся ему место, или заменил ею какой-то фрагмент оригинального текста? По мысли летописца, фраза о трех городах призвана была объяснить порядок получения русами во время их пребывания в Константинополе натурального содержания, названного в договоре «месячным» или «месячиной». Само название этих выплат предполагало бы и определение срока, в течение которого русы могут рассчитывать на получение довольствия. Но именно этого в договоре и нет. В то же время «договор 907 г.», парафразируя тот же фрагмент, подобное указание содержит: «а иже придуть гостѣ да емлють мѣсачину . на . ѿ . мѣць» (ПСРЛ 2: 22). Это не выдумка: о шести месяцах торговли росов говорит и Константин Багрянородный. Можно думать, что именно такое указание и стояло в договоре 944 г. на месте читаемой ныне фразы, но в результате манипуляций с текстом оказалось изъятым и перенесенным под 907 г.

было переведено как «русская земля», что провоцировало ассоциацию с современной летописцу Руской землей и подбивало прокомментировать ее устройство.

8. КОМПАНИЯ: ВЛАДЕЛЬЦЫ И СЛУЖАЩИЕ

Источники сохранили для нас известия о трех посольствах киевских росов в Византию. Для двух из них — посещавших Константинополь в 911 и 944 годах — мы располагаем даже «списочным составом», так как имена были занесены в тексты договоров. Третье посольство — княгини Ольги в 957 году — известно только с количественной стороны: Константин Багрянородный в трактате «О церемониях» скрупулезно отметил денежные выплаты росам, указав попутно разряды людей в ее свите и численность каждого из них.

По существу, только эти три текста позволяют судить о количестве и составе социальных групп, которые некогда принято было называть «правлящими слоями Киевского государства», а новый жаргон определяет как «политическую элиту». Начнем с наиболее позднего свидетельства — о посольстве 957 года.

Княгиня Ольга удостоилась двух приемов в Большом дворце: 9 сентября и 18 октября. Оба раза ее сопровождала многочисленная свита, состав которой несколько менялся от приема к приему, но общее количество людей оставалось неизменным — 107 человек. Оба визита во дворец завершались банкетом: первый был дан для «послов архонтов росов, приближенных и родственников архонтииссы, а также купцов» (в тот раз княгиня, сопровождаемая восемью родственницами и шестнадцатью прислужницами, удостоилась отдельного «десерта» в кругу императорской семьи). На этом обеде присутствовали восемь мужчин — родственников Ольги, а также упомянутый особо ее племянник. Кроме того, здесь были 20 послов и 43 купца. Второй банкет, 18 октября, состоялся с участием Ольги. На нем присутствовали, среди прочих, все тот же племянник княгини, 16 ее родственниц, 22 посла и 44 купца⁴¹⁶.

⁴¹⁶ *De Cerimoniis*, 596–598. См. перевод: J. M. Featherstone, “ΔΙ’ ΕΝΔΕΙΞΙΝ: Display in Court Ceremonial (De ceremoniis II,15),” 109–112.

Итак, вопреки летописи, из всех князей руси знающей только Игоря, его жену Ольгу и их сына Святослава, состав посольства свидетельствует о достаточно многочисленном княжеском роде в середине X века. Упомянутых Константином «родственников» Ольги, 8 мужчин и 16 женщин, можно было бы считать (как и обладавшего особым статусом ее «племянника») ее собственными родственниками, не Игоря. Не исключено, что в посольстве были и такие. Но Константин достаточно определенно утверждает, что 22 посла представляли «архонтов росов». Это, надо думать, и было общее количество представителей княжеского дома, суммарно названного в договоре 944-го «всем княжьем», а в предыдущем поколении — «светлыми князьями под рукой Олега» (договор 911 года).

В посольстве 957 года примечательно соотношение группы послов, представлявших архонтов росов (22 человека), и группы купцов — 44. Едва ли цифры подобались случайно. Можно предполагать, что каждый из князей отправил в посольство по одному послу и по два купца.

Эти же две, наиболее многочисленные в Ольгиной свите, группы — «послов» и «купцов» — обнаруживаем и в посольстве Игоря 944 года. Соотношение здесь несколько иное, но симметрия сохраняется: 25 послам соответствуют 25 купцов. Вот этот список:

мы ѿ рода Рускаго. съли и гостѣ. Иворь соль Игоревъ. великаго княза Рускаго. и ѿбъичи сли. Вуефастъ Сватославль снъ Игоревъ. Искусеви ѿлги княгини Слуды Игоревъ. нети Игоревъ. Оулъбъ Володиславль Каницарь Передьславинъ Шихъбернъ. Сфандръ. жены Улѣблѣ Прасьтънъ Турьдуви Либиарь Фастовъ. Гримъ Сфирьковъ Прастѣнъ. Акунъ. нети Игоревъ Кары. Тудковъ. Каршевъ. Турьдовъ. Егри Евлисковъ. [Воистъ] Воиковъ. Истръ. Аминодовъ. Прастѣнъ. Берновъ. Іавтагъ. Гунаровъ Шибридъ. Алданъ Колъ Клековъ. Стегги Етоновъ. Сфирка. Алвадъ Гудовъ. Фудри Туадовъ. Мутуръ Оутинъ. купецъ Адунъ. Адулбъ. Иггивладъ. ѿлѣбъ Фрутанъ. Гомоль. Куци. Ємигъ. Турьбидъ. Фурьстѣнъ. Бруны. Роалдъ Гунастръ. Фрастѣнъ. Игельдъ. Турьбернъ. Моны. Руалдъ. Свѣнь. Стирь. Алданъ. Тилена. Пубьксарь. Вузльбъ. Синко. Боричъ. послании ѿ Игоря. великаго княза Рускаго. и ѿ всакона княжья⁴¹⁷.

⁴¹⁷ ПСРЛ I: 46–47. Списки послов и купцов, подписавших договор, различаются в двух главных свидетелях текста: версии Ипатьевской и версии Лаврентьевской летописей. В Ипат., насчитывающей 51 имя, список явно искажен: пропущен Прастен, представлявший некоего Берна, но зато добавлены два дополнительных Тур-

По существу, договор предлагает нам не два каталога имен, а три. Кроме послов и купцов, неявно здесь присутствует и третья группа из 25 доверителей, названных поименно. При имени каждого посла указано, кем именно он делегирован. Помимо знакомых нам по летописи Игоря, Ольги и Святослава, занимающих первые три позиции в списке, среди доверителей встречаем, например, на четвертом месте Игоря — племянника и тезку великого князя, и еще одного племянника по имени Акун на одиннадцатом, жену какого-то Улеба Сфандру, а кроме того людей с явно княжескими именами: некоего Володислава (чьим послом был Улеб) и Предславу (ее представлял Каницар), судя по их месту в списке — обладающих даже более высоким статусом, чем один из княжеских племянников. Совершенно определено: люди, перечисленные между двумя племянниками Игоря, суть родственники великого князя. Их право быть представленными на переговорах персональным послом определяется местом в родственной группе. Но в таком случае и все остальные, обладающие таким же правом, должны быть признаны представителями княжеского рода — «всяким князем», чьими агентами на переговорах выступали «обычные слы».

То, что 25 доверителей — это княжеский клан, не сомневались уже в XIX веке. Споры возникали о том, где могло размещаться и, следовательно, кого должно было представлять такое многочисленное семейство. Почему бы Игорю — великому князю, сидящему в Киеве, не заключить договор лишь от своего имени? Может, не только Киев выступал контрагентом Византии? И перечисленные князья — это представители тех самых городов, в пользу которых еще Олег требовал контрибуции от греков? Или, возможно, это какие-то «местные князья» — делегаты подчиненных Киеву славянских племен, славяний? И даже — не может ли это быть 25 князей-посадников, управля-

берна и между ними один дополнительный Улеб, а имена Свена и Стира переданы как одно — «Свенсти́р». Более надежен (хотя и не безупречен) список Лавр., в котором насчитывается ровно 50 имен. Судя по всему, в этой версии также пропущено имя князя, отправившего в посольство некоего Сфирку (упомянутого на 22 позиции в списке). Кроме того, в Лавр. пропущено имя посла, представлявшего некоего «Воика». В Ипат. это место передано как «Воистовъ . Иковъ» (ПСРЛ 2: 35), а в Софийской 1 летописи как «Воисто Воиковъ» (ПСРЛ 25, 1: 27), на основании чего в изданиях принята конъектура: «Воист Воиков». Принимаем также, что последний в списке Синко Боричь — это один человек, а не два имени.

ющих «административными единицами», на которые подразделялось Киевское государство?

Ни одного из этих предложений принять нельзя. Это не правители и не посадники, хотя бы потому, что в списке находим, по крайней мере, трех женщин (притом одна, Ольга, с достоверной пропиской в Киеве). Это не «местные» славянские князья, так как практически все имена в списке скандинавские. Это, наконец, не представители городов, «административных центров» или славиний. В договоре 944 года поименовано 25 князей, а в 957-м Константин Багрянородный говорит о 22 архонтах росов. Что же, за время между двумя посольствами исчезло три города или сгинуло три славянских племени? Да и не хватило бы в Восточной Европе ни городов, ни племен, чтобы рассадить на столах такое количество князей. Мы уже видели (в предыдущем разделе), что упоминание трех городов Руской земли в договорах представляет собой глоссу летописца, а утверждение о том, что по этим и многим другим городам сидят «светлые князья», не более чем попытка осмыслить прошлое в реалиях XII века.

Очевидна преемственность между группами людей, заключавших договор 944 года, и послами, представлявшими русь на переговорах 911-го. Список здесь гораздо короче — он насчитывает всего 15 имен:

мы ѿ рода Рускаго. Карлы Инегелдъ. Фарлофъ. Веремудъ. Рулавъ. Гуды Руалдъ⁴¹⁸. Карнъ. Фрелавъ. Рюаръ. Актеву. Труанъ. Лидульфость. Стемирь. иже послани ѿ Ѡлга великаго кн^аза Рускаго. и ѿ всѣхъ иже суть по^а рукою его. свѣтлыхъ боярь⁴¹⁸.

Семерых из этого списка встречаем в 944 году. Определенно Инегелд, Рулав и Руал идентифицируются как купцы Игелд, Руалд и Роалд; Карлы — это посол Кары (и, вероятно, Карн присутствует в 944 году под исковерканным именем «Каршев»). Два посла 911 года обнаруживаются среди группы «князья» 944 года: Гуды и Фост — это Гуды и Фаст 944-го.

⁴¹⁸ ПСРЛ 2: 23–24. В Лаврентьевской версии титулы несколько распространены, ср.: «мы ѿ рода рѣка¹. Карлы. Инегелдъ. Фарло^о. Веремоу^а. Рѣлавъ. Гоуды Роуа¹лдъ. Карнъ. Фрелавъ. Рѣаль. Актевѣ. Трѣанъ. Лидоу¹ Фостъ. Стеми^а. иже послани ѿ Ѡлга велико¹ кн^аза роу^ака¹. и ѿ всѣхъ иже соу^т по^а роукою е¹ свѣтлы^х и велики^х кн^азъ. и е¹ велики^х боярь» (ПСРЛ 1: 32–33).

Сравнительно с временами Игоря, договор Олега отражает гораздо более простое устройство сообщества киевских росов или, во всяком случае, менее формальные подходы к формированию посольства. Здесь еще нет разделения на три отчетливых «сословия», и все подписавшие договор имеют равный статус послов. Через тридцать с небольшим лет обнаружится, что среди них было двое князей, а часть бывших «слов» переместилась в категорию «гостей». Не исключено, что членство в этих двух «сословиях» ни тогда, ни впоследствии не было постоянным. Это, кстати, опровергает еще одну догадку об отражении посольствами политической и социальной архитектуры Руси: что послы представляли княжескую династию Киева, а вот «гости» — «элику региональных торгово-ремесленных центров» (тех самых легендарных «прочих городов», по которым якобы сидели князья «под Ольгом сущии»)⁴¹⁹. Вместе с тем, отсутствие среди делегации 911 года самостоятельной категории «гостей» может указывать, что в среде росов еще не развилась «специализация», обусловленная торговлей с Византией, а значит, мы присутствуем при самом начале отношений с Империей.

И все же почему бы Олегу или Игорю, если они, «великие» или главные князья, возглавляют «всякое княжье», не заключать договор самостоятельно, поставив только свои имена на документах? Ведь именно так — правитель с правителем — и договариваются государства. Почему всякий раз необходимо посылать в Константинополь многочисленную делегацию из послов и купцов, представляющих каждого члена княжеского клана? Конечно, многочисленное посольство представительнее, но роль посланников была далеко не декоративной: русская копия грамоты, врученная византийской стороне, удостоверялась проставленным на ней полным списком послов и купцов

⁴¹⁹ См.: Назаренко А. В. «Слы и гостие»: о структуре политической элиты Древней Руси в первой половине — середине X в. *Восточная Европа в древности и средневековье: политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашута, Москва, 16–18 апреля 2007 г.: материалы конференции*. Москва, 2007, 169–174. И потом: посольства демонстрируют выраженные пропорциональные соотношения между послами и купцами. Как же объяснить, что количество этих самых «региональных элит» находится в прямой зависимости от наличного состава киевского «княжья»?

(«мы же свѣщание все положимъ на двою харатью. и єдина харотья есть оу цѣртва наше[†]. на неи же есть крѣть. и имена наша написана. а на другой сли ваши и гостье ваши»⁴²⁰), то есть имена послов имели тот же вес, что и имена императоров.

Договоры руси с Византией — не вполне «государственные» соглашения, а домогавшаяся их русь — не вполне государство. Основное содержание договоров, которым и определяется цель их заключения, состоит в установлении порядка и правил торговли руси в Константинополе. В литературе их часто так и называют: торговые договоры. С другой стороны, русь — это не государство, не территория и даже не народ. Это группа людей, занятых общим делом: собиранием полюдья со славянских племен и последующим обменом этого добра на рынках Константинополя. Это мы знали бы и без договоров. Договоры важны тем, что позволяют заглянуть внутрь сообщества и, пусть в общих чертах, понять, как организована эта компания: кто был ее акционерами, кто чиновниками, кто торговыми агентами.

Пропорциональные соотношения между тремя «сословиями» руси указывают, что центром и стержнем всей конструкции была группа родственников, названных в договорах «княжьем», а в византийских источниках — «архонтами росов». От состояния и конфигурации этого клана зависели очертания остальных «сословий»: то были их послы и их купцы. Кем были в «обычной жизни» послы, можно строить догадки, но нет сомнения, что они обладали исключительно высоким статусом среди днепровских росов и были каким-то образом лично связаны с представителями княжеского дома. Напротив, роль «гостей» достаточно очевидна: они выступали торговыми агентами «светлых князей». Таким образом обнаруживается другая черта «княжья»: эта группа родственников была еще и корпорацией, скрепленной общим коммерческим интересом⁴²¹. Их коллективной собственностью были не территории, не подданные и даже не власть над ними, но та

⁴²⁰ ПСРЛ 2: 40–41.

⁴²¹ Назаренко А. В. Некоторые соображения о договоре Руси с греками 944 г. в связи с политической структурой Древнерусского государства. *Восточная Европа в древности и средневековье: Политическая структура древнерусского государства. VIII. Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 17–19 апр. 1996 г.: Тез. докл. М., 1996*, 58–63.

дань, которая собиралась в процессе «кружения» с народов-пактиотов. Трудно судить, как и согласно каким счетам определялись индивидуальные порции в общем достоянии. Но то, что купцы были личными представителями князей, говорит в пользу своего рода «акционерного товарищества», где известны доли каждого.

Договоры, однако, толкуют о «светлых князьях» руси, возглавляемых «великим князем» и окруженных «светлыми боярами», то есть намекают на политическое устройство, в общем, обычное для ранне-средневековых государственных образований. Так ли это? Что представляли собой «светлые князья» договоров? Были ли они уже в начале X века тем харизматическим родом правителей, обладавшим небесным мандатом на осуществление власти в Восточной Европе, каким мы обнаруживаем его в XI веке? Нужно помнить, что договоры — это византийские грамоты, и мы смотрим на русь глазами чиновников императорской канцелярии. *Λατρεῦσται ἄρχοντες*, как, скорее всего, стояло в оригинале договора, — это стандартное формульное обозначение византийских сановников (синклита)⁴²². То есть византийцы наблюдали какое-то количество знатных людей («архонтов»), которых называли также «светлыми боярами», и их предводителя — «главного архонта». В момент заключения договора 911 года византийцы еще не видят среди росов центрального для раннегосударственных образований института — княжеской династии. Но этого, похоже, не видят и сами росы. По крайней мере двое из подписавших договор принадлежат к родственникам «главаря росов» и в договоре 944-го уже будут фигурировать среди «князья». Но в 911 году они еще не усматривают ничего зазорного в том, чтобы их уравнивали в общем списке с теми, кто в 944-м окажется всего лишь «послом», и даже с теми, кто так и не поднимется выше «купцов». И в этом ряду родственники предводителя росов не занимают первых позиций: Гуды упомянут шестым, Фаст — четырнадцатым. Княжеский род еще не обособился от остальной массы росов.

Но к середине столетия, возможно не без помощи «классификаторских» усилий византийцев, представляющих мироустройство и социальный порядок непременно в виде «табелей о рангах» — светских

⁴²² Афиногенов Д. К проблеме реконструкции греческого текста договора князя Олега с греками 911 г. *Ruthenica* XII (2014), 24.

и церковных чиновников, государств и их правителей, — сообщество киевских росов уже разделено на разряды: князья — послы — купцы, и каждому указано на его место в общей структуре. Ранжирование трех «сословий» византийцы закрепляли и подтверждали символически: неравной ценностью вручаемых грамот («золотых» и «серебряных») либо еще откровеннее: различными суммами выдаваемых денег. При каждом контакте с византийскими властями, кроме того, росы слышали о «великом архонте», о «светлых архонтах» и постепенно привыкали к мысли о том, что их предводители — князья — не просто акционеры торговой компании, но правители, властвующие над людьми и землями.

9. ГОРОД КИЕВ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

 деланные в предыдущем разделе наблюдения, как представляется, ведут к одному важному выводу. Как экономическая и социальная структура киевские росы сформировались достаточно близко к дате первого из договоров с Византией — быть может, всего на одно поколение ранее тех людей, что подписали грамоту 911 года. Это означает, что никакой необходимости отодвигать «возникновение Руси» в глубь IX века, и тем более — в его начало, не существует. Рубеж 880-х и 890-х годов будет приблизительной (а другая и невозможна), но взвешенной, и даже консервативной, датой «начала руси».

Этот вывод получает подкрепление и со стороны археологии. Центром, а долгое время и единственной базой днепровских росов был Киев. Именно 880-ми годами датируется «возникновение Киева». Речь, конечно же, не о том, что территория будущей столицы Руси была безлюдной и только пришедшие сюда скандинавы основали первое поселение, давшее начало городу. Напротив, непрерывная жизнь на холмах вдоль правого берега Днепра прослеживается, по крайней мере, с рубежа новой эры. Здесь оставило следы сменяющее друг друга население, ассоциируемое с различными археологическими культурами: Зарубинецкой, Киевской, Черняховской, Пражско-Корчакской. Освоение территории происходило в виде разрозненных и, возможно, существовавших непродолжительное время поселений сельскохозяйственного типа, располагавшихся на возвышенностях киевского пла-

то, а также на прилегающих к Днепру горах. Не позднее VII века в северо-восточной части Старокиевской горы возникает укрепленное городище, вероятно, служившее оборонительным и административным центром для проживающего в округе населения.

Возвышение Киева на рубеже IX–X веков было подготовлено притоком сюда, начиная с середины IX века, славянского населения, ассоциируемого с археологической культурой Луки-Райковецкой. Датированные VIII–X веками, памятники этой культуры занимают огромные территории от верховьев Западного Буга до Днепровского Правобережья. В Киеве материалы Луки-Райковецкой обнаружены на Старокиевской горе, горе Детинке, на Кудрявце и Уздыхальнице. Их датируют второй половиной IX — началом X века. Преимущественно находки сделаны на краю площадок, но причина тому — не тяготение населения именно к обрывам гор, а сохранность археологического слоя, лучше уцелевшего на кромках возвышенностей. Топографические условия Киева, где горы полукольцом окружают останец Замковой горы, заставляют предполагать в ней естественное средоточие для славянского населения — центральное поселение, может быть даже, укрепленное городище. Эта возможность остается только теоретической, поскольку укреплений славянского времени на Замковой горе не обнаружено. Но на северо-западной ее оконечности раскопками были открыты культурный слой и объекты второй половины IX — начала X века, свидетельствующие, что площадка и этой горы была заселена. К рубежу IX–X веков относится появление в Киеве и другой группы славянского населения, ассоциируемого с Роменской археологической культурой, носители которой занимали Левобережье Днепра.

Традиционное население первого тысячелетия нашей эры тяготело к возвышенностям, в то время как терраса Днепра, расположенная между горами и берегом реки, где позднее возникнет главный торговый и ремесленный район города Подол, оставалась незаселенной. Связано это было как с характером преимущественных занятий населения — подсечным земледелием, истощавшим почву и требовавшим регулярного перемещения на новые места, так и с геологическими и гидрологическими процессами, происходившими в районе киевских гор. Археологические и геологические исследования указывают, что формирование киевского рельефа было далеко не завершено в историческое время. Подол и окружающие его горы находились под воз-

действием процессов, регулярно превращавших приречную террасу в зону катаклизмов: катастрофические смывы огромных масс почвы с прилегающих возвышенностей и такие же катастрофические намывы речного песка превращали местность в совершенно непригодную для стабильного обитания. Эти природные бедствия обрушивались на Подол с неумолимой цикличностью и перекрывали его территорию слоем отложений до полутора-двух метров толщиной⁴²³. Геологическая ситуация стабилизировалась только в середине XII века⁴²⁴.

Однако люди, невзирая на опасности, сопряженные с проживанием у реки, стали селиться на Подоле задолго до этого. Начиная с конца IX века именно прибрежная терраса Днепра станет зоной наиболее интенсивного развития. Самая ранняя дендродата, полученная в результате исследования усадьбы, возникшей у подножия Замковой горы (Житний рынок), — 887 год. Эта единственная для IX века дата, вероятно, маркирует самое начало строительной деятельности на Подоле. Лучше представлено начало X века: 900, 901, 903, 913, 918 годы⁴²⁵. Основываясь на датах рубки бревен, использованных для строительства (900—924 годы), полагают, что во втором десятилетии X века на верхней террасе Подола появляется регулярная усадебная застройка, ориентированная на возникающую уличную сеть, следы которой обнаружены археологически.

Освоение Подольской террасы уже само по себе указывает на то, что в Киеве появилось население, чьи занятия радикально отличались от практикуемого предыдущими обитателями земледелия. Новое население тяготело к реке и в ней видело главный источник своего благополучия. Ради непосредственного доступа к Днепру жители Подола готовы были терпеть существенные неудобства и подвергаться природным

⁴²³ Судя по стратиграфии Подола, одно из наиболее катастрофических наводнений имело место в начале XII в., между 1103 и 1116 г. Летописец был свидетелем этого потопа и воспользовался впечатлениями для рассказа о том, как древлянские послы подплыли на своих ладьях прямо под Боричев узвоз и сошли рядом с княжеским дворцом: «и приста подъ Боричево» въ лодыи . бѣ бо тогда вода текуши възлѣ горы Къ"євьскыи. и на Подолѣ не сѣдахуть лю"є . но на горѣ» (ПСРЛ 2: 43—44).

⁴²⁴ Mykhailo Sahaydak, "Medieval Kiev from the Perspective of an Archaeological Study of the Podil District," *Ruthenica* IV (2005), 138—156.

⁴²⁵ Сагайдак М. А. Дендрохронология древнего Киева. *Новое в археологии Киева*. К., 1981, 449—450.

бедствиям. Это население, кроме того, приносит с собой и новую домостроительную традицию: сооружение больших домов из цельных бревен, срубов. Это не обязательно скандинавское обыкновение, но яркий контраст с предыдущими полуземлянками славянского населения.

Большая река, подобная Днепру, — это прежде всего транспортная артерия и, следовательно, торговый путь. Возникновение деловой части города на берегу реки указывает на превращение Киева в центр дальней торговли, с которой в течение всего X века и будет связано его возвышение. Именно в начале X века Киева наконец достигает серебряная арабская монета, дирхем, и сразу в больших объемах⁴²⁶. К середине X века новую роль Киева уже заметили и письменные традиции: первые упоминания Киева, притом в контексте дальней торговли, в арабских источниках датируются 950-ми годами (ал-Истахри), и к этому же времени относится описание Киева и торговых операций росов у Константина Багрянородного.

Надо думать, именно в начале X века Киев окончательно приобретает черты настоящего города. Здесь выделяют «аристократическую» часть — расположенное на Старокиевской горе укрепленное городище, средоточие «власти», где, по крайней мере, с середины X века существует княжеская резиденция и возникает каменное строительство. В верхней части города, вдоль высокого берега, протянулся обширный курганный могильник, погребения которого датируются X веком. Как считают, отдельные группы курганов были связаны с располагавшимися в верхней части города усадьбами представителей киевской элиты. В нижней части находился деловой район города, ориентированный на торговлю вдоль Днепровского пути. Киев обрел пространственную и социальную структуру города: центра обмена и власти.

Город всегда ассоциируется с пестротой населения, а город, ведущий торговлю с дальними странами, представляется и вовсе космополитическим центром, в котором смешиваются языки, народы и верования. Таков и ранний Киев во многих обобщающих трудах. Разноликость киевского населения невозможно отрицать. Но суждения о конкретных группах городских обитателей вызывают обоснованный скептицизм. Среди киевского населения начала X века назы-

⁴²⁶ Thomas S. Noonan, "The Monetary History of Kiev in the Pre-Mongol Period," 395–397.

вают варягов, значительная часть которых к середине века уже стали христианами; хазар, некогда владычествовавших над городом; и общину еврейских купцов. Все эти группы так или иначе отмечены в сохранившихся источниках, и именно на них, как правило, концентрируется внимание исследователей. От частого повторения подобная картина стала уже почти общим местом, но при более пристальном взгляде оказывается миражом.

Среди твердых историографических убеждений одним из наиболее прочных является утверждение, будто значительную часть населения Киева X века составляли христиане. Ими были представители социальной элиты, варяги, постоянно контактировавшие с Византией. Они «вывозили» новую веру из регулярных торговых поездок в Константинополь или воспринимали ее под впечатлением службы в императорской армии. К середине X века киевские христиане уже сформировали устойчивое сообщество, организованное вокруг «соборной церкви» св. Ильи. В литературе нет недостатка соображениям, почему эта «соборная церковь» должна была располагаться именно на Подоле (потому что он населен ездившими к христианам купцами), и даже ее посвящение св. Илье находило свое обоснование (то ли потому, что св. Илья чем-то напоминал недавним язычникам Перуна-громовержца, то ли потому, что церковь была построена в эпоху правления в Византии Македонской династии, полагавшей своим небесным патроном св. Илью).

Между тем, единственным источником, упоминающим «соборную церковь» Киева, есть Повесть временных лет. После подписания в Константинополе текста договора Игоря с греками византийские послы прибыли в Киев, чтобы привести к присяге князя и его окружение. «Ратификация» состоялась следующим образом:

наоутрѣа призва Игорь сли. и приде на холмы кде стояше Перунъ. и покладоша оружья своа и щиты. и золото. и ходи Игорь ротѣ. и мужи его. и елико поганыа Руси. а хрѣтъяную Русь водиша въ цркъвѣ стго Ильи. наже есть надъ руцѣмъ. конѣцъ Пасынчѣ бесѣды. и Козаре. се бо бѣ сборнаа цркъви. мнози бо бѣша Варязи хрѣтъяни⁴²⁷.

«Фактурность» этого рассказа с его яркими подробностями, а также уверенная локализация храма среди современного летописцу город-

⁴²⁷ ПСРЛ 2: 42.

ского ландшафта невольно убеждали в достоверности сообщаемого. К сожалению, ни один археологический объект не удалось отождествить с церковью св. Ильи, да и неясно, как в древности протекал Ручей (тот самый, по которому позже — мимо церкви св. Ильи — проплывет в Днепр идол Перуна) и где находилась местность, называемая «Пасынчей беседой». И самое главное: откуда автор летописи мог бы узнать, как именно присягал Игорь и его «мужи» сто пятьдесят лет назад? На этот вопрос ответ существует.

Составляя текст договора 944 года, византийцы предусмотрели в нем, как именно должны поступить росы, чтобы договор можно было считать полностью вступившим в силу. После того как грамоту привезут в Киев, князь и его приближенные обязаны были присягнуть согласно своему обычаю: кладя на землю щиты, обнаженные мечи и «обручи» (что летописец понял как золотые шейные гривны). Таким образом, они призывали в свидетели Перуна, который и должен был наказать за нарушение клятвы гибелью от собственного оружия:

да полагають щиты своя и мечи свои нагы. и ѿбручи свои. и прочаа ѿружыа. и да кѣнуться ѿ все^м и иже суть написана на харотыи сеи. и хранити ѿ Игоря и ѿ всѣхъ боиарь. и ѿ всѣхъ людии. и ѿ страны Ру^сскыа. въ прѣчаа лѣта и всегда. аще ли же кто ѿ князь и ѿ лю^{ди}и Ру^скыхъ или крѣ^стыань. или не крѣ^сченныи. переступить все еже написано на харотыи сеи. и будетъ достоинъ своимъ ѿружьемъ оумрети. и да буде^т клатъ ѿ Ба и ѿ Перуна. и яко пеступи свою клатьву⁴²⁸.

Вот по этому византийскому сценарию летописец и разыграл свою сцену клятвы оружием на холме подле идола Перуна.

Текст договора, кроме того, утверждал, что часть руси уже принесла присягу — в Константинополе, сразу же после написания грамоты. Это были крещенные росы, и они целовали крест в церкви св. Ильи, о чем и составили акт:

мы же елико насъ крѣ^стилиса есмы. клахомса цѣ^рквю. стго Ильи въ зборнѣи цѣ^ркви. и прѣ^длежащи чѣ^стнымъ крѣ^стомъ. и харотьею сею. хранити же все еже есть написано на неи. и не преступати ѿ того ничто же⁴²⁹

⁴²⁸ ПСРЛ 2: 41.

⁴²⁹ ПСРЛ 2: 41.

Итак, «соборная церковь св. Ильи» находилась в Константинополе, а не в Киеве. Это, вероятно, был один из храмов, располагавшихся на территории Большого дворца, скорее всего, знаменитая Новая церковь, в которой была особая часовня св. Ильи и хранились его реликвии⁴³⁰. Описывая порядок клятв руси, византийцы (и это отразил текст договора) исходили из того, что в Киеве живут росы-язычники, а в Константинополе — росы-христиане. Действительно, византийские источники знают таких «крещеных росов». То была часть наемников, служивших в императорской армии. Они, должно быть, вступили на службу задолго до 944 года, раз уже успели так пообвыкнуться и осмотреться, что даже приняли новую веру. Они оставались в Константинополе и после заключения мира: как отмечает Константин Багрянородный, в 946 году отряд «крещеных росов» нес караул во дворец во время приема императором посольства из Тарса⁴³¹.

Вполне понятно, почему летописец решил заимствовать константинопольский храм и константинопольских «крещеных росов» для сцены ратификации византийского договора в Киеве. Он вообще последовательно использовал все известные ему случаи контактов с Византией для ознакомления русов с христианством и для распространения веры на Руси. Так, самый первый из договоров — Олега 911 года — он сопровождал совершенно вымышленной историей о том, как послов-язычников по окончании переговоров и в честь подписания мира император Лев VI повелел ознакомить с наиболее чтимыми христианскими реликвиями, находившимися в Большом дворце, а также продемонстрировать им «церковную красоту», — это, надо думать, произвело на них такое впечатление, что в 944-м значительная часть княжеского окружения уже оказывается христианами и у них появляется своя «соборная церковь».

⁴³⁰ См.: Малингуди Я. Русско-византийские связи в X в. с точки зрения дипломатики. I. *Византийский временник*. 56 (81). 1996, 90, прим. 95; Васильев М. А. Степень достоверности известия «Повести временных лет» о процедуре ратификации русско-византийского договора 944 г. в Киеве. *Древнейшие государства Восточной Европы: 1998 г.* М., 2000, 64–71; Oleksiy P. Tolochko, “Church of St. Elijah, ‘Baptized Rusens,’ and the Date of the Second Ruso-Byzantine Treaty,” *Byzantinoslavica* (1–2, 2013), III–128.

⁴³¹ Филиппчук А. М. Социальные группы русов в Константинополе в X в.: контакты, торговля и формирование политической элиты. *Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии. Проблемы политогенеза. XXII Чтения памяти В. Т. Пашуто. Материалы конференции.* М., 2011, 292–295.

Во время следующего визита в Константинополь христианство наконец достигает правящего дома — принимает крещение княгиня Ольга. Все это ступени, ведущие к финальному эпизоду: в 987 году внук Ольги Владимир посылает послов (не потомков ли прихожан Ильинской церкви?) в Константинополь, где император Василий II показывает им «церковную красоту» и службу в Софийском соборе, что окончательно убеждает русь стать христианской страной. (По иронии, наиболее ранний и достоверный случай крещения — после похода 860 года — остался неизвестен Сильвестру-летописцу.) Христианские эпизоды летописи — это миссионерская повесть, достаточно искусно рассказанная в отсутствие миссионерства.

Если церковь св. Ильи находилась в Константинополе и там же проживали «крещенные росы», мы практически лишены возможности рассуждать о «христианской общине» Киева на основании письменных источников. Разумеется, остаются еще и археологические свидетельства, но их интерпретация представляет собой не менее сложную задачу. В литературе по-прежнему идут дискуссии: что именно в материальной культуре «общества до крещения» можно считать признаками христианства; как христианство должно отражаться в погребальном обряде; каким образом люди визуализировали свою принадлежность к вере, да и считали ли это необходимым? Предметы X века из Восточной Европы, которые можно было бы ассоциировать с христианским культом, крайне редки. Казалось бы, самым явным и наименее противоречивым знаком принадлежности к христианству должны выступать нательные крестики. Достаточно большое количество этих вещей обнаружено в погребениях X и начала XI века. Однако недавний тщательный пересмотр находок обнаружил, что из 22 погребений, в которых они найдены, 16 были женскими, еще 5 двойными (где крестики могли принадлежать женскому убору) и только одно — предположительно мужское. Из киевских находок 7 экземпляров происходят из женских погребений (притом 2 из них детские) и один — из двойного⁴³². Такое необычно строгое гендерное распределение, а также то обстоятельство,

⁴³² Fedir Androshchuk, "Symbols of Faith or Symbols of Status? Christian Objects in Tenth-Century Rus'," *Early Christianity In Scandinavia And Rus': Contacts And Influences*, ed. by Ildar H. Garipzanov and Oleksiy P. Tolochko [Ruthenica. Supplementum 4] (Kiev, 2011), 78–79.

что иногда крестики включены в качестве подвесок в мониста с монетами или соседствуют с лунницами, наводит на мысль, что в них видели преимущественно украшение, но не обязательно религиозный символ.

Разумеется, нельзя исключать возможность того, что кто-то из «крещеных росов», отслужив свое в Византии, вернулся в Киев на покой. Или какой-либо из киевских работаровцев, побывав в Константинополе, решил подчеркнуть свою причастность к богатству и престижу Империи обращением в «греческую веру». Эти люди и составляли бы «христианскую общину» Киева. Сколько их было и как они удовлетворяли религиозное чувство, остается гадать.

Среди ориентиров, которыми летописец определял местонахождение Ильинской церкви — «над Ручьем, на краю Пасынчей беседы», — значатся и загадочные «Козаре». Традиционно это название трактуется как топоним (по аналогии с более поздним еврейским районом «Жидове»), обозначение некоего городского квартала, и усматривают в нем несомненное свидетельство, что его основателями либо преимущественными жителями были хазары. «Присутствие еврейско-хазарской общины (ср. летописное урочище Козаре) в столице Руси настолько же естественно, насколько естественным было присутствие славяно-русской общины в столице Хазарии Итиле», — сформулировал это общее убеждение ученый комментатор⁴³³. «Козаре» — это колония хазарских купцов в Киеве либо квартал, где во времена владычества Хазарского каганата над Киевом и Средним Приднепровьем размещался военный гарнизон завоевателей.

Если присутствие среди киевского населения христиан остается пусть и теоретической, но вполне допустимой возможностью, то «хазарская община» в любой ее ипостаси — мирных торговцев или вооруженных поработителей — находится всецело в области историографической мифологии.

Начать следует с исходного пункта всех построений — хазарского квартала в Киеве. Странно, что этот древний «хазарско-еврейский квартал» упомянут в контексте нижнего города, Подола (да в нем еще и единственная христианская церковь находится!). Достоверно известный еврейский район Киева в XI–XIII веках располагался в верхнем

⁴³³ Голб Н., Прицак О. *Хазарско-еврейские документы X века*. Научная ред., послесловие и коммент. В. Я. Петрухина. М., 1997, 189.

городе, у Жидовских ворот. Возникновение еврейской общины Киева теперь, после открытия и публикации так называемого Киевского письма, принято датировать самым началом X века, а исследователи, наделяющие хазар решающей военной и политической ролью в Среднем Приднепровье, склонны и само появление здесь евреев связывать с влиянием Хазарии. Получалось бы, что две группы единоверного населения, прибывающие из единого центра практически одновременно, основывают свои колонии в противоположных концах города, до крайности затрудняя религиозное, деловое, да и всякое другое общение между собой. Мы, далее, вправе ожидать, что жители хазарской колонии в Киеве оставят какой-то археологический след или даже повлияют на материальную культуру жителей города, зачастую воспринимающих «этнографию» завоевателей как престижную и достойную подражания. Но следы древностей салтовского культурного облика (ассоциируемых с населением Хазарского каганата) в Киеве практически отсутствуют: несколько случайных находок, ни одна из которых, к тому же, не происходит из материалов Подола⁴³⁴.

«Хазарский квартал» в Киеве выглядит «естественно» только в контексте представлений о хазарах как о бесспорных властителях Восточной Европы и о восточноевропейской истории IX — первой половины X века как противостоянии варяжской руси Хазарскому каганату. Эта чрезвычайно популярная в историографии концепция в своей изначальной формулировке выглядела так:

[И] маху дань Варази изъ заморья. на Чюди и на Слѣвѣне^х. на Мери. и на всѣхъ Кривичѣхъ. а Козари имаху на Поланѣ^х. и на Сѣверѣ^х и на Вятичѣхъ. им^хху по бѣлѣи вѣверицѣ ѿ дыма⁴³⁵.

⁴³⁴ С легкой руки М. К. Каргера часто пишут о «кладбище салтовского типа» в Киеве. Это предположение исследователь (крайне осторожно) выдвинул на основании сообщений о находке в XIX в. нескольких погребений, «вырытых в виде небольших пещерок», в которых были «поставлены горшки с пеплом и обожженными костями». В подтверждение своей догадки Каргер приводил единственный случай находки в другом месте «горшка, сходного с керамикой Верхне-Салтовского могильника» (см.: Каргер М. К. *Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города*. Т. I. М., Л., 1958, 136—137).

⁴³⁵ ПСРЛ I: 19. Затем приходят Аскольд и Дир и, разумеется, отнимают у хазар Киев с его полянами; Олег отбирает северян и радимичей; Святослав — вятичей, а потом и самого кагана хазарского побеждает.

На основании этого сообщения в ученой литературе определяют «границы» Хазарского каганата и его «сферу влияния» в Восточной Европе, куда, естественно, попадает и Киев с его полянами. Раз Киев платил дань хазарам, в нем должна была находиться хазарская власть, она не могла не опираться на гарнизон, а обслуживать все это должны были купцы-хазары. «Хазарская колония» Киева возникает естественным образом.

Выше речь уже шла о том, насколько летописная картина «хазарского владычества» над славянами далека от той, которую могли наблюдать современники⁴³⁶. Византийские источники, например, недвусмысленно свидетельствуют, что граница Хазарии в конце 830-х годов проходила вблизи Дона, а на восток от нее простирались земли печенегов. Приблизительно на тех же местах находились хазары и печенеги в 950-х годах. Это означает, что в течение всего обозримого нашими источниками периода Хазарский каганат не только не мог владеть территориями в Среднем Приднепровье, но даже не имел прямого доступа к его населению⁴³⁷. В подобных обстоятельствах «хазарский

⁴³⁶ Что освобождает от необходимости обсуждать различные вариации этого мотива в ученых трудах, в том числе и получившие известность построения Омеляна Прицака, приписавшего основание Киева хазарам, а следовательно, обнаружившего в нем (помимо хазарской колонии) еще и типичную для ориентального города трехчастную топографию, резиденцию хазарского таможенного чиновника, а также хазарскую топонимику (см.: Голб Н., Прицак О. *Хазарско-еврейские документы X века*, 64–98). См. критические замечания: Толочко П. П. Миф о хазаро-иудейском основании Киева. *Российская археология*. 2001, № 2, 74–81. Нужно отметить, что практически все размышления Прицака о «хазарском Киеве» — это вариации идей Юлия Бруцкуса (см.: J. Brutzkus, “The Khazar Origin of Ancient Kiev,” *Slavonic and East European Review*. American Series, vol. 3, no. 1 (May, 1944), 108–124).

⁴³⁷ Историографический конформизм обучает видеть невидимое и не замечать очевидное. Например, вопреки прямым указаниям источников, что крепость Саркел была сооружена для охраны границ с печенегами, исследователи по-прежнему прочитывают тексты так, чтобы хазары защищались «сетью крепостей» от угрозы со стороны Руси, либо многозначительно недоумевают: кого бы (если не Русь) могла опасаться Хазария в 830-х гг. (см. характерные рассуждения: James Howard-Johnston, “Byzantine Sources for Khazar History,” *The World of the Khazars. New Perspectives*, ed. by Peter B. Golden, Haggai Ben-Shammai and Adrás Róna-Tas (Leiden and Boston, 2007), 169, 174–175; Juan Signes Codoñer, *The Emperor Theophilos and the East*, 343–345). С другой стороны, печенегов не замечают в Восточноевропейской степи до самого рубежа IX–X вв. (едва ли не под влиянием фиктивной хронологии

квартал» в Киеве из разряда «естественного» перемещается в зону аномального и необъяснимого.

Тем не менее, объяснение существует. В действительности «Козаре» (единственное упоминание под 945 годом) представляет собой не актуальный топоним, но одну из глосс в древнем списке Повести временных лет, случайно внесенную в текст и попавшую не на свое место (на строку выше)⁴³⁸. Это очевидно из грамматической несогласованности фразы: «козаре» стоит в именительном падеже, в то время как ожидался бы родительный (над Ручьем, на краю Пасынчей беседы и Козар)⁴³⁹. Им. «козаре», следовательно, согласовано с другим словом фразы в том же именительном падеже, каковым может быть только «варяги» (мнози бо бѣша Варази хрѣтъяни и Козаре). То, что некий эрудированный читатель летописи мог знать, что в середине X века среди восточноевропейских христиан, помимо варягов, были только хазары, как раз вполне естественно. Он, вероятно, ориентировался на Житие Константина и на его рассказ об удачной миссии святого к хазарам: философ не только победил в теологическом споре, но и успешно крестил хазар, и даже сам каган обещал подумать⁴⁴⁰.

Повести временных лет, датирующей их приход 915 г.), чтобы «расчистить» хазарам беспрепятственный доступ к Днепру.

⁴³⁸ О возможных древних глоссах в тексте Повести временных лет см.: Гиппиус А. А. О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет», *Russian Linguistics* 26 (2002), 89. Читатели летописи глоссировали слово варяги и позже, например, в протографе Лаврентьевской группы списков: «ѿ тѣхъ [Варагъ] прозваса Руская земля Новугородѣи ти суть людѣ Нооугородѣи ѿ рода Варажска . преже бо бѣша Словѣни» (ПСРЛ I: 20).

⁴³⁹ В поздних летописях «Козари» либо «Козары», из чего (при условии, что это род. п.) выводят начальную форму ж. р. Козара (Железняк І. М. *Київський топонімікон*. К., 2014, 59–60).

⁴⁴⁰ «Кръсти же сѧ ѡтъ сихъ члди двѣстѣ, ѡтврѣгшиеса мръзостѣи поганьскыхъ и житиѣ беззаконныхъ. Написа же къ царю книги каганъ сицевыи: яко послалъ еси, владыко, моужа такового, иже намъ сказа христіаньскоую вѣроу, словомъ и вѣщми, свѣтлоу троицоу, и оувѣдѣхомъ, яко то естъ истиннаа вѣра, и повелѣхомъ кръститисѧ своею волею, надѣющеса и мы dospѣти того же. Есмь же всѣи друзи и прѣателѣ твоему царствоу, и готови на слоужбоу твою, а може хощешѧ» (Лавров П. А. *Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности*. Л., 1930, 24).

В истории Киева не было «хазарской колонии», а в киевской топонимии не существовало названия соответствующего ей городского района.

Совершенно иллюзорным оказывается и то единственное «документальное» свидетельство хазарской власти в Киеве, которым, со времени публикации Киевского письма, казалось, располагали исследователи. В левом нижнем углу документа начертано шесть знаков, интерпретированных Омеляном Прицаком как тюркское руническое письмо и переведенных как «я прочел» (формула, аналогичная канцелярским пометам в византийской и арабской традициях). Прицак, далее, заключил, что подобную резолюцию на хазарском языке мог наложить в Киеве только человек, уполномоченный удостоверять документы, — хазарский чиновник⁴⁴¹. В момент написания Киевского письма город, следовательно, все еще находился во власти хазар. Не будем терять времени на разбор извилистого пути, приведшего Прицака к дате падения хазарской власти — 930-е годы. Достаточно будет указать, что его прочтение «резолюции» оказалось ложным, да и наложена она была, скорее всего, не в Киеве⁴⁴².

Как бы ни обстояло дело с «хазарской резолюцией», Киевское письмо — важнейший и, как полагают, древнейший оригинальный документ киевской истории. Письмо представляет собой «подорожную», выданную еврейской общиной Киева одному из ее членов, Мар Якову бен Р. Ханукки, для сбора денег в уплату долга. Яков поручился за своего брата, «взявшего деньги у иноверцев». Брата (очевидно, в торговом путешествии) убили разбойники, а с Якова стали взыскивать долг и даже заточили его на год в узилище. Часть долга — 60 закуков — заплатила община, остальные 40 Яков должен был собрать во время своего путешествия.

В отличие от мифического хазарского населения Киева, еврейская колония и еврейский квартал в Киеве достоверно засвидетельствованы письменными источниками⁴⁴³. Начиная с 1113 года еврейский рай-

⁴⁴¹ Голб Н., Прицак О. *Хазарско-еврейские документы X века*, 62–64.

⁴⁴² См.: Constantin Zuckerman, “On the Kievan Letter from the Genizah of Cairo,” *Ruthenica* X (2011), 9–12.

⁴⁴³ См. взвешенный обзор: Alexander Pereswetoff-Morath, *A Grin without a Cat*, vol. 2: Jews and Christians in Medieval Russia — Assessing the Sources [Lund Slavonic Monographs, 5] (Lund, 2002).

он Киева, примыкавший к Жидовским воротам, несколько раз упоминается в летописи. Его формирование (на основании ряда косвенных данных) относили к XI веку. Публикация в 1982 году Киевского письма, и еще больше его сенсационная датировка первой четвертью X века, заставили существенно удревнить возникновение еврейской общины Киева, передвинув его на рубеж IX–X веков. Подобные идеи были встречены с доверием: появление евреев в Киеве ожидаемо вписывалось в контекст владычества Хазарского каганата, за полвека до того принявшего иудаизм в качестве государственной религии. Правда, полтора века, отделяющие Киевское письмо от других свидетельств о киевских евреях, оказалось нечем заполнить.

Надо сказать, что такая ранняя и настолько определенная дата Киевского письма (около 930 года) не была достигнута анализом его содержания или внешнего облика, но вытекала из ряда специфических представлений об истории Восточной Европы комментатора, Омеяна Прицака. Сам первооткрыватель и издатель документа, Норман Голб, был гораздо осторожнее в суждениях. Он отмечал «большую древность», «уникальное начертание букв» и «архаическую раввинистическую специфику еврейских идиом текста». На основании подобных наблюдений Голб заключил, что Письмо не принадлежит к XI или XII веку, и предположил его «более раннее происхождение», возможно даже X век⁴⁴⁴.

Большого палеография не в состоянии предложить. Но в Киевском письме все же есть датирующий признак, долгое время остававшийся незамеченным. Недавно Константин Цукерман обратил внимание на единицу счета, в которой авторы письма исчисляют стоимости — закук (мн. ч. закуким), неточно переведенную издателем как «монета». Закук, как указывает исследователь, означает меру ценных металлов или серебряный слиток; начиная с конца XII века он был равен *marca puri argenti* — германской марке. В XI веке употребление этого термина в текстах единично, для X века он вовсе неизвестен. Для нашей темы также важно следующее наблюдение: закук фигурирует исключительно в среде западных ашкеназийских евреев. На востоке он совершенно неизвестен: среди всех многочисленных документов ка-

⁴⁴⁴ Голб Н., Прицак О. *Хазарско-еврейские документы X века*, 36.

ирской генизы, богатых подробностями хозяйственной и финансовой деятельности, Киевское письмо — единственное, где он упомянут. Наиболее ранний случай обнаруживается в правиле р. Гершома из Майнца († до 1028), сохраненного в составе сборника правил р. Иехуды бен Меир га-Когена (середина XI века). Все другие ранние упоминания относятся к началу XII столетия (р. Шмуель бен Меир из Труа (1080-е — 1150-е), р. Елиезер бен Натан из Майнца (1090-е — 1170-е)) и последующему времени⁴⁴⁵.

Таким образом, предположительно «хазарское» Киевское письмо не просто находится вне своей культурной среды, но и почти на столетие опережает первое упоминание термина закук и на два столетия — время распространения этой счетной единицы. Представляется крайне сомнительным, чтобы «хазарские» евреи Среднего Приднепровья уже в самом начале X века оперировали не только термином, возникающим на столетие позже на западе Европы, но также счетной и весовой денежной системой, характерной для ашкенази. Этого достаточно, чтобы подвергнуть сомнению как принятую датировку письма, так и его происхождение из «еврейско-хазарской» среды. Если мы согласуем Киевское письмо с хронологией других текстов, упоминающих закук (XII век), окажется, что мы одновременно совмещаем его со временем расцвета исторически засвидетельствованной еврейской колонии Киева (XII век), связанной многими нитями с ашкеназийскими общинами Западной Европы⁴⁴⁶. Из изолированного и лишенного всякого контекста свидетельства, требующего для своего объяснения почти цирковой изобретательности исследователей, Киевское письмо становится «нормальной» частью достоверного исторического пейзажа.

Рассмотренные три группы — христиане-варяги, хазары, евреи — принадлежат к числу наиболее популярных в историографии обывателей Киева. Увы, приходится признать, что историография — в отличие от реального города X века — оказывается единственной пригодной для них средой обитания.

⁴⁴⁵ Constantin Zuckerman, "On the Kievan Letter from the Genizah of Cairo," 19–23.

⁴⁴⁶ См.: Александр Кулик. Евреи Древней Руси: источники и историческая реконструкция. *Ruthenica* VII (2008), 52–70.

10. КОНЕЦ ВОСТОЧНОЙ ТОРГОВЛИ И НАЧАЛО РУСИ

альная торговля между Балтикой и Каспием возникла в результате поисков предприимчивыми скандинавами источников серебра. Таким источником оказалась замечательного качества полновесная арабская монета, дирхем, в больших объемах чеканившаяся монетными дворами Халифата. Путь к ней из Финского залива, через Ладогу и вдоль Волги был разведан в конце VIII века, и с тех пор в обратном направлении, на север Восточной Европы и далее в Скандинавию, потекла река восточного серебра. Постепенно вдоль торгового пути возникли пункты обмена с местным населением, стоянки судов, зимовки, постоянные поселения. Все большее количество «искателей серебра» прибывало в Восточную Европу, оставалось на длительное время, а то и поселялось навсегда. В IX веке на Волжском пути сформировалось сообщество скандинавских работорговцев, называвших себя русами.

Серебро питало торговлю русов, и от объемов его предложения зависела ее интенсивность. Наибольшего подъема восточная торговля достигла с началом X века, когда в Средней Азии утвердилась новая династия правителей — Саманиды, начавшие чеканку собственного дирхема. Принадлежавшие им монетные дворы Самарканда, Бухары, Балха и Шаша обеспечили невиданный прежде приток монеты в Восточную Европу — миллионы дирхемов. Питаемая неиссякаемой серебряной рекой, торговля вдоль Волжского пути процветала, да так, что серебро даже выплескивалось через край. Дирхем начинает поступать в иные торговые системы Восточной Европы, не связанные с восточными рынками. В первом десятилетии X века он достигает Киева, где за довольно короткое время, с 905 по 955 годы, выпадает девять крупных кладов, содержащих в общей сложности до 17 тысяч монет⁴⁴⁷.

Первые признаки надвигающейся катастрофы ощутили на периферии, в Киеве: после 955 года приток дирхема внезапно прекратился. Лишней монеты на Восточном пути уже не было. Вдоль Волги серебро продолжает поступать на север, но напряжение становится заметно и здесь: в шведских кладах второй половины X века большинство

⁴⁴⁷ Thomas S. Noonan, "The Monetary History of Kiev in the Pre-Mongol Period," 395–396.

монет оказывается чеканенными до 950 года⁴⁴⁸. Большие запасы старой монеты, накопленные на Востоке, какое-то время еще обеспечивают ее приток. Но после 970-х годов поступление дирхема в Восточную Европу начинает неуклонно падать и к 1015-му прекращается совершенно. Восточная торговля перестала существовать.

Исчезновение дирхема связано с так называемым «среднеазиатским серебряным кризисом». Начиная с 950-х годов монетные дворы Саманидов существенно сокращают выпуск монеты, так что к концу столетия от бывшей полноводной реки остается только тонкий ручеек⁴⁴⁹. Причины этого явления называют различные: истощение серебряных рудников, неблагоприятные политические события в Центральной Азии, упадок экономики государства Саманидов.

Коллапс восточной торговли был столько же экономической, сколько и социальной катастрофой, глубоко задевшей волжских русов. Археологические исследования свидетельствуют, что к 1000 году прекращают свое существование все раннегородские центры севера Восточной Европы, связанные с дальней торговлей. Жизнь на этих поселениях прекращается, а на смену им приходят другие, основанные на новых местах укрепленные города, связанные с совершенно иной системой отношений — власти и доминирования над населением и территориями. Исчезновение арабского серебра вызвало тектонические сдвиги во всей Восточной и Северной Европе. Когда в Поволжье приходят в упадок торговые центры, аналогичные процессы регистрируются и на Балтике: в Швеции на смену торговой Бирке приходит королевская Сигтуна, в Дании Шлезвиг сменяет Хедебю. То же происходит и с центрами, подконтрольными днепровской руси: жизнь замирает в Шестовице на Десне, Гнездове на Днепре, Рюриковом городище на Волхове, а рядом с ними возникают Чернигов, Смоленск, Новгород. Серебряный голод (а именно арабская монета, в конечном итоге, балансировала шелковую торговлю с Византией) привел к серьезным потрясениям и на Днепровском пути. На рубеже нового тысячелетия

⁴⁴⁸ Thomas S. Noonan, "Fluctuations in Islamic Trade with Eastern Europe during the Viking Age," 251.

⁴⁴⁹ Roman K. Kovalev, "Dirham Mint Output of Samanid Samarqand and its Connection to the Beginnings of Trade with Northern Europe (10th century)," *Histoire et Mesure* [Monnaie et espace], vol. 17, no. 3–4 (2002), 197–216.

перестройке подвергается вся система социальных и экономических отношений, базировавшаяся на дальней торговле. Пространство, ранее принадлежавшее «торговым компаниям», начинают осваивать раннегосударственные образования с помощью характерных для них институтов королевской (княжеской) власти, вооруженной дружины, регулярной дани с населения, контроля над территорией и т. д.

Трудно не предположить, что конец восточной торговли привел к глубокому кризису, а может быть, и к распаду сообществ русов, действовавших на Волжском пути. Напротив, днепровская русь, сохранившая свою экономическую основу в виде торговли с Византией, оказалась затронута переменами в гораздо меньшей степени. С исчезновением восточной торговли и волжских русов на севере Восточной Европы образовался вакуум власти и экономической организации. Единственной консолидированной силой в Восточной Европе оказались киевские росы.

Это и было «окно возможностей» для образования Киевского государства.

В исторических терминах несколько десятилетий, окружающих 1000 год, представляют собой «эпоху Владимира Святославича». С долгим правлением этого князя, умершего в 1015-м, связаны несколько глубоких преобразований, в конечном итоге превративших торговую компанию киевских росов в территориальное государство. К сожалению, вопреки решающему значению, которое княжение Владимира имело для будущего Руси, мы располагаем крайне скудными сведениями о событиях этого времени. «Эпоха Владимира» представляет собой классический «черный ящик»: мы знаем, что было «на входе» около 980 года (когда Владимир утвердился в Киеве) и что оказалось «на выходе» в 1015-м, когда он скончался, но практически не представляем, что «внутри»: как, почему и в какой последовательности совершались преобразования, приведшие к наблюдаемому результату.

Но даже если бы об этой эпохе не сохранилось никаких письменных свидетельств, мы все равно знали бы, что около 1000 года в Восточной Европе впервые возникает политическая организация, которую можно без особых оговорок именовать государством. К археологическим признакам появления государства, как правило, относят чеканку монет, изготовление печатей и plomb, начало монументального храмового и дворцового строительства, а также матери-

альные следы масштабных общественных работ, демонстрирующих способность власти организовывать и подчинять население: сооружение пограничных валов большой протяженности, крепостей и т. д., кроме прочего, свидетельствующее о возможности перемещать значительные массы населения по велению центральной власти. Все это впервые возникает и создается в правление Владимира.

Когда Владимир захватил власть в Киеве, он унаследовал традиционную структуру владений росов, знакомую нам по описанию Константина Багрянородного. Русь по-прежнему сосредоточена на контроле над Днепровским путем и двумя его «воротами»: Новгородом на севере (куда был отправлен Владимир) и Киевом на юге (где княжил его старший брат Ярополк). В момент смерти Владимира Русь представляла собой обширное государство, контролируемое сетью княжеских столов, принадлежащих представителям династии киевских князей. Семья Владимира монополизировала право на политическую власть в Восточной Европе. Летопись относит эту «реформу» ко временам, близким к крещению 988 года, и представляет ее как почти «моментальный» акт: Владимир одним жестом рассадил своих сыновей по различным городам. Поскольку обретение княжеского стола связано с физическим взрослением княжичей, надо думать, территориализация династии началась ближе к концу правления Владимира — около 1000 года или даже в начале следующего столетия. В распределении столов все еще прочитывается стремление надзирать за важнейшими торговыми путями Восточной Европы: по Западной Двине в Балтику (где в Полоцке был посажен Изяслав), по Волге (где в Ростове оказался Ярослав, а затем Борис), на выходе из Дона в Черное море (где в Тмутарокане сидел Мстислав). На рубеже нового тысячелетия Киев поглощает ресурсные зоны, пути сообщения, инфраструктуры и все, что осталось от некогда процветавших торговых сообществ русов, в том числе и самого значительного из них — волжского. Это, впрочем, не было слиянием двух компаний с захватом бизнеса более слабого партнера. Скорее это можно сравнить с оккупацией корпоративной штаб-квартиры, покинутой сотрудниками. Другая часть Владимировых «назначений» убеждает, что к 1000 году для Киева все большее значение приобретает контроль над территориями и населением, чем объяснялось бы установление княжеских столов в центрах, никогда с дальней торговлей не связанных: в Турове на Припяти,

Владимире на Волыни, в Древлянской земле. Этой «второй волной» накрыло некогда самостоятельные «славинии», восточнославянские племена, чьи собственные формы политической организации были ликвидированы именно в это время, а население и территории попали под непосредственное управление из Киева.

Упадок дальней торговли уже сам по себе провоцировал поиск новых экономических источников и форм их извлечения. Территориализация стала естественным замещением старых методов и технологий. Но, вероятно, не без значения оказалось еще одно нововведение «эпохи Владимира»: крещение и возникновение в Восточной Европе структур византийской церкви. Ее территориальная организация могла послужить моделью для формирования пространственной структуры княжеской династии, разворачивавшейся параллельно и одновременно с ней.

Совершавшаяся в эпоху Владимира территориализация княжеской династии была не только новым явлением, но во многом и экспериментом. Возникшая структура оказалась по каким-то причинам не вполне удовлетворительной. За исключением Новгорода, приобретения на севере не оправдали ожиданий. Во всяком случае, в следующих двух поколениях — Ярослава и его сыновей — династия и ее главные центры очевидным образом вновь перемещаются к югу. Ярослав и его брат Мстислав устанавливают свои столы в Киеве и Чернигове. Сыновья Ярослава распределяют между собой Киев, Чернигов, Переяславль, Владимир на Волыни и Смоленск. После 1000 года в Среднем Приднепровье формируется «Руская земля» с тремя ее главными городами — Киевом, Черниговом и Переяславлем — которая в течение следующих двух веков будет служить ядром династических владений Рюриковичей.

Это, впрочем, начало совсем другой истории — Киевской Руси.

ЭПИЛОГ

ЧЕРТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КИЕВСКОЙ РУСИ

Историки различают «прошлое», под которым понимают поток минувших событий, и «историю» — письменный или устный рассказ о них. Они спорят, совершалось ли прошлое в виде историй, или же это только привычка человеческого ума: упорядочивать хаос событий, выстраивая их в цепочки историй. О чем историки не спорят, так это о том, что лучшего способа представить прошлое, чем рассказать о нем историю, не существует.

В этой книге было мало истории, то есть повествования о событиях в их хронологической и логической последовательности. Преимущественно речь шла о тех отдельных и, к сожалению, разъединенных огромными пробелами фрагментах прошедшего, которые удастся восстановить с некоторой достоверностью. А также о том, почему древнейшее прошлое Восточной Европы нельзя излагать так, как заведено — пересказывая Повесть временных лет. Здесь, в окончании книги, самое время рассказать другую историю.

В отличие от прошлого, истории имеют свои начала и окончания. Наша история начинается во времена, которые применительно к северу Европейского континента именуются Эпохой викингов, а на востоке вполне могли бы называться Эпохой варягов. На исходе VIII века пространство, которое мы сегодня мыслим под названием «Европа», представляло собой неоднородную и весьма пеструю картину, где соседствовали территориальные государства, народы и племена. Наиболее простая и понятная современникам граница проходила между «миром христианства» и миром варваров. «Христианский мир», он же — мир цивилизации, охватывал собой приблизительно то пространство, которое оставила в наследство великая Римская империя классических времен. Римское наследие было, впрочем, по-

делено между тремя империями раннего Средневековья: Ромейской, Франкской державой Каролингов и арабским халифатом. Границы государств разрезали бывшие римские владения в разных направлениях. Арабы захватили большую часть Испании, африканские и ближневосточные провинции. Франки завладели Галлией и подчинили себе земли германцев. Византия, уступив славянам Фракию и Иллирию, сохраняла господство над Малой Азией и Грецией, соперничая с франками за владение Италией.

Внешняя граница «цивилизации» проходила по Эльбе, верховьям Дуная, Балканам, рассекая Европу с севера на юг. Эта граница разделила континент на два различных мира. К югу и западу, несмотря на все варварские завоевания, сохранялись традиции и авторитет христианской церкви, престиж императорской власти, иерархическая структура управления. Продолжали существовать (хотя и в глубоком упадке) когда-то построенные римлянами города, функционировали старые римские дороги. Потомки завоевателей — лангобардов, франков, славян — жили бок о бок с потомками романизированного населения. Бывшие военные вожди варваров получили новые громкие титулы и правили теперь от имени христианского бога. Они покровительствовали монастырям, где монахи продолжали хранить осколки латинской учености.

Иная картина открывалась к северу и востоку. Там лежали необъятные пространства, покрытые девственными лесами. То был «мир варваров», неизвестный и опасный. Здесь, на огромных территориях от ледовитых северных морей до черноморских степей, жили народы, говорившие на славянских, балтских, финно-угорских языках. Это была «ничейная земля». Здесь не было больших городов или крупных государств. Немногочисленное население, разбросанное по необозримой территории лесов, жило в примитивных поселениях вдоль рек, прячась в случае опасности в небольших укрепленных городищах. Каков был социальный строй этого населения, были ли у него вожди или царьки, чья власть простиралась бы дальше одного дня пути или охватывала несколько городищ, можно только гадать: «киммерийская мгла» лежит над Восточной Европой. Из нее возникали и по широкому клину степей, тянущемуся от Волги до Паннонии, одна за другой накатывались на христианский мир волны кочевников: аваров, болгар, печенегов, венгров.

Когда на западе Европы начинается Эпоха викингов и отряды скандинавских пиратов наводят ужас, грабя монастыри и города, а сбиваясь в огромные армии, опустошают целые провинции и сокращают власть христианских государей, на востоке континента появляются люди, именующие себя русами. Сведения о них отрывочны и случайны. Они позволяют заключить, что русы не принадлежат к числу туземных народов Восточной Европы, они являются пришельцами из каких-то северных стран, а археология подсказывает, что их материальная культура — скандинавская. Русы немногочисленны, подвижны, предприимчивы и воинственны. Что влечет этих людей в Восточную Европу? Здесь, в отличие от Запада, не было ни богатых монастырей, ни старых городов; зато пространства были огромны, климат — негостеприимен, трудности передвижения значительны, а население — бедно. Преодоление препятствий, впрочем, сулило многое: за Восточноевропейской равниной открывался мир Востока с его баснословными богатствами.

Появление в Восточной Европе выходцев из Скандинавии совпадает с началом притока на север — в район Балтийского моря и в Скандинавию — арабской серебряной монеты. Серебро поступает вдоль Волги, а его источник скандинавы обнаруживают в Хазарии — мощном полукочевом государстве, контролирующем Северный Кавказ, Поволжье, прикаспийские и приазовские степи, а вместе с тем и главные торговые пути региона. Достаточно быстро русы находят общий язык с хазарами. Во всяком случае, первое письменное известие о русах застает их в 838 году в составе посольства кагана к византийскому императору. По какой-то причине русы не смогли вернуться из Константинополя прежним путем и были — уже с византийским посольством — отправлены к франкскому императору в Ингельгейм. Здесь выяснилось, что они — «свеоны», и русов заподозрили в том, что на самом деле они не послы, а лазутчики. Вероятно, в каком-то смысле так оно и было. В этот начальный период русы, достигнув Хазарии, пытаются разведать, что лежит дальше: новые торговые пути, рынки, а если повезет, то и объекты для нападения.

Разведка 838 года, в результате которой русы вывели путь с берегов Волги в Черное море и узнали о существовании Константинополя, имела последствия. В 860 году флот русов численностью в двести кораблей напал на столицу Византийской империи и, ограбив окрест-

ности Константинополя, беспрепятственно ушел. Можно думать, что «флот 860 года» был сродни «великим армиям» викингов на Западе: он являлся союзом различных вождей и их флотов, объединивших усилия специально для грабительского похода. Как и западные армии, «флот 860 года» просуществовал, можно думать, достаточно продолжительное время. С ним вероятно связывать известное из восточных источников нападение русов после 864 года на южное побережье Каспийского моря. Во всяком случае, византийским властям спустя несколько лет после набега на Константинополь удалось разыскать нападавших и склонить кого-то из них к крещению. Следующий раз армия подобных размеров соберется только через шестьдесят лет: в 913 или 914 году русы на пятистах кораблях спустились по Волге и вышли в Каспийское море. Разделившись на несколько отрядов, они много месяцев безнаказанно грабили южные берега Каспия и, насытившись, отправились на север. Здесь их перехватили и уничтожили хазары, хотя остаткам армии удалось уйти дальше, вверх по Волге.

Формирование «больших армий» было все же эпизодическим явлением для русов. Их повседневность состояла в дальней торговле. В лесах Восточной Европы они заготавливали пушнину, отлавливали или другим образом добывали рабов, которых сбывали на юг, выменивая на полновесный арабский дирхем. Дальняя торговля требует соответственной инфраструктуры: нужны стоянки для кораблей, нужен их ремонт, нужны пункты сбора товаров и обмена с аборигенами. Если экспедиция неожиданно затянулась, необходимо иметь безопасное место для зимовки. В IX веке подобные стационарные «фактории» единичны, но через сто лет вдоль Волжского пути возникнет цепочка поселений, обслуживающих сложный логистический механизм восточной торговли русов. Дальняя торговля формировала особенный тип людей, соответствующие стратегии адаптации и способы выживания и как следствие — своеобразное «фронтирное» сообщество, казавшееся сторонним наблюдателям «народом», но на самом деле представлявшее собой торговую ассоциацию.

Питавшее восточную торговлю скандинавов серебро приходило с Ближнего Востока, через Кавказ и Хазарию. Судя по значительным объемам вывозимой на север монеты, торговля процветала. Так продолжалось в течение ста лет. Но начиная с рубежа 870—880-х годов поток серебра внезапно истощился, и ближневосточный дирхем пере-

стал поступать в Восточную Европу. Начался так называемый «первый серебряный кризис», продолжавшийся в течение двух с лишним десятилетий. Замену ближневосточной монеты найдут в 900-х годах, и окажется ею дирхем, чеканенный в монетных дворах Средней Азии. Он будет поступать совершенно отличным от прежнего путем, и главным источником его станет для русов расположенная в среднем течении Волги Булгария. Эти новые дирхемы позволяют возобновить, и притом в гораздо больших объемах, торговлю вдоль Волжского пути.

«Первый серебряный кризис» хронологически совпадает с появлением русов на Днепре и с основанием ими нового центра в Киеве. Надо думать, упадок традиционной торговли вдоль Волжского пути спровоцировал их на поиски других возможностей для торговли, не зависящих от восточного серебра, а следовательно, на освоение нового пути и нового рынка. Днепровский путь выводил к Черному морю и Константинополю. Византия привлекала русь возможностью с прибылью упражнять оба главных умения воина-купца: торговать и служить наемником в армии. Достаточно скоро киевская русь наладила контакты с Константинополем, закрепленные в 911 году формальным договором предводителя киевской руси по имени Олег с императорами. Следующий договор был заключен в 944-м вождем руси по имени Игорь.

На Среднем Днепре русь оказалась на пограничье, разделяющем в Восточной Европе лес и степь: в окружении славянских племен и в опасном соседстве с кочевыми печенегами. Современные документы рисуют нам киевскую русь как численно небольшую группу работорговцев, сосредоточенную в единственной принадлежавшей им «крепости» на самой кромке восточноевропейской степи. О сколько-нибудь точной демографии этого сообщества говорить, разумеется, нет возможности, но немногие цифры, имеющиеся в нашем распоряжении, согласно подталкивают именно к такому выводу. Так, в течение X века киевские росы отправляли в Константинополь ежегодно не более 50 купцов. В неудачной византийской экспедиции против Крита 911 года участвовало 700 росов (вероятно, двенадцать кораблей), в составе экспедиции 935 года в фему Лангобардия было 415 воинов на семи кораблях, в экспедиции на Крит 949 года — 584 роса на девяти кораблях, а в отправлявшемся в Италию флоте Лиутпранд из Кремоны отметил в 968 году только два корабля росов (около 120 человек).

Относительно немногочисленное военно-торговое сообщество вполне могло навязать собственные интересы окружающему славянскому населению. Но едва ли днепровская русь ответственна за крупные военные предприятия, в частности большой пиратский флот, действовавший в 941—944 годах на Черном и Каспийском морях. Откуда прибыл «флот 941 года» — неизвестно. Византийцы обнаружили его только в начале июня у самого входа в Босфор. Как утверждают источники, в первом же сражении у Босфора византийцы нанесли флоту росов поражение, но разгромить или даже вытеснить из своих пределов армию росов им не удалось. В течение нескольких месяцев, высаживаясь с кораблей, росы опустошали малоазиатское побережье Черного моря, азиатский берег Босфора, возможно, проникли и в Мраморное море. Только с наступлением сентября, когда приближалось окончание навигации, они решили прекратить поход, но на обратном пути потерпели еще одно поражение в морском сражении у Фракийского побережья. Тем не менее, «флот 941 года» сохранился как военная структура и просуществовал еще несколько лет. Он переправился в Каспийское море и в 943—944 годах подошел к побережью Азербайджана. Поднявшись вверх по реке Кура, русы атаковали и захватили город Бердаа, который удерживали достаточно продолжительное время, отбивая все нападения. К этому времени в армии оставалось еще три тысячи человек (около пятидесяти кораблей). То, что этот флот пришел из Византии, где уже имел опыт торговли пленниками, доказывает одна деталь: русы предложили выкупать пленных по двадцать дирхемов за человека, что оказалось всем известной ценой христиан. Покинуть Бердаа росов вынудила разразившаяся среди них эпидемия. После того как флот ушел, местные жители раскапывали могилы росов и добывали из них ценные мечи.

В историографии принято считать, что поход 941 года был организован из Киева и возглавлял его князь Игорь. Основные источники, описывающие нападение, не утверждают этого: ни хроника Симеона Логофета, ни Продолжатель Феофана, ни Продолжатель Амартола, ни Житие Василия Нового. Только писавший много позже Лев Диякон вложил это предположение в вымышленную речь Иоанна Цимисхия. Подобным же образом рассудил, читая сообщение Продолжателя Амартола, летописец Сильвестр, и наука пошла по его стопам. Но византийцы знали, что «большой флот» росов, как правило, нападает на

Константинополь, выходя из Азовского моря через Керченский пролив, и «флот 941 года» пришел тем же путем. Поэтому когда в 970 году на Балканах появился новый флот русов, предводительствуемый Святославом, император Иоанн Цимисхий (или хронист Лев Диакон его устами) предлагал Святославу Игоревичу «удалиться в свои области и к Киммерийскому Боспору» тем же путем, каким бежал и предыдущий флот⁴⁵⁰. Византийские источники называют совершенно фантастическую цифру в десять тысяч судов росов (600 тысяч человек). Даже если количество кораблей завышено во много раз, в 940-х годах в Киеве просто не было достаточных людских ресурсов, чтобы обеспечить численность подобного флота. Игорь не мог командовать этим набегом. Летом 944-го, когда «флот 941 года» все еще воюет на Каспии, Игорь находится в Киеве и отправляет посольство в Константинополь. Судя по тому, что византийцы подписывают достаточно благожелательный по отношению к Киеву договор, они не возлагали вину за нападение на вождя днепровских росов. Последние, к тому же, все время предполагаемой войны служат в византийской армии и даже несут караул в императорском дворце (при нападении на Константинополь в 1043 году все росы из предосторожности были высланы из города).

Как и на Волге, русь на Днестре предпочитала пиратству разменную и регулярную торговлю. С наступлением ноября росы во главе со своими вождями выступали из Киева и отправлялись в полюдье — круговой объезд подвластных или союзных славянских племен. Полюдье завершалось в апреле, и в распоряжении росов оказывалось достаточное количество рабов и, возможно, каких-то других товаров, чтобы снарядить караван кораблей в Константинополь. Рабов сбывали в Константинополе в обмен на шелк. Компактный, легкий и невероятно дорогой, шелк ценился местными князьками и их приближенными, а получить его они могли только из рук руси, монополизировавшей шелковую торговлю с Византией. Часть шелка, вероятно, обменивалась на новых рабов, часть отправлялась далее на север и обменивалась на арабское серебро. На следующий год цикл повторялся.

Во второй половине 950-х годов разразился новый серебряный кризис. Серебряные копи Средней Азии оказались истощены чрез-

⁴⁵⁰ Лев Диакон. История, 56.

мерной добычей металла, монетные дворы Самарканда, Бухары, Балха и Шаша резко сократили выпуск дирхема, и поток монеты в Восточную и Северную Европу стал неумолимо ослабевать. В Швеции клады не содержат дирхемов, чеканенных после 950 года, в киевских кладах отсутствуют монеты, выпущенные после 955-го. Исчезновение серебра влекло за собой стремительное сокращение дальней торговли и тем самым подрывало основы существования военно-торговых сообществ русов. Трудно не сопоставить поразительное хронологическое совпадение с началом серебряного кризиса возросшей активности киевской руси, впервые наполняющей их историю какими-то событиями. В 957 году во главе большого посольства княгиня Ольга отправляется в Константинополь, где принимает крещение. С этим же временем ассоциируются занесенные в летопись неясные припоминания о столкновениях Киева с прежде покладистыми славянскими племенами (древлянами), а также о путешествии Ольги на север, в Новгород, и установлении ею каких-то «погостов», «даней», «оброков» и «ловищ». Если за этими сообщениями стоит реальность, то мы вправе прочитывать ее как попытки компенсировать падение доходов от угасающей дальней торговли за счет эксплуатации других, внутренних, ресурсов. Вполне вероятно, что этот эксперимент не принес ощутимых и быстрых результатов. Во всяком случае, в непродолжительном времени наблюдаем переход руси к характерной для раннесредневековых политических образований «экономике грабежа», при которой значительную, если не решающую, часть доходов получают в виде военной добычи, захваченной в процессе регулярных, часто ежегодных, нападений на окружающие народы.

Продолжающийся серебряный голод понуждал к отчаянным действиям. По совпадению, обе группы руси — и волжская, и днепровская — в конце 960-х одновременно совершают нападения на регионы, прежде служившие им источником благосостояния. Как сообщает арабский путешественник и географ Абу-л-Касим Ибн Хаукаль, в 358 году хиджры (ноябрь 968 — ноябрь 969) русы вместо того, чтобы по обычаю прийти с торговыми намерениями, обрушились войной на Булгарию и Хазарию. Они взяли штурмом и разрушили Булгар. Затем спустились по Волге и взяли штурмом столицу Хазарии Итиль, после чего вышли в Каспийское море и на дагестанском побережье разорили древнюю столицу хазар город Семендер. Этот набег, положивший, как

полагают, конец политическому существованию Хазарского каганата, приписывают киевскому князю Святославу, предпочитая совершенно фиктивный рассказ летописи, а также ее вымышленную хронологию достоверным сведениям Ибн Хаукаля, современника событий, а кроме того — человека, получившего информацию из первых рук путем расспрашивания о произошедшем хазарских беженцев.

В то время, когда рушилась Хазария и жители ее городов в страхе разбегались, Святослав воевал на Балканах. В 968 году, по сообщению византийских источников, он напал на Болгарию и, разорив многие города и села, захватил огромную добычу. В следующем году Святослав вновь появился в Болгарии, захватил столицу государства Преслав и взял в плен Бориса и Романа, сыновей царя Петра. Святослав оставался на Балканах до лета 971 года, когда под давлением византийцев его флот вынужден был уйти с Дуная.

Военное давление на болгарские и хазарские города не могло, разумеется, поправить дело и восстановить восточную торговлю вдоль Волги. Источник кризиса находился далеко от Хазарии. Серебро из Средней Азии приходило во все меньших объемах, и к исходу века с восточной торговлей было покончено. Конец Волжского пути имел разрушительные последствия. К завершению X века поселения, связанные с дальней торговлей с Востоком, приходят в упадок, а затем и прекращают свое существование. Похожие потрясения испытывают и центры, подконтрольные днепровской руси. Однако, в отличие от волжских русов, чье сообщество растаяло с исчезновением восточной торговли, днепровская русь выстояла и пережила серебряный кризис, сохранив свои структуры.

Среди факторов, обеспечивших большую устойчивость киевской руси и, в конечном итоге, их конкурентное преимущество перед другими группами, можно назвать несколько. Прежде всего их главный торговый контрагент — Византия — сохранился, и она по-прежнему способна была обеспечивать поставку тех товаров, которые служили традиционными предметами торговли руси. Если объемы обмена и пострадали с общим кризисом дальней торговли, то постоянный приток прибавочного продукта все же не был утрачен и обеспечивал как само сохранение сообщества, так и его главенствующее положение в регионе. Но, вероятно, решающим оказался специфический тип организации днепровской руси. С самого начала, как мы видели, кон-

троль здесь был сосредоточен в руках компактной группы людей, объединенных родственными связями, которых византийские источники именуют архонтами (то есть вождями, начальниками, предводителями) росов. Можно думать, лидерство здесь, по крайней мере на начальном этапе, не было наследственным. Во всяком случае, предводитель в поколении договора 911 года Олег не являлся прямым предком лидера поколения 944 года Игоря. А то обстоятельство, что в 950-х годах во главе сообщества обнаруживаем женщину, Ольгу (а не, скажем, вполне взрослого сына Игоря Святослава), говорит, что мы имеем дело еще не с княжеским родом в привычном для нас образе Рюриковичей последующего времени. Но с течением времени и накоплением опыта общения с развитыми государственными традициями такая родственная группа имела тенденцию к обособлению и превращению из вожаков в правителей. Хотя княжеская династия как политический институт, основывающий свою власть на контроле над людьми и территориями, а также связанные с княжеским родом представления об исключительности, избранности, монопольном праве на власть и непререкаемом авторитете сформировались в процессе территориальной экспансии Киева в начале XI века, к надиру восточной торговли киевская русь подошла возглавляемая людьми, уже готовыми конвертировать экономическое преобладание в политическое господство.

В течение нескольких поколений статус лидера достигался (вероятно, благодаря каким-то отличительным личным качествам), но не присваивался при рождении. И хотя претендент, надо думать, рекрутировался из числа родственников, сама эта группа была довольно аморфной и включала в себя людей, объединенных родством как по мужской, так и по женской линии. После Владимира Святославича мы имеем дело с династией: закрытым клубом, членство в котором возникает в момент рождения, а доступ извне невозможен. Можно думать, следовательно, что параллельно с территориализацией совершалась и перестройка правящей элиты, отстранившая от власти прежних «акционеров» компании. Что произошло с процветавшими в середине X века многочисленными «родственниками Игоря» и «родственниками Ольги», неизвестно. Возможности здесь разнообразные: их могли перебить во время неудачно сложившегося полюдья (например, в земле древлян); они могли погибнуть вместе со Святославом на Порогах в трагическом финале его балканской войны или в результате какой-то

нам неизвестной внутренней борьбы; наконец, просто потерять статус в конкуренции с возвышающейся семьей Владимира. Произошло ли падение этого класса стремительно, в результате какого-то события, или было растянутым во времени процессом — оно оказалось полным и окончательным.

На этом, собственно, и заканчивается история, которую рассказывает настоящая книга. Торговая компания превратилась в христианское государство, остальное — история.

УКАЗАТЕЛЬ*

А-Я

Абаскун, г. 142 Аббасиды, династия 179 Аварский каганат 114 авары 115, 127, 129, 130, 303 Аделсё, о. 152 Адуд-ал-Дауле, эмир 254 Азеведо, Константино Перейра де 236 Азербайджан 310 Азовское море 85, 87, 117, 149, 218, 311 Аландские о-ва 162 Алания 18, 206 аланы 197 Алексей I Комнин, визант. имп. 53, 254 Алеппо, г. 239, 240 Альта, р. 35 Альфред Великий, англосакс. король 173 Амастрида, г. 137, 138 Америка	Северная 108 Южная 108 Англия 18, 39, 144, 169, 232, 255 Восточная 144, 145 Англосаксонская хроника 39, 145, 147 Ангола (тж. Ангольский берег) 231, 234-237 Андрей, ап. 77, 85, 87-90, 92, 95 Андроник, св. 75, 77 Андрощук, Федор 13, 159, 162, 164, 210, 263 Анна Византийская, царица 27 Анна Комнина, визант. царица 254 «Анонимная записка о народах Восточной Европы» 132, 133 Ангария житие 118 Антверпен, г. 192 Антильские о-ва 108 антинорманизм 155 Ариньон, Жан-Пьер 134

* Имена, которые встречаются в книге и на русском, и на украинском языках, объединены в указателе под русской литерой. В других случаях они указаны на том языке, на котором фигурируют в тексте. В указатель внесены также авторы, упомянутые в библиографических сносках, и произведения, упомянутые в тексте (как правило, под именем автора).

- Арістов, Вадим 28, 61
 Арне, Туре 113
 Артамонов, Михаил 116, 117, 126, 200
 Архангельск, г. 178
 архонт (титул) 131
 Аскольд, легенд. кн. 9, 19, 32, 48, 50, 57, 83, 85–87, 96, 174, 195, 291
 Атлантический океан (тж. Атлантика) 103, 233, 237
 Афиногенов, Дмитрий 281
 Африка 108, 233, 236–238
 Атлантическое побережье 237, 238
 Ахматов, Иван 195
- Багдад, г. 149
 Байе, г. 144
 Байер, Теодор 114, 115
 Балканы 76, 230, 303, 311, 313
 Балтийское море (тж. Балтика) 73, 78, 85, 121, 175, 209, 297, 298, 300, 304
 Восточная 118
 Балх, г. 297, 312
 Балхи, Абу Саид 150
 Бантен, г. 107
 Барбо, Жан 234
 Батавия, г. см. Джакарта, г.
 Батиста, Педро Жоао 236
 бек (титул) 128
 Белая Вежа, г. см. Саркел, г.
 Белгород, г. 37
 Белгородка, с. 260
 Белое море 173
 Белоозеро, г. 94, 209
 Бельгия 144
 Бенин 237
 Берген (Бригген), г. 184
 Бердаа, г. 59, 240, 310
 Березки, с. 164
- Берлин, г. 19
 Бертинские анналы 112, 114, 117, 128, 136–138, 236
 Бибииков, Михаил 130
 Бирка, г. 113, 118, 124, 125, 152, 167, 255, 298
 Бичева, с. 224
 Ближний Восток (регион) 223, 308
 (см. тж. Восток, Средняя Азия, Центральная Азия)
 Боба, Имре 76, 199
 Болгария 131, 313
 болгары 130, 131, 197, 303
 Бомбей, о. 107
 Борис I (в крещ. Михаил), болг. царь 127, 131
 Борис Владимирович, кн., св. 35, 46, 54, 67, 300
 Борис, ст. сын болг. царя Петра I 313
 Борре, стиль 165
 Боспор, визант. г. 197
 Босфор, пролив 121, 171, 256, 261, 262, 310
 Бразилия 108, 233, 236
 Бринк, Стефан 219
 Британия 95, 143, 144
 Британские о-ва 110, 170
 Бронькняж, креп. 273
 Бруцкус, Юлий 292
 Брюкнер, Александр 22, 151, 154
 Бугославский, Сергей 23, 35–38
 Будда 167
 бужане 70
 Булгар (тж. Булкар), г. 134, 150, 154, 179, 182, 186, 312
 Булгария (см. тж. Волжская Булгария) 176, 309, 312
 болгары черные 197
 Бухара, г. 179, 297, 312
 Бьёрн (Берно), предвод. викингов 143, 144

- Бьюри Дж. 213
- Вавилонское столпотворение 17, 68
- варяги 19, 36, 50, 68, 73, 78, 85,
86, 93, 94, 96–98, 111, 116, 118,
119, 141, 174, 175, 186, 195, 208,
209, 221, 286, 293, 296, 302
(см. *тж.* викинги, норманны,
скандинавы)
- варажская легенда 18, 44 (см. *тж.*
ПВЛ — призвание варягов)
- Василий I Македонянин, визант.
имп. 75, 128, 129, 130, 131, 141
- Василий II Болгаробойца, визант.
имп. 254, 260, 289
- Василики 248
- Василия Нового житие 131, 141, 146,
310
- Васильев, г. 45
- Васильев А. А. 134, 136
- Васильев М. А. 288
- Васильевский, Василий 134, 137, 138
- Василько Леонович (Василько
Маричинич) 55
- Веланд, предвод. викингов 144
- Великих Моголов империя 106, 124
- Великобритания 135
- венгры 303 (см. *тж.* мадьяры)
- Венеция, г. 110
- Вернадский Г. 117
- Вест-Индия 108
- Вест-Индская компания
(голландская) 108, 233
- Видукинд Корвейский 95
- Византийская империя (тж.
Византия) 9, 11, 45, 73, 85, 88,
112, 114, 134, 138, 141, 154, 176, 186,
198, 200, 204, 207, 214, 216, 220,
230, 239, 243, 245, 248, 249, 250,
252, 253, 255, 258, 262, 264, 286,
298, 299, 303, 304, 309–311, 313
- византийско-русские договоры см.
руско-византийские договоры
- викинги 143, 144, 154, 167 (см.
тж. варяги, норманны,
скандинавы)
- армии викингов 144, 145
- Великая армия 144, 145, 148,
149
- деревенские викинги 167
- флоты викингов 147, 148
- Виктория, брит. королева 124
- Вилкул, Татьяна 43, 64
- Вильгельм Завоеватель, англ.
король 47
- Винчестер, г. 47
- Висла, р. 69, 76
- Витичев, г. 202, 205, 207
- включающий счет (летописный) 37
- Владимир Всеволодович Мономах,
кн. 53–55, 67, 100, 274
- приглашение на княжение
в Киев 99, 100
- Владимир на Волыни, г. 301
- Владимир на Клязьме, г. 161
- Владимир Святославич, кн. 9, 36,
37, 40, 44, 46, 146, 210, 273, 289,
299–301, 314, 315
- крещение 45
- поход к Порогам 36
- поход на Корсунь 36
- Волга, р. 87, 111, 118, 122, 134, 135, 149,
150, 153, 161, 180, 181, 186, 198,
219, 297, 300, 303–309, 311, 312,
313 (см. *тж.* Поволжье)
- Верхняя Волга 166
- Волжская Булгария (тж. Волжская
Болгария) 134, 136
- Волжский путь (тж. Великий
волжский путь) 120, 175, 176, 179,
180, 209, 222, 245, 256, 297, 299,
308, 309, 313

- Володислав, фигурант договора с Византией 45
- Волхов, р. 87, 122, 123, 159, 160, 207, 298
- Волынское княжество 86
- волыняне 70
- Вормс, г. 113
- Восток (регион) 110, 119, 238, 239, 304 (см. *тж.* Ближний Восток, Средняя Азия, Центральная Азия)
- Восточноевропейская равнина 9, 11
- Восточный торговый путь 157, 245, 249, 297
- Всеволод Ярославич, кн. 52, 273
- Всеслав Изяславич, кн. 27
- Вторая мировая война 116
- Второй крестовый поход 88
- Выдубицкий монастырь в Киеве 17, 41, 67, 100
- Высоцкий С. А. 62, 65
- Вышата 45
- Вышгород, г. 67, 202, 205, 209
- вятичи 70, 78, 80, 83, 84, 90, 291
- Галенко О. 220
- Галлия 303
- Гана 237
- Ганг, р. 107
- Гардизи 178
- Гвиана 108
- Гвинейский залив (тж. Гвинейский берег) 231, 233, 234
- Гедеонов С. А. 116, 117
- Генрих II, англ. король 47
- Генрих IV, герм. имп. 254
- Генрих из Блуа, еп. 47
- Генуя, г. 110
- Георгий Пахимер 253
- Георгия Амастридского житие 137, 138
- Германия 136, 232
- Гершом из Майнца, рав. 296
- Гизела, дочь Лотаря II 144
- Гиппиус А. А. 91, 293
- Глеб Владимирович, кн., св. 46, 54, 67
- Гнездово, с. (Гнездовский археологический комплекс) 118, 154, 159, 161, 162, 165, 210, 215, 228, 246, 247, 255, 298
- Говард-Джонстон, Джеймс 212, 213
- Голб, Норман 290, 292, 294, 295
- Голден, Питер 117, 126, 127
- Готфрид, предвод. викингов 144
- Греция 85, 303
- Грушевский, Михаил 10
- Гуго Арльский, король Италии 254
- Гудзонов залив 103, 104, 135
- Гульбище, курган 163
- Густынская летопись 90, 92
- Гутрум, предвод. варягов 145
- даки 18
- Далмация 207
- дальняя торговля 172–174, 176–180, 221, 246, 297, 298, 301, 308 (см. *тж.* работоторговля, шелк) оборот восточной монеты 177, 179, 180 (см. *тж.* серебряный кризис) пушнина 178
- Данелаг, регион 169, 170
- Данилевский, Игорь 13, 47, 91, 199
- Дания 113, 159, 162, 298
- Данте, Алигьери «Божественная комедия» 62
- Двина, р. 87, 173
- Девон 147
- Дерева, летописная обл. 83, 226, 227
- Дерпт, г. 178
- Десна, р. 87, 162, 163, 165, 298

- Десятинная церковь в Киеве 24, 25,
27, 37, 39, 46, 165, 260
Джакарта, г. 107
Дженкинс, Ромили 213
Дир, легенд. кн. 9, 19, 48, 50, 57, 83,
85–87, 96, 174, 195, 291
Днепр, р. 45, 69, 72, 76, 77, 86–88, 95,
99, 111, 118, 121, 134, 151, 153, 161,
164, 165, 180, 198–201, 205–210,
213, 216, 218, 219, 225, 227, 246,
264, 273, 282–285, 298, 309, 311
Днепровские пороги 171, 201, 215,
246, 314
Днепровский лиман 246
Днепровский путь *см.* Путь из
варяг в греки
договоры руси с Византией *см.*
руско-византийские договоры
Дон, р. 117, 136, 149, 200, 218, 292,
300
древляне 9, 69, 70, 80, 82, 84, 194,
216, 226–228, 314
Древлянская земля 227, 301
дреговичи 69, 70, 81, 83, 216
Дристр, г. 54, 55
Дуббельсон, купец 178
Дубенский р-н 224
Дублин, г. 222
Дудо Сен-Катенский 18–20
дулебы 70
Дунай, р. 45, 54, 55, 69, 73, 75, 76, 90,
93, 303, 313

евреи 294–296
еврейско-хазарская переписка 198
Европа 88, 97, 103, 233, 303
 Восточная 11, 12, 17, 18, 20, 53,
 70–72, 78, 81, 82, 92–94, 97,
 105, 106, 108–112, 114, 116–
 121, 123, 124, 128, 134, 136, 138,
 139, 142, 144, 147–149, 151,
 153–155, 157–159, 166–177, 179,
 181, 182, 184–186, 194–196,
 198, 200, 204–206, 208,
 212–215, 218–225, 228, 230,
 233, 236, 239, 241, 245–250,
 254–256, 260, 271, 278, 279,
 280, 281, 288, 289, 291, 292,
 295, 297, 298–309, 312
Западная 169, 221, 223, 225, 229,
230, 238, 296, 304
Северная 165, 222, 233, 246, 256,
298, 312
Северо-Западная 86
Центральная 230
Юго-Восточная 86
Елизер бен Натан из Майнца, рав.
296
Еллинг, стиль 163, 165
Ениосова Н. В. 246, 247
Епифаний, персонаж чудес
 Николая Мирликийского 242,
 243
Епифаний, протоспафарий 254
Еремей, печерский монах 45
Ермолинская летопись 25

Железняк I. М. 293
Житомирская обл. 224
Жозе, Амаро 236
Жуан VI, португ. король 236

Завитневич В. З. 22, 28
Западная Двина, р. 111, 300
Западный Буг, р. 283
Зарубинецкая археологическая
 культура 282
Захария Копыстенский
 «Палинодия» 90
Звіздецький Б. А. 226
Земля Руперта 104
Золотой Рог, залив 256, 257, 261–263

- Зоценко, Владимир 159, 164, 247
- Иаков Мних 37–39
 «Память и похвала Владимиру»
 35–39
- Иаков, пресв. 35
- Иафет, библич. персонаж 78
- Ибн Исфандийар 142
 «Истории Табаристана» 142
- Ибн Русте 132, 133, 178
 «Книга дорогих ценностей»
 132, 150, 250
- Ибн Фадлан, Ахмад ибн ал-Аббас
 37, 111, 135, 179, 181–187, 214, 219,
 220, 233
 «Записка» 134, 181–187
- Ибн Хаукаль, Абу-л-Касим 312, 313
- Ибн Хордадбех 133, 149
 «Книга путей и стран» 149
- Иван IV Грозный, москов. царь 125
- Ивар, предвод. викингов 145
- Игнатий, автор жития 138
- Игнатий, патриарх 141
- Игорь, кн. 44, 45, 48, 51, 61, 94, 96,
 203, 214, 225, 252, 276, 277, 279,
 309–311, 314
 походы руси на Византию 941 г.
 83, 214
 смерть от древлян 9
- Игорь, фигурант договора
 с Византией 45
- идентичности в Средневековье
 155–157, 166
- Иехуда бен Меир га-Коген, рав. 296
- Изборск, г. 94, 209
- Изяслав Владимирович, кн. 27, 300
- Изяслав Ярославич, кн. 35, 273
- Изяславичи, князья 274
- Иларион, митр. 44, 45, 66
- Иллирик 76, 77
- Иллирия 303
- Ильмень, оз. 92, 94
- Ингельгейм, г. 113, 154, 185
 посольство русов-свеонов 112,
 114, 119, 133, 134, 157, 236, 304
- Индия 106, 107, 125, 167
- Иоаким, еп. 30
- Иоанн III Ватац, никейский имп.
 253
- Иоанн Диакон 130, 139, 147
- Иоанн Скилица 55, 62, 136, 242, 243
- Иоанн Цимисхий 310, 311
- Иоанн, митр. 46
- Иоанн, протоспафарий 260
- Иордан 47
 «Гетика» 47
- Иосиф, хазарский царь 136, 198
- Ипатьевская летопись 37, 276
- Ирак 179
- Иран 149, 179
- Ирландия 144, 147
- Искоростень, г. 225–228
- Испания 232, 303
- Истахри 133
- Истрин В. М. 22, 115
- Италия 78, 88, 232, 254, 303, 309
- Итиль, г. 136, 150, 154, 290, 312
- Кавказ 179, 308
 Северный 185
- каган (титул) 125, 127, 128, 130, 131,
 133, 134
- Казембе, Мвата, африк. правитель
 236
- Калайдович К. Ф. 35
- Калькутта, г. 107
- Канем, древнеафрик. гос-во 237
- Карамзин, Николай 10, 114
- Каргер М. К. 291
- Карибские о-ва 108
- Карл II Лысый, король франков 144
- Карл II Стюарт, англ. король 104

- Карл I Великий, король франков 126
- Карл III Простоватый, король франков 145
- Карл III Толстый, король франков 144
- Каролинги, династия 303
- Карпаты 78
- Карпозилос А. 266
- Карский, Евфимий 265
- картография историческая 191–195
- Касанже, гос-во 235
- Каспийское море (тж. Каспий) 87, 142, 148–150, 168, 175, 186, 198, 220, 297, 308, 310–312
- Кассиодор 47
- Каштанов С. М. 53
- Кентербери, г. 147
- Керченский пролив 123, 311
- Керчь, г. 138, 250
- Киев, г. (тж. гос-во) 9, 17, 19, 39, 40, 45, 46, 75, 82, 87, 89, 91–93, 95, 96, 98, 105, 111, 117, 119, 120, 154, 159, 164, 165, 172, 174, 175, 179, 186, 194, 199, 202–205, 208, 210, 216, 217, 219, 220, 225, 227, 228, 240, 247, 255, 259, 260, 264, 271–274, 277, 282, 285–288, 290–292, 294, 296, 297, 299–301, 309–312, 314
- Аскольдова могила 48, 164
- Боричев узвоз 284
- Выдубицкий монастырь 17, 41, 67, 100
- Десятинная церковь 24, 25, 27, 37, 39, 46, 165, 260
- Детинка (гора) 283
- Дирова могила 48, 164
- евреи в Киеве 99, 294, 295
- Жидовские ворота 291, 295
- Замковая гора 283, 284
- Кирилловские высоты 165
- Кудрявец 283
- Олегова могила 48, 164
- Подол 164, 283, 284, 286, 290, 291
- происхождение названия в летописи 45
- Софийский собор 24, 25, 27, 46, 65
- Старокиевская гора 164, 165, 283, 285
- Уздыхальница 283
- хазары в Киеве 291
- церковь св. Ирины 48
- церковь св. Николая в Угорском 48
- Щекавица 48
- Киево-Могилянская академия 10
- Киевская археологическая культура 282
- Киевская митрополия 25, 26, 81
- Киевская Русь 9–12, 19, 82, 86, 89, 93, 103, 109, 112, 117, 120, 146, 149, 163, 174, 175, 185, 186, 191, 194, 195, 197–199, 204, 220, 221, 222, 253, 275, 278, 299, 301
- возникновение государства 12, 151
- Киевское государство см. Киевская Русь
- Киевское княжество 86
- Киевское письмо 291, 294–296
- Кий, легенд. кн. 40, 45, 55
- Кирилл, просветитель 61, 69, 74–76, 199
- Кирилло-Мефодиева миссия 92
- Кирпичников А. Н. 159
- Китай 107
- Климаты, визант. г. 197
- Ключевский, Василий 11, 87
- Книга епарха 248, 249, 251, 255
- Кобищанов Ю. М. 217

- Ковалевский А. П. 135
 Кодекс Юстиниана 248
 Коковцов П. К. 198
 Кольский п-в 173
 Компания Гудзонова залива
 103–106, 135
 Кон, Бернард 125
 Конго, р. 231
 Коновалова И. Г. 196
 Константин V Копроним, визант.
 имп. 250
 Константин VII Багрянородный,
 визант. имп. 19, 45, 62, 81, 82,
 111, 121, 131, 136, 141, 171, 196,
 199, 201, 203, 204, 206, 208–211,
 213–216, 218–220, 228, 229, 243,
 248, 252, 254, 257, 264, 271, 274,
 276, 278, 285, 288, 300
 о внешней и внутренней России
 203–208
 о росах 200–202
 «О церемониях
 византийского двора»
 (тж. «Книга церемоний»,
 «О церемониях») 19, 131, 195,
 244, 253, 259, 275
 «Об управлении империей»
 19, 81, 195–198, 202–213, 215,
 216, 272
 Константин VIII, визант. имп. 260
 Константин IX Мономах, визант.
 имп. 52, 242, 254
 Константин, просветитель
 см. Кирилл, просветитель
 Константина Философа житие 127,
 293
 Константинополь, г. 26, 40, 44, 46,
 54, 56, 62, 86, 88, 112, 114, 116,
 119, 121, 131, 136, 139, 140, 141,
 154, 165, 180, 201, 202, 218, 219,
 241, 243–245, 247–249, 251, 252,
 255–258, 261, 272, 274, 279, 280,
 286, 287, 289, 304–309, 311, 312
 Большой дворец 52, 53, 288
 Влахернский дворец (тж.
 Влахерны) 257, 261
 Ильи св. церковь 289
 Константина форум 262
 Ксилокерк (ворота) 261
 Ликос (ручей) 263
 Маманта св. (квартал, тж.
 монастырь) 244, 260–263
 нападение руси 860 г. 144–149
 Новая церковь 288
 Софийский собор 289
 Феодосия гавань 263
 Корнуолл 147
 Коровель, урочище 162
 Корсунь, г. 40, 88, 138
 Костомаров, Николай 29
 Кремона, г. 251
 кривичи 70, 78, 79, 81–83, 95, 194,
 210, 216
 Крит, о. 248, 309
 Кропоткин В. В. 246, 247
 Крут, Иоганн 115
 Крымская война 1854–1856 гг. 121
 Куба 108
 Кузенков П. В. 139
 Кулик, Александр 296
 Куник А. А. 27, 115
 Кура, р. 310
 Курск, г. 246
 Курта, Флорин 73
 Лаврентьевская летопись 100, 276,
 278, 293
 Лавров П. А. 293
 Ладога, г. 17, 94–96, 111, 118, 119,
 123–125, 166, 172–175, 186, 209,
 225, 297
 Ладожка, р. 160

- Ла-Манш, пролив 144
 Лангобардия 309
 лангобарды 303
 Лев VI, визант. имп. 52, 212, 251, 253, 288
 Лев Диакон 248, 310, 311
 Лев, примикий 260
 Левобережье (Днепра) 72, 205, 283
 Леонид, архим. 242
 Леонтий, легенд. митр. 46
 Лесково, с. 164
 Летописец вскоре патриарха
 Никифора 48, 57
 Лжедиогенович Второй 54
 Лжелеон 55
 Листвин, с. 224
 Литаврин Г. Г. 213, 261
 Лиутпранд Кремонский 130, 251, 252, 309
 Лихачев, Дмитрий 31
 «Сказание о распространении
 христианства на Руси» 31
 Ловать, р. 123
 Лондон, г. 147
 Лотарь II, король Лотарингии 144
 Лука-Райковецкая археол. культ.
 72, 283
 Лушин В. Г. 49–51
 Любарский р-н 224
 Любеч, г. 202, 205, 209, 272
 Любечский съезд 1097 г. 274
 Людовик I Благочестивый, король
 франков 112, 113
 Людовик II, франк. имп. 128–131
 лютичи 69, 78
 ляхи 69, 78, 82

 Мавеннарах, ист. обл. 179
 Мадрас, г. 107
 мадьяры 130, 131, 197, 250 (см. тж.
 венгры)

 мазовшане 69, 78
 Македония 74
 Македонская династия
 (в Византии) 286
 Макормик, Майкл 223, 228, 230,
 238, 239
 Малая Азия 230, 303
 Мали 237
 Малингуди, Яна 51, 52, 288
 Малфрида 27
 Мар Яков бен Р. Хануки 294
 Масуди 136, 142, 149, 150
 Матамба, гос-во 235
 Матузова В. И. 173
 Мельникова Е. А. 88
 Меотида 198 (см. тж. Азовское
 море)
 меря 95
 Месемврия, г. 261
 Мефодий, просветитель 61, 69,
 74–76, 199
 Мефодия житие 74
 Милютенко Н. И. 27, 37, 38
 Михаил III, визант. имп. 75, 139–141
 Михаил Керуларий, патриарх 242
 Михаил Пселл 242
 Михаил, легенд. митр. 46
 Михайлов К. А. 255
 Михайловское, с. 159, 161
 Мозамбик 236, 237
 Молдаван А. М. 44
 Молуккские о-ва 107
 Монгольская империя 125
 Монреаль, г. 104
 Морава, р. 69, 76
 Моравия 76, 132, 227
 Мордия 198
 Москва
 Архангельский собор Кремля
 28
 Мраморное море 139, 256, 257, 310

- Мстислав Владимирович, кн. 27, 67,
300, 301
Муктадир, халиф 181
Мустансир, халиф 254
- Назаренко А. В. 27, 39, 62, 112, 117,
129, 279, 280
Нант, г. 147
Начальная летопись 34, 58, 66–68,
95, 197, 264, 266
Невольничий берег (в Африке) 231
Нестор, автор «Чтения о Борисе и
Глебе» 46
Нидерланды 108
Никифор III Вотаниат, визант. имп.
53
Никифор Фока, визант. имп. 251,
252
Никифор, митр. 53
Никифор, патриарх 250
Николай I, папа 140
Николай Мирликийский, св. 241,
243
Никольский Н. К. 31, 242
 «Сказание о переложении книг
 на словенский язык» 31
Нитра, г. 222
Новгород, г. 9, 17, 19, 37, 43, 45, 65,
82, 87, 90, 92–96, 118, 160, 175,
178, 194, 202–204, 207–210, 229,
260, 270, 274, 298, 300, 301, 312
 Софийский собор 65
Новгородская первая летопись
 младшего извода 41–43
Новосельцев А. П. 117, 126
Новый свет (см. *тж.* Америка) 232,
233
Ной, библейский персонаж 68
Норик, римс. провинция 78
Нормандия 19, 145, 169, 170
норманнская дискуссия 155, 156
Норманнское завоевание 47
норманны 18 (см. *тж.* варяги,
 викинги, скандинавы)
Нортумбрия 145
Носов Н. Е. 159
Нунан, Томас 246
Нью-Йорк, г. 229
- Ока, р. 117
Олег, кн. 9, 40, 44, 46, 51, 61, 86, 87,
94, 96, 98, 194, 204, 252, 266, 270,
274, 279, 309, 314
 поход 882 г. 195
Ольга, кнг. 27, 44–46, 62, 210, 225,
253, 256, 257, 263, 264, 275–278,
312, 314
 месть древлянам 9
 посольство в Константинополь
 957 г. 61, 62, 244, 245, 275–277
 эпизод крещения 289
Омейяды, династия 179
Оркнейские о-ва 105
Ортелиус, Абрахам
 Parergon 192
 Theatrum orbis terrarum 192
Ост-Индская компания (брит.) 106,
107
Ост-Индская компания (голланд.)
107, 108
Остромир, дед Яня Вышатича 45
Оттар, норвежский
 путешественник 173
Оттон I Великий, герм. имп. 251
Охрид, г. 46
- Павел, ап. 75, 77, 90
«Память и похвала Владимиру»
35–39 (см. *тж.* Иаков Мних)
Паннония 76, 77, 92, 303
Паннонские жития 74, 76, 199
Паргуар, Жюль 263

- Пелопоннес, п-ов 74, 171
 Пересаж, с. 164
 Переяславль, г. 37, 87, 93, 204, 272–274, 301
 Переяславское княжество 86
 Петр I, болг. царь 313
 Петраускас А. В. 226
 Петровское, с. 159, 161
 печенеги 130, 131, 180, 196, 197, 200, 206, 214, 218, 253, 292, 303
 Печерский монастырь 35, 41
 Пинск, г. 246
 Пиренеи 230
 Плакун, уроч. 160
 Плеханова М. Б. 125
 Повесть временных лет (ПВЛ) 10, 12, 18–22, 24, 28–32, 34, 36–38, 40–43, 47–50, 52–54, 56–60, 66, 68, 70, 73, 74, 77, 78, 82, 89–91, 98, 99, 128, 199, 263–265, 268, 269, 274, 286, 292, 293, 302
 византийские исторические образцы 48, 49, 51, 59, 61, 74–76
 в свете данных археологии 71
 договоры руси с Византией 56, 60 (см. *тж.* руско-византийские договоры)
 древляне в ПВЛ 83
 Древнейший свод 1039 г. 21, 24–27, 31, 35, 37–39, 41
 Древний новгородский свод 21
 искусственность хронологии 49–51
 исследования А. Шахматова 21–23
 историографическая карьера летописи 18
 как *origo gentis* 17
 картографирование летописной картины 70
 Киево-Печерский свод 1073 г. 21
 легенда о проповеди ап. Андрея 91
 летописная география 75–77
 летописная этнография 71–73, 77–82, 84
 миграционный миф 72, 73, 78
 Начальный свод 21, 40–43, 63
 общая летописная канва 9, 10, 17, 18
 параллели с *De moribus et actis primorum Normanniae ducum* 18, 19
 переселение славян 69
 перечень славянских племен 69
 полочане 83
 поляне 82
 призвание варягов 94, 95, 97 (см. *тж.* варяжская легенда)
 проблемы текстологии 29–34
 свод Никона 1073 г. 41
 символика чисел 63
 становление княжеской власти 95
 текстология 42
 топографические ориентиры реконструирования прошлого 47, 48
 хронологическая конструкция летописи 49–52, 56–61, 63, 65–67
 хронологическая симметрия 63
 Поволжье 118, 174, 298, 304
 Верхнее 159, 186
 Поволховые 118, 124, 174
 Погодин, Михаил 35, 114
 Подскалки Г. 89
 Полесье 225–227
 Полкстенъ, креп. 273
 Полота, р. 83
 Полоцк, г. 111, 272, 300

- полочане 70, 81
 Польчуй В. І. 226
 Польша 78
 полюдьє 104, 216–218, 220, 229, 234, 245, 311
 поляне 19, 69, 70, 73, 75–79, 82–85, 90–92, 94, 98, 194, 199
 поморяне 69, 78
 Поппэ А. 45
 Португалия 232
 «Послание некоего отца духовному сыну» 35
 походы руси на Византию
 860 г. 48, 119
 907 г. 59
 941 г. 48, 59, 241
 походы руси на Каспий 59
 «Правило церковное митрополита Иоанна» 35
 Правобережье (Днепра) 72, 283
 Пражско-Корчакская археол. культ. 282
 Предкавказье (см. тж. Северный Кавказ) 198
 Предслава, фигурантка договора с Византией 45
 Преслав, г. 313
 Прибалтика (см. тж. Балтика) 173
 Приднепровье 154
 Верхнее 111, 159
 Среднее 11, 93, 95, 159, 162, 172, 174, 179, 180, 224, 227, 246, 290–292, 296, 301
 Приильменьє (см. тж. Ильмень) 111, 174, 209
 Прикаспий (см. тж. Каспийское море) 179
 Приладожье (см. тж. Ладога) 118, 122, 159, 174, 215
 Припять, р. 227, 300
 Приселков М. Д. 22
 Прицак (тж. Прицак), Омелян 119, 126, 290, 292, 294, 295
 Причерноморье 134, 151, 200
 Северное 18, 197
 Продолжатель Амартола 48, 53, 115, 256, 310
 Продолжатель Феофана 115, 131, 136, 141, 200, 310
 Пропонтида 137, 139, 263
 (см. тж. Мраморное море)
 Пруденций 113, 115, 134, 236
 Псков, г. 178, 209, 255
 Путь из варяг в греки 81, 85–89, 92, 162, 194, 195, 208–210, 245, 246, 249, 255, 256, 285, 298, 300, 309
 Путята, тысяцкий 99
 Пушкина Т. А. 246, 247
 работоторговля 219, 220, 222–225, 228, 230–232, 237, 238, 241, 243–245, 311
 португальская 230–235
 цены в Византии 239–241, 244, 245
 Равдина Т. В. 246, 247
 Рагнар, предвод. викингов 147
 радимичи 70, 80, 83, 90, 291
 Ранке, Леопольд фон 19
 Ревель, г. 178
 Регенсбург, г. 225
 Рибе, г. 113
 Рига, г. 178
 Рим, г. 88–90
 Римская империя 303
 Ровенская обл. 224
 Рогволд, предвод. варягов 111
 Рогнеда, мать Ярослава Владимировича 27
 Ролло (Хрольф), предвод. варягов, первый герцог Нормандии 18, 145

- Роман II, визант. имп. 212
- Роман IV Диоген, визант. имп. 54
- Роман, сын болг. царя Петра I 313
- Романов Б. А. 248
- Ромейская империя 303 (см. тж. Византийская империя)
- Роменско-Боршевская археол. культ. 72, 283
- Рорик, предвод. викингов 145
- Ростислав Владимирович, кн. 44
- Ростов, г. 87, 161, 175, 272, 300
- росы (тж. русы, русь) 131, 139, 140, 196–198, 201–203, 205, 214–216, 218, 229, 236, 299, 300
- крещение 141, 147
- полюдь 217
- Руперт Пфальцкий, англ. принц 104
- Русинов В. Н. 43
- «Руский каганат» 117, 128
- проблема географической локализации 117–125
- титлатура правителя 125–127
- руско-византийская война 1043 г. 52
- руско-византийские договоры 19, 56, 93, 276
- 1046 г. 55
- 907 г. 217, 266–270, 272, 274
- 911 г. 52, 58, 147, 196, 240, 244, 249, 258, 265, 267, 268, 270, 271, 276, 278, 279, 281, 282, 288
- 944 г. 45, 196, 240, 243, 245, 249, 250, 258–261, 263, 264, 267–269, 271, 272, 274, 276, 278, 281, 287
- 971 г. 54, 55, 58, 241, 269
- датировка 52
- русы (тж. росы, русь) 11, 17, 19, 37, 110–112, 114–116, 128, 133–138, 142, 147–151, 154, 155, 157, 158, 166–168, 176, 178, 180–186, 198, 199, 219, 220, 235, 236, 239–241, 243–245, 247–251, 257, 258, 260, 263, 270, 274, 297, 304, 308, 310, 312, 313
- в арабских источниках 150, 151
- в Константинополе 256–264
- дальняя торговля русов 149, 150, 176 (см. тж. дальняя торговля, работоторговля, шелк)
- первое документальное упоминание 112, 304
- посольство в Византию 911 г. 275
- посольство в Византию 944 г. 275
- посольство в Византию 957 г. 275
- посольство к франкам 839 г. 112–114
- проблема идентичности 155–158
- проблема происхождения 151–155, 157, 158
- титлатура правителя 114, 116
- торговля с Византией 246–251, 256
- этимология названия 152–155
- Русь (гос-во) см. Киевская Русь
- Рыбаков, Борис 32, 117, 219, 227, 257
- Рыдзевская Е. А. 170
- Рычка, Владимир 13
- Рюрик, легенд. кн. 19, 44, 45, 50, 85, 94–96, 145, 175, 194
- Рюрик, правнук Ярослава Мудрого 44
- Рюриковичи, династия 301, 314
- призвание на княжение 9 (см. тж. варяжская легенда)

- Рюриково городище 118, 119, 122,
123, 125, 154, 159, 160, 186, 229,
255, 298
- Сагайдак М. А. 284
- Салернская хроника 129
- Саманиды, династия 179, 180, 246,
297, 298
- Самарканд, г. 179, 297, 312
- Сара, р. 161
- Саркел, г. 136, 199, 200, 292
- Сарское городище 118, 159, 161
- Саскачеван, регион 135
- Сахара 237
- Сахель, регион в Африке 237
- свеоны 112, 153, 236, 304
- Святополк Владимирович, кн. 27
- Святополк Изяславич, кн. 58
мятеж в Киеве после смерти
князя 99
- Святополк, кн. Великой Моравии
132
- Святослав Игоревич, кн. 9, 44, 45,
51, 54, 55, 61, 127, 128, 203, 206,
208, 210, 253, 260, 276, 277, 311,
313, 314
договор с Византией 971 г. 241
- Святослав Ярославич, кн. 44, 273
- Святославищи, кнн. 274
- Севастополь, г. 121
- Северный Кавказ 304
- Северо-Западная компания 104
- северяне 69, 70, 79–82, 194, 217, 291
- Седнев, с. 164
- Седов В. В. 84, 117
- Семендер, г. 312
- Сена, р. 143, 147
- Сенна, регион в Африке 236
- серебряный кризис 297–299, 309,
311
- Сигтуна, г. 298
- Сигурд Крестоносец, норвеж.
король 88
- Сигфрид, предвод. викингов 144
- Сильвестр, игумен-летописец
17, 18, 20, 40, 41, 45–48, 58, 63,
66–68, 74–76, 78–83, 85, 86, 88,
92, 93, 97, 100, 199, 256, 274, 289,
310
- символизм чисел у древних
авторов 62, 63
- Симеон, болг. царь 61, 115, 126, 253
- Симеон Логофет 310
- Синеус, легенд. кн. 94
- Синодальный список 42
- Синоп, г. 88, 89
- сирийцы 153
- Сирия 255
- Сицилия 88
- «Сказание о Борисе и Глебе» 35
- Скандинавия 17–19, 44, 88, 93, 95,
97, 110, 114, 119, 143, 148, 152, 157,
158, 160–162, 168, 170, 173, 177,
182, 215, 219, 224, 255, 297, 304
- скандинавская колонизация
168–170
- скандинавы 5, 88, 93, 97, 111, 113, 114,
120–123, 152, 154–159, 161–163,
165–177, 180, 208, 220, 225,
282, 304, 308 (см. тж. варяги,
норманны, викинги, свеоны,
росы)
археологические следы в
Восточной Европе 158–167
в Англии 170
дальняя торговля скандинавов
172 (см. тж. дальняя
торговля, работоторговля,
шелк)
численность в Восточной
Европе 168, 169
- Скания, о. 18

- Скилица, Иоанн *см.* Иоанн
Скилица
скифы 153
славяне, природа термина в
Средневековье 73
словене 69, 70, 73, 75–77, 81–85, 92,
94, 95, 97, 98
«Слово о законе и благодати»
Илариона 44, 127
Случь, р. 227
Смирнов (тж. Смірнов) П. П. 119
Смоленск, г. 161, 202, 209, 210, 215,
246, 298, 301
Смоленское княжество 86
Соловьев, Сергей 10, 19, 85, 86
Сомма, р. 144
Сорочан С. Б. 242, 250
Спицын А. А. 71, 135
Средиземноморье 85, 176, 223, 230,
237, 239
Средняя Азия 179, 246, 297, 309, 311,
313
Срезневский И. И. 270
Ставиский В. И. 13
Стамбул, г.
 Бешикташ 261, 262
 Долмабахче 261
Старая Ладога, г. 118, 159, 160, 255
Старе Место, г. 222
Старый свет 232 (*см. тж.* Европа
 Западная)
Стефан domestic 35
Стефана Сурожского житие 138
Стрижень, р. 163
Струмински, Богдан 134
Суд, старослав. (пролив Босфор)
 171
Суздаль, г. 93
Сурат, г. 106
Суринам 108
Сурож, г. 138
Тарс, г. 245, 288
Тевтонский орден 178
Тете, г. 236
Тиандер К. Ф. 95
тибетцы 133
тиверцы 70
Тимерево, с. 118, 159, 161, 228
Тисё, г. 113
Титмар Мерзебургский 46
Тихий океан 103
Тихомиров М. Н. 31
 «Сказание о первых русских
 князьях» 31
Тмуторокань, г. 199, 300
Толочко, Алексей (тж. Олексій) 43,
 53, 120, 205, 263
Толочко, Петр (тж. Петро) 13, 72,
 119, 120, 164, 205, 247, 250, 292
Томсен, Вильгельм 115, 116
торговые компании как
 квазигосударства 108–110
Трубеж, р. 87
Трувор, легенд. кн. 94
Туров, г. 300
Туровское княжество 86
тюрки 133
Тюркский каганат 114, 126
Уж, р. 226
узы (народ) 197
Улеб, фигурант договора
 с Византией 45
уличи 70, 82
Урбанчик, Пшемислав 78
Устюжская летопись 31
Фасмер, Макс 73
Феникс, древнеанглийская поэма
 63
Феодосий, патрикий 113
Феодосий Печерский, св. 35, 67

- Феопемпт, митр. 24, 25, 46
 Феофил, визант. имп. 112, 113, 136
 Феофилакт, патриарх 62
 Фессалия 74
 Фехнер М. В. 255
 Филипчук, Александр (тж. Олександр) 138, 201, 213, 239, 258, 288
 Финляндия 215
 финны 152, 154
 Финский залив 123, 153, 173, 297
 Фиц-Нил, Ричард 47
 Фландрия 178, 232
 Фока протоспафарий 260
 Форт Йорк 104, 135
 Фотий, патриарх 138–141
 Окружное послание 867 г. 140
 Фракия 74, 303, 310
 франки 18, 303
 Франкская империя 224, 303
 Франция 18, 144, 145, 169, 232
 Фризия 18
 фронтир 105, 106
 Фукидид
 «История пелопоннесской войны» 171
 Хаган (Кахан), военач. болг. царя Симеона 115
 Хазаран, г. 179
 Хазарский каганат (тж. Хазария) 9, 114, 116–118, 120, 125–128, 131, 134, 136, 176, 179, 197–200, 204, 290–292, 304, 308, 312, 313
 хазары 9, 19, 50, 94, 115, 116, 127, 130, 131, 133, 136, 142, 163, 195, 197–200, 290, 292, 293, 296, 304, 308
 Хакон Рьжий, шведс. правитель 152
 Хальвдан, предвод. викингов 145
 Харавой, обл. 206
 Хасдай ибн Шафрут 136
 Хашина, род каганов 126
 Хедебю, г. 113, 222, 298
 Хельго, о. 167
 Херсон, визант. г. 197
 Хорасан, ист. обл. 180
 хорваты 70
 Хорошкевич А. Л. 178
 Хортица, о. 165
 Хрольф, предвод. варягов 145
 (см. тж. Ролло)
 Хроника Этельварда 39
 Хувгорден, г. 152
 Худуд ал-алам
 «Пределы мира от востока до запада» 133
 Царьград (см. тж. Константинополь) 9
 Центральная Азия 298
 Цимисхий, Иоанн, визант. имп. см. Иоанн Цимисхий
 Цукерман, Константин 34, 119, 120, 126, 129, 295
 Цыб С. В. 57
 Черепнин Л. В. 32
 Черная Булгария 198, 206 (см. тж. Волжская Булгария)
 Черная могила, курган 164, 167
 Чернигов, г. 87, 93, 159, 162–164, 166, 202, 204, 205, 228, 246, 255, 272–274, 298, 301
 Черниговское княжество 86
 Черное море 85, 88, 117, 137, 148, 149, 168, 176, 196, 198, 199, 201, 202, 209, 213, 214, 300, 304, 309, 310
 Черняховская археол. культ. 282
 чудь 95
 шад (титул) 128

Указатель

- Шахматов А. А. 20–30, 35–37,
40–42, 48, 74, 265, 267, 268
критика его текстологических
методов 26, 27, 28, 29
«Разыскания о древнейших
русских летописных
сводах» 21, 26, 30, 35
- Шаш, регион 297, 312
- шведы 112, 154
- Швеция 113, 152, 157, 162, 173, 182,
203, 298, 312
- Шевченко, Игорь 146, 211
- шелк (в торговле) 249–256, 311
- Шепард, Джонатан 113, 119
- Шестовица, с. 159, 162, 163, 165, 228,
255, 260, 298
- Шлезвиг, регион 298
- Шлецер, Август Людвиг 114, 155
- Шмуель бен Меир из Труа, рав. 296
- Шотландия 105
- Эвре, г. 144
- Эллада 171
- Эльба, р. 303
- Эпоха викингов 143, 159, 163, 164,
170, 175, 224, 302, 304
- Эпоха переселения народов
164
- Этельвард, хронист 39
- Ява, о. 107
- Якун, фигурант договора
с Византией 45
- Янин В. Л. 260
- Янсзон, Ингмар 167
- Янь Вышатич 45, 52
- Япония 107
- Ярополк Святославич, кн. 27, 300
- Ярослав Владимирович, кн. 24, 27,
44, 46, 54, 65, 83, 86, 273, 300,
301
- Ярослав Святополкович, кн. 67
- Ярославичи, кнн. 273
- Ярославль, г. 161

A–I

- Androshchuk, Fedir (Fjodor) 113, 159,
168, 224, 226, 246, 255, 256, 260,
289
- Arrignon, Jean-Pierre 134, 201
- Atmore, Anthony 235, 238
- Bálint, Csanád 72
- Barker E. E. 39
- Behrendt, Stephen D. 231, 235
- Biliarsky, Ivan 266
- Black, Jeremy 192
- Blakey, Michael L. 229
- Boba, Imre 76, 199
- Brink, Stefan 143, 219
- Brückner, Aleksander 22
- Brutzkus, Julius 292
- Bury, John Bagnell 211, 213
- Callmer, Johan 148
- Clanchy M. T. 47
- Codoñer, Juan Signes 136, 292
- Cohn, Bernard S. 125
- Coupland, Simon 144–147
- Curta, Florin 72, 73, 76, 230
- Dagron, Gilbert 250, 253
- Danylenko, Andrii 152, 204, 215
- Davidson, Basil 231
- De moribus et actis primorum
Normanniae ducum 18
параллели с ПВЛ 18, 19
- Dolley, Reginald Hugh Michael 266

- Downham, Clare 145
Duczko, Wladislaw 113, 118, 159
- Elsa, Melin 203
- Featherstone J. M. 245
Fellows-Jensen, Gillian 170
Fels, Jon 194
Franklin, Simon 28, 118, 119, 125
- Galbraith, John S. 105
Garipzanov, Ildar H. 113, 114, 156, 289
Geary, Patrick J. 156
Goffart, Walter 47, 192
Golden, Peter 126–128
Green, Toby 231, 234
Groos, Arthur 63
- Hadley D. M. 169
Halsall, Guy 152
Hamid Hassan S. A. 167
Harley, John B. 194
Harper, Kyle 239
Hendy, Michael F. 248, 253, 254
Henning, Joachim 221, 223, 230
Hopper, Vincent F. 63
Horta, José da Silva 235, 238
Howard-Johnston, James 212, 213, 292
Hraundal, Thorir Jonsson 150, 151
- Janin, Raymond 260
Janson, Ingmar 159, 167
Jenkins R. J. H. 266
Jenkins, Richard 166
Jeziersky, Wojtek 39
Jones, Siân 166
- Kaelin, Alexis C. 246
Kaske, Robert Earl 63
Kazhdan, Alexander 54
- Klein, Herbert S. 231
Kovalev, Roman K. 176–179, 246, 298
Kunik, Ernst 115
- Lind, John H. 272
Liutprand of Cremona 252
Lončar, Milenko 203
Lopez, Robert Sabatino 253
Lunt, Horace G. 76
- Magdalino, Paul 257
Malingoudi, Jana 51, 265
Maniatis, George C. 250
Mark, Peter 235, 238
Martin, Janet 178
McCormick, Michael 221, 223, 228, 230, 239, 248, 254
Melin, Elsa 215
Minchin, Susie 231, 232, 234, 238
Montgomery, James E. 149, 182, 185, 233
Muthesius, Anna 250, 253
- Neiß M. 167
Newson, Linda A. 231, 232, 234, 238
Noonan, Thomas S. 128, 173, 177, 179, 182, 246, 247, 285, 297, 298
- Oliver, Roland 235, 238
Ostrowski, Donald 43, 53
- Pargoire, Jules 260, 261
Pereswetoff-Morath, Alexander 294
Petrukhin, Vladimir 130
Pohl, Walter 72, 156
Poppe, Andrzej 26, 271
Postma, Johannes Menne 233, 237
Pritsak, Omeljan 119, 126, 184
- Raev, Mikhail 55
Rawley, James A. 231, 235

Указатель

- Renaud, Jean 170
Rezakhani K. 167
Rotman, Youval 230, 239
Royle, Stephen 104
- Saage R. 167
Sahaydak, Mykhailo 284
Samsonowicz, Henryk 221
Schramm, Gottfried 152
Serreqi, Teuta 203
Ševčenko, Ihor 137, 146
Shepard, Jonathan 113, 118, 119, 123,
125, 255
Skylitzes, John 136
Smyth, Alfred P. 147
Sorlin, Irène 204, 205, 209, 266, 267
Stepanov, Tsvetan 127
Struminski, Bohdan 134
Sundqvist, Olof 167
- Thomsen, Vilhelm 116
Tolochko, Oleksiy P. 288, 289
Treadgold, Warren 138
Twomey, Michael W. 63
- Urbańczyk, Przemysław 72, 78, 156
- Vasiliev, Alexander A. 266
- Wählander L. 167
Wärmländer, Sebastian K. T. S.
167
Westerbergh, Ulla 129
Williams, Gareth 143, 152
Wood, Denis 194
Wortley, John 53, 136
- Zuckerman, Constantine 53, 120, 136,
294, 296

Научное издание

Толочко Алексей Петрович

ОЧЕРКИ НАЧАЛЬНОЙ РУСИ

Литературный редактор *Светлана Гайдук*

Верстальщик *Денис Пиорко*

Художник *Елена Старанчук*

Сдано в набор 12.09.2014. Подписано к печати 15.04.2015.
Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 18,25. Тираж 1500 экз., из них 500 в переплете.
Зак. № 15-121.

Эта книга набрана шрифтом Newton (дизайнер *Владимир Ефимов* при участии *Александра Тарбеева*). Заголовки набраны шрифтом Bravo (дизайнер *Михаил Черета*). Буквицы, титул и шмуцтитулы работы *Елены Старанчук* на основе шрифта Bravo. Художественно-технический редактор *Николай Климчук*.

Редакция выражает благодарность *Богдану Цымбалу* и *Дмитрию Растворцеву* за помощь в подготовке издания и советы.

Издательство «Laurus»

Свидетельство о регистрации ДК № 4240 от 23.12.2011

Телефон: +380 (44) 234-16-30

www.laurus.ua

laurus.info@yahoo.com

Facebook: laurus

Другие издания: issuu.com/laurus_press

Отпечатано в ООО «Типография "Бизнесполиграф"»

Свидетельство о регистрации ДК № 2715 от 07.12.2006

02094, г. Киев, ул. Вискозная, 8

Телефон: +380 (44) 503-00-45